

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

На правах рукописи

Веселов Василий Александрович

Эволюция ядерной политики администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы

07.00.03 – Всеобщая история (новое и новейшее время)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
А.А. Сидоров

МОСКВА – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Формирование и развитие ядерной политики США во второй половине XX века	72
1.1. Роль ядерного оружия в «холодной войне».....	72
1.2. Становление постбиполярного мира: новые вызовы и ответы США (1989-2000 гг.).....	98
Глава 2. Ядерная политика администрации Дж. Буша-мл.	119
2.1. Эволюция стратегии национальной безопасности США в 2001-2008 гг.	119
2.2. Новые реалии XXI века: сдерживание и контрсдерживание.....	132
2.3. Вызовы распространения и политика республиканской администрации.....	157
Глава 3. Ядерная политика администрации Б. Обамы: преемственность и различия	183
3.1. Попытка радикального реформирования ядерной политики: проект «Глобального ноля».....	183
3.2. Вместо «ноля»: контрраспространение и распространение.....	197
3.3. Сдерживание и контрсдерживание в политике администрации Б. Обамы.....	216
Заключение	234
Список сокращений	247
Библиография	249

Введение

Усиление конфронтационности в современных международных отношениях делает актуальным исследование роли ядерного фактора в мировой политике в эпоху «холодной войны» и трансформации взглядов на роль ядерного оружия (ЯО) в качестве внешнеполитического инструмента в постбиполярный период. Возрождение во втором десятилетии XXI в. соперничества великих держав повышает исследовательский интерес к инструментам, используемым ведущими акторами для формирования нового миропорядка¹. Одним из таких инструментов выступает многомерный силовой фактор, частью которого является ядерная политика ведущих государств мира, прежде всего, США. Отражением роли ядерного фактора в формировании нового миропорядка служит эволюция взглядов на роль и место ЯО в обеспечении национальных интересов великих держав. К настоящему времени роль данного фактора в трансформации системы международных отношений не получила должного освещения, хотя сама проблема влияния ЯО на миропорядок имеет долгую историю, насчитывая уже почти три четверти века.

Появление ЯО в середине 1940-х гг. стало одной из главных причин разделения понятий «оборона» и «безопасность» (национальная безопасность) и становления феномена «холодной войны»². После этого роль «продолжения политики» в отношениях между великими державами начали играть не войны, а военно-политические кризисы, ставшие инструментом трансформации системы международных отношений и формирования нового миропорядка. Соответственно ядерная политика – частный случай использования военной силы (и шире – насилия) как инструмента для достижения внешнеполитических целей.

¹ В диссертации используется терминология из работ: Основы общей теории международных отношений / Под ред. А.С. Манькина. – М.: МГУ, 2009. – 589 с.; Системная история международных отношений : в 2 т. / Под ред. А. Д. Богатурова. – М.: Культурная революция, 2006.

² Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945-1991 гг.): очерки истории. – М. : Весь Мир, 2018. – 332 с.

США были не первым государством, приступившим к реализации национального атомного проекта³, но первым, успешно его завершив, и благодаря этому получившим возможность включить новый вид оружия в инструментарий своей внешней политики. Таким образом, ядерная политика США является старейшей в мире, что служит одной из причин интереса к исследованию ее эволюции. Влияние ЯО на «генетический код американской внешней политики» во второй половине XX в. и начале XXI в. можно проследить во всех его основных компонентах, выделенных российскими историками В.О. Печатновым и А.С. Манькиным – мессианстве, прагматизме, и, особенно, принципе «свободы рук»⁴.

Задачи США при формировании нового миропорядка, начиная с первых лет «холодной войны» и по настоящее время можно свести к двум крупным блокам: во-первых, сокращение числа самостоятельных центров принятия решений; во-вторых, уменьшение возможностей тех, кто останется независимым от США. При этом имеются в виду не абсолютные, а относительные возможности противников. «Разность потенциалов» (в количественном и качественном измерениях) должна обеспечивать такой отрыв США от ближайшего соперника, чтобы претенденты на роль самостоятельных центров силы даже не думали о том, чтобы попытаться бросить вызов Вашингтону. Роль ядерной политики в этой структуре – решение второго блока задач, обеспечение необходимой «разности потенциалов» между США и их соперниками.

Истоки этой структуры находятся в стратегии США начального периода «холодной войны». В середине 1940-х гг. Дж. Кеннан выработал формулу, согласно которой из пяти мировых центров силы противник США может

³ Гитлеровская Германия приступила к реализации «Уранового проекта» в сентябре 1939 г., Великобритания начала работы под кодовым обозначением «Тьюб Эллойз» в июле 1940 г., организационное оформление «Манхэттенского инженерного округа» относится к августу 1942 г., хотя подготовительные работы были начаты ранее.

⁴ Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. – М.: Международные отношения, 2012. – С.9-10.

контролировать не более одного⁵. «Разность потенциалов» при этом должна была обеспечивать атомная монополия, а после ее крушения – или восстановление превосходства США, или «обнуление» ядерных потенциалов. Чередование этих подходов прослеживалось на всем протяжении «холодной войны».

После ее окончания сокращение количества независимых от США центров силы осуществлялось либо в мягкой форме – политикой «вовлечения» (engagement) в американоцентричную систему, либо в жесткой – сменой режимов. Соотношение этих инструментов менялось в действиях различных администраций, но «разность потенциалов» обеспечивают те же два подхода – либо стремление к качественному и количественному превосходству США, либо «глобальный ноль». При этом оба они служат средствами установления однополярного миропорядка.

В начале «холодной войны» относительно быстрая ликвидация атомной монополии была одним из факторов, не позволивших миропорядку стать однополярным. В последующем особенности процесса ядерного распространения внесли существенный вклад в формирования биполярной системы международных отношений. После ее распада ядерный фактор вновь не позволил миропорядку стать однополярным, благодаря сохранению Россией своего потенциала, сопоставимого с американским. Предпринятая США в первом десятилетии XXI в. попытка вернуться к проекту однополярного мира вновь оказалась неудачной. В настоящее время администрация Д. Трампа, указывая в своих документах на соперничество великих держав как ключевую характеристику мировой политики⁶, тем самым признает наличие препятствий на пути к гегемонии США в системе международных отношений. При этом мировая политика приобретает все больше черт новой «холодной войны», в

⁵ Gaddis J.L. Strategies of containment: a critical appraisal of American national security policy during the Cold War. – Revised and expanded edition. – NY : Oxford University Press, 2005. – 484 p.

⁶ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 18.03.2019); Nuclear Posture Review 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 18.03.2019).

которой угроза применения ЯО продолжает играть роль средства достижения внешнеполитических целей.

Актуальность исследования. За первые два десятилетия XXI в. в США сменились администрации трех президентов, каждая из которых отличалась собственной расстановкой приоритетов ядерной политики. Каждая администрация вносит свой вклад в развитие военно-стратегических концепций США, взглядов на применение ЯО в качестве средства достижения внешнеполитических целей. Возникшая неопределенность в связи с рядом крупных инициатив администрации Д. Трампа (выход из «ядерной сделки» с Ираном и из Договора о ракетах средней и меньшей дальности (ДРСМД), попытки решения «ядерной проблемы Корейского полуострова», выдвижение идеи о радикальном сокращении ядерных арсеналов США, России и Китая), начало реализации долгосрочных программ, которые будут определять облик стратегических ядерных сил США в ближайшие несколько десятилетий, а также необходимость принятия согласованного решения о продлении действия Договора СНВ, делают актуальным анализ ядерной политики США на значительном временном интервале, что позволяет выделить долгосрочные тенденции и конъюнктурные колебания.

В свою очередь, это позволяет создать базу для прогнозирования дальнейшего развития ядерной политики США. Это имеет важное значение для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

В настоящей работе рассмотрены особенности ядерной политики США в период администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы, а также ее материального наполнения. Это позволяет выявить истоки ядерной политики действующей администрации Д. Трампа и оценить степень ее преемственности по отношению к предшествующим администрациям.

Объект исследования – современная внешняя и оборонная политика США как сверхдержавы, претендующей на единоличное лидерство в мировой политике и способной проецировать мощь в глобальном масштабе.

Предмет исследования – эволюция ядерной политики администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы в контексте подходов США к формированию нового миропорядка.

Хронологические рамки охватывают период от начала президентских полномочий Дж. Буша-мл. в январе 2001 г. до завершения второго срока Б. Обамы в январе 2017 г. Для рассмотрения предпосылок формирования ядерной политики США в начале XXI в. в первой главе проанализирована ее эволюция в эпоху «холодной войны» и в 1990-е гг.

Цель работы – выявление тенденций в развитии ядерной политики США в период с 2001 по 2017 гг.

Исследовательские задачи:

1. Проанализировать становление и развитие ядерной политики США в период «холодной войны».
2. Оценить изменения в мировой политике на рубеже XX-XXI вв. повлиявшие на возникновение концепции «второго ядерного века».
3. Определить характерные черты ядерной политики администрации Дж. Буша-мл.
4. Исследовать эволюцию ядерной политики администрации Б. Обамы.
5. Выявить степень преемственности и различия ядерной политики республиканской и демократической администраций.
6. Оценить «наследие» Б. Обамы и его роль в формировании ядерной политики администрации Д. Трампа.

Методологическая основа диссертации построена с учетом необходимости междисциплинарного подхода к изучению ядерной политики США, рассматриваемой в контексте внешней политики, стратегических концептов и политического оформления военно-стратегических доктрин. Как отмечает российский политолог Н.А. Косолапов, «под методологией в современных науке и теории познания понимаются, во-первых, учение о системе принципов и способов организации какой-либо сферы деятельности

(как теоретической, так и практической); а во-вторых, конкретные набор, комплекс, система конкретных принципов и способов организации данной деятельности»⁷. По мнению отечественного философа О.С. Анисимова, «методология расширяет научный подход, соединяя сложные композиции знания разного типа и поддерживая линию на разделении разных типов знаний и соответствующих им типов мышлений»⁸.

В работе над диссертацией были использованы общенаучные методы⁹ и основные методы исторического исследования, выделенные основателем отечественной школы количественных методов академиком И.Д. Ковальченко¹⁰. Кроме того, при рассмотрении ядерной политики как части политики государства были привлечены традиционные методы, используемые политическими науками, в том числе теории международных отношений. Сообразно предмету исследования, набору эмпирического материала, автор диссертации привлекал также прикладные методы. Целесообразность подобного подхода отмечает Д. Пракаш, указывая, что сочетание различных методов, усиливает действие каждого из них¹¹.

К исследованию эволюции ядерной политики США был применен историко-генетический метод. Его суть, согласно И.Д. Ковальченко, «состоит в последовательном раскрытии свойств, функций и изменений изучаемой реальности в процессе ее исторического движения, что позволяет в наибольшей мере приблизиться к воспроизведению реальной истории объекта... По логической природе историко-генетический метод является аналитически-индуктивным, а по форме выражения информации об исследуемой реальности – описательным»¹². Применение данного метода исследования позволило в ходе

⁷ Косолапов Н.А. Эпистемология и методы анализа // Очерки теории и политического анализа международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталеv. – М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – С.79.

⁸ Анисимов О.С. Методология: функция, сущность, становление. – М. : ЛМА, 1996. – С.9.

⁹ Теория и методы в социальных науках [пер. с англ. А. В. Моткова] / Под ред. С. У. Ларсена. – М.: РОССПЭН, 2004. – 285 с.; Петров Ю.А., Захаров А.А. Методологические принципы теорий. – Озерск : Изд-во ОТИ МИФИ, 2000. – 34 с.

¹⁰ Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003. – 486 с.

¹¹ Prakash D. Practicing pluralism // Qualitative methods in international relations : a pluralist guide / Eds. A. Klotz, D. Prakash. – NY : Palgrave Macmillan, 2008. – Pp. 221-237.

¹² Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 184.

работы вскрыть причинно-следственные связи и закономерности в подходах администраций двух президентов к формированию ядерной политики США.

Рассмотрение политики США в период пребывания у власти разных политических партий потребовало обратиться историко-сравнительному методу. Как отмечает И.Д. Ковальченко: «без сравнения не обходится ни одно научное исследование... Объективной основой для сравнений является то, что общественно-историческое развитие представляет собой повторяющийся, внутренне обусловленный, закономерный процесс. Многие его явления тождественны или сходны внутренней сутью и отличаются лишь пространственной или временной вариацией форм, а одни и те же или сходные формы могут выражать разное содержание»¹³. Использование данного метода позволило выявить отличительные особенности и различия политики администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы по сравнению с их предшественниками, сопоставить подходы к решению одних и тех же внешнеполитических задач, выявить их общие черты и специфику.

Предположение о наличии в ядерной политике США элементов не только изменчивости, но и преемственности потребовало обратиться к историко-типологическому методу исследования. Данный метод, по определению И.Д. Ковальченко, основан на том, «что в общественно-историческом развитии, с одной стороны, различаются, а с другой, тесно взаимосвязаны единичное, особенное, общее и всеобщее»¹⁴. При этом «типологизация как метод научного познания имеет своей целью разбиение (упорядочение) совокупности объектов или явлений на качественно определенные типы (классы) на основе присущих им общих существенных признаков»¹⁵. Историко-типологический метод был, использован при изучении трансформации подходов рассматриваемых администраций решению отдельных задач, в частности, вариантов политики США по противодействию распространению оружия массового уничтожения (ОМУ). Выявление типов поведения в той или иной ситуации лиц,

¹³ Там же. С. 186.

¹⁴ Там же. С. 190.

¹⁵ Там же. С. 191.

принимающих решения в сфере ядерной политики, может служить инструментом прогнозирования военно-политических кризисов с участием США.

Для определения влияния объективных и субъективные факторов, степени воздействия внешней среды и роли внутривнутриполитических сил на выработку ядерной политики США использовался один из общенаучных методов, а именно дескриптивный. Это позволило, в частности, оценить роль террористических актов 11 сентября 2001 г. в корректировке стратегии национальной безопасности США в целом и ядерной политики в частности.

Концептуально диссертационное исследование опирается на положения таких направлений современной теории международных отношений как модификации неореализма. Выбор данной парадигмы обусловлен тем, что в ней уделяется особое внимание методам формирования миропорядка, отвечающего интересам США, роли силового фактора в стратегии национальной безопасности, связи национальной и международной безопасности. В отечественной науке подробное исследование самой парадигмы и ее вариантов предпринято В.Н. Коньшевым¹⁶.

Одной из модификаций парадигмы является «наступательный реализм», представителями которой являются Дж. Миршаймер¹⁷, У. Уолфорт¹⁸ и др., считающие анархию в международных отношениях непреодолимой. Результатом является постоянное стремление к наращиванию силы, переход к экспансии при наличии благоприятного соотношения сил и стремление к гегемонии. Лишь с достижением последней, по мнению Уолфорта, может быть преодолен хаотичный характер мировой политики и возможно установление порядка силой гегемона, которому никто не решится бросать вызов. Другая модификация парадигмы – «оборонительный» реализм, к представителям

¹⁶ Коньшев В.Н. Проблемы мировой политики в концепциях и политической практике американского неореализма : диссертация ... доктора политических наук : 23.00.04. – Нижний Новгород, 2005. – 465 с.; Коньшев В.Н. Американский неореализм о природе войны: эволюция политической теории. – Санкт-Петербург : Наука, 2004. – 372 с.

¹⁷ Mearsheimer J.J. The tragedy of great power politics. – NY : W. W. Norton. 2001. – 561 p.

¹⁸ Wohlforth W. C. The stability of a unipolar world // International security. – 1999. – Vol 24. – No.1. – P. 5-41.

которого относят Р. Джервиса¹⁹, С. Уолта²⁰ и др., не считающих анархию в международных отношениях непреодолимой. Одним из условий преодоления анархии и исключения стремления к гегемонии в системе международных отношений является преобладание возможностей оборонительных средств и стратегий над наступательными (при этом исходным условием служит сама возможность четкого их разделения).

Таким образом, представители «наступательного» и «оборонительного» реализма по-разному видят логику дилеммы безопасности в международных отношениях. Данный концепт был разработан Дж. Герцем вскоре после ликвидации атомной монополии США²¹, которая стала одним из самых убедительных примеров действия дилеммы. Герц показал, как стремление одного государства к большей безопасности за счет других вызывает ответную реакцию и приводит к противоположному результату (т.н. парадокс безопасности). Другими ее примерами служат политические кампании в США под лозунгами «ракетного отставания» и «окна уязвимости» в период «холодной войны», оценки угрозы распространения ЯО и средств его доставки на рубеже XX-XXI вв.²²

В отечественной науке приоритет в исследовании «дилеммы безопасности» принадлежит Т.А. Алексеевой, И.Н. Тимофееву и И.Э. Магадееву²³. В своих работах И.Э. Магадеев приходит к выводу, что дилемма безопасности, «с одной стороны, имеет эвристическую ценность, с

¹⁹ Jervis R. Cooperation under the security dilemma // World Politics. – 1978. – Vol. 30. – No.2. – P. 167–214.

²⁰ Walt S. International relations: one world, many theories // Foreign Policy. – 1998. – No. 110, Special Editio : Frontiers of Knowledge. - P. 29-46.

²¹ Herz J. Idealist internationalism and the security dilemma // World Politics. – 1950. – Vol. 2. – No. 2. – P. 157–180; Herz J. Political realism and political idealism: a study in theories and realities. – Chicago: Chicago University Press, 1951. – 275 p.

²² The coming crisis: nuclear proliferation, us interests, and world order. / Ed. V.A. Utgoff. – Cambridge, MA: MIT Press, 2000. – 319 p.

²³ Алексеева Т. А. Дилеммы безопасности: американский вариант //Полис. Политические исследования. – 1993. – № 6. – С. 16-28; Тимофеев И. Н. Баланс сил, взаимозависимость и идентичность: конкуренция эмпирических моделей решения дилеммы безопасности // Вестник МГИМО-Университета. – 2008. – № 3. – С. 48-59; Тимофеев И.Н. Дилемма безопасности: риск вооруженного конфликта между великими державами // Полис. - 2009. - № 4. - С. 8-34; Магадеев И. Э. Дилемма безопасности во внешней политике Франции во второй половине 1920-х гг. // Исторический ежегодник. 2010. – Новосибирск : Параллель, 2010. – С. 201-210; Магадеев И. Э. Межгосударственная коммуникация и дилемма безопасности на этапе становления Версальской системы международных отношений в начале 1920-х гг. // Исторические записки: Международный сборник научных трудов. Т. 14. – Пенза : ГУМНИЦ, 2010. – С. 234–250.

другой, традиционное ее понимание должно быть дополнено. В него следует включить проблему концепций, через призму которых одно государство рассматривает вооружения другого. Несовпадение подобных концепций может увеличить вероятность возникновения «дилеммы безопасности». Данный вывод ставит проблему восприятия комплекса вооружений как средства обеспечения национальной безопасности, проблему, разработка которой представляется более перспективной, чем анализ «оборонительных» или «наступательных» характеристик того или иного вида вооружения»²⁴.

Данный вывод, сделанный применительно к военно-стратегической ситуации и специфике военно-технических средств обеспечения безопасности 1920-х гг., справедлив для анализа политики ядерных держав, как в период «холодной войны», так и в XXI в. Это не является внешним сходством, а отражает тот факт, что истоки компонентов ядерной политики находятся в доядерной эпохе, т.е. старше самого ЯО, которое первоначально встраивалось в существующие военно-политические и политико-правовые концепции.

Применительно к межвоенному периоду можно рассматривать угрозу стратегических бомбардировок с применением химического оружия как прототип ядерного сдерживания. Предшественником контрсдерживания в тот период были противовоздушная оборона и долговременная фортификация. Если сравнивать процессы распространения ЯО и средств его доставки с развитием стратегической авиации в 1920-е-1930-е гг., то нетрудно заметить, что государства, обладавшие тяжелыми бомбардировщиками, составляли сообщество, аналогичное «ядерному клубу». Модели контрраспространения также происходят из доядерной эпохи. Это относится и к силовым вариантам, и к политико-правовым. В последнем случае проекты установления международного контроля над наиболее опасными видами вооружений, в том числе стратегической авиацией, были очевидным прототипом планов международного контроля над атомной энергией.

²⁴ Магадеев И. Э. Дилемма безопасности во внешней политике Франции во второй половине 1920-х гг. С.210

Дилемма безопасности, с одной стороны, связывает статический и динамический подходы к пониманию безопасности, а с другой – показывает взаимозависимость национальной и международной безопасности, являясь проявлением системного подхода к изучению мировой политики отношений.

Ключевой метод, использованный в диссертации, – историко-системный. Как отмечает И.Д. Ковальченко, «системный характер общественно-исторического развития означает, что все события, ситуации и процессы этого развития не только каузально обусловлены и имеют причинно-следственную связь, но также и функционально связаны»²⁵. При этом автор также опирался на изложение теоретических вопросов системного подхода в коллективном труде «Основы общей теории международных отношений» под редакцией А.С. Манькина²⁶, работах А.А. Кокошина²⁷, А.Д. Богатурова²⁸, Н.А. Косолапова²⁹, М.А. Хрусталева³⁰, в которых определены такие понятия как «миропорядок», «система международных отношений», «сила», «потенциал».

Применение развивающегося в рамках системного подхода структурно-функционального анализа, разработке которого посвятили свои работы Т. Парсонс³¹, Р.Мертон³² и др., позволило выделить структуру ядерной политики. В работе она представлена в виде матрицы из четырех

²⁵ Ковальченко И. Д. Указ. соч. С. 198.

²⁶ Основы общей теории международных отношений / Под ред. А.С. Манькина. – М.: МГУ, 2009. – 589 с.

²⁷ Кокошин А. А. Политика как общественный феномен : формы и виды политики, ее акторы, взаимоотношения с идеологией, военной стратегией и разведкой. – Изд. 3-е, испр. и доп. – М. : Либроком, 2010. – 223 с.;

Кокошин А.А. О системном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям : краткий очерк. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: URSS, 2008. – 86 с.

²⁸ Богатуров А.Д. Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке // Очерки теории и политического анализа международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталева. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – С. 112-128.

²⁹ Косолапов Н.А. Эпистемология и методы анализа // Очерки теории и политического анализа международных отношений / А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталева. – М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – С. 69-84.

³⁰ Хрусталева М.А. Методология системного исследования мировой политики // Современная мировая политика: Прикладной анализ / Отв. ред. А. Д. Богатуров. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2010. – С. 100-121.

³¹ Парсонс Т. Социальная система [перевод с английского]. – М. : Академический проект, 2018. – 529 с.; Парсонс Т. О структуре социального действия : [перевод с английского]. – М. : Академический проект, 2018. – 434 с.

³² Мертон, Р. К. Социальная теория и социальная структура [пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.]. – М. : АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с.

взаимозависимых элементов: распространение, сдерживание, контрраспространение, контрсдерживание (рис.1)³³.

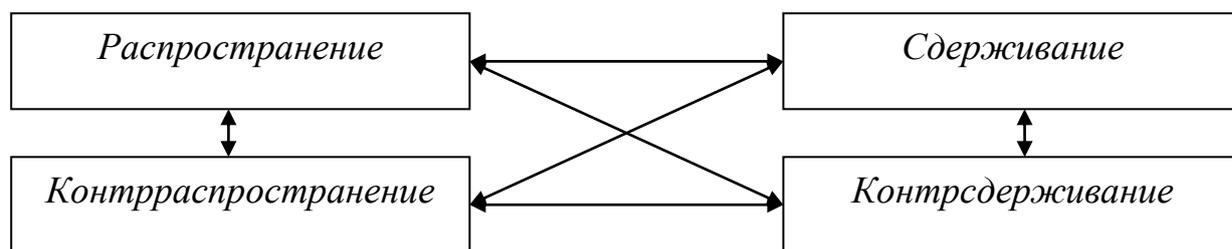

Рис.1

Все элементы – многомерные, в том числе имеют вертикальное и горизонтальное измерения; при этом существуют связи и внутри элементов. Элементы матрицы «работают» попарно. Первый столбец (распространение и контрраспространение) своим совместным действием обеспечивает выгодные для США соотношения сил («разность потенциалов») с другими участниками мировой политики благодаря наращиванию собственных возможностей США (распространение) и сокращению возможностей оппонентов (контрраспространение). Второй столбец (сдерживание и контрсдерживание) обеспечивают свободу рук в мировой политике. Сдерживание позволяет управлять поведением оппонентов путем манипулирования угрозами нанесения неприемлемого ущерба, а контрсдерживание нейтрализует возможности противников аналогичным образом воздействовать на решения, принимаемые в США. Строки матрицы отражают логику «создание-применение», свойственную всем инструментам политики, столбцы – логику «действие-противодействие».

Ни один из элементов матрицы не может рассматриваться изолированно в силу существования связей между ними – прямых, обратных и перекрестных. На это обратил внимание академик А.Г. Арбатов, сравнив сдерживание и распространение с сообщающимися сосудами³⁴. В работах А.Г. Арбатова

³³ Веселов В.А. Ядерный фактор в мировой политике: структура и содержание // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 1. – С. 68-90.

³⁴ Арбатов А.Г. Ядерное сдерживание и распространение: диалектика «оружия судного дня»// Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – №1. – С. 5.

рассмотрена, однако, только часть содержания ядерной политики, а именно первая строка матрицы.

Распространение - политика приобретения ядерного оружия, средств его доставки и обеспечивающей инфраструктуры. Первый элемент матрицы, с которого начинается ее формирование, имеет два измерения. Вертикальное – количественное и качественное развитие ядерного потенциала. Горизонтальное измерение – увеличение количество территорий, на которых находится ЯО. Во-первых, это количество государств, обладающих собственным ядерным потенциалом. Во-вторых, это размещение ЯО за пределами национальной территории. Данный компонент горизонтального распространения важен с точки зрения его влияния на другие элементы матрицы ядерной политики, прежде всего, сдерживания – т.н. расширенное сдерживание, предоставление ядерной державой гарантий безопасности своим союзникам.

Сдерживание (deterrence) - политика применения ядерного оружия. Сдерживание – управления поведением противника посредством угрозы нанесения ему неприемлемого ущерба³⁵. Сдерживание не было новшеством ядерной эпохи, но с появлением ЯО радикально изменился размер потенциального ущерба, что позволяло создать достаточный психологический эффект, для того, чтобы противник был вынужден отказаться от своих намерений. Данный элемент матрицы также имеет два измерения: теоретическое – разработка концепций; практическое – планы применения ядерных сил и их отражение в информационном пространстве как средство воздействия на оппонентов.

Контрраспространение – политика государств, направленная на противодействие приобретению ЯО и средств его доставки иными акторами международных отношений (в период «холодной войны» и 1990-е гг. – государственными, в XXI в. добавились также негосударственные).

³⁵ Бужинский Е.П., Веселов В.А. Трансформация сдерживания и контроль над вооружениями: к вопросу о концепции неприемлемого ущерба в современных условиях // Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. А.А. Кокошина. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – С. 205–225.

Контрраспространение включает все формы противодействия распространению ЯО, как силовые (исторически первая форма контрраспространения), так и политико-правовые в различных форматах: меры, принимаемые в одностороннем порядке; меры, принимаемые совместно с союзниками вне международных режимов; участие в международных режимах.

Контрсдерживание – политика противодействия применению ЯО ядерными державами-несоюзниками США. Логически вытекает из предыдущего элемента матрицы как следствие неудачи мероприятий по контрраспространению. Его цель – создание условий, обеспечивающих для США свободу рук в мировой политике, даже в условиях взаимного сдерживания, за счет обесценивания потенциалов, которыми располагают противники. Содержание контрсдерживания составляют все возможные меры, направленные на лишение противоположной стороны возможности наносить ущерб, т.е. осуществлять сдерживание США. К концу «холодной войны» ключевыми компонентами контрсдерживания стали противосиловой потенциал наступательных средств (способность нанести обезоруживающий удар по противнику; уничтожение средств нападения, наносящих ущерб) и ПРО (перехват оставшейся части наступательных сил противника при попытке нанести ответный удар). При этом контрсдерживание сложно разделить со сдерживанием, поскольку, начиная с 1980-х гг., большая часть стратегических ядерных сил (СЯС) США предназначена для решения обеих задач.

Четвертый элемент матрицы объединяет с третьим общая цель – предотвратить ущерб, который может нанести противник, обладающий ЯО. Различие же состоит в том, что контрраспространение должно предотвратить появление у противника средств, способных нанести неприемлемый ущерб, а контрсдерживание предполагает наличие таких средств у него в том случае, если контрраспространение не сработало³⁶. Отражением внутренней связи во второй строке матрицы служат средства, разрабатываемые с начала XXI в. в

³⁶ Веселов В.А. Ядерный фактор в мировой политике: структура и содержание // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 1. – С. 68-90.

США официально в целях контрраспространения (для поражения подземных хранилищ ОМУ), но одновременно способные решать задачи контрсдерживания – уничтожать шахтные пусковые установки и командные пункты СЯС противника.

Источниковая база исследования. Для решения задач исследования были привлечены различные источники, которые могут быть сведены в три неравные по объему группы: официальные документы; публикации в прессе, включая статьи и выступления представителей академического сообщества; источники личного происхождения. Значительная часть использованных источников хранится в электронном виде и доступна по сети Интернет.

Официальные документы, в свою очередь, также делятся на две неравные по объему группы: международно-правовые акты и документы органов государственной власти США. К числу использованных международно-правовых актов относятся многосторонние и двусторонние договоры и соглашения, в которых участвуют США: Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО, 1968 г.), Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ, 1996 г., в силу не вступил), Совместный всеобъемлющий план действий с Ираном (СВПД, 2015 г.); договоры с СССР и Россией об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений, Договор по ПРО (1972 г.); Рамочное соглашение США с КНДР (1994 г.) и соглашение с Индией о сотрудничестве в сфере атомной энергии (2005 г.)³⁷.

³⁷ Договор о нераспространении ядерного оружия. Одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года. Открыт для подписания 1 июля 1968 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 18.03.2019); Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний. Открыт для подписания 24 сентября 1996 г. (в силу не вступил). URL: https://www.ctbto.org/fileadmin/user_upload/legal/treaty_text_Russian.pdf (дата обращения: 18.03.2019); Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), Вена, 14 июля 2015 г. Приложение А к Резолюции 2231 (2015) от 20 июля 2015 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2231\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2231(2015)) (дата обращения: 18.03.2019); Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1). Подписано в Москве 26 мая 1972 г. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-1.txt> (дата обращения: 18.03.2019); Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО). Подписан в Москве 26 мая 1972 года. URL: <https://base.garant.ru/2541127/> (дата обращения: 18.03.2019); Совместное советско-американское заявление. Принято во Владивостоке 24 ноября 1974 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/vl-agr.txt>; Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Подписан в Вене 19 июня 1979 г. URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt> (дата обращения: 18.03.2019); Договор

К числу международных актов также относятся документы таких организаций как ООН и Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), прежде всего, по проблемам противодействия распространению ЯО и средств, в том числе резолюции Совета Безопасности ООН, а также сопутствующие им материалы, раскрывающие позиции сторон, в том числе США.

Материалы органов государственной власти США делятся на документы органов исполнительной власти и материалы Конгресса. Особенностью ядерной политики США является более высокая, по сравнению с другими сферами деятельности, роль исполнительной власти в ее выработке и реализации, что находит отражение в источниковой базе настоящего исследования. Документы исполнительной власти включают директивы и иные акты президентов, документы аппарата Совета национальной безопасности (СНБ), доклады министерств и ведомств президенту и Конгрессу США.

Специфика темы исследования такова, что многие источники постбиполярного периода остаются закрытыми. Если материалы периода «холодной войны» становятся все более доступными, то в отношении документов текущей политики в США наблюдается обратное явление. Так, при администрации Трампа два ключевых военно-политических документа США, бывшие ранее публичными – «Национальная военная стратегия» и

между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. Подписан в Вашингтоне 8 декабря 1987 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 18.03.2019); Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Подписан в Москве 31 июля 1991 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/start-11a.htm> (дата обращения: 18.03.2019); Договор между Российской Федерацией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2). Подписан в Москве 3 января 1993 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/dogovor.htm> (дата обращения: 18.03.2019); Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений (СНВ-3). Принято в Хельсинки 21 марта 1997 г. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/10262> (дата обращения: 18.03.2019); Договор между Российской Федерацией и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Подписан в Москве 24 мая 2002 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sort.htm> (дата обращения: 18.03.2019); Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). Подписан в Праге 8 апреля 2010 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/512> (дата обращения: 18.03.2019); Agreed Framework between the United States of America and the Democratic People's Republic of Korea, 21 October 1994. URL: <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/Others/infcirc457.pdf> (дата обращения: 18.03.2019); Joint Statement Between President George W. Bush and Prime Minister Manmohan Singh. July 18, 2005 URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/07/20050718-6.html> (дата обращения: 18.03.2019)

«Национальная оборонная стратегия» – стали закрытыми, первый – полностью, второй – частично.

Тем не менее, материалы, находящиеся в открытом доступе, могут служить ценным источником для анализа ядерной политики в силу особенности, о которой сказал министр обороны США Г. Браун: «Очевидно, что детали нашего планирования должны оставаться тщательно охраняемым секретом. Тем не менее, базовые предпосылки нашей политики могут излагаться публично без ущерба для нашей безопасности. В действительности, это в наших интересах, чтобы и друзья и противники четко понимали нашу политику сдерживания, в том числе возможные последствия агрессии»³⁸.

К числу «тщательно охраняемых секретов» относятся конкретные планы применения вооруженных сил. Последние по времени разработки планы, находящиеся в открытом доступе в полном объеме, относятся к периоду 1945-1950 гг.³⁹ Последний частично рассекреченный план применения ядерных сил относится к 1969 г. (SIOP-4E)⁴⁰. Последняя рассекреченная президентская директива по политике применения ядерных сил датирована 1981 г.⁴¹

В то же время, поскольку цель сдерживания – формирование у противника определенных образов будущего, даже недетализированная открытая информация о подходах к применению ЯО служит инструментом политики. Кроме того, в США практикуются дозированные утечки в СМИ некоторых деталей закрытых документов, для усиления достоверности воздействия. Таким образом, имеющаяся в открытом доступе фрагментарная информация позволяет делать определенные выводы о содержании концепция сдерживания и ядерной политики США с целом.

³⁸ Secretary of Defense Harold Brown. Remarks delivered at the Convocation Ceremonies for the 97th Naval War College Class. Newport, Rhode Island. August 20, 1980 // US nuclear strategy : A reader / Ed. Ph. Bobbitt et al. – London : Macmillan, 1989. – P.410.

³⁹ America's plans for war against the Soviet Union, 1945-1950. A 15-volume set, reproducing in facsimile 98 plans and studies created by the Joint Chiefs of Staff / Ed. S.T. Ross, D. A. Rosenberg. – NY : Garland Pub., 1989-1990.

⁴⁰ Joint Staff Briefing of the Single Integrated Operational Plan (SIOP), 27 January 1969. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-1.pdf> (дата обращения: 18.03.2019)

⁴¹ National Security Decision Directive 13. Nuclear Weapons Employment Policy. October 19, 1981. URL: <https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2013-104-doc01.pdf> (дата обращения: 18.03.2019)

Процесс рассекречивания основного массива закрытых документов в соответствии с временным интервалом, установленным законодательством США, в настоящее время охватывает администрацию Р. Рейгана. Использование современных цифровых технологий делает рассекреченные материалы все более доступными для исследователей, в т. ч. в сети Интернет. На сайтах органов исполнительной власти США имеются специальные разделы – «электронные читальные залы» (Freedom of Information Act electronic reading room), обеспечивающие доступ к рассекреченным документам. Для темы настоящего исследования наиболее ценными являются «залы» министерства обороны⁴², государственного департамента⁴³ и ЦРУ⁴⁴. На сайте министерства обороны представлены документы Комитета начальников штабов (КНШ), министерств видов вооруженных сил и функциональных командований, оборонных агентств. Среди материалов государственного департамента – документы по проблемам распространения и контрраспространения, а архиве ЦРУ – «Национальные разведывательные оценки» (National Intelligence Estimate, NIE), посвященные анализу процессов распространения ЯО и средств его доставки, оценки ядерного потенциала СССР, документы завершающего периода «холодной войны».

Ценным источником являются неопубликованные документы, собранные в «Цифровом архиве национальной безопасности США» (Digital National Security Archive) созданном при Университете Джорджа Вашингтона⁴⁵. Архив содержит документы Совета национальной безопасности, министерства обороны, государственного департамента, ЦРУ. Доступ к документальным базам данных осуществляется по подписке, но в течение многих лет сотрудники архива готовят и публикуют на своем сайте аннотированные тематические подборки документов (electronic briefing book) по наиболее

⁴² Freedom of Information Act Electronic Reading Room. URL : <https://www.esd.whs.mil/FOID/Reading-Room/> (дата обращения: 18.03.2019).

⁴³ Virtual Reading Room. URL: <https://foia.state.gov/Search/Search.aspx> (дата обращения: 18.03.2019).

⁴⁴ Freedom of Information Act Electronic Reading Room. URL : <https://www.cia.gov/library/readingroom/home> (дата обращения: 18.03.2019).

⁴⁵ Digital National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/digital-national-security-archive> (дата обращения: 18.03.2019).

важным проблемам истории «холодной войны», в т.ч. военным конфликтам и военно-политическим кризисам, гонке вооружений, распространению ЯО, выработке и принятию в США ключевых решений в сфере национальной безопасности и т.д.⁴⁶

Среди опубликованных архивных документов, прежде всего, следует отметить выпускаемые исторической службой государственного департамента сборники «Внешняя политика Соединенных Штатов Америки» (Foreign Relations of the United States, FRUS), формируемые по тематическому принципу и издаваемые сериями по администрациям⁴⁷. Помимо материалов самого внешнеполитического ведомства, в них представлены личные документы президентов, материалы СНБ, министерства обороны и других органов исполнительной власти. В настоящее время почти завершена публикация материалов администрации Дж. Картера и размещены первые тома, относящиеся к администрации Р. Рейгана. Наиболее ценными для темы настоящей работы являются тома «Национальная безопасность», содержащие в том числе материалы заседаний СНБ и совещаний его членов, и «Контроль над вооружениями», отражающие формирование позиций на переговорах с СССР. Документы, относящиеся к одному самых важных в эволюции ядерной политики США периодов – рубежу 1960-1970-х гг., опубликованы в совместном издании МИД России и госдепартамента США – сборнике «Советско-американские отношения. Годы разрядки»⁴⁸.

⁴⁶ В качестве примеров таких подборок можно указать: National Intelligence Estimates of the Nuclear Proliferation Problem. The First Ten Years, 1957-1967 / National Security Archive Electronic Briefing Book 155. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB155/index.htm> (дата обращения: 18.03.2019); "Prevent the Reemergence of a New Rival": The Making of the Cheney Regional Defense Strategy, 1991-1992 / National Security Archive. Electronic Briefing Book 245. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245/index.htm> (дата обращения: 18.03.2019); Reagan's Nuclear War Briefing Declassified. National Security Archive Electronic Briefing Book 575. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2016-12-22/reagans-nuclear-war-briefing-declassified> (дата обращения: 18.03.2019)

⁴⁷ Foreign Relations of the United States. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments> (дата обращения: 18.03.2019)

⁴⁸ Советско-американские отношения. Годы разрядки. Сборник документов. Том I. 1969 – май 1972. Кн. 1. 1969–1971. / Министерство иностранных дел Российской Федерации, Государственный департамент США. – М.: Международные отношения, 2007. – 725 с.; Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1976. Сборник документов. Том I. 1969 – май 1972. Книга 2. Январь-май 1972. / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Государственный департамент США. – М.: Международные отношения, 2007. – 622 с.

С выходом очередных серий сборников FRUS историческая служба Пентагона синхронизировала выпуск официальных «историй» деятельности министров обороны США⁴⁹. В настоящее время изданы тома, охватывающие период с 1947 по 1981 г., последние выпуски сопровождаются объемными документальными приложениями. В издании отражаются ход выработки и реализации военно-политических и военно-технических решений, участие Пентагона в формировании позиции на переговорах по контролю над вооружениями, а также экономические и организационные аспекты деятельности военного ведомства. К сожалению, был пропущен важный для темы нашего исследования восьмой том, посвященный второй администрации Р. Никсона и Дж. Форда.

Параллельно издается официальная история КНШ вооруженных сил США⁵⁰. К настоящему времени изданы 12 томов, охватывающих период с 1945 по 1980 г. Каждый том представляет собой рассекреченную версию ранее выпущенного закрытого издания, и содержит информацию по основным военно-стратегическим решениям, планированию применения и участию вооруженных сил США в локальных конфликтах периода «холодной войны», а также важные для темы настоящего исследования вопросы участия КНШ в разработке стратегии сдерживания и выработке позиций по контролю над вооружениями.

Значительный интерес для понимания логики строительства СЯС США в период «холодной войны» представляет рассекреченная официальная «История соперничества в стратегических вооружениях, 1945-1972», подготовленная по поручению министра обороны Дж. Шлесинджера и изданная в 1981 г. с высшим грифом секретности⁵¹. Ценность этого источника состоит не только в

⁴⁹ Secretary of Defense Historical Series. URL: <https://history.defense.gov/Publications/Secretaries-of-Defense-Historical-Series/> (дата обращения: 18.03.2019)

⁵⁰ History of the Joint Chiefs of Staff : the Joint Chiefs of Staff and national policy. URL: <https://www.jcs.mil/About/Joint-Staff-History/> (дата обращения: 18.03.2019)кукл

⁵¹ May E.R., Steinbruner J., Wolfe T. History of the Strategic Arms Competition, 1945-1972. Pt. I. – Washington, DC : Office of the Secretary of Defense. Historical Office. 1981. URL: <https://archive.org/details/HistoryoftheStrategicArmsCompetition19451972Part1/> (дата обращения: 18.03.2019); May E.R., Steinbruner J., Wolfe T. History of the Strategic Arms Competition, 1945-1972. Pt II – Washington, DC :

том, что он подробно раскрывает логику военно-политических решений и содержание конкретных военно-технических программ в сфере строительства СЯС США в период до установления стратегического паритета, но и в том, что благодаря этому документу становится более понятным происхождение современной структуры СЯС США, облик которых в силу инерции военно-технической политики был сформирован решениями, принятыми в первой половине 1970-х гг. с учетом предшествующего опыта соперничества с СССР.

В настоящее время в США также рассекречено большое количество ранее закрытых работ по истории отдельных военно-технических программ, в том числе по «рывку» в строительстве СЯС в 1960-е гг., по переходу от количественного к качественному соперничеству с Советским Союзом (разделяющиеся головные части с индивидуальным наведением на цели (РГЧ ИН), средства преодоления ПРО и т.д.).

Особенности политической системы США, необходимость учета общественного мнения, значительное влияние СМИ требуют от правительства излагать принципиальные положения политики национальной безопасности, военно-политической стратегии и ядерной политики в открытом виде, разъясняя при этом базовые цели и необходимость используемых средств. Документы исполнительной власти выстраиваются по иерархическому принципу: «Стратегия национальной безопасности», «Национальная оборонная стратегия», «Национальная военная стратегия», документы ядерной политики: «Обзор ядерной политики», «Обзор по ПРО» «Национальная стратегия противодействия распространению ОМУ».

Высший уровень представляет утверждаемая президентом «Стратегия национальной безопасности». Обязанность регулярно выпускать данный документ возложена на президента Законом о реорганизации министерства обороны 1986 г. («закон Голдуотера-Николса»)⁵². Первая стратегия была

Office of the Secretary of Defense. Historical Office. 1981 URL:

<https://archive.org/details/HistoryoftheStrategicArmsCompetition19451972Part2/> (дата обращения: 18.03.2019)

⁵² Goldwater–Nichols Department of Defense Reorganization Act of 1986. Public Law 99-433. URL:

<https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-100/pdf/STATUTE-100-Pg992.pdf#page=1> (дата обращения: 18.03.2019)

выпущена президентом Р. Рейганом в январе 1987 г., действующая редакция была издана Белым домом в декабре 2017 г.⁵³ (всего было вышло 17 документов). «Стратегия» охватывает четыре сферы деятельности американского государства (безопасность, благосостояние, ценности и международный порядок), формулирует интересы и обязательства США во внешнем мире.

Необычное место в ряду базовых документов стратегического планирования США занимают «Стратегические указания по обороне» (Defense Strategic Guidance), выпущенные администрацией Б. Обамы в январе 2012 г.⁵⁴ и содержащие военно-политические аспекты «переноса центра тяжести в Азию». «Стратегические указания» были подготовлены в министерстве обороны, но его текст открывается предисловием президента. Кроме того, «Стратегические указания», в отличие от обычных директивных документов, имеют собственное название: «Поддерживая глобальное лидерство США. Приоритеты для обороны XXI века» которое прямо указывает на лозунг Обамы периода избирательной кампании 2008 г. – «лидерство», который заместил термин «гегемония», использовавшийся в период республиканской администрации. Такая организация документа показывает, что президент США делегировал выработку нового стратегического курса военному ведомству (аналогичное распределение существовало в 1989-1992 гг. в администрации Дж. Буша).

Особенно важную роль в источниковой базе исследования играют документы и материалы министерства обороны США, в том числе ежегодные доклады министра, представлявшиеся президенту и Конгрессу США в период с 1948 по 2005 г. в соответствии с Законом о национальной безопасности 1947 г. (до 1959 г. выходили два раза в год). До 1969 г. доклады носили закрытый характер, в настоящее время их тексты рассекречены и доступны в сети Интернет. Доклады содержали анализ военно-политической обстановки в мире,

⁵³ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 18.03.2019).

⁵⁴ Defense Strategic Guidance. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. January 3, 2012. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (дата обращения: 18.03.2019)

оценку характера угроз национальной безопасности, основные направления военно-технической политики и бюджетные приоритеты на предстоящий финансовый год и плановый период⁵⁵.

С 2005 г. ежегодные доклады министра обороны были заменены документом аналогичного содержания - «Национальной оборонной стратегией». Документ занимает промежуточное положение между утверждаемой президентом США «Стратегией национальной безопасности» и выпускаемой председателем КНШ «Национальной военной стратегией», и определяет роль министерства обороны в реализации сформулированных президентом общих направлений политики безопасности. С 2017 г. был прекращен выпуск «Четырехлетних обзоров», также утверждавшихся министром обороны.⁵⁶

«Национальная военная стратегия» выпускается КНШ с 1992 г. в соответствии с «законом Голдуотера-Николса» и детализирует военно-политические и военно-стратегические положения вышестоящих документов. Документа направляется председателем КНШ в Конгресс после согласования с министром обороны. Последний открытый вариант вышел в 2015 г. Поскольку при администрации Д. Трампа документ в редакции 2018 г. был засекречен, для информирования общественности выпущено его краткое восьмистраничное «описание»⁵⁷.

Особое значение для темы настоящего исследования имеют «Обзоры ядерной политики» (Nuclear Posture Review) выпускаемые раз в восемь лет,

⁵⁵ Department of Defense. Annual Reports. URL: <https://history.defense.gov/Historical-Sources/Secretary-of-Defense-Annual-Reports/> (дата обращения: 18.03.2019)

⁵⁶ Report of the Quadrennial Defense Review. May 1997. URL: <http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR1997.pdf?ver=2014-06-25-110930-527> (дата обращения: 18.03.2019); Quadrennial Defense Review 2001. URL: <https://archive.defense.gov/pubs/qdr2001.pdf> (дата обращения: 18.03.2019); Quadrennial Defense Review Report. February 2006. URL: <https://archive.defense.gov/pubs/pdfs/QDR20060203.pdf> (дата обращения: 18.03.2019); Quadrennial Defense Review Report. February 2010. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (дата обращения: 18.03.2019); Quadrennial Defense Review 2014. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (дата обращения: 18.03.2019)

⁵⁷ Description of the National Military Strategy 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/UNCLASS_2018_National_Military_Strategy_Description.pdf (дата обращения: 18.03.2019)

начиная с 1994 г. Подробная характеристика данного документа, а также связанных с ним «Обзора по ПРО»⁵⁸ и «Национальной стратегии противодействия распространению ОМУ»⁵⁹ будет дана во второй и третьей главе настоящей работы.

К официальным документам органов исполнительной власти США относятся также публичные выступления, заявления, интервью и публикации президентов и должностных лиц. Тексты таких материалов имеют непосредственное отношение к выработке и реализации внешней и оборонной политики государства, имеют важное значение поскольку зачастую содержат важные «послания» противникам и союзникам США, раскрывают важные аспекты ядерной политики, расстановку приоритетов, идеологическую подоплеку решений. Примерами таких «знаковых» выступлений являются речи президента Дж. Буша в Техасском университете сельского хозяйства и механики (1989 г.), президента Дж. Буша-мл. в Национальном университете обороны (2001 г.) и Вест-Пойнте (2002 г.), президента Б. Обамы в Праге (2009 г.), Берлине (2013 г.) и Хиросиме (2016 г.).

К этому ряду примыкают выступления и программные статьи Дж. Буша-мл. и Б. Обамы до их вступления в должность президента, позволяющие получить представления об их личных взглядах. Реакция на подобные выступления в американской прессе также служит ценным источником информации о расстановке внутривнутриполитических сил.

К этой же подгруппе документов относятся также материалы брифингов, пресс-конференций, фактологические справки (fact sheet) Белого дома и различных ведомств, в первую очередь, министерства обороны, государственного департамента, министерства энергетики и подведомственных им структур (Агентства по ПРО, Агентства по контролю над вооружениями и разоружению, Национальной администрации по ядерной безопасности и др.).

⁵⁸ Ballistic Missile Defense Review Report. February 2010. URL: http://archive.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf (дата обращения: 18.03.2019)

⁵⁹ National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. December 2002. URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-wmd.pdf> (дата обращения: 18.03.2019)

Ценным источником информации по документам исполнительной власти является сайт Издательской службы правительства США (Government Printing Office)⁶⁰, содержащий в том числе полную подборку «Публичных документов президентов США» от Г. Трумэна до Б. Обамы включительно, содержащую тексты выступлений, обращений, посланий, включая ежегодное «О положении страны»⁶¹, а также сборники текущих материалов, поступающих из пресс-службы Белого дома – ежедневные (с 2009 г.) и еженедельные (1993-2009 гг.)⁶².

Характеризуя роль документов Конгресса как источника по истории ядерной политики, следует отметить что законодатели в целом поддерживали администрации по принципиальным ее положениям, прежде всего в том, что касается обеспечения превосходства США над соперниками как одного из условий «свободы рук» в мировой политике. Расхождения касались распределения приоритетов политики и отдельных крупных военно-технических программ, а также ратификации ряда договоров (ОСВ-1, ОСВ-2, ДВЗЯИ). К числу таких разногласий следует отметить: полемику в конце 1940-х гг. (т.н. бунт адмиралов); атаку демократической оппозиции на администрацию Д Эйзенхауэра в конце 1950-х гг. под лозунгом «ракетного отставания» (Missile Gap); дебаты вокруг ПРО в конце 1960-х гг.; оппозицию «Стратегической оборонной инициативе» (СОИ) и планам модернизации СЯС при администрации Р. Рейгана; разногласия по приоритетам создания ПРО в конце 1990-х гг.; борьбу вокруг «ядерной сделки» с Ираном в 2015 г.

К наиболее важным для темы настоящего исследования относятся материалы слушаний комитетов по делам вооруженных сил и международным делам обеих палат и их подкомитетов⁶³, что обусловлено особенностями

⁶⁰ Government Printing Office. URL: <https://www.gpo.gov/> (дата обращения: 18.03.2019).

⁶¹ Public Papers of the Presidents of the United States. URL: <https://www.govinfo.gov/app/collection/PPP> (дата обращения: 18.03.2019).

⁶² Compilation of Presidential Documents. URL: <https://www.govinfo.gov/help/cpd> (дата обращения: 18.03.2019)

⁶³ U.S. House of Representatives. House Armed Services Committee. Hearings. URL: <https://armedservices.house.gov/hearings> (дата обращения: 18.03.2019); U.S. House of Representatives. House Foreign Affairs Committee. Hearings. URL: <https://foreignaffairs.house.gov/hearings> (дата обращения: 18.03.2019); U.S. Senate. U.S. Senate Committee on Armed Services. Hearings. URL: <https://www.armed-services.senate.gov/hearings> (дата обращения: 18.03.2019); U.S. Senate Foreign Relations Committee. Hearings. URL: <https://www.foreign.senate.gov/hearings> (дата обращения: 18.03.2019).

политической системы США, требующей от исполнительной власти аргументировать принимаемые решения перед законодателями. В этом отношении особый интерес представляют материалы слушаний по назначению ключевых должностных лиц администраций. Материалы слушаний и доклады, рассматриваемые в профильных комитетах Сената и Палаты представителей, играют важную роль в выработке представлений о формировании ядерной политики США. Ценность этого источника состоит также в том, что к участию в слушаниях наряду с официальными лицами привлекаются также представители академических кругов, что позволяет сформировать представления о направлениях мысли в экспертно-аналитическом сообществе, обслуживающем сферу обороны и безопасности США.

Аналогичную роль оценки «состояния умов» играют доклады и справки Исследовательской службы Конгресса, готовящиеся для законодателей по широкому кругу вопросов⁶⁴. Материалы Управления оценивания технологий (Office of Technology Assessment), существовавшего при Конгрессе в 1972-1995 гг., отражают ход борьбы вокруг крупных военно-технических проектов (СОИ, модернизация ядерной триады, развитие высокоточного оружия)⁶⁵.

Материалы законопроектной деятельности, доступные на сайте Конгресса⁶⁶ позволяют оценить соотношение приоритетов внутри ядерной политики, расстановку политических сил по различным вызывающим споры вопросам. Прежде всего это относится к материалам обсуждений законопроектов о расходах на оборону и ратификации международных соглашений (например, «ядерной сделки» с Ираном 2015 г.⁶⁷). Бюджетный процесс важен не только сам по себе, но и в силу традиции включать в тексты законов о расходах на оборону разделы по важным политическим проблемам, например, вопрос о ДРСМД в законе о бюджете Пентагона на 2017 фин. г. и т.п.

⁶⁴ Congressional Research Service. URL: <https://crsreports.congress.gov/> (дата обращения: 18.03.2019).

⁶⁵ Архив материалов Управления находится на сайте Федерации американских ученых. URL: <https://ota.fas.org/> (дата обращения: 18.03.2019).

⁶⁶ Congressional Record <https://www.congress.gov/congressional-record> (дата обращения: 18.03.2019).

⁶⁷ Iran Nuclear Agreement Review Act of 2015. Public Law 114–17 May 22, 2015. URL: <https://www.congress.gov/114/plaws/publ17/PLAW-114publ17.pdf> (дата обращения: 18.03.2019).

При этом бюджетные заявки Пентагона в большей степени позволяют судить о расстановке приоритетов, а окончательные варианты законов – о соотношении политических сил.

Различия во внешнеполитических ориентациях демократов и республиканцев позволяют выявить материалы политических партий США. Особую ценность при этом имеет содержание предвыборных платформ партий, собранных в рамках проекта «Президентская власть в США» (The American Presidency Project)⁶⁸.

Значение публикаций в прессе, включая статьи и выступления представителей академического сообщества, как источника по истории ядерной политики США обусловлено в том числе такой особенностью системы управления как наличие в государственном аппарате слоя «политических назначенцев» на должности определенного уровня и соответствующая ротация кадров после смены правящей партии. Во многих случаях высокопоставленные чиновники, уйдя в отставку, переходят на работу в «мозговые тресты», а впоследствии возвращаются на государственную службу. В этой связи публикации таких исследовательских структур как RAND Corporation, Институт оборонного анализа (Institute for Defense Analyses), Институт Брукингса, Центр стратегических и бюджетных оценок (Center of Strategic and Budgetary Assessments), Гарвардский университет, Стэнфордский университет и ряд других позволяют судить не только о направлениях развития научной мысли, но и о «состоянии умов» лиц, готовящих решения на высшем политическом уровне.

В качестве примера можно привести К. Райс и З. Халилзада – сотрудников администрации Дж. Буша, перешедших в 1993 г. на научную работу в Стэнфордский университет и RAND соответственно, а в 2001 г. занявших более высокие посты в администрации Дж. Буша-мл. Именно во время работы в RAND Халилзад прорабатывал концепцию «сдерживания и

⁶⁸ Party Platforms. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/app-categories/elections-and-transitions/party-platforms> (дата обращения: 18.03.2019).

вовлечения Китая»⁶⁹, в 2001 г. ставшую частью внешнеполитической стратегии США. Райс в Стэнфорде формулировала новую повестку дня, обнародованную на старте избирательной кампании 2000 г. в статье «Продвижение национальных интересов»⁷⁰.

Отдельную группу источников составляют материалы наиболее авторитетных СМИ. Ведущие ежедневные газеты США: «Нью Йорк Таймс», «Вашингтон пост» и др. – не только платформа для выступления политиков и экспертов и «индикатор общественного мнения»⁷¹. Зачастую именно эти печатные издания используются исполнительной властью для организованных утечек информации об отдельных аспектах ядерной политики, рассчитанных на восприятие противниками США⁷².

Научная периодика по теме исследования включает такие издания как *Foreign Affairs*, *International Security*, *Contemporary Security Policy*, *Bulletin of the Atomic Scientists*, *Journal of Strategic Studies*, *Nonproliferation Review*, *The Cold War History*, *Journal of Cold War Studies*, *Diplomatic History*. Публикации в них не только дают представления об актуальных направлениях исследований, но и позволяют судить о состоянии и эволюции теоретических основ ядерной политики США. Отдельно следует отметить журнал *Comparative Strategy*, издаваемый одним из мозговых трестов неоконсерваторов – Национальным институтом публичной политики (*National Institute for Public Policy*)⁷³. Редактор журнала и директор института К. Пейн известен как один из идеологов ядерной

⁶⁹ Khalilzad Z. *Congage China*. - Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1998. URL: https://www.rand.org/pubs/issue_papers/IP187.html (дата обращения: 18.03.2019)

⁷⁰ Rice C. Promoting the national interest. // *Foreign Affairs*. - 2000 – Vol.79. – No.1. – P. 45-62.

⁷¹ См., например: Schultz G. P., Perry W.J., Kissinger H. A., Nunn S. A World Free of Nuclear Weapons // *The Wall Street Journal*. – January 4, 2007. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB116787515251566636> (дата обращения: 18.03.2019)

⁷² См., например: Tyler P.E. U.S. strategy plan calls for insuring no rivals develop : Pentagon's document outlines ways to thwart challenges to Primacy of America // *The New York Times*. – March 8, 1992. URL: <https://www.nytimes.com/1992/03/08/world/us-strategy-plan-calls-for-insuring-no-rivals-develop.html> (дата обращения: 18.03.2019); Ottaway D.B., Coll S. Trying to Unplug the War Machine // *The Washington Post*. – April 12, 1995. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1995/04/12/trying-to-unplug-the-war-machine/1d84e4a6-d813-490f-85f8-51dbde97d26d/?noredirect=on&utm_term=.a2d6cf26f5bd (дата обращения: 18.03.2019); Pincus W. Pentagon Revises Nuclear Strike Plan // *The Washington Post*. – September 11, 2005. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/09/10/AR2005091001053.html> (дата обращения: 18.03.2019); North Koreans Agree to Freeze Nuclear Work; U.S. to Give Aid. // *The New York Times*. – March 1, 2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/03/01/world/asia/us-says-north-korea-agrees-to-curb-nuclear-work.html> (дата обращения: 18.03.2019)

⁷³ National Institute for Public Policy. URL: <http://www.nipp.org/> (дата обращения: 18.03.2019).

политики Дж. Буша-мл. и Д. Трампа. Консервативный «Фонд наследия» (Heritage Foundation) не выпускает «толстого» журнала, но активно размещает аналитические материалы, особенно по проблематике ПРО на своем сайте⁷⁴.

В ходе работы были также использованы материалы неофициальных сайтов, размещающих материалы и документы, связанные с темой исследования. Сайт Федерации американских ученых⁷⁵ и сайт «Глобальная безопасность»⁷⁶ содержат, в том числе, официальные документы, недоступные на иных информационных ресурсах, например, проект «Доктрины ядерных операций» 2005 г., после скандала удаленный с сайта министерства обороны⁷⁷. Многие материалы по проблемам контроля над вооружениями, распространения ЯО и средств его доставки, хронологии основных событий в сфере контрраспространения размещены на сайтах Ассоциации по контролю над вооружениями (Arms Control Association)⁷⁸, движения «Глобальный ноль» (Global Zero)⁷⁹.

К числу источников личного происхождения относятся, прежде всего, мемуары лиц, в силу служебного положения имевших непосредственное отношение к выработке и реализации ядерной политики США. Мемуары оставили все президенты США после 1945 г., кроме Дж. Кеннеди и Б. Обамы. Выпуск мемуаров Обамы анонсирован на 2020 г. (видимо, эта книга должна стать оружием в предвыборной борьбе). Среди воспоминаний помощников президентов по национальной безопасности следует отметить мемуары М. Банди, Г. Киссинджера, З. Бжезинского⁸⁰. Особый случай представляет собой совместная книга президента Дж. Буша и его помощника Б. Скоукрофта⁸¹. Не все воспоминания руководителей органов исполнительной

⁷⁴ Heritage Foundation. URL: <http://www.heritage.org/> (дата обращения: 18.03.2019).

⁷⁵ Federation of American Scientists. URL: <http://www.fas.org/> (дата обращения: 18.03.2019).

⁷⁶ Global Security. URL: <https://www.globalsecurity.org> (дата обращения: 18.03.2019).

⁷⁷ Joint Publication 3-12. Doctrine for Joint Nuclear Operations. Final Coordination (2). 15 March 2005. URL: https://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/jp3_12fc2.pdf (дата обращения: 18.03.2019).

⁷⁸ Arms Control Association. URL: <https://www.armscontrol.org/> (дата обращения: 18.03.2019).

⁷⁹ Global Zero. URL: <https://www.globalzero.org/> (дата обращения: 18.03.2019).

⁸⁰ Bundy M. Danger and survival: choices about the bomb in the first fifty years. – NY: Random House, 1988. – 735 p.; Kissinger H. White House years. – Boston: Little, Brown, and Company, 1979. – 1521 p.; Brzezinski Z. Power and principle: memoirs of the national security advisor, 1977-1981. – NY: Farrar, Straus, Giroux, 1983. – 587 p.

⁸¹ Буш Дж., Скоукрофт Б. Мир стал другим : пер. с англ. – М. : Международные отношения, 2004. – 502 с.

власти равнозначны, но некоторые мемуары имеют особый аналитический характер. Среди министров обороны это мемуары Р. Макнамары, Д. Рамсфелда, Г. Брауна, У. Перри, Р. Чейни, Р. Гейтса⁸², государственных секретарей – Д. Раска, С. Вэнса, Дж. Шульца⁸³. Примыкают к этому ряду воспоминания П. Нитце, за долгую карьеру занимавшего различные посты в государственном департаменте и министерстве обороны⁸⁴, а также Д. Фейта – заместителя министра обороны по политическим вопросам в первой администрации Дж. Буша-мл.⁸⁵

Аналитический характер носят также опубликованные мемуары нескольких непосредственных участников разработки ядерной стратегии США в 1960-е гг. – Г. Кента, Д. Эллсберга, П. Джонстона⁸⁶. К числу источников по истории ядерной политики США периода «холодной войны» относятся также содержащие много важных подробностей и оценок воспоминания А.Ф. Добрынина и Г.М. Корниенко⁸⁷.

Таким образом, объем доступных источников в целом позволяет решать поставленные в настоящей работе исследовательские задачи.

Степень научной разработанности. Рассматривая ядерную политику США как инструмент формирования оптимального с точки зрения их интересов миропорядка, целесообразно разделить литературу на пять групп. К первой относятся работы, отражающие представления США о миропорядке. Во вторую

⁸² McNamara R. The essence of security: reflections in office. – NY : Harper and Row, 1968. – 176 p.; Rumsfeld D. Known and unknown: a memoir. – NY: Sentinel, 2011. – 832 p.; Brown H. Star spangled security : applying lessons learned over six decades safeguarding America. – Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2012. – 277 p.; Перри У. Дж. Мой путь по краю ядерной бездны [перевод с английского Л. Ю. Панфиной, О.Р. Щелоковой]. – М. : РОССПЭН, 2017. – 279 с.; Cheney D. In my time : a personal and political memoir. - NY: Threshold Editions, 2011. – 576 p.; Gates R.M. From the shadows. The ultimate insider's story of five presidents and how they won the Cold War. – NY : Simon & Schuster, 1997. – 608 p.

⁸³ Rusk D. As I saw it. – NY : W.W. Norton, 1990. - 672 p.; Vance C. Hard choices: critical years in America's foreign policy. – NY: Simon & Schuster, 1983. - 541 p.; Schultz G.P. Turmoil and triumph: my years as Secretary of State. - NY: Charles Scribner's Sons, 1993. – 1184 p.

⁸⁴ Nitze P. H., Rearden S.L., Smith A.M. From Hiroshima to Glasnost: at the center of decision. – NY: Grove Weidenfeld, 1989. – 504 p.

⁸⁵ Feith D. J. War and decision : inside the Pentagon at the dawn of the war on terrorism. – NY : Harper, 2008. – 688 p.

⁸⁶ Kent G. A. Thinking about America's Defense: An Analytical Memoir. - Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. URL: https://www.rand.org/pubs/occasional_papers/OP223.html (дата обращения: 18.03.2019); Ellsberg D. The Doomsday machine: confessions of a nuclear war planner. – NY : Bloomsbury 2017. – 420 p.; Johnstone P. H. From MAD to madness: inside Pentagon nuclear war planning. – Atlanta, GA : Clarity Press, 2017. – 299 p.

⁸⁷ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.) – М.: ИПО «Автор», 1996. – 687 с.; Корниенко Г.М. «Холодная война» : Свидетельство ее участника. – М. : ОЛМА-Пресс, 2001. – 413 с.

группу включены исследования деятельности Вашингтона по формированию такого миропорядка, который соответствовал бы их интересам. Для обозначения данного вида деятельности в зарубежной историографии часто используется термин «Большая стратегия» (Grand Strategy), чем подчеркивается, что эта деятельность осуществляется на уровне, более высоком, чем внешнеполитическая стратегия и военная стратегия государства. В иерархии государственных документов США этому уровню соответствует утверждаемая президентом «Стратегия национальной безопасности». Именно на этом уровне формируются базовые представления о роли ЯО в обеспечении национальных интересов США, поскольку именно здесь интегрируются политическая (сдерживание в мирное время) и военная (использование в военных действиях, если сдерживание не сработает) функции ЯО. Третью группу составляют работы, посвященные анализу роли ЯО в трансформации миропорядка. Четвертая группа – работы, посвященные ядерной политике США в целом. Пятая – работы по отдельным компонентам ядерной политики США.

В отечественной историографии вопросы организации современной системы международных отношений, а также взгляды США на ключевые проблемы ее устройства отражены в труде коллектива авторов под руководством А.С. Манькина⁸⁸, работе Р.А. Сетова⁸⁹, коллективных монографиях «Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений»⁹⁰ и «Современная мировая политика: Прикладной анализ»⁹¹, работе коллектива авторов под руководством Т.А. Шаклеиной и А.А. Байкова⁹². В данных работах рассмотрены такие принципиально важные

⁸⁸ Основы общей теории международных отношений / Под ред. А.С. Манькина. – М.: Изд. МГУ, 2009. – 589 с.

⁸⁹ Сетов Р.А. Современный миропорядок и государственные интересы России : термины, теории, прогнозы. – М. : Три квадрата, 2010. – 366 с.

⁹⁰ Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталева М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. – М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2002. – 377 с.

⁹¹ Современная мировая политика: Прикладной анализ. – 2-е изд., испр. и доп. / Под ред. А.Д. Богатурова. – М.: Аспект-Пресс, 2010. – 591 с.

⁹² Мегатренды : основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке / Под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Аспект Пресс, 2014. – 447 с.

для темы настоящей диссертации проблемы как роль военно-силового фактора в формировании и трансформации системы международных отношений, роль конфликта в ее функционировании, вопросы обеспечения стабильности. Историческая эволюция миропорядка XX в. и изменение роли США рассмотрены в книге В.Г. Малькова и коллективной монографии под редакцией Ф.Г. Войтоловского⁹³.

Борьба США за лидерство в системе международных отношений и процесс вытеснения к середине XX в. Великобритании с места гегемона стали предметом исследования А.И. Агеева⁹⁴. Сформированному в США в ходе Второй мировой войны замыслу нового миропорядка посвятили свои работы В.О. Печатнов, А.А. Сидоров, М.Ю. Мягков⁹⁵. Влиянию соперничества двух сверхдержав на эволюцию миропорядка в период «холодной войны» уделено значительное внимание в книге В.И. Батюка⁹⁶. Начальному этапу этого противоборства посвящена работа А.С. Манькина⁹⁷, а наиболее острой фазе (до Карибского кризиса включительно) – сборник статей под редакцией Н.И. Егоровой и А.О. Чубарьяна⁹⁸.

После окончания «холодной войны» в политико-академическом сообществе США развернулись новые дебаты об организации оптимального миропорядка. Содержание этих дискуссий на рубеже 1980-1990-х гг. отражено в работе Н.В. Колотухиной, в период 1990-х гг. – в монографии

⁹³ Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. – М. : Наука, 2004. – 603 с.; От миропорядка империй к имперскому миропорядку / Отв. ред.: Ф. Г. Войтоловский. – М. : Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2005. – 200 с.

⁹⁴ Агеев А.И. Смена гегемона: война и экономика. – М. : Институт экономических стратегий, 2016. – 183 с.

⁹⁵ Печатнов В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки. – М., Терра-Книжный клуб, 2006. – 749 с.; Печатнов В.О. Уолтер Липпман и пути Америки. – М. : Международные отношения, 1994. – 333 с.; Сидоров А. А. «Новый курс» для «нового мира»: американские планы послевоенного международного устройства // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2017. – № 4. – С. 16–25; Сидоров А.А. «Единый мир» глазами Рузвельта: финансово-экономические аспекты американских планов послевоенного мирового устройства // Новая и новейшая история. – 2016. – № 3. – С. 64–76; Мягков М.Ю. Проблемы послевоенного устройства Европы в американско-советских отношениях, 1941-1945. – М. : Институт всеобщей истории РАН, 2006. – 275 с.

⁹⁶ Батюк В.И. Холодная война между США и СССР (1945-1991 гг.) : очерки истории. – М. : Весь Мир, 2018. – 332 с.

⁹⁷ Манькин А. С. От сотрудничества к конфликтному взаимодействию: трансформация американских подходов по отношению к СССР в 1945–1947 гг. // Преподавание истории и обществознания в школе. – 2018. – № 4. – С. 19–29.

⁹⁸ Холодная война 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. / Отв. ред. Н.И.Егорова, А.О. Чубарьян. – М. : ОЛМА-Пресс, 2003. – 638 с.

Т.А. Шаклеиной, в начале XXI в. – в диссертации М.В. Соляновой⁹⁹. Связи идеологии и геополитики США посвящены работы В.В. Согрина и А.И. Никитина¹⁰⁰. Влияние идеологических воззрений и взглядов на мироустройство на отношения США с Россией и СССР в XX в. – одна из тем исследований В.Л. Малькова и В.И. Батюка¹⁰¹.

Особое внимание в отечественной историографии уделяется концепции «американской исключительности», существенным образом влияющую на представления о месте США в мире. Этому, в частности, посвящен сборник статей под редакцией Ю.К. Мельвиля и Е.Ф. Язькова¹⁰². Влияние мессианских представлений на формирование американского сознания и проявление этого во внешней политике страны изучил А.Д. Богатуров¹⁰³ и Э.Я. Баталов¹⁰⁴.

Влияние либеральной идеологии на представления о миропорядке в период «холодной войны» исследовал А.С. Манькин¹⁰⁵. Мирополитические причины подъема консервативной волны во второй половине 1970-х стали предметом рассмотрения в работе и Ф.Г. Войтоловского, связавшего этот процесс с реакцией части элиты США на структурные сдвиги в системе международных отношений и перераспределение сил внутри Запада¹⁰⁶. Взгляды

⁹⁹ Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке: Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002) – М.: Институт США и Канады РАН, 2002. – 442 с. Колотухина Н.В. Концепции нового мироустройства в американской теории международных отношений в конце 1980-х - первой половине 1990-х гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03, 07.00.00. – М., 2005. – 227 с. ; Солянова М.В. Американские концепции полярности в международных отношениях : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 – М., 2017. - 190 с.; Солянова М.В. Дискуссии в США по вопросам миропорядка в XXI веке // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2011. –№ 8. – С. 92-103.

¹⁰⁰ Согрин В.В. Мифы и реальность американской истории. – М. Мысль, 1986. – 254 с.; Никитин А.И. Эволюция американского глобализма. Идеинная борьба в США по вопросу о роли Америки в мире. – М.: Наука, 1987. – 195 с.; Согрин В.В. Идеология в американской истории: от отцов-основателей до конца XX века. - М.: Наука, 1995. – 237 с.; Согрин В.В. США в XX-XXI веках. Либерализм. Демократия. Империя. – М. : Весь мир, 2015. - 590 с.

¹⁰¹ Мальков В. Л. Россия и США в XX веке : очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте. – М. : Наука, 2009. – 494 с.; Батюк В. И. Советско-американские и российско-американские двусторонние режимы : 1945-2005 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.03 – М., 2008. - 527 с.

¹⁰² Проблемы американистики. Вып. 9. Концепция «американской исключительности»: идеология, политика, культура / Отв. ред. Ю. К. Мельвиль, Е.Ф. Язьков. – М. : Изд-во МГУ, 1993. – 299 с.

¹⁰³ Богатуров А.Д. Истоки американского поведения // Россия в глобальной политике. – 2004. –№ 6. – С. 80-97.

¹⁰⁴ Баталов Э. Я. Русская идея и американская мечта. – М.: Прогресс-Традиция, 2009. – 382 с.

¹⁰⁵ Манькин А. С. В тисках «биполярности»: либерализм «холодной войны» и его внешнеполитическое кредо // Памяти профессора Н.В. Сивачева. США: эволюция основных идейно-политических концепций / Под ред. А. С. Манькина. – М.: Издательство Московского университета, 2004. – С. 293–334.

¹⁰⁶ Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940–2000-е годы. - М.: Крафт+, 2007. – 452 с.

на миропорядок после «холодной войны» и внешнеполитические концепции неоконсервативной части «команды» Дж. Буша-мл. исследовали А.А. Громько, П.Ю. Рахшмир, К.Н. Брутенц¹⁰⁷.

Всему периоду эволюции внешней политики США от образования государства до администрации Д. Трампа посвящена работа В.О. Печатнова и А.С. Манькина¹⁰⁸. Значительное внимание при этом уделяется использованию силовых инструментов, в том числе, применительно ко второй половине XX в. и началу XXI в. – роли ядерного фактора. Роль силового фактора в стратегии национальной безопасности США, идейные истоки военно-политической стратегии, начиная с наследия «отцов-основателей» рассмотрел Г.А. Трофименко¹⁰⁹. Военно-политическую стратегию периода «холодной войны» проанализировал П.И. Пасхальный¹¹⁰. Роль силового фактора в стратегии завершения «холодной войны» исследовали А.Ю. Малов, Н.Н. Спасский, В.Н. Гарбузов, А.А. Хворостяный¹¹¹.

Эволюция стратегии национальной безопасности США в условиях становления однополярного миропорядка в 1990-е гг. рассмотрена в коллективной монографии сотрудников РИСИ¹¹². Анализ приоритетов стратегии национальной безопасности администрации Б. Клинтона посвящена работа Д.Г. Евстафьева¹¹³. Военная и военно-политическая стратегия США постбиполярного периода стала предметом исследования В.Н. Коньшева и

¹⁰⁷ Громько А.А. Метаморфозы американского неоконсерватизма: идеология на излете. Внешнеполитический аспект // Обозреватель. – 2007. – № 8. – С. 56–67; Рахшмир П.Ю. Американские консерваторы и имперская идея. – Пермь: Пермский государственный университет, 2007. – 224 с.; Брутенц К.Н. Закат американской гегемонии. – М.: Международные отношения, 2009. – 508 с.

¹⁰⁸ Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США. – М. : Международные отношения, 2012. – 669 с.

¹⁰⁹ Трофименко Г.А. США: политика, война, идеология. – М.: Мысль, 1976. – 358 с.

¹¹⁰ Пасхальный П.И. Военно-политическая стратегия США в период противоборства с СССР (1945-1991). – М.: ВАГШ, 2018. – 220 с.

¹¹¹ Малов А.Ю. Эволюция взглядов республиканской администрации США на использование военной силы в 80-е годы : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.05. – М., 1991. – 170 с.; Спасский Н.Н. Основные аспекты эволюции доктрины национальной безопасности США во второй половине 1980-х-начале 1990-х годов: диссертация ... доктора полит, наук. – М, 1992. – 698 с.; Гарбузов В.Н. Революция Рональда Рейгана. – М.: Наука, 2008. – 564 с.; Хворостяный А.А. Доктрина национальной безопасности администрации Р. Рейгана, 1981-1989 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – Ростов-на-Дону, 2010. – 252 с.

¹¹² США в новом мире: пределы могущества / Кривохижа В. И., Евстафьев Д. Г., Устинов В. Н. и др. / Под общ. ред. В. И. Кривохижи. – М.: Изд-во РИСИ, 1998. – 562 с.

¹¹³ Евстафьев Д.Г. Современные приоритеты национальной безопасности США. // США: экономика, политика, идеология. – 1996. – № 1. – С. 13-25.

Л.С. Семейко¹¹⁴. Дискуссии в политико-академическом сообществе о приоритетах стратегии национальной безопасности США в 1990-е гг. изучали В.В. Шаклеин и И.В. Михайлов¹¹⁵. Развитием этого направления исследований с учетом материалов первого десятилетия XXI в. стала диссертация Ю.В. Туминой¹¹⁶. Место России во внешнеполитической стратегии США в период после окончания «холодной войны» исследовали В.И. Батюк, О.А. Сугак, Ю.А. Кузнецова¹¹⁷.

Внешнеполитическая стратегия администрации Дж. Буша-мл. и ее отдельные аспекты рассмотрены в серии работ Института США и Канады РАН¹¹⁸. Формирование подходов республиканской администрации к отношениям с Россией исследовали Е.Б. Капустина, А.А. Тарелин, О.К. Рыбалко.¹¹⁹ Изменениям военной политики и стратегии национальной безопасности после прихода к власти демократов, анализу преемственности с политикой Дж. Буша-мл. посвятили свои работы В.Н. Коньшев и

¹¹⁴ Коньшев В. Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны. – М. : Наука, 2009. – 176 с.; Семейко Л.С. Трансформация военно-политического курса США (Новые глобальные аспекты) – М.: ИСКРАН, 2005. – 117 с.

¹¹⁵ Шаклеин В.В. Проблемы международной безопасности и внешняя политика США в 1993-2000 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – М., 2004. – 187 с.; Михайлов И.В. Проблема национальной безопасности во внешнеполитической мысли США : 1992-2000 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – Тамбов, 2006. – 203 с.

¹¹⁶ Тумина Ю.В. Эволюция доктринальных основ внешней политики США в условиях глобализации: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.15. – Нижний Новгород, 2012. – 225 с.

¹¹⁷ Батюк В.И. Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны». – М. : Прометей, 2008. – 212 с.; Сугак О.А. Формирование и развитие внешней политики США в отношении России : 1991-2008 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – Краснодар, 2015. – 300 с.; Кузнецова Ю.А. Америко-российские отношения в 90-е годы XX - начале XXI века: межгосударственный и региональный аспекты : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Саратов, 2008. – 247 с.

¹¹⁸ Политика США в меняющемся мире / В.И. Батюк и др. Отв. ред. П.Т. Подлесный. – М. : Наука, 2004. – 332 с.; Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США. Итоги первого срока администрации Буша / Ред. Т. А. Шаклеина. – М. : ИСКРАН, 2005. – 141 с.; Второй срок администрации Буша: старые проблемы и новые подходы: / Отв. ред. Т. А. Шаклеина. – М. : ИСКРАН, 2006. – 113 с.; Проблемы трансатлантических отношений в начале XXI века / Отв. ред.: В. А. Кременюк, Т. А. Шаклеина – М. : ИСКРАН, 2007. – 179 с.; США и Россия: актуальные проблемы двусторонних отношений (2001-2008 гг.) / Под ред. В.А. Кременюка и Т.А. Шаклеиной. – М. : ИСКРАН, 2009. – 201 с.

¹¹⁹ Капустина Е.Б. Проблема формирования партнерства в российско-американских отношениях в период первого срока президентства Дж. Буша : 2000 – 2004 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – М., 2005. – 141 с.; Тарелин А. А. Подходы политико-академического сообщества США к отношениям с Россией в начале XXI века : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04. – М., 2012. – 210 с.; Рыбалко О.К. Джордж Буш-младший и формирование российской политики правительства США : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Саратов, 2015. – 253 с.

А.А. Сергунин¹²⁰, а также коллектив сотрудников Института США и Канады РАН.¹²¹

Перенос «центра тяжести» стратегии в Азию при администрации Б. Обамы рассмотрен в работе С.В. Старкина и И.В. Рыжова.¹²² Итоги внешней политики администрации Обамы, в том числе на российском направлении подведены в коллективной монографии ИСКРАН, выпущенной к юбилею Института¹²³.

В отечественной историографии традиционно значительное внимание уделяется связи внутренней и внешней политики США, как в период «холодной войны», так и после ее окончания. В частности были исследованы влияние двухпартийной политической системы на формирование внешнеполитического курса¹²⁴, политика двух партий¹²⁵. Отдельную проблему представляет влияние Конгресса на формирование и осуществление внешней и оборонной политики США.¹²⁶ Особый случай представляют периоды «разделенного правления», исследованные И.К. Лапшиной¹²⁷.

Роль ЯО в развертывании «холодной войны» признается всеми без исключения исследователями, но оценки степени его влияния на генезис биполярного противостояния различаются. В отечественной историографии

¹²⁰ Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? //США и Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – № 1. – С. 23-36.; Коньшев В.Н., Сергунин А.А. О новой военной доктрине Б. Обамы. // Проблемы национальной стратегии. – 2012. –№ 2. – С. 98-113.

¹²¹ Внешняя политика администрации Б. Обамы (2009-2012 гг.) / Братерский М. В. и др. Отв. ред. В.А. Кременюк. – М.: ИСКРАН, 2012. – 273 с.; Подлесный П.Т. Формирование внешнеполитического курса администрации Б. Обамы в отношении России: первые итоги, трудности, перспективы. – М.: ИСКРАН, 2010. – 103 с.; Военная политика президента Б. Обамы (2009-2012 гг.) / Т. Б. Аничкина и др. Отв. ред.: В. И. Батюк – М.: ИСКРАН, 2013. – 250 с. .

¹²² Старкин С.В., Рыжов И.В. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 10. –С. 49-56.

¹²³ Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России / Под ред. С.М. Рогова. – М.: Весь Мир, 2017. - 426 с.

¹²⁴ Принципы функционирования двухпартийной системы США: история и современные тенденции. Ч. 2 (1918-1988) / И. В. Галкин, А. С. Манькин, И. К. Лапшина и др. – М. : Издательство МГУ, 1989. – 279 с.

¹²⁵ Никонов В.А. От Эйзенхауэра к Никсону : из истории Республиканской партии США. – М. : Изд-во МГУ, 1984. - 287 с.; Никонов В.А. Республиканцы: от Никсона к Рейгану. - М. : МГУ, 1988. – 287 с.; Печатнов В.О. От Джефферсона до Клинтона: Демократическая партия США в борьбе за избирателя. – М. : Наука, 2008. – 501 с.

¹²⁶ Конгресс США и проблемы внешней и военной политики / Отв. ред. А. А. Кокошин, Ю. А. Иванов. – М. : Наука, 1989. – 147 с.; Попова Е. И. Американский сенат и внешняя политика (1969-1974). - М.: Наука, 1978. - 232 с.; Иванов Ю.А. Конгресс США и внешняя политика. Возможности и методы влияния. - М.: Наука, 1982. - 214 с.

¹²⁷ Лапшина И. К. Разделенное правление в США. - М.: РОССПЭН, 2008. – 261 с.; Лапшина И. К. Внешняя политика США в условиях разделенного правления // Новая и новейшая история. –2016. –№6. –С. 95-102.

наиболее полным исследованием начального этапа этого процесса можно считать две монографии В.Л. Малькова¹²⁸. Последствия ликвидации атомной монополии США – один из ярких примеров влияния горизонтального распространения на вертикальное. Выбор, стоявший перед администрацией Трумэна – возвращение к проектам международного контроля или создание новой монополии за счет «супербомбы», – в отечественной историографии исследовали В.О. Печатнов и В.Л. Мальков¹²⁹, рассмотревшие американские оценки последствий утраты монополии.

Внимание исследователей, изучавших влияние ЯО на миропорядок, привлекала проблема соотношения геополитики (обеспечение миропорядка, отвечающего потребностям США) и интересов контрраспространения (противодействия горизонтальному распространению ЯО). В истории «холодной» войны это, прежде всего, контраст в политике Вашингтона в отношении ФРГ и Японии в период выработки проекта ДНЯО и позиции США по ядерной программе Израиля в 1960-е гг. В случае ФРГ и Японии интересы геополитики и контрраспространения совпадали: эти страны были не только ценными союзниками, но и объектами «двойного сдерживания» – с первых лет «холодной войны» недопущение их возрождения в качестве независимых от США центров силы оставалось в числе приоритетов Вашингтона. В меньшей степени это относится к Тайваню и Южной Корее, вступление в «ядерных клуб» которых могло вывести из-под контроля потенциальный конфликт «двух Китаев» или военное противостояние на Корейском полуострове.

При возникновении противоречия между геополитикой и контрраспространением (Израиль в 1960-е гг., ЮАР в 1970-е гг. и Пакистан в 1980-е гг.) интересы «большой стратегии» перевешивали задачи противодействия распространения ЯО. Среди отечественных авторов,

¹²⁸ Мальков В.Л. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. – М.: Наука, 1995. – 269 с.; Мальков В.Л. Вхождение в ядерную эру. Атомная дипломатия: от начала к паритету. – М.: Международные отношения, 2018. – 647 с.

¹²⁹ Печатнов В. О. Конец атомной монополии США // Россия XXI. – 2004. – № 5. – С. 58-85; Мальков В.Л. Термоядерная бомба и меняющийся баланс сил в советско-американских отношениях. «Супер» против «Слойки» // Новая и новейшая история. – 2015. – № 6. – С. 53-69.

исследовавших названную проблему, следует отметить В.Ф. Давыдова¹³⁰, Р.М. Тимербаева (участника выработки проекта ДНЯО, рассмотревшего процесс преодоления противоречий между США и СССР в ходе переговорного процесса)¹³¹, А.В. Пилько, Е.Л. Кузнецова¹³².

Подобные примеры можно обнаружить и в истории XXI в. В случае с ракетно-ядерными программами Ирана и КНДР интересы контраспространения и «большой стратегии» США (в части управления региональными балансами сил) совпадают. Иной случай представляет «ядерная сделка» США с Индией при администрации Дж. Буша-мл. – пример превалирования потребностей геополитики (в данном случае, необходимости создания сильного противовеса растущему потенциалу Китая) – над интересами противодействия горизонтальному распространению ЯО. В отечественной историографии данный сюжет рассмотрен в работах С.А. Оборотова, И.В. Олсуфьева, В.А. Гавриловой¹³³.

Влияние ЯО на формирование нового миропорядка после окончания «холодной войны» рассмотрена в коллективной монографии РИСИ под редакцией В.И. Кривохижи¹³⁴. Роль ядерного фактора в мировой политике XXI в. исследовали А.А. Кокошин, А.В. Фененко, В.М. Кулагин¹³⁵, высказавшие собственную позицию в связи с дискуссией о «втором ядерном веке». По оценке А.А. Кокошина, «человечество входит в XXI в. на фоне совершенно иной стратегической обстановки... Появление двух новых ядерных

¹³⁰ Давыдов В.Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США. – М.: Наука, 1980. – 279 с.

¹³¹ Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение, 1945-1968. – М.: Наука, 1999. – 382 с.

¹³² Пилько А. В. «Кризис доверия» в НАТО и его влияние на политику альянса в Европе, 1956 – середина 60-х гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – М., 2003. – 236 с.; Кузнецов Е.Л. Политика Соединенных Штатов Америки в отношении ФРГ в связи с планами создания многосторонних ядерных сил НАТО : 1960-1966 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – Томск, 2005. – 154 с.

¹³³ Оборотов С. А. Ядерный фактор в американо-индийских отношениях: 1991-2008. – М. : Либроком, 2009. – 318 с.; Олсуфьев И. В. Формирование и развитие политики США в отношении ядерного потенциала Индии: 1998-2008 гг. : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04. М., 2011. – 231 с.; Гаврилова В.А. Развитие американо-индийских отношений в 1993 - 2012 гг. : роль ядерного фактора: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Томск, 2014. – 211 с.

¹³⁴ Ядерный фактор в современном мире. / Под общ.ред. В.И. Кривохижи. – М.: РИСИ, 1996. – 488 с.

¹³⁵ Кокошин А.А., Веселов В.А., Лисс А. В. Сдерживание во втором ядерном веке. - М.: Институт проблем международной безопасности РАН, 2001. – 69 с.; Кокошин А. А. Ядерные конфликты в XXI веке. – М.: Медиа-Пресс, 2003. – 123 с.; Фененко А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор. – М. : Аспект Пресс, 2013. – 571 с.; Кулагин В.М. Качественные изменения ядерного пространства // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 2 (23). – С.65-73.

держав, а также стран, которые создают ракетное оружие большой дальности, позволяет утверждать, что в международных отношениях складывается качественно новая ситуация и либеральный мировой порядок, на который многие рассчитывали после окончания «холодной войны», не состоялся»¹³⁶.

Структуру и содержание ядерной политики государства в отечественной литературе одними из первых рассмотрели В.П. Белоусов и Н.П. Волошин¹³⁷. Среди работ, посвященных эволюции ядерной политики США периода «холодной войны» следует отметить, прежде всего, труды А.Г. Арбатова¹³⁸. Связь ядерной политики и геополитических представлений американской элиты в период «холодной войны» рассмотрел В.Л. Мальков¹³⁹. Эволюции ядерной политики США в 1990-е гг. посвящены работы И.А. Николайчука и В.В. Любецкого¹⁴⁰. Ядерная политика администрации Дж. Буша-мл. проанализирована в работе Г.Б. Корсакова и серии статей И.Ф. Бочарова¹⁴¹. Новые моменты, появившиеся с приходом к власти Б. Обамы, изучали В.И. Есин¹⁴² и С.В. Картунов¹⁴³. Особенности, связанные с проектом «ядерного ноля», рассмотрел Г.Б. Корсаков, обративший внимание на связь взглядов на применение ЯО и подходов к его сокращению¹⁴⁴.

¹³⁶ Кокошин А.А. Ядерное сдерживание и национальная безопасность России // Вестник Российской академии наук. – 1999. – Т. 69. – № 10. – С. 903.

¹³⁷ Белоусов В.П., Волошин Н.П. Ядерная политика государства: структура, основные аспекты // Ядерная политика России: проблемы и перспективы. Научные записки ПИР-Центра. – 2000. – № 14. – С.8-16.

¹³⁸ Арбатов А.Г. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. – М.: Политиздат, 1980. – 288 с.; Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. – М.: Политиздат, 1984. – 318 с.

¹³⁹ Мальков, В.Л. Вхождение в ядерную эру. Атомная дипломатия: от начала к паритету. – М.: Международные отношения, 2018. – 647 с.

¹⁴⁰ Николайчук И. А. Ядерная политика США // США в новом мире: пределы могущества / Под общ. ред. В.И. Кривохижи. – М.: РИСИ, 1997. – С. 217-256; Любецкий В.В. Ядерная политика США в 1989 - 2000 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03. – М., 2001 – 224 с.

¹⁴¹ Корсаков Г. Б. Эволюция ядерной политики США (2001-2005 гг.) // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 6. – С. 13-36; Бочаров И.Ф. Ядерная политика администрации Дж. У. Буша // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 10. – С. 16-30; Бочаров И.Ф. Ядерное оружие в условиях трансформации вооруженных сил США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 7. – С. 40-54; Бочаров И.Ф. Реальна ли реформа ядерной политики США? // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2008. – № 10. – С. 43-57; Бочаров И.Ф. Современные аспекты ядерной политики США // Россия и Америка в XXI веке. – 2009. – № 2. URL <http://www.rasus.ru/print.php?id=143> (дата обращения: 18.03.2019).

¹⁴² Есин В.И. Ядерная политика США и их ядерные силы // Россия и Америка в XXI веке. 2016. №3 URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=517> (дата обращения: 18.03.2019); Есин В.И. Ядерная стратегия США и перспективы развития их ядерных сил // Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России. / Под ред. С.М. Рогова. – М.: Весь Мир, 2017. – С.182-210.

¹⁴³ Картунов С.В. Ядерный гамбит Барака Обамы. // Индекс безопасности. – 2011. – Т. 17. – № 3. – С. 39-56.

¹⁴⁴ Корсаков Г. Б. Модификации военной политики США и горизонты ядерного разоружения // Пути к миру и безопасности. – 2013. – № 2(45). – С. 27-56.

Отечественная историография уделяет также внимание отдельным компонентам ядерной политики США. Подходы администрации Г. Трумэна к строительству ядерных сил США рассмотрел В.И. Батюк¹⁴⁵. Ядерное распространение в вертикальном измерении на завершающем этапе «холодной войны» изучали Н.А. Ильинская, Г.И. Святлов, И.Ю. Жинкина¹⁴⁶. Политику администрации Дж. Буша-мл. в сфере вертикального распространения исследовал И.Ф. Бочаров¹⁴⁷. Эволюцию соотношения политической и военной функции ЯО при реализации сдерживания в период «холодной войны» и в 1990-е гг. рассмотрел М.И. Герасев¹⁴⁸. Разрабатывавшиеся в США с начала 1970-х гг. механизмы управления ядерными конфликтами за счет эскалационного доминирования стали темой исследования Л.С. Семейко¹⁴⁹. Трансформации политики США в области ядерного сдерживания в период становления постбиополярного мира посвящена работа Г.Б. Корсакова¹⁵⁰, ее дальнейшему развитию при администрации Дж. Буша-мл. – серия статей И.Ф. Бочарова¹⁵¹, подходам администрации Обамы – обзор В.П. Козина¹⁵².

Эволюция политики США в сфере противодействия горизонтальному распространению ЯО во второй половине XX в. и начале XXI в. рассмотрена

¹⁴⁵ Батюк В. И. Начало советско-американской ядерной гонки (1945-1949 гг.) // Новая и новейшая история. – 2016. – №6. – С. 66-77.

¹⁴⁶ Ильинская Н. А. Политика правящих кругов США в гонке вооружений на современном этапе (70-80-е годы): диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.05. – М., 1983. – 216 с.; Святлов Г.И. Полторы войны или больше : Стратегия нереалистического устрашения. – М. : Мысль, 1987. - 222 с.; Жинкина И. Ю. Эволюция американских подходов к достаточности ядерного потенциала. // США: экономика, политика, идеология. – 1992. – №4. –С. 3–12.

¹⁴⁷ Бочаров И.Ф. Ядерный арсенал США в условиях моратория на ядерные испытания. // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 4. – С. 22-38; Бочаров И.Ф. Разработка в США нового ядерного оружия // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2004. – № 11. – С. 36-49.

¹⁴⁸ Герасев М.И. Эволюция взглядов на военную роль ядерного оружия. // США: экономика, политика, идеология. – 1998. – № 2. – С. 19-31.

¹⁴⁹ Семейко Л.С. Американская концепция «контроля над эскалацией ядерной войны». // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 10. – С.85-104.

¹⁵⁰ Корсаков Г.Б. Трансформация политики США в области ядерного сдерживания (1991 -2001 гг.)// США и Канада: экономика, политика, культура. – 2002. – № 3. – С. 29-54.

¹⁵¹ Бочаров И.Ф. Практические аспекты ядерного сдерживания // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 12. – С. 17-32; Бочаров И.Ф. Современные подходы к ядерному сдерживанию // Россия и Америка в XXI веке. – 2007. – № 3. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=57> (дата обращения: 18.03.2019); Бочаров И.Ф. Ядерное сдерживание в региональных конфликтах // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 9. – С. 35-52; Бочаров И.Ф. Современные подходы США к ядерному сдерживанию // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2008. – № 4. – С. 19-31.

¹⁵² Козин В.П. Ядерная стратегия Барака Обамы. / Аналитические обзоры РИСИ. Вып. 4. – М.: Изд-во Российского института стратегических исследований (РИСИ), 2014. 33с.

Д.С. Молодцовым¹⁵³. И.Ф. Бочаров и В.Л. Фролов исследовали политику США в сфере контрраспространения после окончания «холодной войны»¹⁵⁴. Политика США в сфере противодействия вертикальному распространению ЯО во второй половине XX в. и начале XXI в. рассмотрена А.И. Антоновым, в том числе в связи с эволюцией политики ядерного сдерживания¹⁵⁵. Развитие подходов США к диалогу с СССР, а затем Российской Федерацией в период с начала переговоров по ОСВ и ПРО и до заключения Пражского договора 2010 г. было рассмотрено Т.В. Кашириной¹⁵⁶. Политика США во время переговоров с СССР при выработке договоров ОСВ-1 и ОСВ-2 исследована в диссертации В.А. Каламанова¹⁵⁷. Внутриполитическая борьба в США вокруг заключения договора ОСВ-2 изучена в работе А.И. Клинкава.¹⁵⁸ Роль фактора стратегической стабильности в выработке политики США в сфере контроля над стратегическими вооружениями исследовали А.Г. Савельев и Р.Н. Афонин¹⁵⁹.

Одним из ключевых элементов контрсдерживания в структуре ядерной политики США на протяжении нескольких десятилетий остаются планы и программы создания средств ПРО. Эволюции подходов США к созданию ПРО во второй половине XX в. и в начале XXI в. посвящены работы О.В. Матвеева, В.П. Козина, П.Л. Подвига, О.В. Приходько¹⁶⁰. Внешнеполитические и

¹⁵³ Молодцов Д. С. Международный контроль над нераспространением ядерного оружия во второй половине 1940-х гг. - 2000-е гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.15, 07.00.02. – М., 2005. - 162 с.

¹⁵⁴ Фролов В.Л. Американская политика в области нераспространения и интересы России. // США: экономика, политика, идеология. – 1996. – №2. – С. 63-70; Бочаров И.Ф. Россия, США и проблемы нераспространения ядерного оружия. // США, Канада: экономика, политика, культура. – 1998. – № 3. – С. 67-79.

¹⁵⁵ Антонов А. И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; ПИР-Центр, 2012. – 409 с.

¹⁵⁶ Каширина Т. В. Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969-2010 гг. – Воронеж : Научная книга, 2013. – 590 с.

¹⁵⁷ Каламанов В.А. Эволюция подхода США к проблеме переговоров по ограничению стратегических вооружений (1969-1979 гг.) : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.05. – М., 1984. – 237 с.

¹⁵⁸ Клинкав А.И. Политическая борьба в США по вопросу об ограничении стратегических вооружений. 1976-1980 : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – М., 1984. - 205 с.

¹⁵⁹ Савельев А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты договоров СНВ-1 и СНВ-2. – М., Институт мировой экономики и международных отношений, 2000. – 156 с.; Афонин Р.Н. Российско-американские отношения в области сокращения и ограничения стратегических вооружений и стратегическая стабильность : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04. – М., 2003. – 217 с.

¹⁶⁰ Матвеев О.В. Противоракетная оборона в ракетно-ядерном сдерживании: история и политика. – М. : Военный университет, 2014. - 236 с.; Козин В.П. Эволюция противоракетной обороны США и позиция России (1945-2013). – М.: РИСИ, 2013; Подвиг П.Л. Противоракетная оборона как фактор стратегических взаимоотношений СССР/России и США в 1945-2003 гг. : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04. – М., 2004. – 227 с.; Приходько О.В. Политика США в области ПРО: от Рейгана до Буша // Обозреватель. – 2007. – №7. – С. 66-78.

внутриполитические аспекты политики в сфере ПРО в период выработки договора 1972 г. проанализированы в диссертации Д.И. Федюшко¹⁶¹. Особенности подходов Дж. Буша-мл. и Б. Обамы к созданию глобальной системы ПРО, а также содержание полемики вокруг планов администраций изучены И.Ф. Бочаровым, О.О. Криволаповым, В.И. Есиным, И.А. Петровой¹⁶². Эволюцию отдельных аспектов политики США в сфере ПРО, в том числе отношения с союзниками, исследовали О.В. Приходько, Г.Б. Корсаков, В.И. Шацкая, Ю.Ю. Паршкова, В.И. Мизин¹⁶³.

В зарубежной историографии, посвященной формированию в США образа оптимального миропорядка, отмечается его иерархичность при главенствующей роли самих Соединенных Штатов. В ряду посвященных этому теоретических публикаций следует отметить работы Д. Лэйка, А. Бардера, И. Пармара, Э. Филиппса, сборник статей под редакцией А. Зарколь¹⁶⁴. Причины изменений в иерархии международных отношений, том числе в результате крупных конфликтов, рассмотрены в работах Р. Гилпина, Дж. Айкенберри, М. Леффлера, группы сотрудников РЭНД во главе с М. Мазарром¹⁶⁵.

¹⁶¹ Федюшко Д.И. Эволюция политики США в области противоракетной обороны : 1969-1972 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – М., 2017. – 235 с.

¹⁶² Бочаров И.Ф. Глобальная ПРО в контексте ядерной политики Вашингтона // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – № 10. – С. 39-54; Криволапов О.О. Подходы политических и академических кругов США к проблеме ПРО во время президентства Б. Обамы : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04. – М., 2016. – 220 с.; Есин В. И. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2015. – № 3. – С. 85–114; Петрова И.А. Оценка современного состояния системы ПРО США и перспектив ее развития // Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России / Под ред. С.М. Рогова. – М.: Весь Мир, 2017. – С.211-242.

¹⁶³ Приходько О.В. Проблема противоракетной обороны в трансатлантических взаимоотношениях, 1960-1990-е годы : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – М., 2001. 312 с.; Корсаков Г.Б. Концепция нестратегической противоракетной обороны в военно-политической стратегии США : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04. – М., 2000. – 235 с. ; Шацкая В.И. Формирование программы США ЕвроПРО и ее влияние на международную безопасность : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04 Санкт-Петербург, 2014. – 225 с.; Паршкова Ю.Ю. Развертывание противоракетной обороны США в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – №6 (45). – С. 188-195; Мизин В.И. Система противоракетной обороны США и глобальная стратегическая стабильность // Международная аналитика. – 2016. – №1 (15). – С. 71-83.

¹⁶⁴ Lake D. A. Hierarchy in international relations. – Ithaca: Cornell University Press, 2009. – 232 p.; Barder A. Empire within: international hierarchy and its imperial laboratories of governance. – London: Routledge, 2015. – 179 p.; Hierarchies in world politics / Ed. A. Zarakol. – NY: Cambridge University Press, 2017. – 344 p.; Parmar I. Global power shifts, diversity, and hierarchy in international politics // Ethics & International Affairs. – 2019. – Vol. 33 – No. 2. – P. 231-244; Phillips A. Global security hierarchies after 1919 // International Relations. – 2019. – Vol.33. – No.2. – P. 195–212.

¹⁶⁵ Gilpin R. War and change in world politics. – NY : Cambridge University Press, 1981. – 288 p.; Ikenberry G. J. After victory : institutions, strategic restraint, and the rebuilding of order after major wars. – Princeton : Princeton University Press, 2009. – 336 p.; Ikenberry G. J. Liberal Leviathan : the origins, crisis, and transformation of

Исследованию трансформации миропорядка в результате соперничества держав посвящен классический труд Р. Джервиса и Дж. Снайдера¹⁶⁶.

Сложилась определенная традиция обсуждения судьбы американской гегемонии в контексте циклических сдвигов в соотношении сил основных участников системы международных отношений, начатая трудом П. Кеннеди и развитая в работах Ч. Киндлебергера, Ч. Майера, Дж. Блэка, Г. Лундестада, Дж. Томпсона, Э. Хопкинса, Б. Тоццо.¹⁶⁷ Роли различных факторов, в том числе технологического, в динамике борьбы за лидерство посвящена коллективная монография под руководством Ф. Костильолы и М. Хогана¹⁶⁸.

Поскольку борьба за лидерство в условиях, когда претенденты являются ядерными державами, чревата катастрофическими последствиями, особым вниманием в историографии последнего времени (в условиях усиливающегося вызова со стороны КНР) пользуется история соперничества США с Британской империей как пример «мирной» смены гегемона. Этой теме посвящены работы таких авторов как Б. Портер, Дж. Гоу, Б. Бьюзан и Ч. Лоусон, Д. Либерт¹⁶⁹. Для темы настоящей диссертации представляет интерес концепция П. Хагилла,

the American world order. – Princeton : Princeton University Press, 2011. – 372 p.; Power, order, and change in world politics / Ed. G. J. Ikenberry. – NY : Cambridge University Press, 2014. - 296 p.; Leffler M. P. Safeguarding democratic capitalism: U. S. foreign policy and national security, 1920-2015. - Princeton : Princeton University Press, 2017. – 360 p.; Mazarr M. J. et al. Understanding the current international order. - Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2016. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR1500/RR1598/RAND_RR1598.pdf (дата обращения: 18.03.2019); Mazarr M.J., Rhoades A.L. Testing the value of the postwar international order. - Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2018. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_reports/RR2200/RR2226/RAND_RR2226.pdf (дата обращения: 18.03.2019).

¹⁶⁶ Jervis R., Snyder J. Dominoes and bandwagons: strategic beliefs and great power competition in the Eurasian Rimland. - NY : Oxford University Press, 1991. - 299 p.

¹⁶⁷ Kennedy P.M. The rise and fall of the great powers : economic change and military conflict from 1500 to 2000. - NY: Random House, 1987. - 677 p.; Kindleberger Ch. P. World economic primacy, 1500 to 1990. - NY : Oxford University Press, 1996. - 269 p.; Maier Ch. S. Among empires : American ascendancy and its predecessors. - Cambridge, MA : Harvard University Press, 2006. - 373 p.; Black J. Great powers and the quest for hegemony. The world order since 1500. – London : Routledge, 2008. - 273 p.; Lundestad G. The rise and decline of the American "empire" : power and its limits in comparative perspective. - Oxford : Oxford university press, 2012. - 222 p.; Thompson J. A sense of power : the roots of America's global role. – Ithaca : Cornell University Press, 2015. -343 p.; Hopkins A. G. American empire : a global history. - Princeton : Princeton University Press, 2018. - 980 p.; Tozzo B. American hegemony after the Great Recession: A transformation in world order. – London : Palgrave Macmillan, 2018. – 154 p.

¹⁶⁸ Explaining the history of American foreign relations. – 3rd edition. / Ed. F.Costigliola, M. J. Hogan. – NY : Cambridge University Press, 2016. – 389 p.

¹⁶⁹ Porter B. Empire and superempire : Britain, America and the world. – New Haven : Yale University Press, 2006. – 211 p.; Go J. Patterns of empire : the British and American empires, 1688 to the present. – NY : Cambridge University Press, 2011. – 302 p.; Buzan B., Lawson G. The global transformation: history, modernity and the making of international relations. – NY: Cambridge University Press, 2015. – 396 p.; Leebaert D. Grand improvisation : America confronts the British superpower, 1945-1957. – NY : Farrar, Straus and Giroux, 2018. – 612 p.

рассматривающего роль технологического фактора в оттеснении Соединенными Штатами Великобритании с места мирового лидера¹⁷⁰. Хагилл выделяет четыре сферы соперничества: судоходство, авиация, телекоммуникации, мировой рынок нефти. Очевидно, что очередной сферой такого соперничества в середине 1940-х гг. становилась атомная энергия. Это позволяет лучше понять значение идей установления международного контроля над атомной энергией как перехода от «монополии на двоих», предусмотренной соглашениями Рузвельта и Черчилля 1943-1944 гг., к установлению единоличной монополии США согласно плану Ачесона-Лилиенталя-Баруха 1946 г. Данный переход рассмотрен в работах Б. Бернштейна и Г. Фамело¹⁷¹.

Такой переход вполне соответствовал изменениям в американском замысле миропорядка, которые исследовали Р. Стил, П. Портер, С. Патрик, О. Розинбойм, Р. Поллард и Ш. Горовиц¹⁷². В этом контексте представляет интерес полемика вокруг мирополитического значения плана Баруха – можно ли считать его ответвлением идей «мирового правительства» или это был один из первых шагов в направлении однополярного мира? Участники полемики – Л. Гербер, Дж. Баратта, Д. Керн, Ф. Бартель – выработали компромиссную точку зрения, согласно которой идея создания «мирового министерства по атомной энергии», безусловно была отголоском популярных среди части западной элиты проектов «мировой федерации», но основное содержание проекта, особенно дополнения Б. Баруха к исходному проекту Ачесона-Лилиенталя, было направлено на установление гегемонии США в еще одной

¹⁷⁰ Hugill P.J. Transition in power : technological "warfare" and the shift from British to American hegemony since 1919. – Lanham : Lexington Books, 2018. – 321 p.

¹⁷¹ Bernstein B.J. The Quest for security: American foreign policy and the international control of atomic energy, 1942–1946 // *Journal of American History*. – 1974. – Vol.60. – No. 4. – P. 1003-1044; Bernstein B. J. Roosevelt, Truman and the atomic bomb, 1941–1945: A reinterpretation // *Political Science Quarterly*. – 1975. – Vol. 90. – No.1 – P. 23–69; Bernstein B. J. The uneasy alliance: Roosevelt, Churchill, and the atomic bomb, 1940–1945 // *Western Political Science Quarterly*. – 1976. – Vol. 29. – No. 2. – P. 202–230; Farnelo G. Churchill's bomb: how the United States overtook Britain in the first nuclear arms race. – NY: Basic Books, 2013. – 554 p.

¹⁷² Steel R. Walter Lippmann and the American century. - Boston: Little, Brown & Co, 1980. - 669 p.; Porter P. Beyond the American Century: Walter Lippmann and American Grand Strategy, 1943–1950 // *Diplomacy and Statecraft*. – 2011. – Vol. 22. – No. 4. – P. 557-577; Patrick S. Best laid plans : the origins of American multilateralism and the dawn of the Cold War. - Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2009. – 377 p.; Rosenboim O. The emergence of globalism : visions of world order in Britain and the United States, 1939-1950. – Princeton : Princeton University Press, 2017. – 338 p.; Pollard R. A. Economic Security and the Origins of the Cold War, 1945-1950. – NY: Columbia University Press, 1985. – 378 p.; Horowitz Sh. Restarting Globalization after World War II: Structure, Coalitions, and the Cold War // *Comparative Political Studies*. – 2004. – Vol 37. – No. 2. – P. 127-151.

сфере высоких технологий, имеющей особое значение для международной безопасности¹⁷³.

По мнению Д. Сарджента и Х. Брэндса, в эволюции американских представлений о миропорядке периода «холодной войны» важную роль играет период 1970-х гг., особенно его вторая половина, когда помимо основной оси противостояния «холодной войны» начали проявляться новые тенденции, новые конфигурации сил, которые придут на смену биполярному порядку в 1990-е гг.¹⁷⁴ В этой связи представляют интерес работы Р. Мелансона, Д. Скидмора, Дж. Дамбрелла, Т. Маккрискина, посвященные сквозному анализу внешней политики США от Дж. Картера до Б. Клинтона¹⁷⁵.

При изучении структуры миропорядка, складывающейся после окончания «холодной войны», одно из центральных мест занимает соотношение двух явлений – стремления США к установлению однополярного устройства системы международных отношений и противостоящих этому тенденций¹⁷⁶. По мнению сторонников однополярного порядка, альтернативой ему может быть только хаос¹⁷⁷. Такая уверенность в своей правоте и оптимизм имеют в своей основе идеологические мотивы, прежде всего, неоконсервативные представления об оптимальном миропорядке, рассмотренные Г. Дорьеном,

¹⁷³ Gerber L.G. The Baruch Plan and the origins of the Cold War // *Diplomatic History*. – 1982. – Vol. 6. – No.1. – P. 69-96; Baratta J.P. Was the Baruch Plan a proposal of world government? // *The International History Review*. – 1985. – Vol 7. – No.4. – P. 592-621; Kearn D. W. The Baruch Plan and the quest for atomic disarmament // *Diplomacy & Statecraft*. – 2010. – Vol. 21. – No. 1. – P. 41-67; Bartel F. Surviving the years of grace: the atomic bomb and the specter of world government, 1945-1950 // *Diplomatic History*. – 2015. – Vol. 39. – No.2. – P. 275-302.

¹⁷⁴ Sargent D. A superpower transformed : the remaking of American foreign relations in the 1970s. - Oxford : Oxford University Press, 2015. – 432 p.; Brands H. Making the unipolar moment : U.S. foreign policy and the rise of the post-Cold War order. – Ithaca : Cornell University Press, 2016. – 469 p.

¹⁷⁵ Melanson R.A. American foreign policy since the Vietnam War : the search for consensus from Richard Nixon to George W. Bush. 4th ed. – NY : Palgrave Macmillan, 2015. – 415 p.; Skidmore D. Reversing course: Carter's foreign policy, domestic politics, and the failure of reform. – Nashville: Vanderbilt University Press, 1996. – 234 p.; Dumbrell J. American foreign policy: Carter to Clinton. – London : Macmillan, 1997. – 239 p.; McCrisken T. American exceptionalism and the legacy of Vietnam: US foreign policy since 1974. - NY : Palgrave Macmillan, 2003. – 237 p.

¹⁷⁶ Unipolar politics: realism and state strategies after the Cold War / Ed. E. Kapstein, M. Mastanduno. – NY : Columbia University Press, 1999. – 350 p.; Ikenberry G. J. The restructuring of the international system after the Cold War // *The Cambridge History of the Cold War*. Vol. 3. / Ed. M.P. Leffler, O.A. Westad. – NY: Cambridge University Press, 2010. – P.535-556; Monteiro N.P. Theory of unipolar politics. – NY: Cambridge University Press, 2014. – 272 p.

¹⁷⁷ Wohlforth W. C. The stability of a unipolar world // *International security*. – 1999. – Vol 24. – No.1. – P. 5-41; Brooks S.G., Wohlforth W.C. World out of balance : international relations and the challenge of American primacy. - Princeton : Princeton University Press, 2008. – 226 p. ; Brooks S.G., Wohlforth W.C. America abroad : the United States' global role in the 21st century. – NY : Oxford University Press, 2016. – 296 p; Beckley M. Unrivaled: Why America will remain the world's sole superpower. – Ithaca : Cornell University Press, 2018. – 248 p.

Дж. Манном, М. Райан, Р. Иммерманом¹⁷⁸. Набирающие силу с конца 1990-х гг. вызовы однополярному устройству системы международных отношений проанализированы в работах Э. Золинген, Р. Стюарт-Ингерсолла и Д. Фрэзера, Дж. Григеля и А. Митчелл, Чо Иль Хюна, сборниках статей под редакцией Д. Флемза и Х. Эберта¹⁷⁹. Реагирование на вызовы представляет собой одну из главных задач «большой стратегии» (стратегии национальной безопасности).

Эволюции стратегии национальной безопасности США во второй половине XX в. и начале XXI в. уделяется значительное внимание в зарубежной историографии. Дж. Л. Гэддис вынес термин «стратегия» (во множественном числе) в название своей обобщающей работы по истории «холодной войны»¹⁸⁰. Исходя из представлений о стратегии как способе достижения поставленных целей с помощью имеющихся средств, Гэддис выделил критерий, определявший чередование двух типов стратегий – соотношение «риска» и «стоимости», включив в эти параметры и ядерный фактор. Исторический опыт США от «отцов-основателей» до начала «холодной войны» обобщен Гэддисом в работе, посвященной «большой стратегии»¹⁸¹. П.Кеннеди провел сравнительный анализ «большой стратегии» США с опытом европейских держав¹⁸². Эволюция стратегии национальной безопасности США в начальный период «холодной войны» рассмотрена в работах М. Леффлера и К. Грэя¹⁸³

¹⁷⁸ Dorrien G. Imperial designs: neoconservatism and the new Pax Americana. – NY : Routledge, 2004. – 298 p.; Mann J. Rise of the Vulcans : the history of Bush's war cabinet. – NY : Viking, 2004. – 426 p.; Ryan M. Neoconservatism and the New American Century. – L.: Palgrave Macmillan, 2010. – 273 p.; Immerman R. H. Empire for liberty : a history of American imperialism from Benjamin Franklin to Paul Wolfowitz. - Princeton : Princeton University Press, 2010. - 288 p.

¹⁷⁹ Solingen E. Regional orders at century's dawn : Global and domestic influences on grand strategy. - Princeton : Princeton university press, 1998. - 352 p.; Stewart-Ingersoll R.t, Frazier D. Regional powers and security orders: a theoretical framework. – NY: Routledge, 2012. - 296 p.; Grygiel J.J., Mitchell A.W. The unquiet frontier: rising rivals, vulnerable allies, and the crisis of American power. - Princeton : Princeton University Press, 2017. - 240 p.; Cho Il Hyun. Global rogues and regional orders: the multidimensional challenge of North Korea and Iran – NY: Oxford University Press 2016. - 264 p.; Regional leadership in the global system: ideas, interests and strategies of regional powers. / Ed. D. Flesmes. – NY : Routledge, 2016. – 394 p.; Regional powers and contested leadership / Ed. H.Ebert, D.Flesmes. – NY, Berlin: Springer Verlag, 2018. – 348 p.

¹⁸⁰ Gaddis J. L. Strategies of Containment: A Critical Appraisal of American National Security Policy during the Cold War. Revised and Expanded Edition. – NY : Oxford University Press, 2005. - 484 p.

¹⁸¹ Gaddis. J. L. On grand strategy. - NY : Penguin Press, 2018. - 368 p.

¹⁸² Kennedy P. American Grand Strategy, Today and Tomorrow: Learning from the European Experience // Grand strategies in war and peace / Ed. by P. Kennedy. – New Haven : Yale university press, 1991. - P. 167-184.

¹⁸³ Leffler M.P. A preponderance of power : National security, the Truman administration, and the Cold War. - Stanford: Stanford university press, 1992. - 689 p.; Leffler M.P. The emergence of an American grand strategy, 1945–1952 // The Cambridge History of the Cold War. Vol.1 / Eds. M.P. Leffler, O.A. Westad. – NY: Cambridge University

Развитию стратегии в широком историческом диапазоне – с середины XX в. до первого десятилетия XXI в. посвящены работы К. Лэйна, С. Амброуза и Д. Бринкли, С. Хука и Дж. Спэнъера, Х. Брэндса, С. Брауна¹⁸⁴. Еще больший охват – от «отцов-основателей» до XXI в. имеют работы У.Р. Мида, У. Мартела, Л. Милевски¹⁸⁵. Перенос «центра тяжести» стратегии США в Азию при администрации Б. Обамы стимулировал появление работ, посвященных эволюции внешней политики в Восточной Азии. В этом ряду следует отметить, прежде всего, работу М. Грина¹⁸⁶.

Одной из отличительных черт стратегии национальной безопасности США после окончания «холодной войны» стало стремление сохранить обретенную свободу рук в мировой политике, стремление действовать в одностороннем порядке, без оглядки на какие-либо ограничения. Названным тенденциям посвящены работы И. Даалдера и Дж. Линдсея, Д. Скидмора¹⁸⁷. Полной свободы рук США, однако не обрели, и одна из главных причин тому – фактор России, обладающий почти равным с американским ядерным потенциалом. Значение данного фактора, а также сравнение подходов администраций У. Клинтона и Дж. Буша-мл. стало темой работ А. Стент и

Press, 2010. - P. 67-88; Leffler M.P. The American conception of national security and the beginnings of the Cold War, 1945-48 // *The American Historical Review*. – 1984. – Vol. 89. – No. 2. – P. 346-381; Gray C. S. Harry S. Truman and the forming of American grand strategy in the Cold War, 1945-1953 // *The Shaping of Grand Strategy: Policy, Diplomacy, and War* / Ed. W. Murray, R.H. Sinnreich, J. Lacey. - NY : Cambridge University Press, 2011. - P. 210-253

¹⁸⁴ Layne C. *The peace of illusions: American grand strategy from 1940 to the present*. - Ithaca : Cornell University Press, 2006. - 290 p.; Ambrose S. E. , Brinkley D.G. *Rise to globalism : American foreign policy since 1938*. - 9th rev. ed. - NY : Penguin Books, 2011. – 569 p.; Hook S. W., Spanier J. *American foreign policy since World War II*. 19th ed. - Los Angeles : CQ Press/SAGE, 2013. – 488 p.; Brands H. *What good is grand strategy? : Power and purpose in American statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush*. - Ithaca : Cornell University Press, 2014. – 273 p.; Brown S. *Faces of power : constancy and change in United States foreign policy from Truman to Obama*. 3rd ed. – NY : Columbia university press, 2015. - 844 p.

¹⁸⁵ Mead W. R. *Special Providence : American foreign policy and how it changed the world*. - NY : Knopf 2002. – 374 p.; Martel W.C. *Grand strategy in theory and practice : The need for an effective American foreign policy*. - NY : Cambridge University Press, 2015.- 535 p.; Milevski L. *The evolution of modern grand strategic thought*. – Oxford: Oxford University Press, 2016. – 175 p.

¹⁸⁶ Green M. J. *By more than Providence: Grand Strategy and American power in the Asia Pacific since 1783*. – NY: Columbia University Press, 2017. - 725 p.

¹⁸⁷ Daalder I.H., Lindsay J.M. *America unbound: The Bush revolution in foreign policy*. - Washington, DC: Brookings Institution, 2003. - 259 p.; Skidmore D. *The Unilateralist Temptation in American Foreign Policy* – NY : Routledge 2010. - 155 p.

М. Смита¹⁸⁸. Циклический характер эволюции стратегии США проанализировали Э. Бацевич, Т. Хенриксен, К. Хеммер¹⁸⁹.

Одним из элементов названной тенденции стал акцент администрации Дж. Буша-мл. на превентивные и упреждающие действия, что означало возвращение к методам начального периода «холодной войны»¹⁹⁰. С другой стороны, очевидна преемственность стратегии с концептуальными наработками и практическими шагами администрации Дж. Буша (1989-1992 гг.), что объясняется как кадровым составом (особенно в первой администрации Буша-мл.), так и влиянием неоконсервативной идеологии¹⁹¹.

В то же время существует ряд работ, в которых роль неоконсерватизма в формировании стратегии Буша-мл. не абсолютизируется, и отмечается влияние иных элементов американской внешнеполитической традиции, в частности либерального интернационализма¹⁹². Итогам реализации военно-политической стратегии администрации Дж. Буша-мл. посвящены работы Э. Бацевича и И. Пелега, а также сборник статей под редакцией М. Леффлера¹⁹³.

¹⁸⁸ Stent A. *The Limits of Partnership: U.S.-Russia Relations in the Twenty-first Century*. – Princeton : Princeton University Press, 2015. - 408 p.; Smith M. A. *The foreign policies of Bill Clinton and George W. Bush : a comparative perspective*. – NY : Routledge, 2018. - 208 p.

¹⁸⁹ Bacevich A. J. *American empire : the realities and consequences of U.S. diplomacy*. - Cambridge, MA : Harvard University Press, 2002. - 302 p.; Henriksen T. *Cycles in US foreign policy since the Cold War*. - NY, Berlin : Springer 2017. - 332 p.; Hemmer C. *American Pendulum: Recurring Debates in U.S. Grand Strategy*. - Ithaca: Cornell University Press, 2015. - 224 p.

¹⁹⁰ *Hitting first : preventive force in U.S. security strategy*. / Eds. W.W. Keller, G.R. Mitchell. - Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2006. - 360 p.; Levy J. S. *Preventive war and the Bush doctrine: Theoretical logic and historical roots // Understanding the Bush Doctrine : psychology and strategy in an age of terrorism / Ed. S.A. Renshon, P. Suedfeld*. - NY.: Routledge, 2007. - P.187-212.

¹⁹¹ Cameron F. *US foreign policy after the Cold War : global hegemon or reluctant sheriff?* – L. : Routledge, 2005/ - 233 p.; Arquilla J. *The Reagan imprint : ideas in American foreign policy from the collapse of communism to the war on terror*. - Chicago : Dee , 2006. - 272 p.; *Hegemony or Empire? The Redefinition of US Power under George W. Bush / Ed. Ch. David, D. Grondin*. - Burlington: Ashgate Publishing Company, 2006. - 237 p.; Brands H. *From Berlin to Baghdad: America's Search for Purpose in the Post-cold War World*. – Lexington: The University Press of Kentucky, 2008. - 416 p.; Colodny L.V., Shachtman T. *The forty years war : The rise and fall of the neocons, from Nixon to Obama*. - 2nd ed. - Walterville : Trine Day, 2016. – 485 p.

¹⁹² Ikenberry G. J. et al. *The crisis of American foreign policy: Wilsonianism in the twenty-first century*. - Princeton : Princeton University Press Princeton, 2009. - 157 p.; Smith T. *Why Wilson matters : the origin of American liberal internationalism and its crisis today*.- Princeton : Princeton University Press, 2017. - 332 p.; Dueck C. *Reluctant crusaders : power, culture, and change in American grand strategy*. - Princeton : Princeton University Press, 2006. – 224 p.; Green B. R. *Two concepts of liberty: U.S. Cold War grand strategies and the liberal tradition // International Security*. – 2012. – Vol. 37. – No. 2. – P. 9-43.

¹⁹³ Peleg I. *The legacy of George W. Bush's foreign policy: moving beyond neoconservatism*. – Boulder: Westview Press, 2009. - 202 p.; Bacevich A.J. *The limits of power : the end of American exceptionalism*.- NY : Henry Holt and Company, 2009. - 213 p.; Bacevich A.J. *Washington rules: America's path to permanent war*. – NY: Metropolitan Books 2010. – 286 p.; *To lead the world: American strategy after the Bush doctrine / Ed. M.P. Leffler, J.W. Legro*. - NY : Oxford University Press, 2008. - 303 p.

Формированию и реализации стратегии национальной безопасности администрации Б. Обамы посвящены работы С. Ренсона, Х. Брэндса, К. Дуэка, Дж. Шивли¹⁹⁴. Историю выработки и реализации политики «переноса центра тяжести в Азию» рассмотрели Н. Силав, Р. Келли, Г. Леффльманн, Дж. Джонсон, М. Колмаш и Ш. Колмашова¹⁹⁵. В зарубежной историографии уделяется внимание также связи внутренней и внешней политики США¹⁹⁶, роли политических институтов¹⁹⁷ и особенно – Конгресса¹⁹⁸.

В зарубежной историографии целый ряд дискуссий вызвало исследование роли ЯО в трансформации миропорядка. В отношении роли ЯО в генезисе «холодной войны» существует две точки зрения. Первая восходит к меморандуму Н. Бора 1944 г. («бомба взорвет мир») и отводит ЯО роль ключевого фактора в переходе США от сотрудничества с СССР к конфронтации. В наиболее законченном виде данный тезис изложил

¹⁹⁴ Renshon S. A. National security in the Obama administration: Reassessing the Bush doctrine. – NY: Routledge, 2009. – 291 p.; Brands H. American Grand Strategy and the liberal order: continuity, change, and options for the future. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2016 URL:

https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/perspectives/PE200/PE209/RAND_PE209.pdf (дата обращения: 26.03.2019); Dueck C. The Obama doctrine : American Grand strategy today. – NY: Oxford university press, 2015. – 323 p.; Shively J. Hope, Change, Pragmatism: Analyzing Obama's Grand Strategy. – NY, Berlin, Springer, 2016. – 122 p; The Obama Doctrine: A Legacy of Continuity in US Foreign Policy? / Eds. M.Bentley, J. Holland. – NY : Routledge, 2017. – 239 p.

¹⁹⁵ Silove N. The pivot before the pivot: US strategy to preserve the power balance in Asia // International Security. – 2016. – Vol. 40. – No. 4. – P. 45-88; Kelly R.E. The 'pivot' and its problems: American foreign policy in Northeast Asia // The Pacific Review. – 2014. – Vol. 27. – No. 3. – P. 479-503; Löfflmann G. The Pivot between containment, engagement, and restraint: President Obama's conflicted grand strategy in Asia // Asian Security. – 2016. – Vol. 12. – No. 2. – P. 92-110; Johnson J. The US-China military and defense relationship during the Obama presidency. – NY, Berlin : Springer, 2018. – 198 p.; Kolmaš M., Kolmašová Š. A 'pivot' that never existed: America's Asian strategy under Obama and Trump // Cambridge Review of International Affairs. – 2019. – Vol. 32. – No. 1. – P. 61-79.

¹⁹⁶ Wittkopf E.R., Jones C.M., Kegley Ch. W. American Foreign Policy: Pattern and Process. – 7th ed. – Belmont, CA : Wadsworth Publishing 2008. – 661 p.; Rosati J.A., Scott J. The politics of United States foreign policy. – 6th ed. – Boston : Wadsworth/Cengage, 2014. – 507 p.; Milner H.V., Tingley D. Sailing the waters edge: the domestic politics of American foreign policy. – Princeton: Princeton university press, 2015. – 352 p.; The domestic sources of American foreign policy : insights and evidence. – 6th ed. / Ed. J.M. McCormick. – Lanham : Rowman & Littlefield, 2018. – 415 p.

¹⁹⁷ Walton C. D. Grand strategy and the presidency : foreign policy, war and the American role in the world - NY : Routledge, 2012. – 206 p.; Abshire D. M. Forging grand strategy: The President's role. // Forging an American grand strategy: securing a path through a complex future / Ed. S. A. Ronis. – Carlisle, PA: Strategic Studies Institute, 2013. – P. 51-69; Popescu I.C. Emergent strategy and grand strategy : how American presidents succeed in foreign policy.- Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2017. – 248 p.; Trubowitz P. Politics and strategy : partisan ambition and American statecraft.- Princeton : Princeton University Press, 2011. – 185 p.

¹⁹⁸ Henehan M.T. Foreign policy and Congress: An international relations perspective. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 2000. – 213 p.; Johnson R. D. Congress and the Cold War. – NY: Cambridge University Press, 2006.- 382 p; King K. Congress and national security. – NY: Council on Foreign Relations, 2010. – 62 p.; Rivals for power: Presidential-Congressional relations / Ed. J.A. Thurber. – Lanham : Rowman & Littlefield, 2013. – 254 p.

Г. Алпровиц¹⁹⁹, в настоящее время это мнение разделяют К. Крейг и С. Радченко²⁰⁰. Более осторожной является позиция М. Шервина, Р. Даллека, В. Мискембла и А. Оффнера²⁰¹, полагающих, что стремление сохранить атомную монополию было одной из важных, но не единственной причиной перехода к конфронтации, одним, но не главным фактором в генезисе «холодной войны».

Дискуссионным является также вопрос о том, когда ЯО начало играть революционную роль в миропорядке «холодной войны». Дж. Л. Гэддис выдвинул концепцию «долгого мира», согласно которой ЯО сыграло стабилизирующую роль, не позволив политической конфронтации вылиться в третью мировую войну²⁰². Данное мнение разделяется большинством авторов, но точки зрения на то, когда именно ЯО начало играть роль стабилизирующего фактора, различаются.

Наиболее радикальная принадлежала одному из пионеров исследования политических последствий появления ЯО - Б. Броди, изложившему ее в работах, опубликованных в 1945-1946 гг.²⁰³ Впоследствии Броди признал, что он и его соавторы опередили время примерно на 10 лет, и революцию в мировой политике произвело не ядерное, а термоядерное оружие²⁰⁴.

К середине 1950-х гг. относит перелом также Г. Митрович. По его мнению, ликвидация Советским Союзом второй, водородной, монополии США

¹⁹⁹ Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам : О применении атомной бомбы и о том, как Америка очутилась лицом к лицу с Советским Союзом / Пер. с англ. – М. : Международные отношения, 1968. - 271 с.; Alperovitz G. The decision to use the atomic bomb and the architecture of an American myth. - NY: Alfred A. Knopf, 1995. - 847 p.

²⁰⁰ Craig C., Radchenko S. The atomic bomb and the origins of the Cold War - New Haven : Yale University Press, 2008. - 201 p.

²⁰¹ Sherwin M. J. A world destroyed : the atomic bomb and the Grand Alliance. - NY : Knopf, 1975 327 p.; Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American foreign policy, 1932-1945. With a new afterword. - NY : Oxford university press 1995. - 671 p.; Miscamble W.D. From Roosevelt to Truman : Potsdam, Hiroshima, and the Cold War. - NY : Cambridge University Press, 2007/ - 393 p.; Offner A.A. Another such victory : President Truman and the Cold War, 1945-1953. - Stanford : Stanford University Press, 2002. - 626 p.

²⁰² Gaddis J. L. The long peace: elements of stability in the postwar international system // International security. – 1986. – Vol. 10. – No.4. – P.99-142; Gaddis J.L. The long peace : inquiries into the history of the Cold War . - NY: Oxford University Press, 1987/ - 332 p.; Gaddis J.L. Nuclear weapons and international systemic stability. - Cambridge, MA. : American Academy of Arts and Sciences, 1990. - 27 p.

²⁰³ The Absolute Weapon: Atomic Power and World Order / Ed. by B.Brodie.- NY: Harcourt, Brace and Company, 1946. - 214 p.

²⁰⁴ Броди Б. Стратегия в век ракетного оружия. Пер. англ. - М.: Воениздат, 1961- 432 с.; Brodie B., Brodie F.M. From crossbow to H-bomb. - Bloomington, Indiana University Press, 1973.

вынудила администрацию Эйзенхауэра пересмотреть стратегию ведения «холодной войны», свернуть активную подрывную деятельность, направленную на смену режимов в Восточной Европе и СССР, и перейти к традиционной форме соперничества держав в мировой политике²⁰⁵.

Иную датировку данного перехода предлагают У. Берр и Д. Розенберг. Относя этот рубеж к 1963 г., они связывают его не столько с последствиями Карибского кризиса, сколько с выводами из результатов моделирования гипотетических обменов ядерными ударами между США и СССР, представленными президенту Дж. Кеннеди²⁰⁶. Аналогичного мнения придерживается А. Стефенсон²⁰⁷. В то же время Х. Брэндс, В. Мастны, А. Венгер и Дж. Сури высказывают обоснованное сомнение в справедливости подобной датировки, поскольку 1963 г. не стал началом разрядки²⁰⁸. Действительно, разрядка была невозможной в условиях существенного стратегического превосходства США, и условием ее начала в 1970-е гг. стало достижения паритета. В этой связи наибольшую поддержку среди исследователей имеет точка зрения Р. Джервиса, полагающего что временной рубеж «термоядерной революции» в мировой политике - появление у обеих сторон потенциала гарантированного ответного удара, т.е. конец 1960-х гг.²⁰⁹

В зарубежной историографии также получила отражение проблема соотношения геополитики (обеспечение миропорядка, отвечающего потребностям США) и интересов контрраспространения (противодействия горизонтальному распространению ЯО). Политике вовлечения ФРГ и Японии в режим нераспространения в 1960-е гг. посвящены работы Ф. Гэйвина, С. Шрафштеттер и С. Твигги, Д. Таля, О. Банге, Х. Брэндса, Дж. Гержоя,

²⁰⁵ Mitrovich G. *Undermining the Kremlin : America's strategy to subvert the Soviet bloc, 1947-1956*. - Ithaca : Cornell university press, 2000. - 235 p.

²⁰⁶ Burr W., Rosenberg D. A. *Nuclear competition in an era of stalemate, 1963-1975* // *The Cambridge History of the Cold War*. Vol. 2 / Ed. M.P. Leffler, O.A. Westad. - NY: Cambridge University Press, 2010/ - P. 88-111

²⁰⁷ Stephanson A. *Fourteen notes on the very concept of a Cold War* // *Rethinking Geopolitics* / Eds. G. Tuathail, S. Dalby. - NY : Routledge, 1999. - P. 62-85.

²⁰⁸ Brands H. *Progress unseen: US arms control policy and the origins of détente, 1963-1968* // *Diplomatic History*. - 2006. - Vol.30. - No.2. - P. 253-285; Mastny V. *The 1963 Nuclear Test Ban Treaty: A missed opportunity for detente?* // *Journal of Cold War Studies*. - 2008. - Vol. 10. - No. 1. - P. 3-25; Wenger A., Suri J. *At the crossroads of diplomatic and social history: The nuclear revolution, dissent and détente* // *Cold War History*. - 2001. - Vol.1. - No.3. - P. 1-42.

²⁰⁹ Jervis R. *The meaning of nuclear revolution : statecraft and the prospect of Armageddon*. - Ithaca: Cornell University Press, 1989. - 266 p.

сборники статей под редакцией Р. Роппа и Дж. Бейлиса²¹⁰. Сравнительный анализ политики США в отношении ядерных программ Израиля, ЮАР и Пакистана провели О. Рабиновиц и Н. Миллер²¹¹, особенности подхода к израильской программе исследовали О. Лонг и Дж. Шифринсон²¹², политику в отношении «нуклеаризации» ЮАР – М. ван Вик²¹³.

Ядерная сделка США с Индией при администрации Дж.Буша-мл. стала предметом рассмотрения У. Поттера, Х. Панта, Т. Каванны²¹⁴. Сделка с Индией была важна не только как признак пересмотра приоритетов в ядерной политике США, но и как признание значимости изменений, получивших в ряде публикаций название «второй ядерный век»²¹⁵.

Э. Крепиневич, М. Герсон, М. Крепон, А. Левити анализировали роль ЯО в качестве инструмента политики США после вступления в «ядерный клуб»

²¹⁰ Gavin F. J. The myth of flexible response: American strategy in Europe during the 1960's // *The International History Review*. – 2001. – Vol. 23. – No. 4. – P. 847-875; Gavin F. J. Nuclear statecraft: History and strategy in America's atomic age. - Ithaca: Cornell University Press, 2012. - 218 p.; Schrafstetter S., Twigg S.R. Avoiding Armageddon: Europe, the United States, and the struggle for nuclear nonproliferation, 1945-1970. - Westport, CT : Praeger, 2004. - 243 p.; Tal D. The burden of alliance: The NPT negotiations and the NATO factor, 1960–1968 // *Transatlantic relations at stake: aspects of NATO, 1956-1972* / Ed. C. Nuenlist, A. Locher - Zürich : Center for Security Studies, 2006. - P. 97-124; Bange O. NATO and the Non-Proliferation Treaty: Triangulations between Bonn, Washington, and Moscow // *Transforming NATO in the Cold War: Challenges beyond deterrence in the 1960s* / Ed. A. Wenger, C. Nuenlist, A. Locher. – NY : Routledge, 2006. - P.162-180; Brands H. Non-Proliferation and the dynamics of the middle Cold War: The superpowers, the MLF, and the NPT // *Cold War History*. – 2007. – Vol. 7. – No.3. – P. 389-423; Gerzhoy G. Alliance coercion and nuclear restraint: how the United States thwarted West Germany's nuclear ambitions // *International Security*. –2015. – Vol 39. – No.4. – P. 91-129; Negotiating the Nuclear Non-proliferation Treaty: origins of the nuclear order / Ed. R. Popp, L. Horowitz, A. Wenger. - NY : Routledge, 2017. – 249 p.; Joining the non-proliferation treaty : deterrence, non-proliferation and the American alliance / Ed. J. Baylis, Y. Iwama. - NY : Routledge, 2019. - 213 p.

²¹¹ Rabinowitz O. Bargaining on nuclear tests: Washington and its Cold War deals. - Oxford University Press, 2014. – 230 p.; Rabinowitz O., Miller N.L. Keeping the bombs in the basement: US nonproliferation policy toward Israel, South Africa, and Pakistan // *International Security*. – 2015. – Vol. 40. – No.1. – P. 47-86.

²¹² Long A.G., Shiffrinson J.R. How long until midnight? Intelligence-policy relations and the United States response to the Israeli nuclear program, 1959–1985 // *Journal of Strategic Studies*. – 2019. – Vol. 42. – No.1. – P. 55-90.

²¹³ Van Wyk M. Sunset over atomic apartheid: United States–South African nuclear relations, 1981–93 // *Cold War History*. – 2010. – Vol.10. – No.1. – P. 51-79.

²¹⁴ Potter W. C. India and the new look of US nonproliferation policy // *Nonproliferation Review*. – 2005. – Vol. 12. – No.2. – P. 343-354; Tellis A.J. Atoms for War? : US-Indian civilian nuclear cooperation and India's nuclear arsenal. - Washington DC, Carnegie Endowment for International Peace, 2007. - 61 p.; Pant H. V. The US–India nuclear pact: Policy, process, and great power politics. – NY: Oxford University Press, 2011. - 150 p.; Cavanna T. P. Geopolitics over proliferation: the origins of US grand strategy and their implications for the spread of nuclear weapons in South Asia // *Journal of Strategic Studies*. – 2018. –Vol. 41. – No. 4. – P. 576-603.

²¹⁵ Lavoy P.R. The strategic consequences of nuclear proliferation: A review essay // *Security Studies*. – 1995. – Vol. 4. – No. 4. – P. 695–753; Iklé F.Ch. The second coming of the nuclear age // *Foreign Affairs*. – 1996. – Vol. 74. – No. 1. – P. 119–128; Payne K.B. Deterrence in the second nuclear age. - Lexington: University Press of Kentucky, 1996. – 168 p.; Gray C.S. The second nuclear age. - Boulder: Lynne Rienner Publishers, 1999. – 193 p.; Delpech T. Nuclear weapons and the “new world order”: early warning from Asia? // *Survival* . – 1998. – Vol 40. – No.4. – P. 57-76; Bracken P. Fire in the East: the rise of Asian military power and the second nuclear age. - NY: HarperCollins, 1999. - 186 p.

КНДР (2006 г.)²¹⁶. В 2012–2014 гг. появляются новые работы, посвященных «второму ядерному веку». П. Брэкен и авторы двух сборников под редакцией Т. Есихары и Э. Теллиса, помимо анализа последствий «возвышения Азии» уделили особое внимание «возвращению ядерного оружия на авансцену мировой политики»²¹⁷. По мнению исследователей, надежды Б. Обамы на «глобальный ноль» не оправдались, поэтому ЯО продолжает играть свою роль в мировой политике. Критически относятся к терминам «второй ядерный век» и «новый ядерный век» У. Уолкер и Д. Холлоуэй²¹⁸. Они полагают, что во взаимодействии ядерного фактора и мировой политики после окончания «холодной войны» происходит не замена одного («первого», «старого») порядка другим («вторым», «новым»), а усложнение существующего.

Для зарубежной историографии ядерной политики США в целом характерно исследование ее эволюции на значительном временном интервале. Практически весь интервал существования ЯО – от окончания Второй мировой войны до первого десятилетия XXI в. – охвачен в работах Ш. Мэддока и Ш. Бисвас²¹⁹. По мнению Мэддока, в основе ядерной политики США лежит стремление обеспечить максимальную свободу рук в мировой политике, что требует поддержания значительного разрыва в ядерных потенциалах США и их соперников. Для обозначения этого явления автор использует термин «ядерный апартеид» - не вполне корректный с академической точки зрения, но довольно

²¹⁶ Krepinevich A.F. US nuclear forces: Meeting the challenge of a proliferated world. - Washington, D.C.: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2009. – 110 p. URL : <https://csbaonline.org/research/publications/us-nuclear-forces-meeting-the-challenge-of-a-proliferated-world/publication/1> (дата обращения: 25.03.2019); Levite A.E. Heading for the fourth nuclear age // IFRI. - 2009. - Proliferation Papers. No. 24. – 31 p. URL : https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/Levite_Fourth_Nuclear_Age.pdf (дата обращения: 25.03.2019); Krepon M. Numerology in the second nuclear age // IFRI. – 2009. - Proliferation Papers. No. 30 36 p. URL: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/pp30krepon.pdf> (дата обращения: 25.03.2019); Gerson M.S. Conventional deterrence in the second nuclear age // Parameters. – 2009. – Vol. 39. – No. 3. P. 32–48.

²¹⁷ Bracken P. The second nuclear age: Strategy, danger, and the new power politics. - NY: Henry Holt and Co., 2012. - 306 p.; Strategy in the second nuclear age: Power, ambition, and the ultimate weapon / Ed. by T. Yoshihara, J.R. Holmes. - Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2012. – 250 p.; Asia in the second nuclear age / Ed. by A.J. Tellis, A.M. Denmark, T. Tanner. - Seattle: The National Bureau of Asian Research, 2013.- 334 p.

²¹⁸ Walker W. A perpetual menace: Nuclear weapons and international order. – NY : Routledge, 2011. - 239 p.; Holloway D. Nuclear weapons and international relations since the end of the Cold War // International relations since the end of the Cold War : new and old dimensions / Ed. G. Lundestad. - Oxford : Oxford University Press, 2013. - P. 149-166.

²¹⁹ Maddock Sh. J. Nuclear apartheid: the quest for atomic supremacy from World War II to the present. - Chapel Hill : University of North Carolina Press. 2010. - - 392 p.; Biswas Sh. K. Nuclear desire: Power and the postcolonial nuclear order. Minneapolis : University of Minnesota Press, 2014. - 280 p.

точно характеризующий смысл ядерной политики США. Ш. Бисвас, исследуя ядерную политику США, при этом отмечает дискриминационный характер всего режима нераспространения ЯО и ДНЯО в частности. Взаимодействие компонентов ядерной политики, прежде всего распространения и сдерживания, обеспечивающих преимущества США над соперниками, рассматривает С. Цимбала²²⁰. Решению аналогичных задач в рамках противостояния с СССР в период «холодной войны» посвящены работы О. Нелстада, К. Крейга и Ф. Ложвалла, Р. Арта²²¹.

Взаимодействие компонентов ядерной политики (распространения и контрраспространения) и внутривнутриполитических факторов в ходе борьбы вокруг планов модернизации СЯС и подходов к контролю над вооружениями на завершающем этапе «холодной войны» (1980-е гг.) рассмотрено в работе П. Стоктона²²². Аналогичную проблему, но в другом временном интервале (период с окончания «холодной войны» до первого десятилетия XXI в.) и более широком спектре – с учетом не только вертикального, но и горизонтального распространения и его мирополитических последствий - исследовал Н. Ритчи²²³.

Эволюция ядерной политики США в целом в период с окончания «холодной войны» до первого десятилетия XXI в. проанализирована в работах Т. Зауэра и С. Цимбалы²²⁴. Авторы показали значительную роль инерции «холодной войны» как в материальном, так и в политико-психологическом плане, обусловившей появление элементов «страховки» на случай

²²⁰ Cimbala S.J. Nuclear weapons and strategy: US nuclear policy for the twenty-first century. - NY: Routledge, 2006. - 124 p.

²²¹ Njølstad O. In search of superiority: US nuclear policy in the Cold War. – Oslo : Institutt for Forsvarsstudier, 1994 – 137 p.; Craig C., Logevall F. America's Cold War : the politics of insecurity.- Cambridge, MA. : Harvard University Press, 2009. - 439 p.; Art R. J. The United States: Nuclear weapons and Grand Strategy. / Art R.J. America's Grand Strategy and World Politics. – NY : Routledge, 2009. - P. 139–85

²²² Stockton P. N. The New Game on the Hill: The Politics of Arms Control and Strategic Force Modernization. // International Security. – 1991. – Vol.16. – No.2. –P. 146-170.

²²³ Ritchie N. US nuclear weapons policy after the Cold War: Russians, “rogues” and domestic division. - NY: Routledge, 2009. - 227 p.

²²⁴ Sauer T. Nuclear inertia: U.S. weapons policy after the Cold War. – NY : Palgrave Macmillan, 2005. - 232 p.; Cimbala S. J. Nuclear weapons and cooperative security in the 21st century : the new disorder. - NY : Routledge, 2010. - 188 p.

возобновление соперничества держав при принятии решений в строительстве СЯС и выработке подходов США к контролю над вооружениями.

Соотношение преемственности по отношению к предшественникам и новых решений в ядерной политике администрации Дж. Буша-мл. исследовали авторы сборника статей под редакцией Дж. Виртца и Дж. Ларсена, а также У. Дауди²²⁵. «Наследие» Буша-мл. и его использование при выработке ядерной политики администрации Б. Обамы рассмотрено в работе А. Уоррена²²⁶. Дальнейшему развитию ядерной политики США в течение первого президентского срока Обамы посвящены работы Н. Содерберг и Р. Костэлло, Э. Футтера и А. Уоррена²²⁷. «Наследство» Обамы и его «освоение» администрацией Д. Трампа рассмотрены в статьях в Б. Мовелла и С. Брауна.²²⁸

В зарубежной историографии вертикального измерения ядерного распространения основное внимание уделяется периоду «холодной войны». Это обусловлено, с одной стороны спецификой источников (закрытостью современных документов), а с другой – сильной инерцией военно-технической политики, вследствие чего современный облик СЯС США был сформирован решениями, принятыми в первой половине 1970-х гг. В этом ряду следует отметить две книги Р. Поваски²²⁹, первая из которых раскрывает содержание гонки ядерных вооружений с момента создания ЯО до конца «холодной войны», а вторая – от прихода к власти Р. Рейгана и до конца 1990-х гг., таким образом демонстрируя степень преемственности политики США после

²²⁵ Nuclear transformation : the new U.S. nuclear doctrine / Eds. J.J. Wirtz, J.A. Larsen. – NY: Palgrave Macmillan, 2005. - 288 p.; Dowdy W.L. US nuclear weapons policy in transition. // United States Post-Cold War defence interests. / Ed. K. P. Magyar. – L.: Palgrave Macmillan, 2004. - Pp.113-130.

²²⁶ Warren A. Prevention, pre-emption and the nuclear option: From Bush to Obama. - NY: Routledge, 2012. - 254 p.

²²⁷ Soderberg N., Costello R. President Obama's nuclear legacy // American Foreign Policy Interests. – 2012. – Vol. 34. – No.3. – Pp. 111-124; Futter A. US nuclear weapons policy after the war on terror: from primacy to sufficiency // Obama's foreign policy. Ending the war on terror/ Ed. M. Bentley, J. Holland – NY : Routledge, 2013. - P.172-186; Warren A. The Obama administration's nuclear weapon strategy: The promises of Prague. – NY: Routledge, 2013. - 322 p.

²²⁸ Mowell B. D. The continuing evolution of US nuclear weapons policy // The future of US warfare. / Ed. S.N. Romaniuk, F. Grice. – NY: Routledge 2017. - Pp. 208-221; Brown S. The Trump administration's Nuclear Posture Review in historical perspective // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. – 2018. – Vol. 1. – No.2. – P.268-280.

²²⁹ Powaski R.E. March to Armageddon: The United States and the nuclear arms race, 1939 to the present. - NY : Oxford University Press, 1989. - 300 p. ; Powaski R. E. Return to Armageddon: The United States and the nuclear arms race, 1981–1999. - NY : Oxford University Press, 2000. – 294 p.

окончания «холодной войны». Более широкий временной интервал охватывает двухтомник Р. Бернза и Дж. Сирэкузы²³⁰.

Истории ядерных сил США в целом посвящена книга Дж. Гибсона, которая содержит краткие очерки создания и развертывания всех ядерных боеприпасов, созданных в США в период «холодной войны», и средств их доставки²³¹. Начальному этапу гонки ядерных вооружений посвящены работы Р. Одджеркиса, К. Макфарлэйна и Д. Ролла, рассматривающие деятельность администрации Г. Трумэна²³², а также Д. Холлоуэя, охватившего также деятельность администрации Д. Эйзенхауэра²³³. До середины 1950-х гг. приоритет принадлежал стратегической авиации, историю развития которой изложили У. Боргиас и Ф. Майлингер²³⁴. К периоду послевоенных бюджетных ограничений относится первый крупный внутривластный конфликт вокруг приоритетов строительства СЯС, вошедший в историю как «бунт адмиралов» (1948-1949 гг.). История конфликта, изложенная с точки зрения обеих сторон – ВВС и ВМС – представлена в работах Э. Льюиса и Дж. Барлоу соответственно²³⁵.

После утраты атомной монополии администрация Г. Трумэна приняла решение обесценить вступление в «ядерный клуб» СССР (а в перспективе и Великобритании) с помощью создания новой, водородной монополии. Это решение, выработке и реализации которого посвящены работы Д. Розенберга и Р. Роудса²³⁶, было лишь частью более обширной программы наращивание

²³⁰ Burns R.D., Siracusa J.M. A global history of the nuclear arms race : weapons, strategy and politics. 2 v. – Westport: Praeger, 2013.

²³¹ Gibson J. Nuclear weapons of the United States: An illustrated history. - Atglen: Schiffer Publishing, 1996. - 240 p.

²³² Ojserkis R.P. Beginnings of the Cold War arms race: The Truman administration and the U.S. arms build-up. - Westport: Praeger, 2003. - 237 p.; McFarland K.D., Roll D. L. Louis Johnson and the arming of America: The Roosevelt and Truman Years. - Bloomington: Indiana University Press. 2005. - 452 p.

²³³ Holloway D. Nuclear weapons and the escalation of the Cold War, 1945–1962 // The Cambridge History of the Cold War. Vol. 1 / Ed. M.P. Leffler, O.A. Westad. – NY: Cambridge University Press, 2010. - P. 376-397.

²³⁴ Borgiasz W.S. The Strategic Air Command : evolution and consolidation of nuclear forces, 1945-1955. - Westport : Praeger, 1996. - 158 p.; Meilinger Ph. S. Bomber: The formation and early years of Strategic Air Command. - Maxwell: Air University Press, 2012. - 372 p.; Moody W.S. Building a strategic air force. - Washington, DC : GPO., 1996. – 515 p.

²³⁵ Lewis A.L. The Revolt of the Admirals. – Maxwell : Air Command and Staff College, 1998. – 54 p.; Barlow J.G. Revolt of the Admirals: The fight for naval aviation, 1945–1950. - Washington, D.C.: Brassey's, 1998. - 420 p.

²³⁶ Rosenberg D. A. American atomic strategy and the hydrogen bomb decision // Journal of American History. – 1979. – Vol. 66. – No.1. – P. 62–87; Rhodes R. Dark Sun. The making of the hydrogen bomb. - NY : Simon & Schuster, 1995. - 731 p.

военных возможностей США, изложенной в директиве СНБ № 68. Значение этого документа и роль П. Нитце в его разработке исследовал С. Рирден²³⁷.

Снятие бюджетных ограничений, бывших причиной «бунта адмиралов», позволило начать создание ядерной триады за счет дополнения стратегической авиации наземным и морским компонентами. Официальная история наземного компонента стратегической ядерной триады от начала создания до конца первого десятилетия XXI в. изложена в работе Д. Спайеза²³⁸, а ее начальный этап – в официальной публикации Дж. Нойфелда²³⁹. Развитие морского компонента в период от начала до конца «холодной войны» исследовали Р. Хьюлетт и Ф. Дункан, Х. Сапольски, Г. Спинарди²⁴⁰.

Роль П. Нитце в данном случае важна также потому, что был идеологом и следующего рывка в строительстве СЯС, предпринятого администрациями Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. Выработке решений администрации по количественным и качественным параметрам военно-технических программ посвятили свою книгу А. Энтховен и К. Смит – непосредственные участники этого процесса, сотрудники министра обороны Р. Макнамары, а также Д. Болл²⁴¹.

Истории последнего «рывка» периода «холодной войны» посвящено исследование Д. Уолша, обратившего особое внимание на роль восприятия соотношения сил сторон при выработке военно-политических и военно-

²³⁷ Rearden S. L. The Evolution of American strategic doctrine: Paul H. Nitze and the Soviet challenge. – Boulder: Westview Press, 1984. - 131 p.; NSC-68 : forging the strategy of containment. With analyses by Paul H. Nitze / Ed. S.N.Drew. - Washington, DC : National Defense University Press, 1994. - 137 p.; Rearden S. L. Paul H. Nitze and NSC-68: "Militarizing" the Cold War // The policy makers: Shaping American foreign policy from 1947 to the present / Ed. A.K. Nelson. - Lanham, Md. : Rowman & Littlefield Publishers, 2009. - P. 5-28.

²³⁸ Spires D. N. On alert : an operational history of the United States Air Force intercontinental ballistic missile program, 1945-2011. - Colorado Springs : United States Air Force, 2012. - 348 p.

²³⁹ Neufeld J. The development of ballistic missiles in the United States Air Force, 1945-1960. - Washington, DC : GPO, 1989. - 409 p.

²⁴⁰ Hewlett R. G., Duncan F. The nuclear Navy, 1946–1962. - Chicago : University of Chicago Press, 1974. - 477 p.; Sapolsky H. M. The Polaris system development: bureaucratic and programmatic success in government. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1972. - 261 p.; Spinardi G. From Polaris to Trident: The development of US Fleet ballistic missile technology. – NY: Cambridge University Press, 1994. - 253 p.

²⁴¹ Enthoven A., Smith K.W. How much is enough? Shaping the defense program, 1961-1969. – NY: Harper and Row, 1971. - 364 p.; Ball D. Politics and force levels : the strategic missile program of the Kennedy Administration. - Berkeley : University of California Press, 1980. - 322 p.

технический решений администрациями Дж. Картера и Р. Рейгана²⁴². Н. Петрелли и Дж. Пульчини, а также Б. Грин и О. Лонг сосредоточили внимание на качественной стороне этого рывка, в основе которого – стремление США приобрести преимущества перед СССР в условиях количественных ограничений, установленных договорами по ОСВ²⁴³. Частную, на первый взгляд, проблему, имеющую большое стратегическое и политическое значение, рассматривает Д. Маккензи в труде, посвященном работам по повышению точности наведения ракет в период «холодной войны»²⁴⁴. Эта деятельность была направлена на повышение контрсиловых способностей СЯС США в целом и получения в конечном счете качественных преимуществ перед СССР.

Исследование концепций и планов применения ядерных сил США сталкивается с той же проблемой, что и история создания самих сил – закрытостью источников последних 30 лет. В этой связи в историографии разработана главным образом проблематика периода «холодной войны». Фундаментальное исследование Л. Фридмана доведено до начала XXI в. (четвертое издание, анонсированное на 2019 г., пока недоступно)²⁴⁵.

Представляют интерес исторические очерки по эволюции ядерной стратегии США, созданные самими теоретиками-разработчиками. Для периода «холодной войны» это работы Б. Броди, А. Уолстеттера, К. Грэя и Р. Либоу²⁴⁶.

²⁴² Walsh D. The military balance in the Cold War : US perceptions and policy, 1976-85. - NY : Routledge, 2008. – 281 p.

²⁴³ Petrelli N., Pulcini G. Nuclear superiority in the age of parity: US planning, intelligence analysis, weapons innovation and the search for a qualitative edge 1969–1976. // The International History Review. – 2018. – Vol. 40. – No.5. – P. 1191-1209; Green B.R., Long A. The geopolitical origins of US hard-target-kill counterforce capabilities and MIRVs // The lure & pitfalls of MIRVs: from the first to the second nuclear age / Ed. M. Krepon, T. Wheeler, Sh. Mason. – Washington, DC : Stimson Center, 2016. - P. 19-53.

²⁴⁴ MacKenzie D. Inventing Accuracy: A Historical Sociology of Nuclear Missile Guidance. – Cambridge, MA : MIT Press, 1993. - 464 p.

²⁴⁵ Freedman L. The evolution of nuclear strategy. - 3rd ed. - NY : Palgrave Macmillan, 2003. - 566 p.

²⁴⁶ Wohlstetter A. On the genesis of nuclear strategy: Letter to Michael Howard (1968) // Nuclear heuristics: selected writings of Albert and Roberta Wohlstetter / Ed. R.Zarate, H.Sokolski. - Carlisle, PA: U.S. Army War College, 2009. - P. 217-253; Brodie B. The development of nuclear strategy. // International Security. – 1978. – Vol.2. – No.4. – P. 65-83; Gray C.S. Strategy in the nuclear age: the United States, 1945-1991 // Making of strategy: rulers, states and war/ Ed. W. Murray, M. Knox, A. Berstein. - NY: Cambridge University Press, 1994. - P. 579–613; Lebow R.N. Deterrence and the Cold War // Political Science Quarterly. – 1995. – Vol. 110. – No.2. – P. 157-181.

Аналогичное исследование для периода после ее окончания «холодной войны», включая администрацию Дж. Буша-мл., проделал К. Пейн²⁴⁷.

Эволюции ядерной стратегии США в период «холодной войны» в целом посвящены работы Ф. Боббита и С. Сагана²⁴⁸, ее большей части – А. Фридберга²⁴⁹. Наиболее изученным (в силу доступности источников) в настоящее время является период до середины 1950-х гг., исследованный Д. Розенбергом, Р. Бьюхитом и У. Хэмиллом, С. Вильямсоном и С. Рирденом, С. Россом, Дж. Кьюратолой²⁵⁰. Роль сдерживания в политике администрации Д. Эйзенхауэра рассмотрена в работе Б. Джоунса²⁵¹, эволюция ядерной стратегии США 1950-1960-х гг. в целом, в том числе разработка и реализация концепции «гибкого реагирования» – в книге Э. Каплана²⁵².

Новый этап в ядерном сдерживании был связан с поисками администрацией Р. Никсона такого варианта стратегии, который мог бы быть реальным инструментом внешней политики в условиях стратегического паритета и «взаимного гарантированного уничтожения». Процесс выработки новой стратегии, основные элементы которой действуют до сих пор, исследовали Т. Террифф, У. Берр, У. Шиллинг²⁵³. Новые моменты в ядерной

²⁴⁷ Payne K. B. The great American gamble: deterrence theory and practice from the Cold War to the Twenty-First Century. - Fairfax, VA: National Institute Press, 2008. - 471 p.

²⁴⁸ Bobbitt Ph. Democracy and deterrence : the history and future of nuclear strategy. - NY: St. Martin's Press, 1988. - 350 p.; Sagan S. D. Moving targets: nuclear strategy and American security. - Princeton: Princeton University Press, 1989. - 216 p.

²⁴⁹ Friedberg A.L. A history of the U.S. strategic "doctrine" 1945 to 1980 // Journal of Strategic Studies. – 1980. – Vol.3. – No. 3. – P.37-71.

²⁵⁰ Rosenberg D.A. The origins of overkill: nuclear weapons and American strategy, 1945-1960. // International Security. – 1983. – Vol. 7. – No. 4. – P. 3–71; Buhite R. D., Hamel W.C. War for peace: the question of an American preventive war against the Soviet Union, 1945–1955 // Diplomatic History. – 1990. – Vol. 14. – No. 3. – P. 367–384; Williamson S.R., Rearden S.L. The origins of US nuclear strategy, 1945-1953. - NY: St. Martin's Press, 1993. – 224 p.; Ross S.T. American war plans 1945–1950: strategies for defeating the Soviet Union. – NY: Routledge, 2013. - 189 p.; Curatola J.M. Bigger bombs for a brighter tomorrow: the Strategic Air Command and American war plans at the dawn of the atomic age, 1945-1950. – Jefferson, NC : McFarland & Co., 2016. - 228 p.

²⁵¹ Jones B.M. Abolishing the taboo: Dwight D. Eisenhower and American nuclear doctrine 1945-1962. – Solihull: Helion and Company, 2011. - 172 p.

²⁵² Kaplan E. To Kill Nations: American Strategy in the Air-Atomic Age and the Rise of Mutually Assured Destruction – Ithaca: Cornell University Press, 2015. - 260 p.

²⁵³ Terriff T. The Nixon administration and the making of US nuclear strategy. – Ithaca : Cornell University Press, 1995 - 252 p.; Burr W. The Nixon administration, the "Horror Strategy," and the search for limited nuclear options, 1969–1972. // Journal of Cold War Studies. – 2005. – Vol. 7. – No.3. – P. 34-78; Schilling W. R. US strategic nuclear concepts in the 1970s: The search for sufficiently equivalent countervailing parity // International Security. – 1981. – Vol.6. – No.2. –P. 48-79.

стратегии США, привнесенные администрацией Р. Рейгана, рассмотрены Д. Боллом и Р. Тотом²⁵⁴.

В работах Н. Танненвальд и Ф. Зауэра охарактеризована важная особенность ядерного сдерживания периода «холодной войны» - его взаимность, что служит серьезным ограничителем в применении ЯО в качестве инструмента политики, «связывает руки» при принятии внешнеполитических решений²⁵⁵. Окончание «холодной войны» породило надежду на избавление от подобных ограничений, что должно было вернуть США «свободу рук» в мировой политике. Формированию и развитию подобных взглядов на политическую роль ЯО в постбиполярный период посвящена книга М. Кронига²⁵⁶, их отражение в ядерной стратегии администрации Б.Клинтона рассмотрено в работах Т. Зауэра и Х. Кристенсена²⁵⁷.

Стремление сохранить «свободу рук» отчетливо просматривается в подходе к ядерному сдерживанию администрации Дж. Буша-мл., что показали Дж. Ноф и Х. Кристенсен²⁵⁸. Если в отношении региональных противников такие расчеты были основаны на отсутствии ситуации взаимного сдерживания, то в отношении России и Китая надежды на обеспечение превосходства, и соответственно, свободу действий США, базировались на новых технологических возможностях, не подпадающих под договорные ограничения. Эволюцию таких возможностей, их военно-стратегические и политические последствия проанализировали Ч. Глейзер и С. Феттер, К. Либер и Д. Пресс²⁵⁹.

²⁵⁴ Ball D., Toth R.C. Revising the SIOP: Taking war-fighting to dangerous extremes // *International Security*. – 1990. – Vol.14. – No.4. – P. 65-92.

²⁵⁵ Tannenwald N. *The nuclear taboo: The United States and the non-use of nuclear weapons since 1945*. - NY : Cambridge University Press, 2007. - 449 p.; Sauer F. *Atomic anxiety : deterrence, taboo and the non-use of U.S. nuclear weapons*. - NY : Palgrave Macmillan, 2015. - 207 p.

²⁵⁶ Kroenig M. *The logic of American nuclear strategy: why strategic superiority matters*. - NY: Oxford University Press, 2018. - 280 p.

²⁵⁷ Sauer T. *Nuclear arms control: nuclear deterrence in the post-cold war period*. – NY : Palgrave Macmillan, 1998. - 146 p.; Kristensen H. M. *U.S. nuclear strategy reform in the 1990s*. - Berkeley: Nautilus Institute 2000. URL : <http://nautilus.org/wp-content/uploads/2015/05/StratRef.pdf> (дата обращения: 26.03.2019); Kristensen H. M. *The matrix of deterrence: US Strategic Command force structure studies*. - Berkeley : Nautilus Institute. 2001. URL : <http://www.nautilus.org/wp-content/uploads/2015/06/Matrix-of-Deterrence-KP.pdf> (дата обращения: 26.03.2019).

²⁵⁸ Kristensen H. M. *U.S. strategic war planning after 9/11* // *Nonproliferation Review*. – 2007. – Vol. 14. – No. 2. – P. 373-390; Knopf J. W. *Wrestling with deterrence: Bush administration strategy after 9/11* // *Contemporary Security Policy*. – 2008. – Vol. 29. – No.2 – P. 229-265.

²⁵⁹ Glaser Ch. L., Fetter S. *Counterforce revisited: assessing the Nuclear Posture Review's new missions* // *International Security*. – 2005. – Vol.30. – No.2. – P. 84-126; Lieber K.A., Press D.G. *The rise of US nuclear primacy* // *Foreign*

При администрации Б. Обамы названные тенденции в эволюции ядерного сдерживания получили дальнейшее развитие, что было отражено в публикациях К. Либера и Д. Пресса, О. Лонга и Б. Грина²⁶⁰. Перенос «центра тяжести» стратегии в Азию при администрации Б. Обамы обусловил интерес исследователей к региональным аспектам сдерживания²⁶¹ и т.н. расширенному сдерживанию – предоставлению ядерных гарантий безопасности союзникам США в Восточной Азии²⁶².

Эволюцию политики США в сфере противодействия горизонтальному распространению ЯО во второй половине XX в. и начале XXI в. как части стратегии национальной безопасности, исследовал Ф. Гэйвин, показавший, что задача управления региональными балансами сил предусматривала противодействие усилиям по приобретению собственного ядерного потенциала не только противников, но и союзников США²⁶³.

Роль США в формировании международного режима нераспространения ЯО и его эволюцию во время «холодной войны» и в постбиполярный период рассмотрели Дж. Сирэкюза и А. Уоррен²⁶⁴. Деятельность администрации Эйзенхауэра в сфере противодействия распространению исследовал А. Чернас, отметивший, что первоначальный замысел был значительно шире инициативы «Атомы для мира»²⁶⁵. Неудачную попытку администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона предотвратить силовыми средствами вступление в «ядерный

Affairs. – 2006. – Vol. 85. – No. 2. – P. 42-54; Lieber K. A., Press D. G. The end of MAD? The nuclear dimension of US primacy // *International Security*. – 2006. – Vol. 30. – No.4. – P. 7-44.

²⁶⁰ Lieber K.A., Press D.G. The new era of nuclear weapons, deterrence, and conflict // *Strategic Studies Quarterly*. – 2013. – Vol.7. – No.1. – P. 3-14; Long A., Green B.R. Stalking the Secure second strike: intelligence, counterforce, and nuclear strategy // *Journal of Strategic Studies*. – 2015. – Vol. 38. – No. 1-2. – P. 38–73; Lieber K.A., Press D.G. The new era of counterforce: technological change and the future of nuclear deterrence // *International Security*. – 2017. – Vol. 41. – No. 4. – P. 9–49.

²⁶¹ Futter A., Zala B. Coordinating the arm swing with the pivot: nuclear deterrence, stability and US strategy in the Asia-Pacific // *The Pacific Review*. – 2015. – Vol. 28. – No.3. – P. 367-390.

²⁶² O'Neil A. *Asia, the US and extended nuclear deterrence : atomic umbrellas in the Twenty-first century*. - NY : Routledge, 2013. - 176 p; Roehrig T. *Japan, South Korea, and the United States nuclear umbrella : deterrence after the Cold War*. - NY: Columbia University Press, 2017. - 259 p.

²⁶³ Gavin F.J. Strategies of inhibition: US grand strategy, the nuclear revolution, and nonproliferation // *International Security*. – 2015. – Vol. 40. – No.1. – P. 9-46; Gavin F. J. Nuclear proliferation and non-proliferation during the Cold War // *The Cambridge History of the Cold War*. Vol. 2: Crises and Détente / Ed. M. P. Leffler, O. A. Westad. - NY: Cambridge University Press, 2010. – P. 395-416.

²⁶⁴ Siracusa J. M., Warren A. *The Nuclear Non-Proliferation Regime: An Historical Perspective* // *Diplomacy & Statecraft*. – 2018. – Vol.29. – No.1. – P.3-28.

²⁶⁵ Chernus I. *Eisenhower's atoms for peace*. - College Station : Texas A&M University Press, 2002. - 162 p.

клуб» Китая проанализировали У. Берр и Дж. Ричельсон, а также Р. Уитларк²⁶⁶. Переосмысление администрацией Л. Джонсона подходов к контрраспространению привело к компромиссу с СССР и как результат – к выработке ДНЯО. Данную трансформацию политики США изучали Х. Брэндс, Р. Ропп, Д. Халесси²⁶⁷. Эволюцию политики контрраспространения в 1970-е гг. исследовали Дж. Кэмерон и О. Рабиновиц, Дж. Мартинес.²⁶⁸

После окончания «холодной войны» произошло не только возвращение силовых методов контрраспространения, но и их интеграция с ядерным сдерживанием. Данную тенденцию в политике США исследовали Х. Кристенсен, Дж. Хэндлер и Дж. Виртц²⁶⁹. Опыт использования дипломатических инструментов контрраспространения изучали Л. Бушински, Р. Мета и Р. Уитларк²⁷⁰.

Связь горизонтального и вертикального измерений контрраспространения рассмотрена в работе З. Харрисона²⁷¹. Политику США в сфере вертикального контрраспространения на начальном этапе «холодной войны» (до заключения Московского договора 1963 г.) исследовал Д. Таль, а ее дальнейшую эволюцию, приведшую в 1969 г. к началу переговоров с СССР, – Г. Сиборг и

²⁶⁶ Burr W., Richelson J.T. Whether to “strangle the baby in the cradle”: the United States and the Chinese nuclear program, 1960–64 // *International Security*. – 2001. – Vol.25. – No.3. – P.54-99; Whitlark R.E. Nuclear beliefs: a leader-focused theory of counter-proliferation // *Security Studies*. – 2017. – Vol.26. – No.4. – P. 545-574.

²⁶⁷ Brands H. Rethinking nonproliferation: LBJ, the Gilpatric Committee, and U.S. national security policy // *Journal of Cold War Studies*. – 2006. – Vol.8. – No. 2. – P. 83-113; Popp R. Global order, cooperation between the superpowers, and alliance politics in the making of the nuclear non-proliferation regime // *The International History Review*. – 2014. – Vol.36. – No.2. – P.195-209; Khalessi D. Strategic ambiguity: nuclear sharing and the secret strategy for drafting Articles I and II of the Nonproliferation Treaty // *The Nonproliferation Review*. – 2015. – Vol. 22. – No. 3-4. – P. 421-439.

²⁶⁸ Cameron J., Rabinowitz O. Eight lost years? Nixon, Ford, Kissinger and the non-proliferation regime, 1969–1977 // *Journal of Strategic Studies*. – 2017. – Vol.40. – No.6. – P. 839-866; Martinez J. The Carter administration and the evolution of American nuclear nonproliferation policy, 1977–1981 // *Journal of Policy History*. – 2002. – Vol.14. – No. 3. – P. 261-292.

²⁶⁹ Kristensen H. M., Handler J. The USA and counter-proliferation: A new and dubious role for US nuclear weapons // *Security Dialogue*. – 1996. – Vol.27. – No.4. – P. 387-399; Wirtz J. J. Counter proliferation, conventional counterforce and nuclear war // *The Journal of Strategic Studies*. – 2000. – Vol.23. – No.1. – P. 5-24; Kristensen H. M. Counterproliferation and US nuclear strategy // *International Journal*. – 2008. – Vol.63. – No. 4. – P.803-820.

²⁷⁰ Buszynski L. Negotiating with North Korea: The Six Party Talks and the nuclear issue. - NY: Routledge 2013. – 208 p.; Mehta R. N., Whitlark E.R. Unpacking the Iranian Nuclear Deal: Nuclear Latency and US Foreign Policy // *The Washington Quarterly*. – 2016. – Vol.39. – No.4. – P. 45-61.

²⁷¹ Harrison S. The forgotten bargain: nonproliferation and nuclear disarmament // *World Policy Journal*. – 2006. – Vol. 23. – No. 3. – P. 1-13.

Дж. Клируотер²⁷². Переговоры успешно завершились в 1972 г. подписанием договоров ОСВ-1 и ПРО, но в их ходе была упущена возможность одновременного запрещения ПРО и РГЧ ИН, что могло бы в дальнейшем существенно повлиять на ядерную политику США и СССР. Причины того, что эта альтернатива была упущена, проанализированы в работах Дж. Банна (участника переговоров) и С. Кинингера²⁷³.

Осмыслению опыта вертикального контраспространения в XXI в. посвящена статья Н. Галлахер²⁷⁴. Роль внутривластных факторов в политике контраспространения США в период «холодной войны» рассмотрена Д. Колдуэллом, в 1990-е гг. – У. Брауном, во всем постбиполярном периоде – в сборнике статей под редакцией М. Крепона и Д. Колдуэлла²⁷⁵. Связь компонентов ядерной политики на примере взаимодействия контраспространения и контрсдерживания стала предметом исследований Дж. Кэмерона, П. Леттова, Т. Зауэра, Д. Уилкенинга²⁷⁶.

Центральным элементом контрсдерживания с конца 1960-х гг. и по настоящее время является противоракетная оборона. Именно этому компоненту посвящено подавляющее большинство публикаций. Эволюции политики в сфере ПРО во второй половине XX в. и первом десятилетии XXI в. посвящена

²⁷² Tal D. The American nuclear disarmament dilemma, 1945–1963. - Syracuse, NY : Syracuse University Press 2008. - 328 p.; Clearwater J.M. Johnson, McNamara, and the Birth of SALT and the ABM Treaty 1963-1969. - Rutherford, NJ: Academic Research Group, 1999. - 264 p.; Seaborg G. T. Stemming the tide : arms control in the Johnson years. – Lexington : Lexington books, 1987. - 495 p.

²⁷³ Bunn G. Arms control by committee : Managing negotiations with the Russians. - Stanford : Stanford university press, 1992. - 349 p.; Kieninger S. “Diverting the arms race into the permitted channels” : the Nixon administration, the MIRV-mistake, and the SALT negotiations. - Washington, DC : The Wilson Center, 2016. - 31 p. URL : https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/wp9_-_diverting_the_arms_race_-_kieninger.pdf (дата обращения: 26.03.2019).

²⁷⁴ Gallagher N.W. Re-thinking the unthinkable: arms control in the Twenty-First century // The Nonproliferation Review. – 2015. – Vol. 22. – No. 3-4. – P. 469-498.

²⁷⁵ Caldwell D. The dynamics of domestic politics and arms control. The SALT II treaty ratification debate – Columbia, SC. : University of South Carolina press, 1991. - 234 p.; Brown W. L. Presidential leadership and U.S. nonproliferation policy // Presidential Studies Quarterly. – 1994. – Vol.24. – No. 3. – P. 563-575; The politics of arms control treaty ratification. / Ed. M. Krepon, D. Caldwell. - NY, Berlin : Springer, 2016. - 486 p.

²⁷⁶ Cameron J. The double game : the demise of America's first missile defense system and the rise of strategic arms limitation. - NY : Oxford university press, 2018. - 234 p.; Lettow P. Ronald Reagan and his quest to abolish nuclear weapons. - NY : Random House, 2005. - 327 p.; Sauer T. Eliminating nuclear weapons : the role of missile defence. - NY : Columbia University Press, 2011. – 155 p.; Wilkening D A. Nuclear Zero and Ballistic-Missile Defence // Survival. – 2010. – Vol.52. – No. 6. – P. 107-126.

работы Р. Стеффа²⁷⁷. Автор рассматривает деятельность администраций по созданию ПРО в контексте ядерной политики США в целом, в том числе исследует взаимодействие со сдерживанием. Аналогичный подход, но на более узком временном интервале (до начала XXI в.) использован в работе Р. Бернза и Л. Брюна²⁷⁸.

Официальная история ПРО США представлена в исторических трудах Д. Бокома, а также Дж. Уолкера, Л. Бернштейна и Ш. Лэнг²⁷⁹. Первый из них подготовлен по заказу Организации СОИ и излагает историю деятельности в сфере ПРО до 1983 г., а также предпосылки выдвижения инициативы Р. Рейгана. Второй отражает историю работ под эгидой Сухопутных войск, которые в США исторически отвечают за ПВО территории страны, а с 1950-х гг. – также за ПРО.

Политическая борьба в Вашингтоне вокруг проектов ПРО рассмотрена в работе Э. Янареллы, уделившего особое внимание периоду администраций Л. Джонсона и Р. Никсона, когда тема ПРО оказывалась на грани закрытия²⁸⁰. Политический контекст «Стратегической оборонной инициативы» Р. Рейгана, борьбу администрации за ее реализацию, а также оценку роли СОИ на завершающем этапе «холодной войны» рассмотрел Ф. Фицджеральд²⁸¹.

Эволюцию политики в сфере ПРО и ее место в стратегии национальной безопасности США в постбиполярный период исследовал Э. Футтер²⁸². Важный для истории ПРО рубеж – конец 1990-х гг., когда в острой политической борьбе были приняты принципиальные решения, определившие ее современный облик.

²⁷⁷ Steff R. *Strategic thinking, deterrence and the US ballistic missile defense project: from Truman to Obama*. – NY: Routledge, 2016. – 226 p.

²⁷⁸ Burns R.D., Brune L.H. *The quest for missile defenses, 1944-2003*. – Claremont, CA : Regina Books, 2003. – 279 p.

²⁷⁹ Baucom D. *The origins of SDI, 1944–1983*. – Lawrence, KS: University Press of Kansas, 1992. – 276 p.; Walker J.; Bernstein L., Lang Sh. *Seize the high ground : the Army in space and missile defense*. – Washington, D.C. : GPO, 2003. – 376 p.

²⁸⁰ Yanarella E. *The missile defense controversy: technology in search of a mission*. – Lexington : University Press of Kentucky, 2002. – 276 p.

²⁸¹ FitzGerald F. *Way out there in the blue : Reagan, Star Wars, and the end of the Cold War*. – NY : Simon & Schuster, 2000. – 592 p.

²⁸² Futter A. *Ballistic missile defence and US national security policy: normalisation and acceptance after the Cold War*. – NY: Routledge, 2013. – 226 p.

Этому периоду посвящены работы М. Майера и М. Кларка²⁸³. Подходы администрации Дж. Буша-мл. к созданию системы ПРО рассмотрены в работе Р. Бернза²⁸⁴. Влияние террористических актов 11 сентября 2001 г. на политику республиканской администрации в сфере ПРО исследовал М. Моуторп²⁸⁵. В политической борьбе в Вашингтоне вокруг проектов ПРО, начиная с 1960-х гг., важную роль играет Конгресс. Изучению этой роли и анализу позиций по отдельным проблемам посвящены работы С. Рирдена и Н. Галлахер²⁸⁶.

Таким образом, работы, посвященные отдельным компонентам ядерной политики США, преобладают в историографии, но ядерной политике в целом, особенно периода 2001-2016 гг., уделено недостаточно внимания. Появление обобщающей работы позволило бы создать базу для прогнозирования дальнейшего развития ядерной политики США.

Научная новизна состоит в следующем:

- впервые проведен сравнительный анализ ядерной политики двух администраций США в XXI в.;
- выявлено соотношение преемственности и различия в подходах двух администраций;
- на основе системного подхода рассмотрена трансформация компонентов ядерной политики США;
- рассмотрены особенности ядерной политики США в 2001-2017 гг. по сравнению с периодом «холодной войны» и 1990-х гг.
- проанализирована эволюция роли и значения стратегических наступательных и оборонительных сил в решении внешнеполитических задач США в XXI в.

²⁸³ Mayer M. Strategic uncertainty and missile defence: Revisiting the 1999 National Intelligence Estimate // Contemporary Security Policy. – 2015. – Vol. 36. – No.3 – P. 432-452; Clark M.T. The Clinton legacy on ballistic missile defense. // Comparative Strategy. –2000. – Vol. 19. – No.3. – P. 201-219.

²⁸⁴ Burns R. D. The missile defense systems of George W. Bush: a critical assessment. - NY : Praeger, 2010. - 198 p.

²⁸⁵ Mowthorpe M. President G.W. Bush and missile defense in the aftermath of 9/11 // The Journal of Social, Political, and Economic Studies . – 2004. – Vol.29. – No.3. – P.327-337.

²⁸⁶ Rearden S.L. Congress and SDIO, 1983-1989. – Washington, DC : Ballistic Missile Defense Organization, 1992. - 314 p. URL <http://www.dtic.mil/get-tr-doc/pdf?AD=ADA338619> (дата обращения: 28.04.2018); Gallagher N. Congress and missile defense // Regional missile defense from a global perspective / Ed. C. M.Kelleher, P. Dombrowski. - Stanford : Stanford University Press, 2015. - P.84-104.

Положения, выносимые на защиту.

1. Ядерная политика является одним из инструментов решения внешнеполитических задач США. Этот инструмент является многомерным, ни один из ее компонентов не способен самостоятельно обеспечить для Вашингтона свободу рук в международных отношениях. Компоненты ядерной политики действуют попарно, подпитывая и подстраховывая друг друга. Распространение и контрраспространение обеспечивают благоприятное соотношение сил на мировой арене: соответственно наращиванием собственных возможностей США и уменьшением договорно-правовыми или насильственными средствами возможностей их противников. Сдерживание и контрсдерживание совместно позволяют управлять поведением противников, создавая в восприятии лиц, принимающих решения, неблагоприятные образы будущего. Все без исключения администрации, от Г. Трумэна до Б. Обамы включительно стремились к тому, чтобы США могли сдерживать любого противника, но никто не мог бы управлять поведением самих Соединенных Штатов. Д. Трамп действует в том же направлении.

2. В целом ядерная политика США в 2001-2017 гг. развивалась в интересах решения задачи, сформулированной на рубеже 1980-1990-х гг. и сохранившей свое значение и во втором десятилетии XXI в. – предотвратить превращение региональных соперников в глобальные, удержать их от стремления бросать вызовы Вашингтону. Ядерная политика США в XXI в. характеризуется высокой степенью преемственности в концептуальном плане и материальном наполнении, несмотря на различие в риторике президентов. В политике Дж. Буша-мл. и Б. Обамы были опробованы оба подхода к получению свободы рук на международной арене – обеспечение военного превосходства США над противниками и «обнуление» ядерных потенциалов.

3. Стремление Вашингтона к свободе рук в мировой политике обусловило курс на слом договорно-правовых ограничений в ядерной сфере. Линию У. Клинтона на ревизию Договора по ПРО Дж. Буш-мл. завершил выходом США из этого соглашения, служившего одной из опор стратегической

стабильности. Президент Б. Обама, с одной стороны, способствовал успеху многосторонней дипломатии в решении проблемы иранской ядерной программы, но с другой – начал атаку на ДРСМД, завершённую Д. Трампом (разрушившим и соглашение с Ираном). Принципиальное решение о выходе из ДРСМД было принято, видимо, ещё в 2013-2014 гг. Обама не оставил Трампу никакого задела в виде переговоров по СНВ, что привело к тому, что сложное решение о судьбе пражского Договора придется принимать в ходе избирательной кампании 2020 г. – крайне неблагоприятный фон для такого ответственного шага. В результате слома политико-правовых механизмов в структуре контрраспространения на передний план выходят силовые средства, как это было в начале «холодной войны» и сразу после ее окончания.

4. С вызовами ядерного распространения не справились ни Буш, ни Обама, что обусловило высокий приоритет программ ПРО. Это объясняется тем, что в структуре ядерной политики страховкой контрраспространения является контрсдерживание: если не удастся предотвратить создание противником нового оружия, необходимо предотвратить его применение. Данная логика сохраняет свое действие и при администрации Трампа, наращивающей усилия в сфере ПРО, в том числе возрождая отдельные элементы, восходящие к СОИ президента Рейгана (космическое базирование, оружие направленной передачи энергии).

5. Для эволюции ядерной политики США в XXI в. характерна не только преемственность, но и различия в подходах республиканских и демократических администраций. Дж. Буш-мл. после прихода к власти начал следовать курсом, намеченным в администрации Дж. Буша в 1989-1992 гг., однако теракты 11 сентября 2001 г. привели к изменению приоритетов. Почти сразу акцент в борьбе с новым противником был перенесен с самих террористов на государства, причисленные к их спонсорам. В этой связи был выработан новый подход к контрраспространению – линия на смену режимов оттеснила борьбу с самим оружием и средствами его доставки. В то время как администрация Дж. Буша-мл. расценивала терроризм как несистемного

противника, президент Б. Обама видел вызов, прежде всего, в росте возможностей новых региональных центров силы, что обусловило решение о «переносе центра тяжести в Азию» и акцент на борьбу за господство в коммуникационных пространствах (прежде всего, в АТР).

6. Обама, в отличие от Буша-мл., был вынужден действовать в условиях ресурсных ограничений, связанных с серьезным экономическим кризисом. Данное обстоятельство обусловило выработку курса на обесценивание достижений противников и перенос соперничества на те направления, где преимущество принадлежит Соединенным Штатам. Принятая администрацией Б. Обамы по инициативе военного ведомства «стратегия компенсации» привела к усилению тенденции на размывание грани между ядерным и обычным оружием, наметившейся при президенте Дж. Буша-мл. в рамках «новой триады». Данная тенденция приводит к противоречивому результату. С одной стороны, обычные средства взяли на себя часть задач ядерного оружия, что соответствовало заявлениям президента Б. Обамы о снижении роли ЯО. С другой стороны, новые виды оружия (высокоточные боеприпасы, средства борьбы в киберпространстве, гиперзвуковые средства поражения) отдаляют возможность достижения заявленного Обамой идеала – безъядерного мира, – создавая опасность дестабилизации при глубоких сокращениях ЯО («около ноля»).

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в возможности использования ее материалов для дальнейшего изучения трансформации американской ядерной политики. Проведенное исследование может служить основой для работы по прогнозированию направлений дальнейшего развития ядерной политики США.

Материалы исследования могут найти применение при разработке учебных курсов, посвященных внешней и оборонной политике США, а также быть применены в подготовке учебной и научной литературы.

Степень достоверности результатов проведенных исследований, а также обоснованность основных положений и выводов диссертации базируются на анализе источников по теме работы.

Апробация результатов исследования. Основные идеи и выводы диссертации докладывались автором на научных конференциях «Ломоносовские чтения» (секция «Международные отношения») 2017, 2018 и 2019 гг. По теме диссертации имеется 25 печатных публикаций общим объемом 21,2 п.л.

Глава 1. Формирование и развитие ядерной политики США во второй половине XX века

1.1. Роль ядерного оружия в «холодной войне»

Первые взгляды на политические последствия появления ЯО начали формироваться в США примерно за год до первого испытания – летом 1944 г., когда была установлена практическая возможность его создания. В узком кругу тех, кто был информирован о ходе работ сформировалось два подхода к его политико-правовому регулированию. Первая точка зрения разделалась рядом ученых, возглавлявших научную часть «Манхэттенского проекта» – Н. Бор, Дж. Конант, В. Буш, Дж. Франк и др.²⁸⁷, и видевших в новом оружии потенциальный источник противоречий, который усилит соперничество между государствами и вызовет гонку вооружений. Поэтому они предлагали проинформировать о ведущихся работах союзника по антигитлеровской коалиции – СССР, а после ее окончания – передать в юрисдикцию международного органа. Истоки этой идеи очевидны – проекты международного контроля над наиболее опасными видами вооружений широко обсуждались в межвоенный период, в том числе на Конференции по разоружению, проходившей под эгидой Лиги наций в Женеве в 1932-1934 гг. Ближайшим аналогом служат проекты международного контроля над наиболее разрушительным средством до появления ЯО – бомбардировочной авиацией²⁸⁸.

Первым документом, отражающим данную точку зрения, стал меморандум Н. Бора президенту США от 3 июля 1944 г. Считая, что это оружие «коренным образом изменит все способы ведения войны», Бор высказался за

²⁸⁷ Из представителей политического руководства к этой точке зрения был близок военный министр Г. Стимсон, считавший, что монополию надолго сохранить не удастся.

²⁸⁸ См, например: Zaidi. S.W.H. 'Aviation will either destroy or save our civilization': proposals for the international control of aviation, 1920-45 // *Journal of Contemporary History*. – 2011. - Vol. 46. - No.1. - P. 150-178; Holman B. World police for world peace: British internationalism and the threat of a knock-out blow from the air, 1919-1945 // *War in History*. – 2010. – Vol. 17. - No. 3. - P. 313-332.

достижение международного «соглашения о контроле над использованием новых активных материалов»²⁸⁹.

Вторая точка зрения на роль ЯО в мировой политике предусматривала сохранение монополии США. Реакцией на обращение Бора стал меморандум, подписанный президентом Ф. Рузвельтом и премьер-министром У. Черчиллем 19 сентября 1944 г.²⁹⁰. Признанное этим документом Великобритании право вето на применение американского ЯО можно рассматривать как шаг в сторону «монополии на двоих» («дуополии»). Отсюда происходит один из вариантов контрраспространения – политический механизм консервации атомной монополии США.

Другой вариант контрраспространения – силовой – к тому времени Великобританией. Совместными действиями авиации и диверсантов был выведен из строя объект производству тяжелой воды в Норвегии²⁹¹. Таким образом, формирование матрицы ядерной политики началось с ее первого столбца, причем в обратном порядке: контрраспространение началось еще до материализации самого оружия, первое испытание которого состоялось 17 июля 1945 г.

Что же касается сдерживания, то первые взгляды на военные функции ЯО сводились к тому, что это просто очень мощная авиабомба, которая применяется так же как обычные. Появление атомной бомбы, казалось, могло реанимировать не сработавшие во Второй мировой войне идеи «воздушной мощи»²⁹².

В течение почти трех лет военные планировщики не выносили свои разработки на рассмотрение высшего руководства страны. Первым планом,

²⁸⁹ Niels Bohr's memorandum to President Roosevelt. July, 1944 // Atomic Archive: Enhanced Edition. URL: <http://www.atomicarchive.com/Docs/ManhattanProject/Bohrmemo.shtml> (дата обращения: 19.03.2019).

²⁹⁰ Aide-Mémoire Initialed by President Roosevelt and Prime Minister Churchill. [Hyde Park, September 19, 1944.] // Foreign Relations of the United States. Conference at Quebec, 1944. / Ed. R. Dougall et al. – Washington DC: GPO, 1972. - P. 492.

²⁹¹ Как стало известно после войны, в судьбе германского атомного проекта это никакой роли не сыграло. См.: Brown C. Operation Big : the race to stop Hitler's A-bomb. - Stroud, Gloucestershire : Amberley Publishing, 2016. - 287 p.

²⁹² Веселов В. А., Фененко А. В. Воздушная мощь в мировой политике // Международные процессы. - 2016. - Т. 14. - № 3. - С. 6–27.

который КНШ представил Трумэну, был «Halfmoon». Это произошло только 5 мая 1948 г., причем президент его отклонил. В отличие от военных он знал истинные размеры ядерного арсенала США, которые не позволяли еще рассчитывать на успех в конфликте с СССР. Низкие темпы роста ядерного арсенала США в 1945 - первой половине 1948 гг. объясняются прежде всего внутривнутриполитическими факторами – в 1948 г. Трумэну предстояло переизбрание, а нежелание избирателей нести налоговое бремя после окончания длительной войны обусловило жесткие ограничения бюджета.

Катализатором ядерного распространения в вертикальном измерении стал первый Берлинский кризис; только после него начинается расширение производственных мощностей и рост запасов ЯО. Осмысление уроков Берлинского кризиса послужило основой для выработки первого директивного документа по политическим основам применения ЯО – директивы СНБ № 30 от 10 сентября 1948 г.²⁹³

Уже в 1945-1946 гг. сформировались две, существующие и в настоящее время, точки зрения на использование ЯО в качестве инструмента политики. Первая – ЯО является таким же средством ведения войны, как и другие виды оружия. Вторая – функцией ЯО является сдерживание, т.е. косвенное применение оружия для достижения политических целей. Первой точки зрения придерживались тогда военные и политики, второй – часть ученых (Дж. Вайнер, Б. Броди, Ф. Данн, А. Уолферс, П. Корбетт, У. Фокс и др.)²⁹⁴. В определенной степени авторы «первой волны» теории сдерживания преувеличивали возможное воздействие ЯО на политику. Они поторопились назвать ЯО «абсолютным», поскольку его количество и качество в середине 1940-х гг. еще не соответствовали этому определению²⁹⁵. Следует, однако, оговориться, что информация о размерах ядерного арсенала США была

²⁹³ NSC 30. United States Policy on Atomic Warfare. September 10, 1948 // Foreign Relations of the United States.

1948. Vol. I. Part 2. General; The United Nations / Ed. N.H. Petersen et al. - Washington DC: GPO, 1976. - P. 624-628.

²⁹⁴ Viner J. The implications of the atomic bomb for international relations // Proceedings of the American Philosophical Society. - 1946. - Vol. 90. - No. 1. - P. 53-58; The absolute weapon: atomic power and world order / Ed. B. Brodie. - NY : Harcourt, Brace and Company, 1946. - 214 p.

²⁹⁵ Kristensen H. Norris R., Global nuclear weapons inventories, 1945–2013 // Bulletin of the Atomic Scientists. - 2013. - Vol. 69. - No. 5. - Pp. 75-81.

недоступна тогда ученым. Их прогноз оправдался только в середине 1950-х гг. благодаря «термоядерной революции» и ликвидации неуязвимости США вследствие создания в СССР стратегических средств доставки. Только после этого ядерное сдерживание стало взаимным, а ЯО действительно «абсолютным», как и предсказывал Броди и его коллеги, обогнавшие время примерно на 10 лет.

Два направления мысли совпадали в одном - ЯО позволит избежать повторения затяжной мировой войны. Но если Вайнер и Броди полагали, что задачей является предотвращение войны, а способом ее решения может быть косвенное применение ЯО, то практики из ВВС США, развивая идеи теоретиков воздушной мощи межвоенного периода, предлагали способ такого ведения войны, которая не потребует длительного напряжения сил и приведет к быстрой победе²⁹⁶.

Таким образом, формирование первой строки и первого столбца в структуре ядерной политики можно отнести к 1942-1946 гг., когда было создано само ЯО, были сформированы первые взгляды на его военное и политическое значение и предприняты первые практические действия, в том числе - силовые акции против атомного проекта Германии, применение ЯО против Японии, разработка первых планов применения ЯО против СССР.

Роль ЯО на начальном этапе «холодной войны» можно оценить двояко. С одной стороны, стремление США сохранить атомную монополию, отказ от конструктивного диалога на площадке ООН усилили конфронтационность в советско-американских отношениях, возникшую в силу целого ряда причин, главной из которой было расхождение во взглядах на устройство послевоенного мира. Но, с другой стороны, Вашингтону не удалось использовать уникальный силовой инструмент для того, чтобы навязать собственный вариант миропорядка. В 1946-1948 гг. ядерный арсенал США был еще слишком мал, чтобы привести к решительной победе в войне против СССР,

²⁹⁶ См.: Веселов В. А., Фененко А. В. Воздушная мощь в мировой политике // Международные процессы. - 2016. -Т. 14.- № 3. - С. 6–27.

а когда начался его количественный рост, атомная монополия закончилась. Последствия ее утраты служат ярким примером воздействия горизонтального распространения на вертикальное и на сдерживание.

3 сентября 1949 г. анализ очередной контрольной пробы воздуха показал американским специалистам, что произошло ядерное испытание «где-то в Азии» (в СССР о нем не сообщалось). 23 сентября президент Трумэн публично объявил об окончании монополии²⁹⁷. Следующий этап, продолжавшийся примерно 20 лет - до рубежа 1960-1970-х гг., характеризуются попытками администраций Трумэна, Эйзенхауэра и Кеннеди за счет количественного распространения вернуть США такое превосходство в ядерной сфере, которое можно было бы конвертировать в политические преимущества.

Утрата монополии поставила администрацию Трумэна перед проблемой – как не позволить новому внешнеполитическому фактору повлиять на мировую политику; каким образом обесценить вступление СССР в «ядерный клуб». Возможных вариантов было три – превентивная война; возвращение к идее международного контроля над атомной энергией; качественный рывок – создание такого оружия, монопольное обладание которым вернет США утраченные позиции в мировой политике. Поскольку мощность водородных зарядов в отличие от атомных теоретически ничем не ограничена, новая монополия должна была иметь и качественное и количественное измерение.

Хотя сам президент Трумэн упомянул тему международного контроля в своем заявлении от 23 сентября 1949 г., администрация сделал выбор в пользу третьего варианта – создания водородной «супербомбы»²⁹⁸. О сделанном выборе президент публично объявил 31 января 1950 г.²⁹⁹ Этот шаг резко контрастировал с «Манхэттенским проектом», когда сам факт начала работ над

²⁹⁷ Statement by President. September 23, 1949 // Department of State Bulletin. – 1949. - Vol. XXI. - No. 535. - P.487. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=mdp.39015077178138;view=1up;seq=3> (дата обращения: 19.03.2019).

²⁹⁸ Самая мощная авиабомба Второй мировой войны имела калибр 10 т. Первая атомная бомба, сброшенная на Хиросиму, имела эквивалентную мощность 13 килотонн. Энерговыведение при испытании первого термоядерного заряда составило 10,4 мегатонн. Такое соотношение мощностей свидетельствует о том, что водородная бомба так же относится к атомной, как атомная – к обычной.

²⁹⁹ Statement by the President on the Hydrogen Bomb. January 31, 1950 // The Public Papers of the Presidents of the United States. Harry S. Truman. 1950. – Washington DC: GPO, 1965.- P.138/

новым оружием тщательно скрывался. В данном случае США демонстрировали свою уверенность в том, что противник не сможет догнать, а если и сможет, то в такие сроки, когда США уйдут далеко вперед.

Одновременно с публичным заявлением президент подписал секретную директиву, которой руководителям внешнеполитического и военного ведомств поручалось провести «ревизию целей и задач в мирное и военное время и о влиянии этих задач на стратегические планы с учетом возможностей водородного оружия, в том числе возможного создания аналогичного оружия в Советском Союзе»³⁰⁰. Результаты этой работы были представлены в докладе СНБ № 68 «Цели и программы США в области национальной безопасности»³⁰¹. При этом создаваемая «супербомба» была только частью более широкой программы наращивания военного потенциала США и создания общего превосходства над СССР. Новая монополия действительно была создана 1 ноября 1952 г., когда США испытали первый термоядерный заряд, но просуществовала она менее года – до 12 августа 1953 г., когда свой заряд (хотя и существенно меньшей мощности) испытал Советский Союз, причем в отличие от 1949 г., об этом было объявлено публично.

Начавшаяся таким образом «термоядерная революция» происходила в условиях, когда и в США и СССР произошла смена власти. Три варианта новой стратегии ведения «холодной войны», предложенные президенту Эйзенхауэру в рамках проекта «Солярий» рабочими группами во главе Дж. Кеннаном, Дж. Маккормаком и Р. Коннолли, были рассмотрены на заседании СНБ 16 июля 1953 г.³⁰² Президент не принял тогда окончательного решения, а менее чем через месяц в анализ пришлось включать дополнительный фактор – утрату Соединенными Штатами монополии на водородное оружие.

³⁰⁰ The President to the Secretary of State. Top Secret. Washington, January 31, 1950. // Foreign Relations of the United States. 1950. Vol. I. National Security Affairs; Foreign Economic Policy / Gen. Ed. S. E. Gleason, F. Aandahl. - Washington, DC: GPO, 1977. - P. 141-142.

³⁰¹ A Report to the National Security Council - NSC 68. April 14, 1950. URL:

https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/coldwar/documents/pdf/10-1.pdf/ (дата обращения: 19.03.2019). Окончательная редакция была утверждена директивой СНБ № 68/2 от 30 сентября 1950 г.

³⁰² Minutes of the 155th Meeting of the National Security Council. July 16, 1953 // Foreign Relations of the United States. 1952–1954. Vol. II. Part 1. National Security Affairs / Gen. Ed. W.Z. Slany. – Washington, DC : GPO, 1984. - P. 397-434.

Основные параметры новой стратегии ведения «холодной войны» были установлены утвержденной 30 октября 1953 директивой СНБ № 162/2³⁰³, в которой были учтены результаты проекта «Солярий», предложения КНШ и государственного департамента. Частью этой широкой стратегии стала уточненная концепция ядерного сдерживания, получившая название «массированное возмездие»³⁰⁴.

Основное содержание ядерной стратегии, принятой администрацией Эйзенхауэра, не изменилось по сравнению с наработками осени 1945 г. – нанесение по противнику удара максимально возможной силы в самом начале конфликта. По-прежнему в качестве главных целей, подлежащих уничтожению, выступали города СССР, но их список постоянно увеличивался по мере роста ядерного арсенала США. В качестве политической цели фигурировало уже не смена политического режима, а уничтожение государства противника. Этот переход был связан с новым материальным наполнением стратегии – мощными термоядерными боеприпасами для стратегической бомбардировочной авиации США.

Новые (двустадийные) заряды были впервые испытаны в серии «Castle» в марте 1954 г. и практически одновременно началось их серийное производство, что привело к резкому увеличению суммарного мегатоннажа ядерного арсенала США³⁰⁵. Одновременно обновлялся парк носителей – в 1953 г. началось массовое поступление в Стратегическое авиационное командование реактивных бомбардировщиков В-47, а в 1955 г. – межконтинентальных В-52.

При этом начали сбываться два предсказания первых теоретиков 1945-1946 гг. (Б. Броди и др.). Во-первых, ядерное оружие действительно стало «абсолютным». Во-вторых, ядерное распространение в горизонтальном измерении нельзя остановить. Уже в ноябре 1955 г. Советский Союз испытал

³⁰³ NSC 162/2 Report to the National Security Council by the Executive Secretary on Basic National Security Policy. Washington, October 30, 1953. // Ibid. - P. 578-597

³⁰⁴ The Evolution of Foreign Policy. Address by Secretary Dulles// Department of State Bulletin. – 1954. - Vol. XXX. - No. 761. - P.107-110. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=msu.31293008121356;view=1up;seq=107> (дата обращения: 19.03.2019)

³⁰⁵ Веселов В.А. Ядерный фактор в мировой политике: структура и содержание // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2010. - № 1. - С. 68-90.

двустадийный термоядерный заряд, ликвидировав свое качественное отставание. 1 мая 1954 г. на параде в Москве был продемонстрирован межконтинентальный бомбардировщик М-4, а в августе 1955 г. – более совершенный Ту-95, способный доставлять ЯО на территорию США.

Возникшая уязвимость США и очевидная взаимность ядерного сдерживания ставили под сомнение реалистичность принятой стратегии «массированного возмездия». В результате началась корректировка официальной стратегической концепции. После серии обсуждений в СНБ в январе 1955 г. была утверждена директива № 5501, заменившая документ СНБ-162³⁰⁶. В части ядерного сдерживания директива указывала на необходимость «выборочного и гибкого» применения ЯО, что означало отступление от принципа «массированного возмездия», что отражало политические составляющие новой стратегии. По оценке Г. Митровича, создание в СССР водородного оружия и средств его доставки делало слишком рискованным продолжение политики «отбрасывания коммунизма» в прежнем виде. По его мнению, на рубеже 1954-1955 г. США были вынуждены признать легитимность Советского Союза как равноправного центра силы в мировой политике³⁰⁷. Такое признание, однако, не означало прекращения «холодной войны». Курс на смену режимов в странах «коммунистического блока» был скорректирован, но не отменен. Политика «разрядки», первым шагом к которой мог стать саммит в Женеве, по мнению Вашингтона, могла проводиться только на американских условиях. Переговоры с СССР могли вестись, согласно СНБ-5501, только с позиции силы.

Новая политика требовала таких инструментов, которые нивелировали бы возникшую уязвимость США. К этому времени представления о возможном новом облике СЯС уже были сформированы. 14 февраля 1955 г. свой доклад

³⁰⁶ NSC 5501. Basic National Security Policy // Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XIX. National Security Policy / Gen. Ed. J. P. Glennon – Washington, DC: GPO, 1990. - P. 24-38.

³⁰⁷ Mitrovich G. Undermining the Kremlin : America's strategy to subvert the Soviet bloc, 1947-1956 - Ithaca : Cornell univ. press, 2000. - P. 166-167.

президенту³⁰⁸ представила Комиссия по технологическим возможностям («Комиссия Киллиана»), образованная Д. Эйзенхауэром 27 марта 1954 г. как реакция на утрату водородной монополии Комиссия рекомендовала следующие приоритеты: развитие наступательных сил; совершенствование средств разведки; укрепление стратегической обороны; обеспечение живучести средств управления и связи; подготовка кадров.

В сфере стратегической обороны комиссия рекомендовала развернуть работы по ПРО, что привело к реформированию четвертого элемента матрицы ядерного политики – контрсдерживания. В части наступательных сил комиссия рекомендовала перейти от авиационной «монады» к стратегической «триаде» за счет создания и развертывания БР наземного и морского базирования. Новый вид оружия обладал двумя преимуществами: способностью уничтожить цель на любом расстоянии и возможностью сделать гарантированно (в отличие от самолетов, не страшна ПВО противника).

Это обозначило второй (после «термоядерной революции») важный рубеж в вертикальном измерении ядерного распространения, когда были созданы новые средства доставки ЯО - управляемые баллистические (БР) и крылатые (КР) ракеты стратегического назначения, а ядерные силы превратились в «триады». Такая диверсификация средств доставки сопровождалась появлением предложений по альтернативным вариантам стратегии сдерживания, истоки которых можно найти в полемике с ВВС во второй половине 1940-х гг. Поскольку новая система оружия «Поларис» была дорогостоящей и масштабы ее развертывания были ограничены (первоначально – 14 ПЛ с 224 ракетами) теоретики ВМС видели альтернативу «массированному возмездию» в нанесении ударов ограниченного масштаба по минимальному (предельному) перечню целей³⁰⁹. Хотя позиция ВМС имела сторонников в

³⁰⁸ Report by the Technological Capabilities Panel of the Science Advisory Committee. February 14, 1955 // Foreign Relations of the United States. 1955–1957. Vol. XIX. National Security Policy / Gen. Ed. J. P. Glennon. – Washington, DC : GPO, 1990. - P. 63-88.

³⁰⁹ Sapolsky H. M. The U.S. Navy's fleet ballistic missile program and finite deterrence // Getting MAD: nuclear mutual assured destruction, its origins and practice / Ed. H. D. Sokolski. – Carlisle : Strategic Studies Institute. – 2004. - P. 123-135. Подборка документов по этой дискуссии была опубликована в 2009 г. электронным Архивом национальной безопасности Джорджтаунского университета. См.: National Security Archive Electronic Briefing

государственным департаменте, предложения были отвергнуты. На фоне развернувшегося после запуска Спутника 4 октября 1957 г. политического наступления Демократической партии под лозунгом «ракетного отставания» (Missile Gap), для администрации Эйзенхауэра были неприемлемы какие-либо «минимальные варианты» ядерной стратегии.

Поиск альтернативы «массированному возмездию», убедительность которого в силу уязвимости самих США вызывала все больше сомнений, шел также в академических кругах. Первыми шагами были работы сотрудников «RAND Corporation» во главе с А. Уолстеттером 1953-1954 гг.³¹⁰ В этих работах начала формироваться модель контрсилловых действий: первоочередной целью ядерных ударов должны быть не города противника, а объекты его СЯС, в тот период – авиабазы. При этом население оставалось «заложником» для последующего развития ситуации – если в Москве решат нанести ответный удар по США, по следующий эшелон американских СЯС будет направлен на города Советского Союза.

Нанесение первого обезоруживающего удара является уже контрсдерживанием, лишая противника наносить ущерб США. Таким образом теоретическая часть контрсдерживания, так же, как и контрраспространения, начиналась с наступательных вариантов. Перестройка четвертого элемента матрицы с противосамолетного на противоракетный началась несколько позднее, когда в США в соответствии с рекомендациями «комиссии Киллиана» приступили к проектированию системы ПРО «Nike Zeus»³¹¹. Следует также отметить, что первоначально контрсдерживание было реакцией не на

Book № 275. "How Much is Enough?": The U.S. Navy and "Finite Deterrence". A Moment in Cold War History when the Fundamentals of the U.S. Nuclear Posture Were at Stake. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb275/> (дата обращения: 19.03.2019)

³¹⁰ Wohlstetter A. et al. Vulnerability of U.S. strategic air power to a surprise enemy attack in 1956. Special Memorandum SM-15. Santa Monica: RAND Corporation, 15 April 1953. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/special_memoranda/2007/SM15.pdf (дата обращения: 19.03.2019); Wohlstetter A. et al. Selection and the use of strategic air bases. Report R-266. - Santa Monica: RAND Corporation, 2 April 1954. URL: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2006/R266.pdf> (дата обращения: 19.03.2019); Wohlstetter A. et al. Protecting U.S. power to strike back in the 1950s and 1960s. Staff Report R-290. - Santa Monica: RAND Corporation, 1 September 1956. URL: <http://www.albertwohlstetter.com/writings/19560901-AW-EtAl-R290.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

³¹¹ ABM Research and Development at Bell Laboratories. Project History. October 1975. URL: http://www.alternatewars.com/WW3/WW3_Documents/ABM_Bell/ABM_Bell.pdf (дата обращения: 18.03.2019).

сдерживание, а на распространение, создание в СССР средств доставки ЯО на территорию США.

Если разработки RAND носили закрытый характер и были адресованы военным профессионалам, то критика официальной ядерной стратегии в научных центрах восточного побережья США в 1957-1960 гг. велась в открытых публикациях У. Кофмана, Г. Киссинджера, Р. Осгуда, Б. Броди, А. Уолстеттера, Т. Шеллинга, Г. Кана³¹². «Мозговой штурм» в академических кругах в тот период не только укреплял позиции Демократической партии, стремившейся взять реванш за поражение на выборах 1956 г., усиливая аргументацию критиков администрации Эйзенхауэра, но и послужил интеллектуальной основой для принятого после прихода к власти Дж. Кеннеди нового варианта стратегии ядерного сдерживания.

В своем первом послании «О положении страны» от 30 января 1961 г. (через 10 дней после инаугурации) президент Дж. Кеннеди отметил в числе стоящих перед государством проблем угрозу ядерного распространения в горизонтальном и вертикальном измерениях: «Каждый день мы приближаемся к часу максимальной опасности по мере того, как вооружения распространяются и враждебные силы растут»³¹³. Реакцией на это вызов стала корректировка всех четырех компонентов ядерной политики США - принятие новой стратегии сдерживания; количественный и качественный рывок в строительстве СЯС США; более активная политика контрраспространения в горизонтальном измерении, сочетавшая силовые и политико-правовые меры; создание более совершенной системы ПРО.

³¹² Military policy and national security/ Ed. W. Kaufmann. - Princeton: Princeton University Press, 1956. - 274 p.; Kissinger H.A. Nuclear weapons and foreign policy. - NY: Published for the Council on Foreign Relations by Harper, 1957. - 455 p.; Osgood R. Limited war: the challenge to American strategy. - Chicago: University of Chicago Press, 1957. - 315 p.; Brodie B. Strategy in the Missile Age. - Princeton: Princeton University Press, 1959. - 423 p.; Wohlstetter A. The delicate balance of terror // Foreign Affairs. - 1959. - Vol. 37. - No.2. - P. 211-234; Schelling T. The strategy of conflict. - Cambridge: Harvard University Press, 1960. - 309 p.; Kahn H. On thermonuclear war. - Princeton: Princeton University Press, 1960 - 651 p.; Kissinger H. A. The necessity for choice: prospects of American foreign policy. - NY: Harper, 1961. - 370 p.

³¹³ Annual Message to the Congress on the State of the Union, 30 January 1961 // The Public Papers of the Presidents of the United States. John F. Kennedy. 1961. - Washington, DC: GPO, 1962. - P. 22.

Первый вариант новой концепции сдерживания был представлен министру обороны Р. Макнамаре в январе 1961 г. ведомственной Группой по оцениванию систем оружия (Weapons Systems Evaluation Group)³¹⁴. Доклад, известный как WSEG-50 «Оценивание стратегических наступательных сил» предусматривал по сути реализацию варианта стратегии, предлагавшегося ВМС еще в 1957 г. – «предельное сдерживание» (удар по ограниченному числу целей)³¹⁵. Макнамара принял методологию доклада WSEG – системный анализ, но принял альтернативный вариант стратегии был предложен специалистами из RAND во главе с А. Уолстеттером и У. Кофманом (последний изложил его Макнамаре в серии брифингов в начале февраля 1961 г.). Ключевой их идеей был принцип «контрсилы» («исключения городов», «ограничения ущерба»), согласно которому первый удар должен быть «обезоруживающим» – наноситься по позициям МБР и другим объектам СЯС противника. При этом развитие конфликта должно было удерживаться в рамках ограниченных по масштабам ударов, что и составляло «гибкое реагирование». Данная идеология определяла содержание планов применения ядерных сил США почти полтора десятилетия – до принятия «доктрины Шлесинджера» в 1974 г.

Концепция, предлагавшаяся WSEG, была отвергнута еще и потому, что не требовала существенного количественного наращивания СЯС. С точки зрения администрации Кеннеди, это было недостатком, поскольку рывок в строительстве СЯС имел важную экономическую составляющую – «накачку» заказами промышленности, еще не преодолевшей последствия экономического

³¹⁴ Исследовательский центр, образованный в 1947 г. решением первого министра обороны Дж. Форрестала для экспертно-аналитического обеспечения процесса принятия военно-технических и военно-стратегических решений. Специалисты группы в конце 1940-х гг. участвовали в разработке планов превентивной войны против СССР. Руководитель группы имел должностную категорию генерал-лейтенант и подчинялся одновременно заместителю министра по НИОКР и председателю КНШ. См. Ponturo J. Analytical Support for the Joint Chiefs of Staff: The WSEG Experience, 1948-1976 Arlington: Institute for Defense Analysis, 1979. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a090946.pdf> (дата обращения: 18.03.2019).

³¹⁵ Руководители ВМС продолжали отстаивать этот подход и в 1961 г. предлагая новой администрации сделать ядром СЯС США флот из 45 ПЛ, на которых будет 720 ракет «Поларис», 55% которых (400 ракет) будет постоянно находиться на позициях в море. См. Air Force memorandum for the record. Hearings by the Preparedness Investigating Subcommittee, Senate Committee on Armed Services, on DOD Ballistic Missile Program. 28 July 1961. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb311/doc01.pdf> <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb311/doc01.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

кризиса, а также политический эффект – демонстрация убедительного превосходства США над противником.

В строительстве СЯС, взяв за основу планы Эйзенхауэра, новая администрация их масштабировала и скорректировала распределение приоритетов. Развертывание в соответствии с новыми планами велось в 1963-1964 гг. беспрецедентными темпами – в среднем по одной МБР в день и одной ПЛ в месяц. Параметры программы Эйзенхауэра были превышены: по МБР – почти в два раза (1054 вместо 540), по ПЛ – почти в три раза (41 и 14), а суммарный мегатоннаж американских СЯС утроился.

При определении «потолков» учитывались оценки разведки, согласно которым Советский Союз мог иметь к концу 1960-х гг. от 350 до 650 МБР, что давало США превосходство от двукратного до четырехкратного³¹⁶. При уровне точности, которые тогда имели МБР, это гарантировало нанесение по СССР обезоруживающего удара. Однако Советский Союз принял ответные меры, опрокинувшие расчеты американских аналитиков, а реалии мировой политики 1961-1962 гг. заставили задуматься, насколько близко можно подойти к катастрофе.

Результаты Берлинского и Карибского кризисов были противоречивыми. С одной стороны, Советский Союз отступил, выполнив требования Вашингтона убрать ракеты с Кубы. С другой стороны, выяснилось, что работает даже «минимальное» сдерживание – вероятность удара нескольких ядерных боезарядов по США заставила президента Кеннеди остановиться.

Хотя осмысление итогов кризиса не привело к «разрядке», его последствия существенно повлияли на ядерную политику США. 12 сентября 1963 г. на заседании СНБ в присутствии президента был представлен прогноз результатов гипотетических обменов ядерными ударами между СССР и США в период 1964-1968 гг. (т.е. до конца возможного второго срока Кеннеди). Моделирование показало, что в зависимости от сценария конфликта и соотношения сил сторон жертвы среди населения США составят от 63 до

³¹⁶ Freedman L. US intelligence and the Soviet strategic threat. - Basingstoke : Macmillan, 1977. - P.101

134 млн. чел.³¹⁷ Таким образом, принятая официальная стратегия, основанная на «ограничении ущерба» не работала. В таких условиях ЯО не могло рассматриваться как реальный инструмент внешней политики.

Несмотря на то, что в ходе заседания СНБ высказывались сомнения в возможности какими-либо средствами ограничить ущерб, министр Макнамара все же предпринял попытку найти возможные способы и поручил провести дополнительные расчеты. Представленные в сентябре 1964 г. результаты этой работы, известной по имени ее руководителя как «Исследование Кента» (Kent Study) показали, что ни один из вариантов контрсдерживания (строительство убежищ для населения, система ПРО «Nike X», контрсиловые удары по ракетным базам СССР, операции против советских ПЛ в море, развитие системы ПВО Североамериканского континента) не дает желаемого уровня «ограничения ущерба» при разумной стоимости³¹⁸. Причем оценки перспектив развития СЯС СССР только усугубляли ситуацию.

«Исследование Кента» оказало существенное влияние на определение приоритетов ядерной политики США. В его развитие Р. Макнамара в ноябре 1966 г. инициировал проведение еще одной крупной научно-исследовательской работы, получившей название STRAT-X (STRATegic eXperimental)³¹⁹. Результаты исследования фактически определили их облик в настоящее время, а его главной рекомендацией стало создание морской системы ULMS (Undersea Long-range Missile System), спустя пять лет получившей название «Трайидент»³²⁰.

³¹⁷ Summary Record of the 517th Meeting of the National Security Council. September 12, 1963 // Foreign Relations of the United States. 1961–1963. Vol. VIII. National Security Policy / Gen. Ed. D.S. Patterson. - Washington, DC: GPO, 1996. - P. 499-507.

³¹⁸ Основные результаты исследования (A Summary Study of Strategic Offensive and Defensive Forces of the U.S. and USSR. September 8, 1964) изложены в мемуарах руководителя работы. См.: Kent G.A., Ochmanek D., Spirtas M., Pirnie B.R. Thinking about America's defense: an analytical memoir. - Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. URL: https://www.rand.org/pubs/occasional_papers/OP223.html (дата обращения: 19.03.2019)

³¹⁹ Подробнее см.: Веселов В.А. Трансформация стратегической стабильности: роль технологического фактора // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2015. - № 3. - С. 23-56.

³²⁰ Institute for Defense Analyses. Research and Engineering Support Division. Report R-122. STRAT-X. Volume 1. August 1967. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/IMG/strat-Xreport.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

Практически одновременно в Вашингтоне пришли к компромиссу по ПРО³²¹. Результаты «исследования Кента» и сомнения в технической осуществимости проекта привели к серьезной переоценке программы ПРО, которая была проведена в декабре 1966 г. От системы «Nike X» надо было отказываться, но просто так в одностороннем порядке закрыть проект, имевший политическую привлекательность и мощную лоббистскую поддержку в Конгрессе, было невозможно. Но можно было попытаться договориться с СССР о взаимном прекращении работ по ПРО. Удобный случай для прямого диалога руководителей двух стран представился в связи с тем, что на чрезвычайную сессию Генеральной Ассамблеи ООН прибыл председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин. На его встрече с президентом Л. Джонсоном в Гласборо министр Р. Макнамара изложил главам двух государств аргументацию о нецелесообразности создания ПРО территории страны. Косыгин не имел полномочий для переговоров по этой теме, и встреча закончилась безрезультатно³²².

Нежелание советской стороны немедленно начать переговоры и тем более отказаться от своих работ по ПРО поставило администрацию Джонсона в сложное положение. Выход был найден благодаря процессам распространения. 17 июня – за неделю до саммита в Гласборо - Китай испытал первый термоядерный заряд, кроме того в США поступала информация о разработке различных типов БР, что могло свидетельствовать о намерении КНР совершить рывок в том же направлении, по которому двигались СССР и США десятилетием ранее.

Выступая 18 сентября 1967 г. в Сан-Франциско, Макнамара объявил не просто о закрытии «Nike X», а об изменении концепции – вместо «плотной антисоветской» системы ПРО всей территории страны будет создаваться

³²¹ Веселов В.А. Трансформация стратегической стабильности: роль технологического фактора // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2015. - № 3. - С. 23-56

³²² Веселов В.А. Смена «ядерных веков»: стратегическая стабильность и контуры нового мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2018. - Т. 10. - № 1. - С. 102–141.

«тонкая антикитайская»³²³. Новая система, получившая название «Sentinel», должна была обеспечить защиту не от массированного советского, а от ограниченного китайского удара, для чего считалось достаточным прикрыть только 17 крупнейших городов США. Работы на первом комплексе в районе Бостона начались уже в 1968 г.

Принятое решение позволило сохранить не конкретную систему ПРО, а саму идею возможности создания «противоракетного щита». При этом технические средства системы «Nike X» послужили основой для создания двух следующих разрабатывавшихся в США в 1960-х и 1970-х гг. проектов ПРО «Sentinel» и «Safeguard», которые представляли собой ее усеченные варианты. Изменялись только масштабы предполагаемого развертывания и планируемое предназначение системы.

Вступления Китая в «ядерный клуб» имело непосредственные последствия не только для контрсдерживания, но и для контрраспространения. Для обсуждения новой ситуации после ядерного испытания в КНР и выработки предложений по дальнейшим действиям США президент Джонсон образовал комиссию во главе с бывшим заместителем министра обороны Р. Гилпатриком. Комиссия представила доклад президенту 21 января 1965 г.³²⁴ По мнению членов комиссии, ситуация с ядерным распространением становилась угрожающей и что требовало выработки договоренности с Советским Союзом о параметрах будущего международного договора, устанавливающего режим нераспространения ЯО. Если условием участия СССР будет отказ от планов создания ядерных сил НАТО³²⁵, с этим следовало согласиться. Еще одно

³²³ Remarks by Secretary of Defense Robert McNamara before United Press International editors and publishers, San Francisco, September 18, 1967 // Congressional Record — House 1967 September 18, Pp.H12063-H12066. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP70B00338R000300100105-8.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

³²⁴ A Report to the President by the Committee on Nuclear Proliferation, January 21, 1965. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB1/docs/doc07.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

³²⁵ Проекты создания Многонациональных ядерных сил НАТО, в которых ФРГ должна была стать одним из основных участников, были избранной в Вашингтоне формой «контролируемого приобщения» ФРГ к ЯО. Обсуждение различных вариантов таких сил начались еще в администрации Эйзенхауэра в 1959-1960 гг., продолжалось в 1961-1964 гг. Подробнее см. : Пилько А. В. «Кризис доверия» в НАТО и его влияние на политику альянса в Европе, 1956 – середина 60-х гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – М., 2003. – 236 с.; Кузнецов Е.Л. Политика Соединенных Штатов Америки в отношении ФРГ в связи с планами

предложение комиссии касалось диалога с СССР по ограничению ядерных вооружений в двустороннем порядке.

В результате 1 июля 1968 г. ДНЯО был открыт для подписания, и одновременно США и СССР сделали заявления о своем намерении в соответствии со статьей VI Договора вступить в переговоры о сокращении ядерных вооружений. Однако под предлогом событий в Чехословакии был отменен запланированный на сентябрь визит Л. Джонсона в СССР, а начало переговоров отложено.

В ноябре президентом США был избран Р. Никсон, и новая администрация начала ревизию всего доставшегося ей «наследства». Через неделю после инаугурации – 27 января 1969 г. – для президента и его помощника Г. Киссинджера был проведен брифинг в министерстве обороны, на котором был представлен действовавший в тот момент план применения ядерных сил SIOP-4 «Revision E». Он представлял собой уточнение принятого администрацией Кеннеди плана SIOP-63 и содержал те же три задачи, два типа ударов и пять вариантов применения. Задачи включали: уничтожение ядерных сил СССР и КНР (Alpha), поражение обычных сил противника (Bravo), удары по городам (Charlie). Удары могли быть упреждающими (преэмптивными) и ответными. Варианты применения предусматривали поражение от 1700 до 6400 целей, для чего требовалось от 3200 до 4200 ядерных боеприпасов³²⁶.

Таким образом, новому президенту продемонстрировали имевшиеся у него средства, предоставив ему самому решать, как они могли быть использованы в качестве реального инструмента внешней политики. Довольно скоро Никсон попытался применить эти средства для решения главной в то время внешнеполитической задачи - завершения войны в Индокитае. Осенью 1969 г. Никсон решил использовать манипулирование угрозой применения стратегического ЯО в качестве средства психологического давления на СССР,

создания многосторонних ядерных сил НАТО : 1960-1966 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – Томск, 2005. – 154 с.

³²⁶ Предусматривалось в том числе поражение одним зарядом сразу нескольких объектов. См.: SIOP Briefing for Nixon Administration, 27 January 1969. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-1.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

но неудачно³²⁷. В Москве не поверили в «безумие» Никсона, и операция СЯС была свернута 30 октября 1969 г., а 17 ноября в Хельсинки начался первый раунд переговоров по ОСВ и ПРО.

Из этой неудачной попытки администрация Никсона сделала вывод, который сегодня кажется очевидным – ЯО перестает быть применимым инструментом внешней политики в условиях «взаимного гарантированного уничтожения» (ВГУ, английская аббревиатура MAD)³²⁸, возникшего во второй половине 1960-х гг. в результате вертикального распространения. Поэтому, начиная с конца 1960-х гг. и по настоящее время, непрерывно ведется поиск выхода из тупика, созданного ВГУ, который существенно ограничивает свободу действий каждой из сторон, связывая ядерным державам руки в мировой политике. В США пути выхода искали, прежде всего, в выработке новых концепций применения СЯС, направленных на то, чтобы сделать «гибкое реагирование» все более гибким, т.е. развивая промежуточные ступени эскалации, не доводя конфликт до ВГУ. Выработка первого варианта такой концепции заняла у администрации Никсона почти четыре года.

17 января 1974 г. президент Никсон подписал Меморандум о решении по национальной безопасности (NSDM - National Security Decision Memorandum) № 242³²⁹, которым утверждались принятые изменения в стратегии сдерживания, а министр обороны Дж. Шлесинджер утвердил специальный документ по

³²⁷ См.: Burr W., Kimball J. P. Nixon's nuclear specter: the secret alert of 1969, madman diplomacy, and the Vietnam War. - Lawrence: University Press of Kansas, 2015. - 455 p.

³²⁸ Министр обороны Р. Макнамара употреблял термин без слова «взаимное», но, начиная, с февраля 1965 г. в своих ежегодных докладах Конгрессу и меморандумах на имя президента отмечал, что США обладают возможностью гарантированного уничтожения СССР, при этом оговаривая, что и Советский Союз приобрел такую же способность. См.: Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before a Joint Session of the Senate Armed Services Committee and the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1966-70 Defense Program and 1966 Defense Budget. URL:

http://www.dod.mil/pubs/foi/logistics_material_readiness/acq_bud_fin/146.pdf (дата обращения: 19.03.2019);

Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the House Armed Services Committee on the Fiscal Year 1967-71 Defense Program and 1967 Defense Budget. January 25, 1966. URL:

http://www.dod.mil/pubs/foi/logistics_material_readiness/acq_bud_fin/145.pdf (дата обращения: 19.03.2019);

Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the House Armed Services Committee on the Fiscal Year 1968-72 Defense Program and 1968 Defense Budget. URL:

http://www.dod.mil/pubs/foi/logistics_material_readiness/acq_bud_fin/147.pdf (дата обращения: 19.03.2019);

Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the House Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1969-73 Defense Program and 1969 Defense Budget. January 22, 1968. URL:

http://www.dod.mil/pubs/foi/logistics_material_readiness/acq_bud_fin/151.pdf (дата обращения: 19.03.2019)

³²⁹ National Security Decision Memorandum № 242. Policy for Planning the Employment of Nuclear Weapons. January 17, 1974. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-24b.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

планированию применения ядерных сил, известном как NUWEP-1 (Nuclear Weapons Employment Policy)³³⁰. На этой базе был составлен новый план применения SIOP-5, введенный в действие с 1 января 1976 г.

Согласно «доктрине Шлесинджера» весь ядерный потенциал США делился на две части – силы для нанесения высокоточных избирательных ударов по отдельным объектам противника и живучий стратегический резерв, который сдерживал попытку противника ответить массированно на ограниченный удар. Теоретически это должно было вернуть Вашингтону свободу рук в мировой политике, но сохранялась опасность срыва в неуправляемую эскалацию на каком-то этапе конфликта.

Новая концепция сдерживания требовала соответствующего материального наполнения. Основной инструмент для нанесения избирательных ударов уже имелся в наличии – оснащение ракет РГЧ ИН. Создание такого оснащения стало важным рубежом в вертикальном измерении распространения. С его помощью США рассчитывали получить качественное преимущество и возродить в условиях паритета ситуацию «контрсилы», лежавшую в основе ядерной стратегии начала 1960-х гг.³³¹

С точки зрения администрации Никсона важным свойством нового поколения СЯС³³² была возможность приобрести качественное превосходство над СССР в условиях количественных ограничений, установленных Договором ОСВ-1 в 1972 г.³³³ В области ПРО администрация Никсона, прежде чем выработать позицию в отношении переговоров с Советским Союзом, в январе 1969 г., начала ревизию программы «Sentinel». Результатом стало переименование системы в «Safeguard», которое сопровождалось изменением

³³⁰ Policy Guidance for the Employment of Nuclear Weapons, 3 April 1974. URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-25.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

³³¹ Об этом свидетельствует, в частности, рассекреченный с большими купюрами закрытый документ, излагающий взгляды разработчиков РГЧ ИН на задачи нового боевого оснащения. См.: Vuchonnet D. MIRV: A Brief History of Minuteman and Multiple Reentry Vehicles. - Lawrence Livermore Laboratory, February 1976. P.6. URL: http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nsa/NC/mirv/mirv1_1.html (дата обращения: 19.03.2019).

³³² Морская система «Трайидент», новая МБР MX (впоследствии переименована в «Пискипер», новый бомбардировщик B-1 и крылатые ракеты воздушного и морского базирования

³³³ Развертывание БР с РГЧ ИН в США началось в то время, когда стороны вели переговоры по ОСВ и ПРО. 18 июня 1970 г. был передан САК первый отряд из 10 МБР «Минитмен III» на базе Майнот (Северная Дакота). 31 марта 1971 г. на боевую службу в Атлантику вышла ПЛ «Джеймс Мэдисон» с БРПЛ «Посейдон».

состава системы и новой формулировкой стоящих перед ней задач - повышение живучести ядерных сил путем прикрытия от удара позиционных районов МБР «Минитмен» (в первоочередном порядке – четырех баз), что должно было укрепить американский потенциал сдерживания. План создания системы «Safeguard» был объявлен президентом США Р. Никсоном в марте 1969 г.³³⁴ В дальнейшем ее облик был скорректирован с учетом ограничений Договора по ПРО в 1972 г.

В горизонтальном измерении контрраспространения администрации Никсона и Форда столкнулись с целым рядом вызовов. Три важных союзника США, способные серьезно повлиять на режим распространения – ФРГ, Италия и Япония – продолжали затягивать ратификацию ДНЯО, который они подписали под сильным давлением Вашингтона и который именно их усилиями не стал бессрочным изначально. В итоге эти государства ратифицировали Договор 2 мая 1975 г. и 8 июня 1976 г. соответственно. В то же время администрация Никсона отказалась от проводившейся предшественниками политики давления на Израиль с целью побудить его присоединиться к ДНЯО. Никсон и Киссинджер согласились молчаливо признать Израиль ядерным государством де факто, что и было вскоре продемонстрировано во время войны в октябре 1973 г.

Израиль во время этого конфликта апробировал оригинальную модель «треугольного сдерживания», когда столкнувшись с трудностями на фронтах, начал открыто демонстрировать подготовку к применению в расчете на то впечатление, которое будет произведено в Москве и Вашингтоне³³⁵ Впечатление действительно было произведено. США не только предоставили Израилю экстренную военно-техническую помощь, но и повысили уровень

³³⁴ Подробнее о политике администрации Никсона и борьбе вокруг ПРО в этом период см.: Федюшко Д.И. Эволюция политики США в области противоракетной обороны : 1969-1972 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – М., 2017. - 235 с.

³³⁵ Colby E. et al. The Israeli nuclear alert of 1973: deterrence and signaling in crisis. – Alexandria, VA : Center for Naval Analyses, 2013. URL: https://www.cna.org/CNA_files/PDF/DRM-2013-U-004480-Final.pdf (дата обращения: 19.03.2019); Cohen A. The worst-kept secret: Israel's bargain with the bomb. - Columbia University Press, 2010. – 370 p.

боеготовности собственных вооруженных сил (что также было адресовано Москве).

Израильский опыт «треугольного сдерживания» оказался привлекательным для целого ряда государств, в первую очередь ЮАР, Тайваня и Южной Кореи, которые именно в этот период были вынуждены пересматривать подходы к обеспечению безопасности. Дополнительные импульсы процесс горизонтального распространения получил в 1974 г. в связи с последствиями «нефтяного шока» и ядерного взрыва «в мирных целях» в Индии.

Энергетический кризис, с одной стороны, привел к накоплению финансовых ресурсов в ряде арабских стран и Иране, с другой - усилил интерес к ядерной энергетике среди импортеров углеводородов. В результате начали возникать новые «ракетно-ядерные конфигурации», в основе которых лежало объединение финансовых возможностей экспортеров нефти, западноевропейских технологий и местных научных и промышленных потенциалов таких государств как Пакистан, Бразилия, Аргентина. Последствиями развития этих «конфигураций» могли стать существенные сдвиги в региональных балансах сил.

Противодействие названным вызовам в сфере горизонтального распространения стали одним из приоритетов победившего на выборах 1976 г. Дж. Картера. В ходе предвыборной борьбы Картер позиционировал себя как «нового» политика (человека, противостоящего «старым» лидерам партии - Э. Кеннеди др.) с новыми идеями, в том числе о трансформации мирового порядка и вытекающих из этого новых задачах США. Еще в ходе предвыборной кампании Картер сделал проблему ядерного распространения ключевым аспектом своей внешнеполитической платформы, начиная с его выступления в ООН «Ядерная энергия и новый мировой порядок» 13 мая 1976 г.³³⁶ Картер

³³⁶ Teltsch K. Carter Proposes a Nuclear Limit // The New York Times. - May 14, 1976. - P. 1. URL: <https://www.nytimes.com/1976/05/14/archives/carter-proposes-a-nuclear-limit-at-un-he-advances-plan-to-halt.html> (дата обращения: 19.03.2019); Carter's Nuclear Blast // New York Times. - May 21, 1976. - P. 21. URL: <https://www.nytimes.com/1976/05/21/archives/carters-nuclear-blast.html> (дата обращения: 19.03.2019)

заявил о необходимости принятия в качестве мировой практики «добровольного моратория» на продажу и приобретение обогатительных или перерабатывающих установок. Для несогласных на добровольное самоограничение предназначались экономические санкции. В своих мемуарах Картер отмечал, что в стремлении противодействовать распространению опасных технологий ему приходилось преодолевать сопротивление «некоторых поставщиков»³³⁷. Приоритетом для администрации Картера стало разрушение двух соглашений – ФРГ с Бразилией и Франции с Пакистаном.

Давление США на ФРГ в сочетании финансовыми трудностями импортера увенчалось успехом – сделка была сорвана³³⁸. Проблема с Пакистаном выглядела иначе. После ядерного испытания в Индии в 1974 г. Исламабад не скрывал своих ядерных амбиций, при этом позиционируя свой проект как создание не национальной, а «исламской» атомной бомбы, рассчитывая на привлечение «нефтедолларов» Ливии и Саудовской Аравии. Пакистан также опирался на помощь Китая и импорт технологий из Западной Европы, прежде всего Франции. Под давлением администрации Картера в июне 1978 г. контракт с фирмой Saint-Gobain Nucléaire был расторгнут, но конечный результат этой деятельности оказался противоположным – в том же 1978 г., когда Бразилия присоединилась к ДНЯО, Пакистан вступил в «ядерный клуб».

Для администрации Картера характерно сочетание активной политики горизонтального контрраспространения и не менее активного вертикального распространения. И то, и другое можно рассматривать как следствие неудачи президента с реализацией выдвинутой им в инаугурационной речи идеи «ядерного ноля» (подробнее см. ниже, п.3.1.) Поскольку идея не сработала, администрация Картера обратилась к традиционному способу обеспечения внешнеполитических интересов с помощью ЯО – реализации превосходства

³³⁷ Carter J. Keeping Faith: Memoirs of a President. - New York: Bantam Books, 1982. - P.215.

³³⁸ Германо-бразильское соглашение, подписанное 27 июня 1975 г., предусматривало разведку месторождений урана в Бразилии с гарантированными поставками в ФРГ 20% от всей добытой урановой руды. Бонн обязался построить к 2000 году на территории Бразилии восемь промышленных ядерных реакторов (в дополнение к двум ранее запланированным), передать немецкие технологии полного ядерного топливного цикла, а также обеспечить полномасштабную подготовку бразильским специалистам. Общая стоимость контактов составляла около 4 млрд. долл. Переговоры аналогичного содержания велись ФРГ с Ираном.

США над всеми противниками³³⁹. Контрраспространение решало одну часть этой задачи, наращивание собственного потенциала США (распространение в вертикальном измерении) – другую. Администрация Картера внесла коррективы в расстановку приоритетов, но в целом реализовала те планы модернизации ядерной триады, которые были намечены предшественниками – Никсоном и Фордом.

Велось строительство первых шести ПЛ типа «Огайо» с БРПЛ, продолжались поиски оптимального способа базирования новой МБР МХ. Приоритетом демократической администрации стал воздушный компонент триады, в котором был закрыта программа нового бомбардировщика В-1. Вместо нее были начаты две новых – крылатые ракеты воздушного базирования и малозаметный бомбардировщик АТВ (Advanced Technology Bomber) – будущий В-2, который благодаря малой заметности должен быть неуязвим для ПВО противника и способен выискивать такие важные цели как советские мобильные МБР (их поражение другими средствами было тогда невозможным). Таким образом, воздушный компонент СЯС впервые приобретал некоторые контрсиловые свойства.

Администрация Картера проявила также инициативу развертывания в Европе новых американских ракет средней дальности, добившись принятия «двойного решения НАТО» в декабре 1979 г.³⁴⁰ При этом для Вашингтона главной заботой была не безопасность европейских союзников (что должно было бы вытекать из идей «трилатеризма»), а эскалационное доминирование США, оказавшееся под вопросом в связи с появлением в СССР малоуязвимых мобильных баллистических ракет средней дальности (БРСД) типа «Пионер».

³³⁹ Walsh D. The military balance in the Cold War : US perceptions and policy, 1976-85. - NY : Routledge, 2008. – 281 p.

³⁴⁰ По информации английских источников, впервые вопрос о целесообразности размещения в Европе новых американских средств средней дальности был поставлен во время диалога министров обороны США и Великобритании Г. Брауна и Ф. Малли «на полях» совещания Группы ядерного планирования НАТО в Оттаве 9 июня 1977 г. См.: Stoddart K. Facing down the Soviet Union: Britain, the USA, NATO and nuclear weapons, 1976–1983. - London: Palgrave Macmillan, 2014. - P. 81–86. Это означает, что замысел родился в недрах новой администрации США в первой половине 1977 г., т.е. в первые месяцы пребывания Картера у власти.

Официально принятая концепция применения СЯС оставался в целом в рамках «доктрины Шлесинджера», что было подтверждено в августе 1977 г. директивой Картера PD-18³⁴¹. В дальнейшем она была уточнена в директиве PD-59³⁴², принятой в июле 1980 г. уже в других внешнеполитических и внутривнутриполитических условиях, когда политика «разрядки» была свернута, договор ОСВ-2 заморожен, а необходимость поддержания паритета с СССР и обеспечение стратегической стабильности подвергались все большему сомнению. К этому времени официальный курс практически не отличался от того, что предлагала консервативная оппозиция, что сыграло немалую роль в поражении Дж. Картера на выборах 1980 г.

Администрация Р. Рейгана пришла к власти с уже сформированными взглядами, в том числе выработанной стратегией победы в «холодной войне». Речь шла о политической победе благодаря военному превосходству США (прежде всего, в качественном измерении), экономическому давлению и психологической войне. Препятствием на пути к победе в «холодной войне» служил реально существующий стратегический паритет с СССР и ситуация ВГУ. Устранить это препятствие должна была очередная корректировка ядерной стратегии США. 19 октября 1981 г. президент Рейган подписал директиву NSDD-13 «Политика применения ядерного оружия»³⁴³, которая заменила документ Картера PD-59 и действовала более 16 лет. Целью применения ЯО оставалась победа в ядерной войне ограниченного масштаба с четко определенными политическими целями. При этом появилось понятие «затяжная ядерная война» (protracted nuclear war), которая должна привести не к глобальной катастрофе, а к завершению конфликта на условиях США³⁴⁴. Для этого предполагалось дозированное применение силы в форме нанесения выборочных ядерных ударов в сочетании с «горизонтальной эскалацией»

³⁴¹ Presidential Directive 18. US National Strategy. 24 August 1977. URL:

<https://www.jimmycarterlibrary.gov/assets/documents/directives/pd18.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

³⁴² Presidential Directive 59. Nuclear Weapons Employment Policy. 25 July 1980. URL:

<https://www.jimmycarterlibrary.gov/assets/documents/directives/pd59.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

³⁴³ National Security Decision Directive 13. Nuclear Weapons Employment Policy. 19 October 1981. URL:

<https://www.archives.gov/files/declassification/iscap/pdf/2013-104-doc01.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

³⁴⁴ Ibid. P.2

(расширением географических масштабов конфликта) и приглашением противника к переговорам в паузах между ударами.

Из этого вытекала основная задача ядерной политики администрации Рейгана – обесценить советский потенциал, «обнулить» паритет и вынести за скобки ситуацию ВГУ. В этой связи на роль ключевого компонента ядерной политики выходило не сдерживание, а контрсдерживание. Выход из ВГУ продолжали искать на пути совершенствования наступательных сил, повышения их контрсиловых способностей. В этой составляющей Рейган получил от предшественников полный спектр стратегических программ, направленных на резкое наращивание способности нанесения первого обезоруживающего или обезглавливающего удара. Собственным вкладом новой администрации стал другой компонент контрсдерживания – новый проект стратегической обороны. В телеобращении 23 марта 1983 г. Рейган объявил об изменении подхода к обеспечению национальной безопасности – на смену ядерному сдерживанию на основе ВГУ должна была прийти концепция гарантированного выживания за счет широкомасштабной обороны, которая обесценит наступательные вооружения³⁴⁵. Сформулированная в самом общем виде, концепция вскоре была структурирована как «Стратегическая оборонная инициатива» (СОИ), утвержденная директивой президента NSDD-119 от 6 января 1984 г.³⁴⁶.

Инициатива решала сразу несколько задач – найти выход из ВГУ и вернуть Вашингтону свободу рук в мировой политике, внести фактор неопределенности в стратегическое планирование СССР и заставить его нести дополнительные расходы, а также привлечь союзников к решению общей задачи. Хотя дискуссии о реальном вкладе СОИ в завершение «холодной войны» продолжаются, очевидным является политико-психологический эффект этой программы, которая имела двойное содержание.

³⁴⁵ Address to the Nation on National Security and Defense. March 23, 1983 // The Public Papers of the Presidents of the United States. Ronald Reagan. 1983. Book 1. – Washington, DC : GPO, 1984. – P. 442-443.

³⁴⁶ National Security Decision Directive 119. Strategic Defense Initiative. January 6, 1984. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/sites/default/files/archives/reference/scanned-nsdds/nsdd119.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

С одной стороны, в Вашингтоне исходили из того, что СССР согласится на принятие правил ограниченной ядерной войны, альтернативой которым могла быть только неуправляемая эскалация с катастрофическим исходом. В таком случае отражение атаки ограниченного масштаба становилось решаемой задачей. Поэтому в рамках СОИ велась разработка реалистичных компонентов, из которых впоследствии «выросли» все три осуществляемые в настоящее время программы ПРО наземного базирования (GBI, THAAD, Patriot PAC-3) а также израильская система «Жец»³⁴⁷. Эти направления работ не рекламировались, хотя и не скрывались.

С другой стороны, поскольку конечной целью был слом воли противника и принуждение его к переговорам, на переднем плане информационного обеспечения СОИ были «экзотические» проекты, включая космического эшелон с оружием направленной передачи энергии, а также противоспутниковые средства. Эти проекты позиционировались как средства отражения крупномасштабных ядерных ударов, и именно на них сосредоточилось внимание как сторонников, так и критиков СОИ, в том числе сложившейся оппозиции в Конгрессе. Критики справедливо указывали на техническую неосуществимость такой системы, что доказывалось многочисленными расчетами³⁴⁸. Сторонники отмечали вклад СОИ в решении более широкой задачи – обеспечения эскалационного доминирования США. Эту же задачу решала практическая реализация администрацией Рейгана «двойного решения» НАТО от 1979 г. по ракетам средней дальности.

Все это было рассчитано на восприятие советской стороны таким образом, чтобы создать впечатление о реальной готовности Вашингтона к началу войны³⁴⁹. В отличие от ситуации осени 1969 г., когда угрозами манипулировал Р. Никсон, это не выглядело блефом. В итоге 8 декабря 1987 г. в

³⁴⁷ FitzGerald F. Way out there in the blue : Reagan, Star Wars, and the end of the Cold War. - NY : Simon & Schuster, 2000. - 592 p.

³⁴⁸ Одним из участников этих расчетов и критиков СОИ был молодой ученый-физик Эштон Картер, впоследствии заместитель министра обороны в администрации Клинтона и министр в правительстве Обамы.

³⁴⁹ Большая подборка документов, подтверждающих это предположение, опубликована электронным Архивом национальной безопасности. См.: The Able Archer 83 Sourcebook. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/project/able-archer-83-sourcebook> (дата обращения: 19.03.2019)

Вашингтоне был подписан Договор РСМД³⁵⁰. Дальнейшее продвижение и заключение договора по СНВ было невозможно без уступок американской стороны в части ПРО, но для администрации Рейгана это было неприемлемо, а советская сторона, обремененная грузом внутренних проблем, не форсировала процесс.

Уже при новой администрации Дж. Буша в сентябре 1989 г. на переговорах Э.А. Шеварднадзе и Дж. Бейкера в Вайоминге советская сторона согласилась отделить вопросы СНВ от проблемы ПРО, что противоречило базовым представлениям о стратегической стабильности. На этой основе 31 июля 1991 г. был подписан Договор СНВ-1³⁵¹, в котором впервые устанавливались лимиты не только для носителей, но и для ядерных зарядов. Через несколько месяцев СССР прекратил существование.

1.2. Становление постбиполярного мира: новые вызовы и ответы США (1989-2000 гг.)

Завершение «холодной войны» и исчезновение Советского Союза в декабре 1991 г. привели к смещению приоритетов в структуре ядерной политики США. В распространении на первое место вышло горизонтальное измерение, а именно проблема бесконтрольного «расползания» ЯО бывшего СССР, прежде всего тактического. Ядерное сдерживание продолжало развиваться по инерции, поскольку облик нового миропорядка и соответственно политические задачи были не определены. На передний план выступило контрраспространение, которое должно было стать страховкой на случай возрождения старого соперничества в случае нежелательных для США

³⁵⁰ Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. Подписан в Вашингтоне 8 декабря 1987. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 19.03.2019).

³⁵¹ Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Подписан в Москве 31 июля 1991 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/start-11a.htm> (дата обращения: 19.03.2019).

изменений на постсоветском пространстве. Контрсдерживание – новые подходы к ПРО – должно было служить при этом дополнительной страховкой.

27 сентября 1991 г. президент Дж. Буш выдвинул крупную разоруженческую инициативу, в которой объявил о ряде односторонних шагов США и призвал СССР последовать этому примеру³⁵². Необычный подход был обусловлен тем, что стремление как можно скорее решить проблему ядерного наследия СССР (при том, что государство еще существовало) противоречило традиции длительных формальных переговоров. Поскольку ситуация в СССР была неопределенной, а выработка нового договора потребовала бы времени, и был избран такой нестандартный ход. Президент СССР М.С. Горбачев ответил положительно³⁵³, несколько позднее Президент России Б.Н. Ельцин также поддержал инициативу Буша³⁵⁴.

В результате в рамках «параллельных односторонних шагов» США, сначала с СССР, а затем с Россией в 1991-1992 гг. было радикально сокращено тактическое ядерное оружие. Логика этого решения была обусловлена не пересмотром концепции сдерживания, которую рекомендовали эксперты, а опасностью утраты контроля над ТЯО при распаде СССР.

27 сентября 1991 г. президент Буш объявил также об отказе от РГЧ ИН («демирвировании») на американских МБР и призвал СССР к аналогичным мерам. Таким способом в Вашингтоне пытались получить от советских руководителей то, чего не удалось добиться в Договоре СНВ-1 – окончательно закрыть «окно уязвимости». Поскольку инициатива Буша не затрагивала морские СЯС, ее реализация давала США существенные односторонние

352 Address to the Nation on United States Nuclear Weapons Reductions. September 27, 1991 // The Public Papers of the Presidents of the United States. George Bush. 1991. Book 2. – Washington, DC: GPO, 1992. - P.1220-1224.

353 Ответ президента СССР на инициативу Джорджа Буша по ядерному оружию // Известия. 7 октября 1991 г. URL: <https://m.yeltsin.ru/day-by-day/1991/10/07/41120/> (дата обращения: 19.03.2019).

354 Заявление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина «О политике России в области ограничения и сокращения вооружений» от 27 января 1992 г. URL: https://yeltsin.ru/uploads/upload/2015/03/27/f6_o1_d115_005_9x0AXBBD.pdf#viewer.action=download (дата обращения: 19.03.2019).

преимущества. Замысел в этой части не удался. В опубликованном 7 октября ответе М.С. Горбачева вопрос о «демирвировании» остался за скобками³⁵⁵.

Вслед за исчезновением СССР Вашингтоном была предпринята новая попытка и на этот раз удачная – в текст Договора СНВ-2, подписанного Дж. Бушем и Б.Н. Ельциным в последние дни пребывания республиканской администрации у власти (3 января 1993 г.), вошло в том числе «демирвирование» МБР, которого не удалось добиться от М.С. Горбачева³⁵⁶. Содержание договора в целом соответствовало стремлению Вашингтона максимально осложнить возможное возрождение мощного ракетно-ядерного потенциала у партнера по переговорам, т.е. служило еще одним элементом «страховки» на постсоветском пространстве.

Еще одним пунктом инициативы Буша от 27 сентября 1991 г. было предложение Советскому Союзу о создании совместно с США всенаправленной системы отражения ракетных ударов ограниченного масштаба³⁵⁷. Такое приглашение к сотрудничеству должно было снять возражения Москвы против откровенного нарушения Договора 1972 г. при создании новой системы ПРО, о создании которой Буш объявил в январе 1991 г.

Замысел администрации состоял в том, чтобы, не закрывая СОИ официально, переориентировать работы на другое направление. Данная переориентация объяснялась отказом Конгресса выделять средства на финансирование даже «Фазы 1» СОИ, не содержащей «экзотических» средств. Удобным поводом для реформирования оказалась война в Персидском заливе³⁵⁸. По сути, повторялась ситуация 1967 г., когда китайский фактор был

³⁵⁵ Ответ президента СССР на инициативу Джорджа Буша по ядерному оружию // Известия. 7 октября 1991 г. URL: <https://m.yeltsin.ru/day-by-day/1991/10/07/41120/> (дата обращения: 19.03.2019)

³⁵⁶ Договор между Российской Федерацией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2). Подписан в Москве 3 января 1993 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/dogovor.htm> (дата обращения: 19.03.2019)

³⁵⁷ Address to the Nation on United States Nuclear Weapons Reductions. P.1223

³⁵⁸ Веселов В.А. Евстафьев Д.Г., Скороспелов П.П. Геополитический контекст войны в Персидском заливе // Военная мысль. - 1993. - № 3. - С. 20-29

использован для выхода из тупика в создании ПРО. В 1991 г. в роли такого фактора выступило применение Ираком оперативно-тактических ракет (ОТР).

Выступая с посланием Конгрессу 29 января 1991 г. президент Буш объявил о решении переориентировать СОИ на решение задач отражения ограниченных по масштабу ракетных ударов³⁵⁹. Позднее проект получил название GPALS (Global Protection Against Limited Strikes). Намеченные параметры системы – наличие космического эшелона, количество наземных перехватчиков значительно превышающее 100 – откровенно противоречили Договору по ПРО. Поэтому осенью 1991 г. помимо приглашения Советскому Союзу подключиться к проекту, американская сторона предложила начать диалог о внесении изменений в Договор. Исчезновение СССР помешало этому, но в декабре 1991 г. Конгресс принял «Закон о противоракетной обороне 1991 г.» (в составе закона о расходах на оборону на 1992-1993 фин. г.). Закон устанавливал два направления работ – развитие систем ПРО ТВД и разработка новой системы ПРО для защиты территории США от ограниченных ударов БР, отвечающую требованиям Договора 1972 г. (не более 100 перехватчиков наземного базирования)³⁶⁰. Следующая корректировка подхода произошла после победы демократов на выборах 1992 г.

В сфере ядерного сдерживания администрация Буша сохранила концепцию применения СЯС, определенную директивой NSDD-13 от 1981 г., произведя в то же время ревизию системы нацеливания с учетом политических изменений. При этом было сокращено количество целей для ядерных ударов в новом плане SIOP-6F. Судя по просочившейся в прессу информации, количество таких объектов в 1991 г. было сокращено до примерно 10 000 (по сравнению с 40 000 в середине 1980-х гг.), а к 1994 г. – до 2500³⁶¹. Из плана

³⁵⁹ Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29, 1991 // The Public Papers of the Presidents of the United States. George Bush. 1991. Book 1. – Washington, DC: GPO, 1992. - P.78.

³⁶⁰ National Defense Authorization Act for Fiscal Years 1992 and 1993, Public Law No. 102-190, Division A, Title II, Part C (Missile Defense Act of 1991). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-105/pdf/STATUTE-105-Pg1290.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

³⁶¹ Ottaway D.B., Coll S. Trying to Unplug the War Machine // The Washington Post. - April 12, 1995. – P. A28. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1995/04/12/trying-to-unplug-the-war-machine/1d84e4a6-d813-490f-85f8-51dbde97d26d/?noredirect=on&utm_term=.a2d6cf26f5bd (дата обращения: 19.03.2019).

были исключены цели в Восточной Европе и бывших союзных республиках, ставших независимыми государствами. Дальнейшее снижение было поставлено в зависимость от развития ситуации в России.

Изменения коснулись и материальной базы стратегии. Администрация Буша пересмотрела программу «Трайидент», отменив строительство шести уже заказанных ПЛ (с 19-й по 24-ю), а также сократила объемы закупок бомбардировщиков В-1 (до 100 самолетов) и В-2 (до 20)³⁶². Одновременно была закрыта программа легкой мобильной МБР «Миджетмен» (успели провести два испытательных пуска)³⁶³.

Наибольшую проблему для администрации, как и ее предшественников, представляла программа МБР «Пискипер». Комиссия Скоукрофта рекомендовала развернуть 100 МБР в шахтных пусковых установках, но в июле 1985 г. Конгресс снизил это число до 50, а для остальных потребовал представить новый план базирования, обеспечивающий повышенную выживаемость. Объявленный президентом Рейганом в декабре 1985 г. новый план предусматривал железнодорожное базирование (25 поездов по две ракеты в каждом), с началом дежурства в декабре 1992 г. До его реализации дело, однако, не должно. Администрацией Буша мобильный вариант базирования МБР «Пискипер» был отменен вместе с закрытием программы «Миджетмен». Оставшиеся 50 МБР в шахтах простояли на дежурстве до сентября 2005 г., после чего ракеты были демонтированы, а их боезаряды частично перенесены на «Минитмен III»³⁶⁴.

Такое наследство в сфере ядерной политики получила администрация У. Клинтона, победившего на выборах в ноябре 1992 г. В связи с исчезновением главного противника в структуре ядерной политики администрации Клинтона на передний план вышли контрраспространение и контрсдерживание, обеспечивающие военное превосходство США и свободу

³⁶² Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 28, 1992 // The Public Papers of the Presidents of the United States. George Bush. 1992-93. Book 1. – Washington, DC: GPO, 1993. - P. 158.

³⁶³ Ibid.

³⁶⁴ Kristensen H.M., Korda M. United States nuclear forces, 2019 // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2019. - Vol. 75. - No. 3. - P. 122-134.

рук в мировой политике. В свою очередь в структуре контрраспространения ключевым стало горизонтальное измерение в связи с задачей управления региональными балансами сил. При администрации Клинтона сохраняла свою актуальность сформулированная предыдущей администрацией задача формирование такой центросиловой структуры, которая предотвращала появление серьезных конкурентов (*peer competitors*), не допускала превращения региональных соперников в глобальные. Администрация Клинтона негласно соглашалась с такой постановкой вопроса, несколько изменив риторику и инструментарий построения нового миропорядка. При этом изменилась приоритетность инструментов – первое место заняли экономические механизмы, и силовой фактор применялся не менее активно.

После исчезновения СССР в Вашингтоне считали, что равных в военном отношении противников нет и не предвидится, но есть экономические конкуренты – Германия и Япония, а также необходимость вовлечь в американоцентричную систему новые пространства, открытие новых рынков. Новые участники системы должны были принимать определенные принципы поведения в политике (либеральная демократия) и экономике (рыночные преобразования). Постепенное присоединение новых участников должно было в итоге сформировать оптимальный для интересов США миропорядок.

Не случайно три подряд редакции стратегии национальной безопасности США, изданные администрацией У. Клинтона в 1994, 1995 и 1996 гг. имели одно и то же название «Стратегия вовлечения и расширения»³⁶⁵. В числе средств решения задачи формирования американоцентричного миропорядка помимо экономических инструментов в 1990-е гг. оставалось военное превосходство США в качественном и количественном отношении во всем спектре применения силы и всех сферах вооруженного противоборства.

³⁶⁵ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. July 1994. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1994.pdf> (дата обращения: 19.03.2019); A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. February 1995. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1995.pdf> (дата обращения: 18.03.2019); A National Security Strategy of Engagement and Enlargement. February 1996. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/1996.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

В качестве фактора неопределенности во всех трех документах называлась ситуация в России и Китае, от которых во многом и зависел успех всего проекта. В отношении России предусматривалась страховка – лишение возможностей играть самостоятельную роль в мировой политике, для чего предлагалось поставить ее в положение «стратегической необороноспособности» оставив без геополитического «предполя» и без союзников, что в американских документах называлось созданием «мирной, неразделенной и демократической Европы»³⁶⁶. В отношении Китая после того, как советский вариант смены режима не сработал, основной линией поведения стало «вовлечение» (engagement) с помощью экономических преимуществ от участия в американоцентричной системе в сочетании с демонстрацией силы (containment), когда Пекин демонстрировал намерение действовать вразрез с интересами Вашингтона (например, в кризисе в Тайваньском проливе 1995-1996 гг.). Параллельно начала выстраиваться система стратегического окружения Китая за счет налаживания связей США с Индией (главный приоритет), странами Индокитая и Центральной Азии. Одним из «узких мест» этой конструкции была ситуация на Корейском полуострове, которую администрация Клинтона унаследовала от предшественника.

В рамках разоруженческой инициативы президента Дж. Буша от 27 сентября 1991 г. США вывезли свое ТЯО с территории Южной Кореи, что создало условия для подписания 20 января 1992 г. КНДР и Республикой Корея совместной декларации о денуклеаризации полуострова. 30 января 1992 г. КНДР подписала с МАГАТЭ соглашение о гарантиях³⁶⁷. После этого в течение 1992 г. страну посетили восемь инспекционных групп. В результате проведенных проверок у Агентства накопился ряд претензий КНДР, изложенных в докладе Совета управляющих МАГАТЭ. США со своей стороны,

³⁶⁶ Для первого - расширение НАТО, для второго – разгром сербов на Балканах, поскольку после того, бывшие члены Варшавского договора устремились в НАТО, единственным потенциальным союзником России в Европе оставалась «неприсоединившаяся» Югославия.

³⁶⁷ Соглашение между правительством Корейской Народно-Демократической Республикой и Международным агентством по атомной энергии о применении гарантий в связи с Договором о нераспространении ядерного оружия. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/infcirc403.pdf (дата обращения: 19.03.2019).

ссылаясь на данные космической разведки, заявляли, что в районе Йонбена строится завод по переработке ОЯТ. В качестве средства давления в январе 1993 г. Вашингтон объявил о возобновлении совместных учений с южнокорейской армией «Team Spirit». Одновременно США усилили пропагандистский нажим на КНДР в связи с незадекларированной ядерной деятельностью, при этом в СМИ давались утечки о различных сценариях силовых действий для решения проблемы.

В ответ 12 марта 1993 г. КНДР объявила себя свободной от обязательств по ДНЯО³⁶⁸. Поднимая таким способом «ставки», руководство КНДР, видимо, решило обменять свою ядерную программу на экономическую помощь из-за рубежа. Возобновить диалог между КНДР и США помогла посредническая деятельность Дж. Картера, который, будучи президентом США, уделял повышенное внимание политике контрраспространения. По итогам двусторонних переговоров в Женеве 21 октября 1994 г. было подписано Рамочное соглашение между США и КНДР, установившие принципы урегулирования конфликта, согласно недостроенные ядерные реакторы советской конструкции заменялись на американские; для реализации этого проекта создавалась организация KEDO (Korean Peninsula Energy Development Organization) с участием Южной Кореи и Японии; для компенсации потерь в энергобалансе КНДР Соединенные Штаты обязались ежегодно поставлять 500 тыс. т мазута³⁶⁹. Впоследствии министр обороны У. Перри и его заместитель Э. Картер оценили корейский кризис как самый серьезный за время первой администрации Клинтона, поскольку, по их мнению, альтернативой Рамочному соглашению была только война³⁷⁰.

³⁶⁸ Присоединение КНДР к ДНЯО было условием, выдвинутым Советским Союзом для реализации проекта строительства АЭС с четырьмя энергоблоками. Договор был подписан КНДР 12 декабря 1985 г. Осуществление проекта застопорилось после распада СССР. См. Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. - М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. - С. 424.

³⁶⁹ Agreed Framework between the United States of America and the Democratic People's Republic of Korea, 21 October 1994. URL: <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infocircs/Others/infocirc457.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

³⁷⁰ Картер Э.Б., Перри У. Дж. Превентивная оборона : Новая стратегия безопасности США : [Пер. с англ.] – М. : Наука, 2003. - С. 123-124 .

В вертикальном измерении контрраспространения администрации У. Клинтона предстояло завершить демонтаж ядерного наследия СССР, с тем, чтобы исключить возможность восстановления стратегического паритета. Это было предусмотрено уже в тексте Договора СНВ-2, согласно условиям которого сокращения с российской стороны были практически необратимыми, а для США существовала возможность восстановления.

Такая асимметрия была одной из причин критического отношения к Договору в Государственной Думе первого и второго созывов (1994-1999 гг.). Законопроект о ратификации, внесенный президентом Б.Н. Ельциным 22 июня 1995 г., был принят только 14 апреля 2000 г. уже в новой политической ситуации. В качестве одного из условий ратификации было указано сохранение договора по ПРО. При этом в России договор был ратифицирован в пакете с дополнительными договоренностями 1997 г., которые продлевали срок реализации Договора СНВ-2 на пять лет. Эта отсрочка была важна для российской стороны не только по финансовым соображениям, но и связи с тем, что жесткие нормы Договора в отношении МБР («демирвирование» и ликвидация тяжелых ракет) вынуждали реструктурировать СЯС России в направлении повышения роли морской составляющей, что требовало дополнительных усилий и расходов.

Исправить невыгодные для Российской Федерации условия можно было бы в новом договоре СНВ-3, базовые параметры которого были определены в Совместном заявлении от 21 марта 1997 г. Стороны обязались приступить к переговорам по новому соглашению сразу же после вступления в силу Договора СНВ-2. Был согласован новый уровень для боезарядов в 2000-2500 единиц³⁷¹.

Вскоре после встречи двух президентов в Хельсинки начались неофициальные консультации, которые были прерваны в связи с ударами США по Ираку в 1998 г. и агрессией НАТО против Югославии в 1999 г. Вскоре после

³⁷¹ Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений (СНВ-3). Принято в Хельсинки 21 марта 1997 г. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/10262> (дата обращения: 19.03.2019).

завершения войны на Балканах обсуждение Договора СНВ-3 возобновилось, но было свернуто со сменой администрации в США без каких-либо результатов.

Согласованное в Хельсинки в 1997 г. понижение общего уровня СНВ не требовало от США радикального пересмотра системы нацеливания в планах применения ядерных сил³⁷². Плавность изменений была отличительной чертой политики США в ядерном сдерживании после прихода к власти демократов в 1993 г., когда было объявлено о начале пересмотра всей ядерной политики, итоги которого должен был отразить документ нового вида – «Обзор ядерной политики» (Nuclear Posture Review).

За подготовку «Обзора» отвечал Э. Картер - заместитель министра обороны У. Перри и будущий министр обороны в администрации Б. Обамы, а в 1980-е гг. - один из активных критиков СОИ в академическом сообществе США. При выработке проекта «Обзора» он выдвигал радикальные идеи в области сдерживания и структуры СЯС, в частности предлагал ликвидировать наземный компонент триады, понизить боеготовность и т.д. В политике применения ЯО он выступал за «минимальное сдерживание» силами морских СЯС в духе предложений ВМС 1957-1961 гг. и инициативы Дж. Картера в январе 1977 г. Когда информация об этих предложениях усилиями пентагоновской бюрократии попала в Конгресс, это вызвало обращение пяти сенаторов во главе со С. Тэрмондом к президенту У. Клинтону с призывом не допустить радикальных изменений. Консерваторы настаивали на том, что СЯС должны представлять собой просто уменьшенный вариант сил времен «холодной войны».

Политический фундамент «Обзора» составила формула, изложенная в первом докладе Конгрессу нового министра обороны, переместившегося на эту должность с поста председателя профильного комитета Палаты представителей – Л. Эспина: «при определении структуры своих ядерных сил и доктрины их

³⁷² По оценкам американских военных, радикальный пересмотр потребовался бы при выходе на уровень 1500 зарядов. Обсуждение такого варианта велось в закрытом варианте гораздо позднее - в начале второго срока Б. Обамы (см. ниже).

применения, Америка должна исходить из своего исключительного статуса как единственной оставшейся сверхдержавы»³⁷³.

Первый из четырех вышедших до настоящего времени «Обзоров ядерной политики» США был закрытым документом, утвержденным 18 сентября 1994 г.³⁷⁴ В открытом виде его базовые положения были изложены в ряде сопроводительных документов, в также в ежегодном докладе Конгрессу в феврале 1995 г., в котором новый министр обороны У. Перри заявил о завершении пересмотра ядерной стратегии³⁷⁵. Задачей ядерной политики США согласно этим документам, являлось «содействие формированию желательного для США будущего мира, в котором уменьшится роль ЯО, остановится процесс его распространения, сохранятся опции (страховка) на случай провала реформ в России... Ядерная политика США должна решать сложную, но жизненно необходимую задачу – обеспечивать лидерство и страховку (lead and hedge)»³⁷⁶.

Содержание «страховки» следующим образом раскрывалось в докладе министра обороны: «сдерживание враждебного правительства Российской Федерации путем угрозы ее важным объектам, представляющим ценность для российского военно-политического руководства, и поддержание резерва стратегических сил страны для обеспечения сдерживания других ядерных

³⁷³ Report of the Secretary of Defense to the President and the Congress. January 1994. - P.57. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1994_DoD_AR.pdf?ver=2014-06-24-152508-117 (дата обращения: 19.03.2019)

³⁷⁴ «Обзоры» выпускались по одному каждой администрацией после окончания «холодной войны»: Клинтона – сентябрь 1994 г., Буша-мл. – рубеж 2001/2002 гг., Обамы – апрель 2010 г. (первый открытый), Трампа – февраль 2018 г.

³⁷⁵ Office of Assistant Secretary of Defense (Public Affairs). DOD Review Recommends Reduction in Nuclear Force. September 22, 1994. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/DOD-Review-Recommends-Reduction-in-Nuclear-Force.pdf> (дата обращения: 19.03.2019); Briefing on the Results of the Nuclear Posture Review. Hearing Before the Committee on Armed Services United States Senate. September 22, 1994. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Briefing-on-the-Results-of-the-Nuclear-Posture-Review.pdf> (дата обращения: 19.03.2019); US Strategic Command. Overview of Nuclear Posture Review (NPR) Results. September 22, 1994. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Overview-of-Nuclear-Posture-Review-Results.pdf> (дата обращения: 18.03.2019); Department of Defense. Nuclear Posture Review slides. September 23, 1994. URL: <http://www.nukestrat.com/us/reviews/dodnprslides092294.pdf> (дата обращения: 19.03.2019); Report of the Secretary of Defense to the President and the Congress. February 1995. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1995_DoD_AR.pdf?ver=2014-06-24-152712-813 (дата обращения: 19.03.2019)

³⁷⁶ US Strategic Command. Overview of Nuclear Posture Review (NPR) Results. September 22, 1994. P.1. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Overview-of-Nuclear-Posture-Review-Results.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

держав»³⁷⁷. У. Перри следуют образом излагал принцип «воссоздания» (reconstitution). на слушаниях в Сенате: «Мы должны не только поддерживать существующий потенциал ядерного сдерживания, но и иметь возможность его воссоздания до уровней, превышающих установленные договорами СНВ-1 и СНВ-2, для страховки на тот случай, если недружественный режим не только восстановит военную мощь, но и начнет наращивать ядерные силы»³⁷⁸. Эта идеология «страховки» действует и в настоящее время.

В вертикальном измерении контрраспространения администрации У. Клинтона стремилась завершить демонтаж ядерного наследия СССР, исключить возможность восстановления стратегического паритета. Это было предусмотрено уже в тексте Договора СНВ-2, согласно условиям которого сокращения с российской стороны были практически необратимыми, а для США существовала возможность восстановления. Во второй половине 1990-х гг. приоритетом ядерной политики стало противодействие процессам распространения ЯО и средств его доставки и ПРО на ТВД. Изменение задач ядерного сдерживания совпало с организационными изменениями: в июне 1992 г. был упразднен один из символов «холодной войны» – Стратегическое авиационное командование (САК) ВВС США, которому подчинялись наземный и авиационный компоненты триады, и образовано Объединенное стратегическое командование (ОСК), в ведение которого перешли все СЯС. Помимо централизации управления, на новое командование была возложена дополнительная роль – проведение силовых операций в интересах контрраспространения, что отражало усиление еще одной связи (перекрестной) в структуре матрицы ядерной политики.

Соответствующее уточнение задач СЯС было закреплено в новом документе КНШ – «Доктрине совместных ядерных операций», утвержденном в

³⁷⁷ Report of the Secretary of Defense to the President and the Congress. February 1995. - P. 45. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1995_DoD_AR.pdf?ver=2014-06-24-152712-813 (дата обращения: 19.03.2019)

³⁷⁸ Testimony of William J. Perry, deputy secretary of defense / Evaluation of the U.S. Strategic Nuclear Triad. Hearing before the Senate Committee on Governmental Affairs. 103rd Cong. 1st Session. June 10, 1993. – Washington, DC: GPO, 1993. - P. 15. URL: <https://archive.org/details/evaluationofusst00unit> (дата обращения: 19.03.2019)

апреле 1993 г.³⁷⁹. В документе отмечалась возможность использования в региональных конфликтах маломощного ЯО в ответ на применение противником химического оружия³⁸⁰, что прямо противоречило взятым США на себя обязательствам по негативным гарантиям безопасности государствам-участникам ДНЯО.

Несмотря на негативный резонанс в СМИ, ОСК не прекратило планирование подобных операций, что нашло отражение в «Серебряных книгах» (Silver Books), содержащих конкретные планы нанесения ядерных ударов по объектам на территории таких государств-участников ДНЯО, как Иран, Ирак, Ливия, КНДР³⁸¹. Утечка в прессу информации об этой работе имела весьма нежелательные для Вашингтона последствия, поскольку истекал срок действия ДНЯО и открывавшаяся 17 апреля 1995 г. Конференция государств-участников договора была должна решить вопрос о его бессрочном продлении. Утечка могла сорвать это решение, в принятии которого США были заинтересованы. Последовали разъяснения Пентагона о том, что разработка «Серебряных книг» не имеет прикладного характера. После того, как 12 мая 1995 г. Конференция приняла решение о бессрочном продлении ДНЯО, работа по планированию операций по силовому контраспространению была продолжена. В декабре 1995 г. вышла новая редакция «Доктрины совместных ядерных операций»³⁸², а в феврале 1996 г. – «Доктрина совместных ядерных операций на театре военных действий»³⁸³, которая конкретизировала планы действий в различных сценариях применения ЯО.

Сам факт планирования ядерных операций на ТВД не являлся чем-то новым, но в отличие от периода «холодной войны», когда подобные действия

³⁷⁹ Joint Chiefs of Staff. Doctrine for Joint Nuclear Operations. Joint Pub 3-12. 29 April 1993. URL: https://fas.org/nuke/guide/usa/doctrine/dod/jp3_12.htm (дата обращения: 19.03.2019)

³⁸⁰ Ibid. P. I-3.

³⁸¹ Ottaway D.B., Coll S. Trying to Unplug the War Machine // The Washington Post, April 12, 1995, p. A28. URL: https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1995/04/12/trying-to-unplug-the-war-machine/1d84e4a6-d813-490f-85f8-51dbde97d26d/?noredirect=on&utm_term=.a2d6cf26f5bd (дата обращения: 19.03.2019).

³⁸² Joint Chiefs of Staff. Doctrine for Joint Nuclear Operations. Joint Pub 3-12. 15 December 1995. URL: https://www.nukestrat.com/us/jcs/JCS_JP3-12_95.pdf (дата обращения: 19.03.2019)

³⁸³ Joint Chiefs of Staff. Doctrine for Joint Theater Nuclear Operations. Joint Pub 3-12.1. 9 February 1996. URL: https://fas.org/nuke/guide/usa/doctrine/dod/jp3_12_1.pdf (дата обращения: 19.03.2019)

были частью «лестницы эскалации» в конфликте с главным противником, в 1990-е гг. операции такого вида стали носить самостоятельный характер. Их политическое содержание составляла корректировка региональных балансов сил в соответствии с наработками неоконсерваторов рубежа 1980х-1990х гг. Принципиальным отличием от условий «холодной войны» было отсутствие ситуации ВГУ и перспективы эскалации конфликта. Таким образом, впервые за несколько десятилетий ЯО могло применяться в условиях свободы рук для США.

Подобная свобода, однако, не была абсолютной, пока существовал российский потенциал ядерного сдерживания. Кроме того, во второй половине 1990-х гг. (после Тайваньского кризиса 1995-1996 гг.) приходилось учитывать и китайский фактор. Поэтому несмотря на появление новых задач, связанных с контрраспространением, главной функцией СЯС США оставалось ядерное сдерживание, действующая концепция которого не менялась с 1981 г. (директива NSDD-13) и предусматривала ведение против главного противника «затяжной ядерной войны». Концепция почти на 10 лет пережила «холодную войну» не потому, что ее забыли изменить, а в связи с неуверенностью Вашингтона в необратимости изменений в единственном государстве, с которым такую войну можно вести – Российской Федерации.

С конца 1997 г. начали появляться публикации, утверждающие, что в ноябре 1997 г. президент У. Клинтон утвердил новую директиву о применении ядерных сил, и называли ее номер и название – Presidential Decision Directive 60 (PDD-60) «Указания по политике применения ядерного оружия»³⁸⁴. В соответствии с директивой был разработан новый план применения СЯС – SIOP-00, введенный в действие в октябре 1999 г. В нем было сокращено количества целей на территории России, но при этом в SIOP впервые после 1982 г. возвратились цели на территории КНР, исключенные решением

³⁸⁴ См.: PDD/NSC 60. Nuclear Weapons Employment Policy Guidance. November 1997. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd60.htm> (дата обращения: 19.03.2019). Последней рассекреченной в настоящее время директивой по применению ядерных сил остается NSDD-13 (1981 г.). Поэтому вся информация о содержании PDD-60 и последовавших за ней директив Дж. Буша-мл. (2002 г.) и Б. Обамы (2013 г.) носит предположительный характер.

Р. Рейгана³⁸⁵, а также вводились цели на территории Ирака, Ирана и КНДР – будущей «оси зла» Дж. Буша-мл.

Таким образом, объявленное в 1993-1994 гг. администрацией Клинтона снижение роли ЯО в обеспечении национальной безопасности в 1990-е гг. отражало только количественную сторону проблемы, обусловленную реализацией договоров по СНВ. С качественной точки зрения роль ЯО не только не уменьшилась, но, наоборот, возросла, т.к. на него дополнительно было возложено решение задач контрраспространения.

В контрсдерживании с приходом к власти администрации У. Клинтона также произошло расширение задач. 13 мая 1993 г. решением министра обороны Л. Эспина была официально закрыта СОИ и провозглашен приоритет создания средств ПРО на передовых ТВД, в которых предусматривалось применение технологических «заделов» из СОИ³⁸⁶. Позиция администрации состояла в том, что угроза группировкам ВС США и их союзников со стороны ОТР уже существует (это подтверждал опыт войны 1991 г.), а возможность удара новых противников по территории США – дело будущего. Поэтому «национальная ПРО» отходила на второй план, но не снималась с повестки дня, при этом ее развитие должно было происходить в рамках ограничений Договора по ПРО 1972 г.

На региональном уровне, по сути, произошла интеграция идей перехвата и контрсилы, т.е. обоих компонентов контрсдерживания. Практически одновременно с «Доктриной совместных ядерных операций на театре военных действий» в феврале 1996 г. на доктринальном уровне была принята «Доктрина единой ПРО на ТВД»³⁸⁷.

³⁸⁵ По информации независимых исследователей, у Китая не было «иммунитета» и в 1982-1997 гг., но поражение целей на территории КНР в этот период возлагалось на Стратегические резервные силы и ТЯО. См. Kristensen H. M. The Matrix of Deterrence: US Strategic Command Force Structure Studies. – Berkeley: Nautilus Institute, 2001. - P. 11. URL: <http://www.nautilus.org/wp-content/uploads/2015/06/Matrix-of-Deterrence-KP.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

³⁸⁶ Presidential Decision Directive 17 (PDD-17). U.S. Policy on Ballistic Missile Defenses and the Future of the ABM Treaty. December 11, 1993. URL: <http://www.clintonlibrary.gov/previous/Documents/2010%20FOIA/Presidential%20Directives/PDD-17.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

³⁸⁷ Joint Publication 3-01.5. Doctrine of Joint Theater Missile Defense. 22 February 1996. URL: http://www.fas.org/spp/starwars/docops/jp3_01_5.pdf (дата обращения: 19.03.2019)

При этом администрация Клинтона расходилась с оппозицией в оценке возможностей противников США и соответственно – в определении приоритетов ПРО. Если в администрации считали, что возможности противников в обозримой перспективе будут ограничиваться рамками ТВД, то консерваторы утверждали, что цели и средства противников США не ограничиваются рамками регионов, поэтому приоритет должен принадлежать защите территории Соединенных Штатов, что в свою очередь требовало избавления от ограничений, установленных Договором по ПРО 1972 г.

После того, как на выборах 1994 г. республиканцы получили контроль над Конгрессом (причем впервые за 40 лет – большинство в Палате представителей), они начали наращивать давление на администрацию, требуя не только защиты американских войск на заморских ТВД, но и создания противоракетной системы для территории США.

Первым крупным столкновением с оппозицией стала борьба вокруг закона о расходах на оборону на 1996 фин. г. в состав которого входил «Закон о противоракетной обороне 1995 г.». Президент Клинтон отклонил первую редакцию закона, требовавшую создания к 2003 г. системы ПРО, прикрывающей все 50 штатов. В письме в Палату представителей президент указал на то, что это требование противоречит, во-первых, условиям Договора по ПРО 1972 г., а во-вторых, официальным разведывательным оценкам³⁸⁸. Согласно вышедшей в ноябре 1995 г. оценке NIE 95-19 угроза ракетного нападения на континентальную часть территории США в ближайшие 15 лет будет исходить только от официальных ядерных государств³⁸⁹. Компромиссный вариант закона требовал, помимо ускорения создания средств ПРО ТВД, развертывания работ по «национальной ПРО» для прикрывания территории США

³⁸⁸ Message to the House of Representatives Returning Without Approval the National Defense Authorization Act for Fiscal Year 1996. December 28, 1995 // Public Papers of the Presidents of the United States. William Clinton 1995. Book 2. – Washington, DC: GPO, 1995. - P. 1929-1930.

³⁸⁹ National Intelligence Estimate, NIE 95-19. Emerging Missile Threats to North America during the Next 15 Years. President's Summary. November 1995. URL: https://www.bits.de/NRANEU/BMD/documents/95_NIE.htm (дата обращения: 19.03.2019).

от ракетных ударов ограниченного масштаба, начала переговоров с Россией по изменению Договора 1972 г., и в случае их неудачи – выхода из него³⁹⁰.

В то же время оппозиция подвергла сомнению справедливость официальных разведывательных оценок. Повторилась ситуация с «Team В» – была создана независимая комиссия для ревизии оценок во главе с бывшим (и будущим) министром обороны Д. Рамсфелдом. Результат был вполне предсказуемым – как и в 1976 г., члены комиссии пришли к выводу о том, что официальные оценки занижают степень угрозы. В докладе комиссия утверждала, что Ирак и Иран могут создать МБР в течение 10 лет после принятия решения, а в КНДР уже в ближайшее время появятся ракеты, способные поражать западные районы США³⁹¹.

Администрация Клинтона, официально выступавшая за частичную ревизию Договора по ПРО при сохранении его базовых положений, постепенно сдавала позиции. Министр обороны У. Перри в докладе Конгрессу в марте 1996 г. отмечал, что выделенные законодателями дополнительные средства будут направлены на создание технологической базы, которая позволит «обеспечить ограниченную защиту всех 50 штатов не позднее чем через три года после того, как об этом будет принято решение»³⁹². Принятая администрацией стратегия создания системы ПРО получила название «3+3», т.е. первые три года (1997-2000 гг.) отводились на разработку технологий ПРО, способных защищать территорию США от ограниченных ракетных ударов. Если в 2000 г. будет принято решение в пользу развертывания, то на его реализацию отводились следующие три года (2000-2003 гг.). Технологической базой системы должны были стать наработки по наземному компоненту СОИ и GPALS.

³⁹⁰ Public Law 104–106 February 10, 1996. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 1996. Division A, Title II, Part C (Missile Defense Act of 1995). URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-104publ106/pdf/PLAW-104publ106.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

³⁹¹ Executive Summary of the Report of the Commission to Assess the Ballistic Missile Threat to the United States. July 15, 1998. URL: <https://www.fas.org/irp/threat/bm-threat.htm> (дата обращения: 19.03.2019).

³⁹² Report of the Secretary of Defense to the President and the Congress. March 1996. P. 223. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1996_DoD_AR.pdf?ver=2014-06-24-153009-697 (дата обращения: 19.03.2019).

Одновременно администрация продолжала начатый еще в ноябре 1993 г. диалог с Российской Федерацией о согласованной ревизии Договора 1972 г. в целях легализации своих работ по ПРО ТВД, для чего требовалось разграничить стратегические и тактические систем ПРО. В марте и сентябре такие документы были подписаны на основе предложений США³⁹³. Таким образом, удалось сохранить Договор, но США получили возможность легально заниматься ПРО ТВД.

Принятые документы, однако, не были ратифицированы в США. Оппозиция в Конгрессе начала кампанию критики достигнутых договоренностей. Главным средством давления на администрацию стали в тот период оценки угрозы со стороны ракетных потенциалов КНДР и Ирана. Настоящим подарком лоббистам ПРО и сторонникам выхода из Договора 1972 г. стали испытания летом 1998 г. ракет в КНДР и Иране, которые трактовались как шаги в сторону создания МБР³⁹⁴, что подтверждало справедливость выводов «Комиссии Рамсфелда».

Администрация Клинтона не могла этого не учитывать и отражала в собственных документах. В послании Конгрессу 19 января 1999 г. президент Клинтон заявил о необходимости ревизии Договора по ПРО³⁹⁵. Вместе с тем в Конгрессе росло количество сторонников создания национальной ПРО. В этих условиях президент Клинтон принял не решение не отклонять новый «Закон о противоракетной обороне», предписывавший «как только это позволит уровень технологий» приступить к развертыванию системы ПРО территории страны. Анализ показывал, что вето президента может быть преодолено, и 23 июля 1999 г. Клинтон подписал закон³⁹⁶. Реализация решения о развертывании национальной системы ПРО, включая выход из Договора по ПРО, стала делом

³⁹³ Совместное заявление президентов Российской Федерации и США в отношении Договора по противоракетной обороне. Принято в Хельсинки 21 марта 1997 года. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/hel-js.htm> (дата обращения: 19.03.2019).

³⁹⁴ North Korea Fires Missile Over Japanese Territory. // New York Times, September 1, 1998. - P. A6. URL: <https://www.nytimes.com/1998/09/01/world/north-korea-fires-missile-over-japanese-territory.html>

³⁹⁵ State of the Union Address. January 19, 1999. URL:

<https://clintonwhitehouse4.archives.gov/WH/New/html/19990119-2656.html> (дата обращения: 19.03.2019)

³⁹⁶ Public Law 106-38. National Missile Defense Act of 1999. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ38/pdf/PLAW-106publ38.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)

уже следующей администрации. Выступая 1 сентября 2000 г. президент объявил, что оставляет принятие решение, предусмотренного формулой «3+3» своему преемнику³⁹⁷

Практически одновременно администрация потерпела в Конгрессе еще одно поражение – провал ратификации ДВЗЯИ, которую Клинтон в публичных выступлениях называл одним из приоритетов своей ядерной политики. Состав оппозиции в Конгрессе был практически тем же – сторонники национальной ПРО были одновременно и противниками ДВЗЯИ, который вводил косвенный запрет на модернизацию ЯО и в конечном счете вел к «глобальному ядерному нолю». По сути речь шла о судьбе ядерного арсенала США в долгосрочной перспективе.

Возглавляли оппозицию лидер республиканского большинства в Сенате Т. Лотт и председатель комитета по международным отношениям Дж. Хелмс, а идеологом был бывший министр обороны и министр энергетики Дж. Шлесинджер. В числе противников был также Ч. Хейгел – будущий министр обороны в администрации Обамы, а одним из самых активных сторонников – будущий вице-президент Дж. Байден. Решающее голосование состоялось 13 октября 1999 г. За принятие резолюции о «совете и согласии» проголосовало 48 сенаторов, против – 51³⁹⁸. Оставшись вне договора, США, тем не менее, использовали все преимущества от пользования данными Международной системы мониторинга, созданной в соответствии с ДВЗЯИ.

Подводя итог рассмотрению эволюции ядерной политики США во второй половине XX века, можно сделать следующие выводы.

В начале «холодной войны» относительно быстрая ликвидация атомной монополии США была одним из факторов, не позволивших миропорядку стать однополярным. В последующем особенности процесса ядерного

³⁹⁷ Remarks at Georgetown University. September 1, 2000 // The Public Papers of the Presidents of the United States. William J. Clinton. 2000-2001. Book 2. – Washington, DC: GPO, 2001. - P. 1746.

³⁹⁸ Vote Summary on the Resolution of Ratification (Resolution of Ratification to Treaty Document No. 105-28 CTBT). October 13, 1999, 06:46 PM. URL: https://www.senate.gov/legislative/LIS/roll_call_lists/roll_call_vote_cfm.cfm?congress=106&session=1&vote=00325 (дата обращения: 19.03.2019).

распространения внесли существенный вклад в формирования биполярной системы международных отношений. Попытки администраций Эйзенхауэра, Кеннеди и Джонсона добиться стратегических преимуществ перед СССР и вернуть свободу рук в мировой политике с помощью вертикального распространения потерпели неудачу. К концу 1960-х гг. Советский Союз добился стратегического паритета с США.

Выбор, который был сделан Р. Никсоном и Г. Киссинджером, можно трактовать как адаптацию США к новым реалиям, переход к сотрудничеству держав вместо соперничества (что послужило базой для политики разрядки), но этот выбор был вынужденным. Признание паритета в ядерной сфере и шире – равновесия военных возможностей – означало частичный отказ от представлений об исключительности Соединенных Штатов, а идеалом для США является однополярный мир. Паритет не был возвращением к политике баланса сил в полицентричной системе международных отношений (знатоком которой был Г. Киссинджер, сделавший имя на исследовании венского порядка), в силу особенностей ядерного оружия и отсутствия в этой конструкции внешнего балансира. Если рассматривать ядерную политику США на протяжении всей ее истории, то паритет выглядит как вынужденная аномалия, причем рассмотренные в первой главе факты свидетельствуют, что одновременно с признанием паритета администрация Никсона начала предпринимать усилия по его обесцениванию за счет качественного превосходства США. От Никсона до Трампа прослеживается непрерывная линия на качественное превосходство в условиях количественных ограничений. Материальным обеспечением этого превосходства, начиная с решений 1972 г., принятых при ратификации Договора ОСВ-1, является, прежде всего, наращивание контрсиловых возможностей СЯС.

Основное направление эволюции концепций применения ядерных сил США с начала 1960-х гг. и до настоящего времени – повышение гибкости с целью сделать ЯО реально используемым инструментом политики. Для этого Вашингтон стремится вынести за скобки ситуацию ВГУ, которая продолжает

существовать и в XXI в. при имеющихся размерах ядерных сил США и России, несмотря на то, в риторике она отвергается как анахронизм «холодной войны».

По окончании «холодной войны», так же, как и в самом ее начале, ядерный фактор не позволил мировой политике стать полностью однополярной. В 1990-е гг. Россия заставляла считаться с собой уже в силу наличия потенциала ядерного сдерживания, сопоставимого с американским, а Китай – экономической мощи. Не случайно одним из главных направлений борьбы за однополярный мир стало с середины 1990-х гг. стало контрраспространение, включающее в вертикальном измерении существенное ослабление возможностей России, в горизонтальном – предотвращение роста региональных центров силы.

Глава 2. Ядерная политика администрации Дж. Буша-мл.

2.1. Эволюция стратегии национальной безопасности США в 2001-2008 гг.

Взгляды администрации Дж. Буша-мл. на оптимальное устройство миропорядка, роль США в системе международных отношений и средства обеспечения американской гегемонии содержали в себе как элементы преемственности по отношению к предшественникам, так и новые моменты. Истоки изменений, внесенных республиканской администрацией в стратегию национальной безопасности США в первые годы XXI в., можно обнаружить во второй половине 1970-х гг., когда развернулось политическое наступление консерваторов против администрации Дж. Картера в части, касающейся подходов демократов к трансформации мирового порядка и вытекающих из этого задач внешней политики США.

Внешнеполитические взгляды Картера формировались в рамках Трехсторонней комиссии, где начиналось его сотрудничество с ключевыми фигурами внешнеполитического блока администрации – З. Бжезинским, С. Вэнсом и др. «Трилатеристы» имели собственный взгляд не только на новую архитектуру мирового порядка, но и на роль силы в ее формировании, а также на соотношение компонентов этого фактора. По их мнению, преимуществом США является многомерность их совокупной мощи, в отличие от потенциалов главного противника в «холодной войне» и новых претендентов на лидерство в регионах, опирающихся в первую очередь на военную силу, ЯО и средства его доставки.

Возможности Вашингтона в отношениях с СССР сковывались разрядкой, паритетом, ВГУ и стратегической стабильностью. Новые тенденции в мировой политике и технологическом развитии, которые вели к созданию новых ракетно-ядерных конфигураций также работали против США, лишали их

свободы рук в региональной политике. В этой связи перенос соперничества в сферы экономического и технологического противоборства должен был дать преимущество США и их союзникам³⁹⁹.

Альтернативу разделявшимся администрацией Картера идеям «трилатеризма» предложили консерваторы, считавшие, что основным инструментом решения проблем национальной безопасности должна оставаться военная сила (а не экономические инструменты); хаосу и нестабильности мира необходимо противопоставить американское «лидерство» в глобальном масштабе. При этом действия многосторонних международных институтов, в т.ч. «семерки», должны быть подчинены национальным интересам США⁴⁰⁰.

Если администрация Картера в первые годы пребывания у власти, подобно предшественникам-республиканцам, считала, что «разрядка» в отношениях с СССР должна обеспечить «тыл» на то время, пока США будет справляться с другими вызовами, не связанными напрямую с советско-американскими отношениями, то консерваторы утверждали, что эта политика приносит односторонние преимущества Советскому Союзу и должна быть отвергнута. При этом и администрация, и ее критики были согласны с тем, что «разрядка» представляет собой вынужденное отступление от магистрального курса на превосходство США в мировой политике. Спор шел о том, когда это отступление должно быть прекращено. Консерваторы исходили из того, что время работает против США и на смену многостороннему маневрированию должна прийти внятная стратегия достижения Соединенными Штатами победы в «холодной войне».

Проиграв во внутривнутрипартийной борьбе в 1976 г., когда республиканским кандидатом на выборах стал действующий президент Дж. Форд, консерваторы основательно готовились к реваншу в 1980 г. на основе новой повестки дня, утверждавшей, что на смену разрядке и «трилатеризму» должна прийти стратегия победы в «холодной войне». В этой связи во второй половине 1970-х

³⁹⁹ Sargent D. J. A Superpower Transformed: The Remaking of American Foreign Relations in the 1970s. – NY: Oxford University Press, 2014. – 432 p.

⁴⁰⁰ Dorrien G. Imperial designs: neoconservatism and the new Pax Americana. – NY : Routledge, 2004. – 298 p.

гг. предметом внутривластной борьбы в США стали в том числе приоритеты строительства СЯС, проблемы ядерного сдерживания, стратегической стабильности, контроля над вооружениями (вертикального контрраспространения)⁴⁰¹.

Появившиеся в начале 1970-х гг. новые технологические возможности (РГЧ ИН, средства повышения точности наведения, способы снижения заметности) открывали путь к приобретению США стратегических преимуществ с помощью асимметричных вариантов развития оружия (как ядерного, так и обычного), обесценивающих советские достижения в СЯС. Вынося таким способом за скобки ситуацию ВГУ, Вашингтон рассчитывал вернуть себе «свободу рук» в мировой политике. Это давало дополнительный аргумент сторонникам выработки стратегии победы в «холодной войне» (основным оставалось преодоление «вьетнамского синдрома» и формирование нового внешнеполитического консенсуса). Возможность использования технологических преимуществ признавали и сама администрация Картера («стратегия компенсации») и консервативная оппозиция. После выборов 1980 г. эту идеологию продолжила развивать республиканская администрация Р. Рейгана. Идея обесценить возможности противника породила, например, такой приоритет Рейгана как СОИ.

Формирование новых взглядов на роль и место новых технологий, на трансформацию значения ядерного фактора в мировой политике и стратегии национальной безопасности США началось еще до завершения «холодной войны». В 1986 г. президент Рейган образовал «Комиссию по интегрированной долгосрочной стратегии» (Commission on Integrated Long-Term Strategy) во главе с Ф. Икле и А. Уолстеттером. Состав комиссии показывает, каких от нее ожидали результатов⁴⁰². Перед комиссией была поставлена задача – оценить

⁴⁰¹ Walsh D. The military balance in the Cold War : US perceptions and policy, 1976-85. - NY : Routledge, 2008. – 281 p.

⁴⁰² Ф. Икле – бывший заместитель министра обороны, среди научных интересов которого – проблемы завершения войн, теория победы. А. Уолстеттер – одна из самых заметных фигур «второй волны» в теории сдерживания, один из создателей стратегии гибкого реагирования, в 1970-е годы стоял у истоков «второй стратегии компенсации». Из остальных 11 членов трое – бывшие помощники президента по национальной безопасности (Г. Киссинджер, З. Бжезинский, У. Кларк).

возможные изменения в сфере безопасности на следующие 20 лет и их возможное влияние на внешнеполитическую и военную стратегию США. По сути, это был поиск новой стратегии ведения «холодной войны» в условиях ослабления главного противника и появления новых центров силы. Открытый доклад комиссии был опубликован в январе 1988 г. под названием «Избирательное сдерживание»⁴⁰³, и это был еще один источник стратегии администрации Дж. Буша-мл.

В центре внимания авторов доклада были две связанные проблемы - формирование многополярного стратегического ландшафта и распространение технологий военного назначения. Среди важнейших изменений следующих 20 лет, которые повлияют на центросиловую структуру мира, авторы отмечали: рывок Советского Союза в технологическом развитии, что лишит Запад качественного преимущества в военной сфере; превращение Китая и Японии в сильные в военном отношении державы; укрепление Ирана, который будет бросать вызов одновременно США и СССР; утрату Соединенными Штатами значительной части передового базирования. Авторы доклада указывали, что благодаря новым технологиям, создаваемым в рамках «стратегии компенсации» можно будет растянуть обычную фазу конфликта, и предлагали пересмотреть соотношение ядерного и неядерного сдерживания, повысить «ядерный» порог, переложить часть задач с ЯО на высокоточное оружие (ВТО). Это позволило бы сократить и реструктурировать СЯС США.

Рекомендации доклада не были приняты на официальном уровне. По мнению министерства обороны, основной противник не изменился, роль ЯО в сдерживании должна оставаться на прежнем уровне, сокращать и реструктурировать стратегическую триаду преждевременно⁴⁰⁴. В своем прогнозе распространения авторы принципиально не ошиблись – описанная

⁴⁰³ Discriminate Deterrence. Report of the Commission on Integrated Long-Term Strategy. Washington, DC: GPO, January 1988. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a277478.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁰⁴ Report of the Secretary of Defense Frank C. Carlucci to the Congress on the Amended FY 1988 / FY 1989 Biennial Budget. February 18, 1988. - P. 54. URL: http://history.defense.gov/resources/1989_DoD_AR.pdf (дата обращения: 22.03.2019)

ими картина возникла, но не сразу, а лишь к концу 1990-х гг., т.е. на середине 20-летнего срока, охватываемого докладом.

Публикация доклада в год выборов имела адресатом будущего президента. Но Дж. Буш после прихода к власти сделал ставку не на мнение политико-академических кругов, а на позицию собственной команды. Ее организационным ядром стало министерство обороны, которое возглавил его бывший соратник по администрации Дж. Форда – Р. Чейни, а ключевые посты заняли представители нового поколения правых, получившего название «неоконсерваторы» – П. Вулфовиц, Л. Либби, З. Халилзад, У. Кристал. На рубеже 1980-1990-х гг. они занимались осмыслением последствий «холодной войны» и формированием взглядов на оптимальный с точки зрения интересов США миропорядок, задачи внешней и военной политики. Нарботки того периода составляют еще один источник стратегии национальной безопасности и ядерной политики администрации Дж. Буша-мл.

Целью стратегии оставалось формирование оптимального для США миропорядка, но исчезновение Советского Союза привело к смещению ее фокуса с глобального уровня на региональный. Авторы стратегии ставили целью формирование такой центросиловой структуры, которая предотвратила бы появление новых глобальных соперников США. При этом должна была исключаться возможность гегемонии какой-либо враждебной силы в регионах, где США имеют жизненно важные интересы⁴⁰⁵. Одновременно часть прежних задач ЯО по сдерживанию предполагалось возложить на обычные вооружения. Именно о таком перераспределении писали в начале 1987 г. авторы доклада «Избирательное сдерживание», но они несколько опередили время. Данная преемственность не является случайной, поскольку такие видные неоконсерваторы как Р. Перл и П. Вулфовиц были учениками А. Уолстеттера – одного из руководителей авторского коллектива доклада «Избирательное

⁴⁰⁵ FY 94–98 Defense Planning Guidance. February 18, 1992. - P. 2. URL:

https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245/doc03_full.pdf (дата обращения: 22.03.2019); Secretary of Defense Dick Cheney. Defense Strategy for the 1990s: The Regional Defense Strategy. January 1993. - P. 3. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245/doc15.pdf> (дата обращения: 22.03.2019).

сдерживание». Вскоре после разработки новой стратегии ее создатели были вынуждены покинуть правительство США, но сами задачи управления региональными балансами для предотвращения появления новых конкурентов остались в наследство преемникам.

Претензии неоконсервативной оппозиции в 1990-е гг. к администрации Клинтона были такие же, как к Картеру в 1970-е гг. - политика государства должна формироваться, исходя национальных целей и задач США, а не следовать абстрактным интересам мирового сообщества и его институтов. Поэтому внешнеполитическая повестка дня должна быть изменена при сохранении конечной цели формирования оптимального для США миропорядка.

Неоконсерваторы основательно готовились к тому, чтобы взять реванш на выборах 2000 г. Созданный в 1970-е гг. «Комитет по существующей опасности» продолжал существовать, но неоконсерваторы в 1997 г. сформировали свою структуру – «Проект нового американского века» (Project for the New American Century), в котором к выборам 2000 г. была в том числе сформулирована программа реформирования военной политики США⁴⁰⁶. В предисловии к докладу его авторы прямо указали на разработанные под руководством Р. Чейни документы 1992 г. как исходный пункт своих размышлений⁴⁰⁷.

Фаворитом неоконсерваторов в 2000 г. первоначально был Дж. Маккейн, но он проиграл праймериз Дж. Бушу-мл. В избирательной кампании тexasского губернатора направлением национальной безопасности руководила К. Райс, работавшая в аппарате СНБ в администрации президента Дж. Буша. Представление о новой внешнеполитической повестке К. Райс изложила в статье «Продвигая национальный интерес», название которой содержало основной посыл, а ключевым словом было продвижение, т.е. активные

⁴⁰⁶ Donnelly T., Kagan D., Schmitt G. Rebuilding America's Defenses: strategy, forces and resources for a new century. A report of the Project for the New American Century. September 2000. URL: <https://archive.org/details/RebuildingAmericasDefenses/page/n1> (дата обращения: 22.03.2019).

⁴⁰⁷ Ibid. P. II.

действия по формированию нового миропорядка, в т.ч. с помощью силы, которая занимала первое место в списке инструментов⁴⁰⁸. В качестве главного препятствия на пути к оптимальному миропорядку К. Райс указала государства-«изгои», стремящиеся к приобретению ОМУ. Россия и Китай были названы как государства, от которых будет зависеть облик мирополитической системы.

Позиция Буша-мл. в ядерной сфере в значительной степени формировалась под влиянием неоконсервативных «мозговых трестов», при ведущей роли Национального института публичной политики, но его выступления в ходе кампании и предвыборная платформа республиканцев были умереннее, чем взгляды основных идеологов неоконсерватизма. В платформе подчеркивалась необходимость формирования «мира через силу», но при этом целью называлось обеспечение «лидерства» США⁴⁰⁹, а не гегемонии и однополярного мира, о которых писали идеологи неоконсерватизма Ч. Краутхаммер, У. Кристал и др. (по их мнению США имели «счастливую возможность» использовать «однополярный момент»)⁴¹⁰.

В избирательной кампании 2000 г. оба кандидата – Дж. Буш-мл. и А. Гор выступали за установление экономического и политического миропорядка, отвечающего взглядам США; вовлечение новых акторов, устранение препятствий для продвижения американских интересов. По мнению и республиканцев, и демократов экономический инструментарий строительства нового миропорядка должен не заменяться, а дополняться военно-силовым.

Оба кандидата выступали за приведение военной машины США, в том числе ядерных сил, в соответствие с новыми требованиями; за сокращение арсенала, оставшегося от «холодной войны» и реформирование вооруженных сил с учетом «революции в военном деле» и новых концепций применения военной силы в условиях превосходства над противником («быстрые операции с решительной целью»). В области ядерной политики оба кандидата выступали

⁴⁰⁸ Rice C. Promoting the national interest. // Foreign Affairs. – 2000. - Vol.79. - No.1. -P. 46.

⁴⁰⁹ Republican Party Platform. July 31, 2000. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/2000-republican-party-platform> (дата обращения: 22.03.2019).

⁴¹⁰ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment // Foreign Affairs. - 1990/1991. - Vol. 70. – No. 1, America and the World. - P. 23–33.

за приведение ядерной стратегии США в соответствие с новыми реалиями; проведение анализа состояния ядерных сил США и переход к «центральному сдерживанию» на более низком количественном уровне.

Выборы 2000 г. показали, что Дж. Буш-мл. имел минимальный перевес – только ручной подсчет голосов во Флориде выявил окончательный результат. После выборов республиканцы впервые после 1952 г. контролировали одновременно и Белый дом и обе палаты Конгресса, но их позиции были непрочны. На выборах республиканцы получили 50 мест в Сенате и 21 января 2001 г. вернули себе утраченный двумя годами ранее контроль за комитетами. Но уже 24 мая и руководство комитетами вновь вернулось к демократам после того как сенатор Дж. Джеффордс вышел из республиканской фракции. Такая внутривнутриполитическая ситуация, вкупе с начавшимся вскоре спадом в экономике, ограничивали свободу маневра новой администрации.

Первые шаги в сфере национальной безопасности показывали, что администрация Буша-мл. намерена усилить односторонний подход и опираться на силовые инструменты при решении внешнеполитических задач. Первый концептуальный документ новой администрации - «Четырехлетний обзор в области обороны», подготовленный в первой половине 2001 г., утверждал, что США должны «поддерживать благоприятные региональные балансы сил» и «убеждать потенциальных соперников в бесперспективности соревнования с США в сфере безопасности»⁴¹¹.

Главной задачей политики считалось управление региональными балансами сил. Целью при этом было обесценивание возможностей всех, кто попытается бросать вызов США в мировой политике, а средством – нанесение обезоруживающих ударов и совершенствование ПРО. Чтобы «отвадить» потенциальных противников от мысли противодействовать американским интересам, США должны были опираться не столько на количественное, сколько на качественное преимущество своей военной силы.

⁴¹¹ Department of Defense. Quadrennial Defense Review Report. September 30, 2001. URL: <https://archive.defense.gov/pubs/qdr2001.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

Основные контуры военной политики новой администрации изложил кандидат на пост министра обороны Д. Рамсфелд во время слушаний о его назначении в сенатском комитете по делам вооруженных сил 11 января 2001 г. (т.е. еще до инаугурации президента). Он обозначил три задачи, которые намерен решать на посту министра – укрепление кадрового состава вооруженных сил; развитие средств защиты от ракетного нападения, терроризма, новых угроз в космосе и информационном пространстве; использование новых возможностей, которые предоставляет технологическая революция, для создания вооруженных сил нового столетия⁴¹².

В отношении сдерживания Рамсфелд заявил, что оно не может более основываться на тех же принципах, что во время «холодной войны» – нанесении противнику неприемлемого ущерба в ответных действиях. Сдерживание нового века должно быть основано на сочетании наступательных ядерных и оборонительных неядерных средств, которые в совокупности обесценят вложения потенциального противника в создание ОМУ и средств его доставки. Таким образом, для управления поведением региональных противников предлагалось объединить сдерживание и контрсдерживание для решения задач контрраспространения – убеждения оппонентов в бессмысленности создания БР и ЯО.

О том, что администрация Буша-мл. изначально готовилась к серьезному противоборству с Китаем, косвенно свидетельствует включение Северной Кореи в «ось зла», обозначенную президентом в послании Конгрессу в январе 2002 г.⁴¹³ При всем желании связать КНДР с событиями 11 сентября было невозможно, но если рассматривать «ось зла» не как политический лозунг, а в качестве программы действий, то это решение было логичным – после смены режимов в Ираке и Иране должна была прийти очередь «демократизации» государств Центральной Азии с превращением их во второй фронт против

⁴¹² Rumsfeld Well-Recieved by Senate Armed Forces Committee // CNN. - January 11, 2001. URL: <http://edition.cnn.com/TRANSCRIPTS/0101/11/se.05.html> (дата обращения: 22.03.2019).

⁴¹³ Address before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29, 2002 // Weekly Compilation of Presidential Documents. - 2002.- Vol.38. - No. 5. - P. 133-139.

Китая, а окончательное решение «ядерной проблемы Корейского полуострова» должно было замкнуть кольцо окружения вокруг КНР⁴¹⁴. Все это укладывалось в предложенную в конце 1990-х гг. одним из видных неоконсерваторов З. Халилзадом концепцию «вовлечения-сдерживания» (congagement) Китая, сочетающую элементы политики Клинтона («вовлечение» (engagement) через развитие экономических связей) и сдерживания (containment), использующего опыт «холодной войны», и начатую демократами политику стратегического окружения КНР⁴¹⁵.

Близкий по смыслу подход применялся к тот период и к России. О его содержании свидетельствует заместитель министра обороны по политическим вопросам Д. Фейт, сопровождавший Д. Рамсфелда на переговорах в Москве накануне 11 сентября 2001 г. По его словам, России предлагался выбор – или пойти по пути Германии, Японии и Италии после Второй мировой войны и вступить в американоцентричную систему на условиях, определенных Вашингтоном, получая от этого экономические преимущества, или примкнуть к государствам-изгоям и лишиться иностранных инвестиций (финансовый аргумент был главным на переговорах, как утверждает Фейт)⁴¹⁶.

11 сентября 2001 г. США столкнулись с внесистемным противником, который до этого почти не принимался в расчет в планах формирования нового миропорядка. Это обстоятельство привело к существенной корректировке стратегии национальной безопасности США. Новая ситуация позволяла снять вопрос о легитимности власти Дж. Буша-мл., оставшийся после неубедительной победы на выборах 2000 г., но для этого было необходимо продемонстрировать решительность и готовность действовать. Контуры новой стратегии были

⁴¹⁴ Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2018. - Т. 10. - № 3. - С. 3-47.

⁴¹⁵ Khalilzad Z. Congage China. - Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1999. URL:

https://www.rand.org/pubs/issue_papers/IP187.html (дата обращения: 22.03.2019); Khalilzad Z. et al. The United States and a Rising China: Strategic and Military Implications. - Santa Monica, CA: RAND Corporation, 1999. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1082.html (дата обращения: 22.03.2019)

⁴¹⁶ Feith D J. War and decision : inside the Pentagon at the dawn of the War on terrorism. - NY : Harper, 2008. - P. 45-46.

обозначены уже в первом крупном выступлении президента после терактов – на совместном заседании палат Конгресса 20 сентября⁴¹⁷.

Постулаты неоконсерваторов, утверждавших с начала 1990-х гг., что альтернативой однополярному миру может быть только хаос⁴¹⁸, вытеснили относительно умеренную риторику предвыборной платформы республиканцев 2000 г. Президент Буш-мл. заявил, что терроризм угрожает американскому «образу жизни» (way of life), т.е. впервые после окончания «холодной войны» формулировалась экзистенциальная угроза безопасности США⁴¹⁹. При этом обращается внимание на то, что внутренняя безопасность США имеет внешнее измерение. Это измерение имеет глобальный характер, поскольку вызов Соединенным Штатам бросают не террористы-одиночки, а международная сеть, имеющая «глобальный охват» (global reach). Соответственно, ответ США должен быть не локальным, а глобальным⁴²⁰. Таким образом, и спор конца 1990-х гг., какую систему ПРО должны строить США – глобальную или региональную, – был решен в пользу неоконсерваторов.

По сути речь шла об «обратной стороне» глобализации, за увлечение которой и пренебрежение национальными интересами американского государства неоконсерваторы критиковали администрацию Клинтона. «Недоделки» в миропорядке, который стремились установить в 1990-е гг. экономическими инструментами, теперь предлагалось устранить с помощью силового воздействия.

Таким образом, события 11 сентября были использованы как повод для начала решительных действий США по корректировке миропорядка. Речь шла не столько о разрушении террористической сети, сколько об устранении помех на пути к формированию оптимального для США миропорядка в виде

⁴¹⁷ Address Before a Joint Session of the Congress on the United States Response to the Terrorist Attacks of September 11. September 20, 2001 // Weekly Compilation of Presidential Documents. – 2001. - Vol.37. - No.38. - P. 1347-1351.

⁴¹⁸ Krauthammer Ch. Op. cit.

⁴¹⁹ Address Before a Joint Session. P. 1348.

⁴²⁰ По свидетельству Фейта, в серии межведомственных совещаний в период между 11 и 20 сентября государственный департамент выступал за умеренные варианты реагирования – нанесение ударов по базам террористов в Афганистане. Победила точка зрения неоконсерваторов, озвученная президентом. См. Feith D. Op. cit. Pp. 48-52.

государств-«изгоев». Уже в первом выступлении президента был сделан особый акцент на роли государств, поддерживающих террористов или предоставляющих им убежище. События 11 сентября были охарактеризованы как «акт войны» против США, цель которой – разрушение американского «образа жизни», поэтому Вашингтон имеет право на ответную войну, которая приведет к уничтожению источников силы террористов, т.е. смене режимов в государствах, оказывающих террористам поддержку. Всем государствам мира было предложено определиться в этой ситуации, с кем они – с США и «свободным миром» или с «врагами цивилизации»⁴²¹. В последнем случае они автоматически становились для США «враждебным режимом» со всеми вытекающими последствиями.

Обозначенные в выступлении президента основные контуры новой политики была развиты и закреплены в вышедшей через год «Стратегии национальной безопасности США»⁴²². Целью по-прежнему оставалось формирование оптимального миропорядка – «свободная торговля, открытые рынки, либеральные демократические институты», невозможность оспаривания лидерства США в глобальном масштабе. Но если в аналогичных документах администрации Клинтона вызовами служили обезличенные нестабильности и неопределенности, но теперь источники угрозы имели совершенно конкретный характер - не только и не столько террористы, сколько государства, не вписывающиеся в новый миропорядок («враги цивилизации»). Расчет на действенность рыночных инструментов корректировки миропорядка сменился ставкой на прямое военное вмешательство в интересах построения однополярного мира.

Согласно «Стратегии», государства должны отвечать за проводимую экономическую политику, и отказ следовать принципам «экономической свободы» становился поводом для вмешательства⁴²³. Задача США – «помочь»

⁴²¹ Address Before a Joint Session. P. 1349

⁴²² The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nssall.html> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴²³ The National Security Strategy of the United States of America September 2002. - P.17. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

народам таких государств самим справиться с режимами и встать на новый путь развития, т.е. сочетание силового воздействия извне и подрывных действий изнутри. Такая модель была далеко не новой и ее истоки можно обнаружить в периоде «холодной войны». К моменту выхода «Стратегии» аналогичный подход уже был применен в Афганистане, где США действовали против режима талибов совместно с внутренней оппозицией. В дальнейшем ее предполагалось применить к участникам «оси зла» и вообще – к любым противникам США.

В «Стратегии» особо подчеркивалось, что государства-«изгои» также стремятся к обладанию ОМУ, поскольку не могут противостоять подавляющему превосходству США в обычных вооружениях⁴²⁴. Таким образом еще раз подчеркивался экзистенциальный характер угрозы, отмеченный в выступлении Буша-мл. в Конгрессе 20 сентября 2001 г. Такое стремление выглядело как угроза уже не только США, а всему человечеству и должно было легитимировать действия Вашингтона по смене режимов как новой форме контрраспространения. Именно это было использовано против Ирака в 2003 г.

Против новых противников США, утверждалось в «Стратегии», не работают традиционные средства сдерживания⁴²⁵. В этой связи основными инструментами США должны стать упреждающие действия и контрсдерживание, в том числе ПРО, с тем чтобы «не позволить врагам нанести удар первыми», а если это все же случится – отразить нападение. Акцент на упреждающие действия также не был нововведением администрации Буша-мл. Как отмечают М. Леффлер и М. Трахтенберг, истоки этого подхода можно найти в начальном периоде «холодной войны»⁴²⁶. Выравнивание возможностей в ядерной сфере между СССР и США отодвинуло эту модель действий на

⁴²⁴ Ibid. P.15

⁴²⁵ Ibid.

⁴²⁶ Leffler M.P. 9/11 and American foreign policy // *Diplomatic History*. - 2005. - Vol. 29. - No. 3. - P. 395-413; Leffler M.P. 9/11 in retrospect: George W. Bush's Grand Strategy, reconsidered // *Foreign Affairs*. - 2011. - Vol. 90. - No. 5. - P. 33-44; Trachtenberg M. Preventive war and U.S. foreign policy // *Security Studies*. - 2007. - Vol. 6. - No. 1. - P. 1-31.

периферию стратегии, но характер новых противников в XXI в. позволил вновь обратиться к данной форме применения военной силы.

«Стратегия национальной безопасности» 2002 г. ставила задачу «остановить государства-изгои и их клиентов-террористов до того, как они получат возможность угрожать применением или используют ОМУ против США, наших союзников и друзей»⁴²⁷. Здесь обращает на себя внимание последовательность перечисления противников – «государства» предшествуют «террористам».

Изложенная в «Стратегии» формула упреждения была применена к наиболее слабому, по мнению Вашингтона, члену «осу зла» - Ираку. Первоначальный успех военных действий, относительно быстрая смена режима, отсутствие всенародного сопротивления агрессии создавали в Вашингтоне уверенность в том, что дальнейшие задачи по установлению нового миропорядка решение будут также успешно решены. Уже вскоре выяснилось, что свержение диктатуры не обязательно приводит к установлению либеральной демократии и рыночной экономики. Тем не менее политика контрраспространения получила дальнейшее развитие применительно к оставшимся членам оси зла – Ирану и КНДР.

2.2. Новые реалии XXI века: сдерживание и контрсдерживание

С приходом к власти республиканской администрации ядерная политика США сохранила свою цель – обеспечение для Вашингтона свободы рук в мировой политике за счет неоспоримого военного превосходства, но приоритеты в структуре политики претерпели изменения. В первые месяцы пребывания у власти приоритет принадлежал контрсдерживанию и контрраспространению. Этот сдвиг соответствовал взглядам вернувшихся к власти после восьмилетнего перерыва неоконсерваторов, чьи наработки

⁴²⁷ The National Security Strategy of the United States of America. September, 2002. - P.14. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2002.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

периода 1989-1992 гг. до 11 сентября 2001 г. лежали в основе ядерной политики США.

Полученное новым президентом «наследство» администрации Клинтона содержало три ключевых для политики контрсдерживания элемента – мандат Конгресса, отложенное решение о развертывании и технологическую базу. Мандатом Конгресса был «Закон о противоракетной обороне 1999 г.». Политическое решение о развертывании национальной ПРО, согласно формуле «3+3» президент должен принять в 2000 г., но Клинтон оставил это своему преемнику.

Основу технологического задела составляли проходивший с переменным успехом испытания компонент наземного эшелона - перехватчики GBI (Ground Based Interceptor) и информационно-управляющие средства системы. В сентябре 1999 г. были также проведены первые испытания средств ПРО морского базирования, в частности, системы управления AEGIS и противоракет SM-3. Одновременно была озвучена идея размещения компонентов системы ПРО за пределами территории США – об этой необходимости заявил руководитель работ по ПРО генерал-лейтенант Р. Кадиш⁴²⁸. Кроме того, в Конгрессе были сильны настроения в пользу расширения возможностей ПРО за счет создания космического эшелона. При принятии закона о расходах на оборону на 2000 фин. г. Конгресс решил образовать независимую комиссию для оценки угроз интересам США в космическом пространстве и мерах по противодействию им⁴²⁹. Возглавлял комиссию Д. Рамсфелд, но после номинации на пост министра обороны он сложил полномочия и не подписывал итоговый доклад комиссии. Доклад был направлен в Конгресс в тот же день, когда Рамсфелд проходил процедуру слушаний в сенатском комитете – 11 января 2001 г.⁴³⁰

⁴²⁸ Kadish R., Lt Gen, Director, Ballistic Missile Defense Organization. Prepared Remarks to the National Defense Industrial Association. September 20, 1999. URL: https://www.mda.mil/global/documents/pdf/ps_kadishndia.pdf (дата обращения: 22.03.2019)

⁴²⁹ Public Law 106-65. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2000. Sec 1621. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-106publ65/pdf/PLAW-106publ65.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴³⁰ Report of the Commission to Assess United States National Security Space Management and Organization. January 11, 2001. URL: http://space.au.af.mil/space_commission/space20010111.pdf (дата обращения: 22.03.2019)

Как и в докладе предыдущей возглавлявшейся Рамсфелдом комиссии (по угрозе ракетного нападения) выводы носили алармистский характер. По мнению членов комиссии, успехи противников в создании «разрушительных технологий» привели к тому, США стоят на пороге «космического Перл-Харбора»⁴³¹, результатом которого может стать «стратегический паралич» во время конфликта. Для устранения угрозы космическим объектам США рекомендовалось развитие не только оборонительных, но и наступательных средств. По сути речь шла о не просто о слиянии ПРО и противоспутникового оружия, а о возрождении проекта администрации Дж. Буша GPALS (закрытого демократической администрацией в 1993 г.), предусматривавшего развертывание в космическом пространстве сотен одиночных перехватчиков Brilliant Pebbles, способных поражать как головные части МБР, так и низкоорбитальные космические аппараты⁴³².

В развернутом виде приоритеты ядерной политики новой администрации Буш-мл. изложил в выступлении в Университете национальной обороны 1 мая 2001 г. Как и министр обороны, президент заявил о необходимости интегрировать компоненты ядерной политики, сформировав «широкую стратегию активного нераспространения, контрраспространения и обороны» (под последним имелась в виду ПРО), чтобы избежать попадания «оружия устрашения» в руки тех, кто стремится им обладать. Сдерживание, заявил президент, не может строиться только на угрозе возмездия. Поэтому США должны принять новую ядерную стратегию, которая будет опираться одновременно на наступательные и оборонительные силы, при этом оборона (т.е. ПРО) будет укреплять сдерживание, уменьшая стимулы для распространения ЯО и средств его доставки.

Для того, чтобы создать условия для развития ПРО, отвечающей новым угрозам, необходимо было избавиться от ограничений Договора 30-летней

⁴³¹ Эпитет использовался в пропагандистских целях - приближалась 60-я годовщина нападения на базу ВМС США в 1941 г.

⁴³² Веселов В. А. Космические технологии и стратегическая стабильность: новые вызовы и возможные ответы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2017. - Т. 9, - № 2.- С. 65-104.

давности⁴³³. Таким образом, если администрация Клинтона, несмотря на уступки оппозиции, до конца срока своих полномочий отстаивала необходимость сохранения Договора по ПРО, то Буш-мл. с самого начала заявил о необходимости выхода из соглашения. Избавиться от договорных ограничений удалось не сразу, поскольку в Конгрессе соотношение сил сторонников и противников национальной ПРО оставалось неустойчивым. При обсуждении бюджета на 2002 фин. г. расходы на ПРО были урезаны на 15% по сравнению с запросом⁴³⁴.

Перелом произошел 11 сентября 2001 г. Террористическая атака свидетельствовала в пользу позиции, занимаемой республиканцами с середины 1990-х гг. - противник действительно глобальный, поэтому территория США нуждается в защите. Кроме того, противника подозревали в стремлении получить ОМУ и средства его доставки. Поскольку такого иррационального противника нельзя было сдерживать, приоритет был принадлежать упреждающим действиям и обороне территории страны. Финансирование программ ПРО было восстановлено, а заявление президента Буша-мл. о выходе из Договора 1972 г. не вызвало критики со стороны Конгресса.

При этом события 11 сентября были использованы для усиления аргументации президента: договор устарел не только потому, что исчез Советский Союз, а вместе с ним и предсказуемая угроза, но и потому, что, появились новые вызовы, многочисленные и мало предсказуемые, для противодействия которым требуется новая архитектура безопасности, а также новое соотношение сдерживания и ПРО. Буш-мл. заявил, что пришел к выводу о том, что «Договор по ПРО препятствует способности правительства создавать возможности для защиты населения от будущих ракетных атак со стороны террористов или «государств-изгоев»⁴³⁵ Он также высказал предположение, что выход из Договора не повредит отношениям с Россией, поскольку «угроза для

⁴³³ Remarks by the President to Students and Faculty at National Defense University. Fort McNair. May 1, 2001 // Weekly Compilation of Presidential Documents. - 2001. - Vol. 37. - No 18. - P. 685-688.

⁴³⁴ Это происходило на фоне нарастания негативных явлений в экономике США.

⁴³⁵ Remarks Announcing the United States Withdrawal From the Anti-Ballistic Missile Treaty // Weekly Compilation of Presidential Documents. - 2001. - Vol. 37. - No 50. - P. 1783-1784.

обеих наших стран исходит не друг от друга или от других великих держав мира, а от террористов, которые атакуют внезапно или «государств-изгоев», которые стремятся к обладанию ОМУ»⁴³⁶.

Продекларированные в публичных заявлениях представителей администрации принципиальные положения были официально закреплены в «Обзоре ядерной политики» – втором в этой категории документов после доклада 1994 г. Его разработка была задана законом о военном бюджете на 2001 фин. г. О том, что такая работа ведется, Буш объявил в Университете национальной обороны 1 мая 2001 г.⁴³⁷

События 11 сентября не внесли принципиальных изменений в эту работу и в результате Министерство обороны США направило «Обзор ядерной политики» в Конгресс в последний день 2001 г.⁴³⁸ Публично «Обзор» был представлен министром обороны Рамсфелдом 9 января 2002 г. Хотя сам документ был закрытым, на брифинге помимо презентации были представлены достаточно обширные «выдержки», дающие представления о положениях документа. В докладе подчеркивалось, что, несмотря на изменившийся характер угрозы, что открывает возможности для дальнейших сокращений СНВ, ядерное оружие, тем не менее, сохраняет свою фундаментальную роль в обеспечении национальной безопасности и должно оставаться в основе военной мощи США.

Отражением взглядов администрации на структуру ядерной политики стало введенное в «Обзоре» понятие «новой триады», в которой объединялись наступательные и оборонительные средства, как ядерные, так и обычные⁴³⁹. «Старая» триада, включающая МБР, БРПЛ и стратегические бомбардировщики, объединялась с неядерными средствами в один компонент «новой» триады, обозначенный как «наступательные ударные вооружения» (offensive strike

⁴³⁶ Ibid.

⁴³⁷ Remarks by the President to Students and Faculty at National Defense University. Fort McNair. May 1, 2001 // Weekly Compilation of Presidential Documents. - 2001 - Vol.37. - No.18 - P. 685-688.

⁴³⁸ Department of Defense. Nuclear Posture Review. December 2001. URL:

<https://assets.documentcloud.org/documents/3109636/2001-Nuclear-Posture-Review.pdf> (дата обращения: 22.03.2019). Документ рассекречен со значительными купюрами.

⁴³⁹ Ibid. P. 8-16

weapons). Вторым элементом «новой триады» становились активные и пассивные средства обороны, в т.ч. ПРО, ПВО и ПЛО. В качестве третьего компонента выступала военно-промышленная инфраструктура, обладающая возможностями быстрой адаптации к изменениям характера и масштабов угроз, способная в короткие сроки разрабатывать и производить, новые образцы вооружения и военной техники в соответствии с изменениями в потребностях вооруженных сил.

Следует отметить, что такая структура новой «новой триады» отражала представления о задачах вооруженных сил и военной стратегии США в начале нового столетия. Структура и возможности «новой триады» должны были обеспечивать гарантии безопасности союзникам и партнерам США; «отваживать» противников от намерений бросать вызов американским интересам; а если аргументы не сработают – наносить им решительное поражение.

При этом формулирование новых задач для ЯО происходило в контексте более широкого процесса реформирования вооруженных сил в соответствии со взглядами неоконсерваторов на военную силу как инструмент продвижения внешнеполитических интересов США⁴⁴⁰. ЯО при этом должно быть не только виртуальным средством «центрального сдерживания», но и реально применимым инструментом в региональных конфликтах.

В подходах к ЯО вернувшихся в начале XXI в. к руководству военным ведомством неоконсерваторов заметны две тенденции (связанные единой логикой): во-первых, стирание грани между стратегическим и нестратегическим ЯО, во-вторых — снижение порога применения ЯО. В течение нескольких десятилетий взгляды на применение ЯО и вытекающие из них требования к количественным и качественным параметрам СЯС США были сосредоточены на одной модели конфликта - прямом столкновении

⁴⁴⁰ См.: Батюк В.И. Национальная оборонная стратегия США после неоконсервативной революции// США, Канада: экономика, политика, культура. - 2007. - №7. - С. 21-38; Батюк В.И., Володин Д.А., Дьякова Н.А. Американская военная политика в XXI веке: региональные аспекты. Научный доклад. М.: ИСКРАН, 2012. – 147 с.

СССР. В условиях биполярного мирового порядка все формы и способы применения ЯО были подчинены интересам «центрального ядерного сдерживания». Региональные конфликты, в которых могло быть применено ЯО, рассматривались как часть «лестницы эскалации». При этом согласно официальным взглядам успех в центральном конфликте гарантировал решение задач в регионах, а обратное в общем случае было неверно. В XXI в. соотношение глобального и регионального конфликтов пришлось пересмотреть. Истоки этого пересмотра – в наработках неоконсерваторов 1990-1992 гг., когда изменения региональных балансов сил оценивались с точки зрения их глобальных последствий.

В «Обзоре ядерной политики» 2001 г., Россия упоминалась как единственное государство, способное уничтожить США, но вероятность «центрального» конфликта считалась минимальной, поэтому «старая триада» играла роль страховки (hedge в терминах администрации Клинтона). «Новая триада» в соответствии со взглядами на глобальную роль США обеспечивала задачи «лидерства» (lead) в отношении широкого круга потенциальных противников, к которым относились Китай, КНДР, Иран, Ирак, Ливия и Сирия.

В этой связи менялись взгляды на понятия «стратегическое» и «нестратегическое» ЯО. В «Обзоре ядерной политики» различие между ними вообще не проводится, поскольку любое применение ЯО считается стратегическим, т.е. направленным на непосредственное достижение целей конфликта. При этом впервые с 1950-х гг. у Вашингтона появилась возможность применять ЯО, не опасаясь неизбежной эскалации, поскольку в отличие от периода «холодной войны» в отношениях США и их новых противников не было ситуации ВГУ.

Еще нагляднее размывание грани между региональным и глобальным уровнями проявилось в сфере контрсдерживания. Дж. Буш-мл. своей директивой № 23 «Национальная политика в области ПРО» от 16 декабря 2002 г. отменил существовавшее ранее разделение на ПРО ТВД и «национальную

ПРО»⁴⁴¹.. Директива № 23 также определяла цель политики США в области ПРО: «разработать и развернуть как можно раньше противоракетную оборону, основанную на наилучших доступных технологиях»⁴⁴². Данная формулировка практически дословно воспроизводила текст «Закона о ПРО 1999 г.». Директива требовала от Агентства по ПРО достижения первоначальной готовности системы к концу 2004 фин. г. (дата определялась, очевидно, с учетом президентских выборов). Под этим подразумевалась возможность перехвата ракет «различных дальностей на всех участках траектории», от тактических до МБР. Вслед за этим должно было начаться «эволюционное» (spiral) развитие системы, расширение ее возможности в количественном и качественном отношениях, причем в последнем предполагалось освоение новых технологий, применению которых препятствовали нормы Договора 1972 г.

В частности, речь уже тогда шла о разработке перехватчиков космического базирования. Кроме того, можно предположить, что в рамках закрытых статей бюджета, помимо разработки лазерной установки воздушного базирования ABL (Airborne Laser), велись и другие работы по оружию направленной передачи энергии, «ушедшие в тень» после закрытия СОИ. Косвенным подтверждением тому может служить запрос Агентства по ПРО в рамках бюджетной заявки на 2020 фин. г., в рамках которого впервые за много лет предусмотрены расходы не только на высокоэнергетические лазеры, но и на пучковое оружие⁴⁴³. Поскольку проведение натуральных экспериментов в космосе запланировано уже на 2023 г., можно предположить, что исследования в лабораторных условиях возобновились именно при администрации Буша-мл. с появлением благоприятной политической конъюнктуры.

⁴⁴¹ National Security Presidential Directive 23. National Policy on Ballistic Missile Defense. December 16, 2002. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-23.htm> (дата обращения: 22.03.2019).

⁴⁴² Ibid.

⁴⁴³ Department of Defense Press Briefing on the President's Fiscal Year 2020 Defense Budget for the Missile Defense Agency. March 12, 2019. URL: <https://dod.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1784150/department-of-defense-press-briefing-on-the-presidents-fiscal-year-2020-defense/> (дата обращения: 22.03.2019)

Одновременно администрация Буша развернула дипломатическую активность с целью убедить руководство Российской Федерации в том, что создаваемая глобальная система ПРО не направлена против России. Таким образом воспроизводилась ситуация 1967 г., когда, объявив о начале работ по «тонкой» системе «Sentinel», Вашингтон убеждал Москву, что система будет направлена только против Китая, но не против Советского Союза. В одном случае для США было важно не сорвать движение к ДНЯО и ОСВ, в другом – была заинтересованность в политической поддержке в условиях «глобальной войны с террором». В то же время согласно директиве NSPD-23 создаваемая система должна иметь «открытую архитектуру»⁴⁴⁴, что означало возможность ее разворота в перспективе против любого противника, в том числе и для обесценивания усилий России по поддержанию ядерного паритета с Соединенными Штатами. Создание глобальной системы ПРО стало одним из важнейших направлений ядерной политики США.

Выхода из Договора 1972 г. сторонники ПРО в США ждали с нетерпением – об этом говорит та скорость, с какой были начаты строительные работы. Через два дня после того как 13 июня 2002 г. Договор утратил силу, в Форт Грили на Аляске началось сооружение первых шахтных пусковых установок для перехватчиков GBI. Несколько ранее, в январе 2002 г. решением Д. Расмфелда была сформирована соответствующая новым задачам организационная структура – Агентство по ПРО в составе министерства обороны США, заменившее Организацию по ПРО, существовавшую с мая 1993 г.⁴⁴⁵ Директором Агентства был назначен возглавлявший Организацию генерал-лейтенант Р. Кадиш.

Поскольку администрация Буша-мл. не выпускала отдельного обзора по ПРО, порядок реализации программы был установлен в «Обзоре ядерной

⁴⁴⁴ National Security Presidential Directive 23. National Policy on Ballistic Missile Defense. December 16, 2002. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-23.htm> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁴⁵ Office of the Secretary of Defense Memorandum. Missile Defense Program Direction. January 2, 2002. URL: [http://library.rumsfeld.com/doclib/sp/2477/2002-01-02%20to%20Deputy%20Secretary%20of%20Defense%20et%20al%20re%20Missile%20Defense%20Program%20Dir](http://library.rumsfeld.com/doclib/sp/2477/2002-01-02%20to%20Deputy%20Secretary%20of%20Defense%20et%20al%20re%20Missile%20Defense%20Program%20Direction%20with%20Attachments.pdf)
[ection%20with%20Attachments.pdf](http://library.rumsfeld.com/doclib/sp/2477/2002-01-02%20to%20Deputy%20Secretary%20of%20Defense%20et%20al%20re%20Missile%20Defense%20Program%20Dir) (дата обращения: 22.03.2019)

политики». Предусматривалось осуществление в два этапа, длительность которых осталась почти такой же, как в планах администрации Клинтона. Первый этап, реализация которого была намечена на 2003-2006 г. был направлен на достижение «ближайших неотложных задач», второй, рассчитанный на 2006-2008 г., должен был завершиться приобретением системой «оперативных возможностей»⁴⁴⁶. Весь технологический задел ПРО администрация Буша-мл. получила от предшественника, причем его истоки находятся в разработках СОИ.

Первый позиционный район создавался на Аляске (база Форт Грили, первая очередь – 16 перехватчиков наземного базирования GBI), второй – в Калифорнии (полигон Ванденберг, четыре ПУ). Такая конфигурация была обусловлена тем, что по темпам создания БР большой дальности КНДР в то время опережала остальных «изгоев». Кроме того, при дальнейшем наращивании средства, развернутые в этом районе могли в ограниченном масштабе решать задачи по перехвату ракет, запущенных в Китае и России.

Морские компоненты ПРО (корабли с системой AEGIS) имеют определенные преимущества в силу таких способностей как мобильность, гибкость развертывания – возможность быстро создавать группировки на угрожаемых направлениях, как на передовых ТВД, так и у берегов США, а также отсутствие необходимости в достижении договоренностей о размещении с властями других государств. Кроме того, превосходство ВМС США на море обеспечивает живучесть данного компонента ПРО. Дополнительное преимущество морского базирования было продемонстрировано 21 февраля 2008 г., когда противоракетой SM-3 Block IA, с борта крейсера «Лейк Эри» был сбит вышедший из строя военный спутник USA-193, чем была доказана возможность средств ПРО решать задачи противоспутникового оружия⁴⁴⁷

⁴⁴⁶ Nuclear Posture Review. Washington DC: Department of Defense, December 2001. Pp. 25-26. URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/3109636/2001-Nuclear-Posture-Review.pdf> (дата обращения: 22.03.2019).

⁴⁴⁷ Веселов В. А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность: уроки истории // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2016. - Т. 8. - № 4. - С.51-84.

В сентябре 2004 г. директор Агентства по ПРО генерал-лейтенант Т. Оберинг объявил о том, что система «достигла ограниченной оперативной готовности», т.е. политическая установка директивы № 23 была выполнена. При этом на Аляске было развернуто пять перехватчиков GBI, модернизирована для решения задач ПРО РЛС «Cobra Dane» на Алеутских островах и проводились испытания кораблей с системой AEGIS в Японском море. Судить о том, насколько заявление о «готовности» соответствовало действительности, можно по опубликованным открытым данным о результатах испытаний GBI. К концу второго президентского срока Буша-мл. было проведено 14 испытаний, причем ни в одном из них мишень не имитировала МБР, т.е. ту цель, для которой перехватчик и создавался, и ни в одном не использовались помехи или средства преодоления ПРО. Даже в таких облегченных условиях лишь два перехвата были зачтены как успешные⁴⁴⁸. Но эти подробности были известны и понятны лишь узкому кругу специалистов, а избиратели должны были чувствовать себя защищенными.

То, что руководители военного ведомства и государства сознательно шли на развертывание средств ПРО с «сырыми» элементами, не прошедшими полного цикла испытаний и не способными решать реальные боевые задачи, свидетельствует о том, что угроза ракетных атак со стороны террористов и государств-«изгоев» воспринималась в Вашингтоне как виртуальная. В этом следует видеть одно из отличий ядерной политики США начала XXI в. от завершающего этапа «холодной войны», когда восприятие угроз было иным.

Политически для Вашингтона было важно продемонстрировать не боевую эффективность, проверить которую можно только в условиях реального обмена ударами, а конфигурацию системы, которая свидетельствовала о ее направленности на угрозы, исходящие из Восточной Азии. Достаточно было показать гипотетическую способность перехвата одной-двух БР, запущенной из КНДР в сторону США (одновременно обеспечивалась возможность отражения аналогичного удара и со стороны КНР).

⁴⁴⁸ Burns R.D. The missile defense systems of George W. Bush : A critical assessment. – NY : Praeger, 2010. - P. 130.

Для повышения надежности решения задач ПРО на этом направлении началось сотрудничество с Японией. Переход администрации Буша-мл. к глобальному масштабу при создании ПРО обусловил активизацию сотрудничества с союзниками, территория которых рассматриваются как передовые позиции обороны США, информационные средства – включаются в общую систему, а в случае с Японией используется также и научно-промышленный потенциал союзника для создания нового поколения средств ПРО (и в этом также прослеживалась преемственность с СОИ).

Япония участвовала в создании новых модификаций ракет SM-3, известных под обозначением Block IIА и Block IIВ. Обе предназначались для использования на море и на суше (AEGIS Ashore), но вариант Block IIВ был закрыт администрацией Обамы. На море носителями новых ракет являются корабли как ВМС США, так и Морских сил самообороны Японии (такими способностями не обладает более ни один флот за пределами США). По классификации принятой до 2002 г., эти японские корабли можно отнести к ПРО ТВД, но в соответствии с подходом администрации Буша они являются частью единой глобальной ПРО, т.е. защищают одновременно и Японию и США⁴⁴⁹.

Вторым по значению партнером в строительстве глобальной системы ПРО стал Израиль, создавший как в кооперации с США, так и собственными силами многоэшелонную систему, способную перехватывать цели от реактивных снарядов залпового огня до БРСД. Если Японию можно было рассматривать как передовой рубеж обороны США от угроз со стороны КНДР, то Израиль играет аналогичную роль на иранском направлении.

Также против Ирана были направлены компоненты ПРО, размещаемые на территории восточноевропейских государств - третьего по значению партнера США. Впервые вопрос о создании третьего позиционного района ПРО был поднят администрацией Буша-мл. в начале 2004 г., когда был в бюджетной

⁴⁴⁹ National Security Presidential Directive 23. National Policy on Ballistic Missile Defense. December 16, 2002. URL: <http://www.fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-23.htm> (дата обращения: 22.03.2019).

заявке на 2005 фин. г. были запрошены средства на закупку 10 дополнительных перехватчиков GBV в новой (двухступенчатой) конфигурации без указания, где именно они будут размещены⁴⁵⁰.

Предполагалось, что новый район будет находиться в Европе и служить передовой позицией для прикрытия восточного побережья США от гипотетической угрозы со стороны иранских ракет. Конфигурация района была определена к концу 2006 г. – 10 перехватчиков будут размещаться в Польше, а РЛС – в Чехии. Облегченный по сравнению с базовой модификацией вариант перехватчика для Европы (две ступени вместо трех) был обусловлен тем, что их стартовые позиции будут находиться ближе к территории противника, что у ракет на Аляске и в Калифорнии.

Юридическое оформление проекта состоялось в последний год пребывания Дж. Буша-мл. у власти. Подписание соглашения с Чехией состоялось 8 июля 2008 г.⁴⁵¹, с Польшей – 20 августа⁴⁵². В последнем случае ускорению переговоров способствовала «пятидневная война» на Кавказе. К этому времени количество перехватчиков GBV в первых двух районах достигло 24, а плановое количество составляло 44. Это означало, что в Восточной Европе будет размещено около 20% от общей группировки GBV. По планам администрации Буша-мл. развертывание перехватчиков в Польше должно было начаться в 2011 г., а завершиться в 2013 г.

Следует отметить, что средства ПРО составляли только часть контрсилового потенциала, предусмотренного «новой триадой». В него должны были также входить: глобальная система сбора информации, непрерывно отслеживающая как стационарные, так и мобильные объекты противников; система противолодочной обороны (ПЛО), способная поражать морские СЯС

⁴⁵⁰ Burns R.D. Op. cit. P. 81.

⁴⁵¹ Agreement Between the Czech Republic and the United States of America on Establishing a United States Ballistic Missile Defense Radar Site in the Czech Republic. URL: <https://fas.org/irp/news/2008/07/radar.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁵² Agreement between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Poland Concerning the Deployment of Ground-Based Ballistic Missile Defense Interceptors in the Territory of the Republic of Poland. URL: <https://www.msz.gov.pl/resource/ca169cf2-ba48-4196-afa9-c6bc438ba3e5> (дата обращения: 22.03.2019).

противника еще на доядерной стадии конфликта; ударная подсистема, обеспечить поражение в заданное время любых целей, в том числе стационарных сильно защищенных и мобильных наземных целей. Создание такого потенциала было начато администрацией Дж. Буша-мл. и продолжено при Б. Обаме.

При этом в сфере наступательных вооружений, как и в ПРО, также происходило размывание грани между региональным и глобальным уровнями. Включенное в текст «Обзора ядерной политики» новое содержание термина «наступательные ударные вооружения» в самом документе подробно не раскрывалось, но содержало важное указание на наличие в их составе неядерных средств поражения для получения *большой* гибкости в применении военной силы для достижения внешнеполитических интересов. При этом роль ЯО в составе «наступательных ударных вооружениях» относительно уменьшалась – оно встраивалось в более широкий набор средств вооруженной борьбы и должно было использоваться только в тех случаях, когда обычные вооружения не смогут решить ту или иную задачу. Часть прежних задач ЯО возлагается на обычные вооружения. Именно о таком перераспределении писали в начале 1988 г. авторы доклада «Избирательное сдерживание», но они несколько опередили время.

Основные положения «Обзора» были транслированы в планы применения ядерных сил США президентской директивой № 14 «Указания по планированию применения ядерного оружия», подписанной Дж. Бушем-мл. 28 июня 2002 г.⁴⁵³ Директива № 14 действовала более 10 лет, до принятия аналогичного назначения документа Б. Обамы в 2013 г. Все это время она определяла принципы планирования применения ядерных сил, количественные параметры СЯС, а также переговорную позицию США по новому договору СНВ, подписанному в Праге в апреле 2010 г.

⁴⁵³ National Security Presidential Directive 14 (NSPD-14). Nuclear Weapons Planning Guidance. 28 June 2002. Документ не опубликован. Номер, название и дата утверждения приведены по: National Security Presidential Directives [NSPD]. George W. Bush Administration. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/index.html> (дата обращения: 22.03.2019)

Необходимость внесения изменений в планы применения СЯС США в 2002 г. была связана с принятым администрацией Буша-мл. принципиальным решением о сокращении количества «оперативно развернутых» ядерных зарядов на стратегических носителях до уровня 1700-2200 единиц к концу 2012 г. Решение, видимо, было выработано во время работы над проектом «Обзора ядерной политики», поскольку именно формирование «новой триады» позволяло сократить «старую триаду», возложив часть ее задач на неядерные вооружения. Указанные величины вошли в закрытый «Обзор ядерной политики», а публично были объявлены Дж. Бушем-мл. во время совместной пресс-конференции с Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 13 ноября 2001 г.⁴⁵⁴, а затем были закреплены в президентской директиве NSPD-10 «Стратегические ядерные силы США» от 21 декабря 2001 г.⁴⁵⁵ и, наконец, вошли в текст российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных потенциалов, подписанного 24 мая 2002 г. и действовавшего до 5 февраля 2011 г.⁴⁵⁶ При этом изменение количественных потолков СЯС было настолько существенным по сравнению с действующим уровнем, определенным Договором СНВ-1 (6000 единиц), что корректировка ядерного планирования была неизбежной⁴⁵⁷.

Некоторые исследователи утверждают, что при корректировке ядерной стратегии была сохранена ее идеология, восходящая еще к «доктрине Шлесинджера» и предусматривающая нанесение избирательных ударов и обеспечение эскалационного доминирования США, но внесены изменения в систему нацеливания СЯС – уменьшено количество целей на территории

⁴⁵⁴ The President's News Conference with President Vladimir Putin of Russia. November 13, 2001 // Weekly Compilation of Presidential Documents. - 2001. - Vol.37. - No. 46. - P. 1652.

⁴⁵⁵ National Security Presidential Directive 10 (NSPD-10). U.S. Strategic Nuclear Forces. 21 December 2001. Документ не опубликован. Номер, название и дата утверждения приведены по: National Security Presidential Directives [NSPD]. George W. Bush Administration. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/index.html> (дата обращения: 22.03.2019).

⁴⁵⁶ Договор между Российской Федерацией и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Подписан в Москве 24 мая 2002 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sort.htm> (дата обращения: 22.03.2019). Действие договора было рассчитано до 31 декабря 2012 г., но было прекращено досрочно в связи со вступлением в силу нового Договора по СНВ.

⁴⁵⁷ Сокращение было существенным и по сравнению с уровнем не вступившего в силу Договора СНВ-2 (3500 единиц).

России и увеличено – в региональных противниках США⁴⁵⁸. Проверить эти утверждения невозможно, пока директива не будет опубликована, но они не противоречат другим, связанным с директивой документам, находящимся в открытом доступе и раскрывающим политику ядерного сдерживания администрации Дж. Буша-мл.

Если «Обзор ядерной политики» и директива № 14 были посвящены инструментам реализации курса новой администрации, то политическая основа превентивного и преэмптивного (упреждающего) применения силы, получившая в СМИ название «доктрина Буша», была изложена в «Стратегии национальной безопасности США», утвержденной 20 сентября 2002 г.⁴⁵⁹ Такую кажущуюся нелогичность – сначала выбираются инструменты, а потом определяются цели их применения – можно объяснить тем, что фундамент политики Дж. Буша-мл. составляли наработки администрации Дж. Буша периода 1990-1992 гг., а «Стратегия национальной безопасности» 2002 г. лишь внесла коррективы, связанные с событиями 11 сентября 2001 г.

На смену сдерживанию в качестве основного инструмента ядерной политики США пришла концепция превентивных действий, в концептуальном плане проработанная еще в 1990-е гг. в рамках политики контрраспространения⁴⁶⁰. Поскольку террористы являются не только внесистемным, но и иррациональным противником, то угроза причинения им ущерба ответными действиями США считалась неработоспособной. Предотвратить нападение можно было, если удастся разрушить возможности террористов по планированию, подготовке и осуществлению их действий. В этой связи «Стратегия национальной безопасности» 2002 г. ставила задачи по нанесению ударов по местам сосредоточения руководства, инфраструктуре

⁴⁵⁸ Kristensen H.M., Norris R.S. Reviewing nuclear guidance: Putting Obama's words into action // Arms Control Today. – 2011. - Vol. 41. -No.9. - P. 13.

⁴⁵⁹ The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nssall.html> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁶⁰ Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2018. - Т. 10. - № 3. - С. 3-47.

управления и связи террористов. Средством решения этой задачи в «Обзоре ядерной политики» был определен ударный компонент «новой триады».

Сама идея объединения ядерного и неядерного наступательного оружия не является изобретением администрации Буша-мл., поскольку была высказана еще в докладе «Избирательное сдерживание» 1988 г. При Буше-ил. прилагательное заменили, сдерживание стало «подогнанным» (tailored), и было дополнено концепцией превентивных и преэмптивных действий, осуществляемых быстро и с решительными целями⁴⁶¹.

На смену симметричности стратегических отношений с СССР и Россией пришла асимметрия – решительный перевес США над противниками, что позволило администрации Буша-мл. внести в ядерную политику принцип свободы рук – пока только применительно к ограниченному кругу субъектов. При этом ЯО рассматривалось не как средство политического давления, а чисто военный инструмент, выполняющий функцию разгрома потенциального противника⁴⁶².

Данный подход, корни можно обнаружить в начальном этапе «холодной войны», сохранился для части задач ЯО и после ее окончания. Разработанную в 1990-х гг. концепцию превентивных действий против «пролиферантов» в 2000-е гг. включили в рамки «глобальной войны с террором», предусмотрев нанесение ударов по «бункерам террористов» независимо от наличия там ОМУ.

После 11 сентября 2001 г. стало нетрудно убеждать Конгресс, СМИ и общество в том, что сдерживание – слишком «реактивный» инструмент для борьбы с новыми угрозами. «Стратегия национальной безопасности» 2002 г. закрепила положение о том, что нанесение упреждающих ударов должно быть важным инструментом политики США. Хотя в открытых документах перед термином «упреждающий удар», отсутствовало слово «ядерный», данный вариант, очевидно, не исключался. Для борьбы с новыми противниками

⁴⁶¹ The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nssall.html> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁶² Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2018. - Т. 10. - № 3. - С. 3-47.

ядерное сдерживание в традиционном виде (перспектива наказания в виде нанесения неприемлемого ущерба) считалась недостаточно эффективным: угроза применения ЯО существующих типов мощностью в сотни килотонн не могла восприниматься как правдоподобная и данный инструмент политики становился неработоспособным.

Отражением новых взглядов на соотношение глобального и регионального компонентов политики стала концепция «Быстрого глобального удара» (БГУ, Prompt Global Strike) разработанная в 2003 г. как конкретизация положений «Стратегии национальной безопасности». Это нововведение находилось в русле более широкой трансформации вооруженных сил США в начале 2000-х гг.⁴⁶³ и соответствовала принятой для сил общего назначения концепции «быстрого завоевания превосходства» (Rapid Dominance), предусматривающих скорую победу над достаточно слабым противником за счет поражения ограниченного набора ключевых объектов, вызывающего «стратегический паралич». Несмотря на то, что вместо быстрой операции «глобальная война с террором» растянулась более чем на 15 лет, соответствующая этой идеологии концепция БГУ не была отставлена и сохранила свою роль при администрации Б. Обамы, будучи адаптированной под задачи противостояния с Китаем.

Формально концепция БГУ находилась за рамками ядерной политики, однако, авторы «Обзора» в публичных выступлениях специально подчеркивали интегральный характер нового силового потенциала США, заложенного в «новой триаде». При этом потенциал БГУ должен был вносить существенный вклад в обеспечение эскалационного доминирования США, обеспечивая преимущества над противниками на нижних ступенях «лестницы эскалации».

Более того, судя по имеющейся информации, первоначальный вариант концепции БГУ был шире и включал в том числе и варианты с использованием ЯО малой мощности для обеспечения максимальной гибкости при применении

⁴⁶³ См.: Батюк В.И. Национальная оборонная стратегия США после неоконсервативной революции // США, Канада: экономика, политика, культура. - 2007. - №7. - С. 21-38.

силы. Американские исследователи, опираясь на закрытые документы, утверждают, что первый вариант концепции, введенный в действие в июне 2003 г., вообще предусматривал только ядерные варианты, и это стало причиной того, что соответствующий план операций был вскоре отозван⁴⁶⁴. Косвенным подтверждением тому служит почти синхронное снятие Конгрессом правового барьера на пути создания маломощного ЯО (см. ниже).

Сформулированные министерством обороны США критерии, которым должны удовлетворять средства БГУ, включали: возможность поражения целей в любой точке Земного шара через 60 минут после принятия решения; возможность применения без использования объектов передового базирования на ТВД; применение против максимально широкого класса целей (точечных, площадных, укрепленных и мобильных)⁴⁶⁵. Особое значение придавалось способности поражать критически важные или «ускользающие» цели противника («fleeting targets», «time sensitive targets») в самом начале конфликта или по мере его развития. Требование независимости от инфраструктуры на заморских ТВД было связано с тем, что в результате сокращения передового присутствия ВС США в 1990-е гг., быстрые удары по непредсказуемо возникающим целям придется наносить с межконтинентальной дальности.

В январе 2003 г. реализация концепции БГУ была возложена на ОСК, отвечающее также за ядерное сдерживание. Этот факт указывает на ту роль, которая отводилась концепции БГУ в ядерной политике администрации Дж. Буша-мл. – не альтернатива, а дополнение ядерного сдерживания, в связи с чем в документах начал применяться более точный термин «стратегическое сдерживание». Данные изменения нашли отражение в выпущенной министерством обороны в феврале 2004 г. «Единой оперативной концепции стратегического сдерживания», которая детализировала положения «Обзора

⁴⁶⁴ Kristensen H.M. STRATCOM Cancels Controversial Preemption Strike Plan. URL: <https://fas.org/blogs/security/2008/07/globalstrike/> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁶⁵ Watts B. D. Long-Range Strike, Imperatives, Urgency and Options / Center for Strategic and Budgetary Assessments. April, 2005. URL: <https://csbaonline.org/uploads/documents/2005.04.06-Long-Range-Strike.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

ядерной политики» и «Стратегии национальной безопасности США»⁴⁶⁶ и была рассчитана на срок до 2015 г.

При этом в списке задач «нанесение ядерных ударов» и «глобальный удар» указаны по отдельности, но в число их общих целей входило сдерживание противников от создания и применения ОМУ путем демонстрации убедительной возможности нанесения ударов по объектам, имеющим особую ценность для противника. Угроза нанесения таких ударов должна вселить в противника неуверенность в способности контролировать развитие конфликта и отвратит от мысли прибегнуть к эскалации. В документе отмечается уникальная роль ЯО как средства, позволяющего нанести противнику неприемлемый ущерб и быстро завершить конфликт на условиях, отвечающих интересам США⁴⁶⁷.

Конкретизации взглядов на превентивное применения ЯО в региональных конфликтах была посвящена выпущенная КНШ в марте 2005 г. «Доктрина совместных операций с применением ядерного оружия», заменившая аналогичный документ 1995 г.⁴⁶⁸ Текст доктрины был размещен в открытом доступе на сайте министерства обороны и вызвал общественный резонанс, прежде всего, по двум причинам. Во-первых, впервые открыто декларировалась возможность превентивного применения ЯО против неядерных государств-участников ДНЯО, на которые распространяются обязательства США в виде «негативных гарантий безопасности». Во-вторых, в документе указывалось, что командующие группировками на ТВД имеют право запрашивать у президента США санкцию на нанесение превентивных ядерных ударов в случае, если возникали подозрения в том, что противник намеревается применить ОМУ⁴⁶⁹.

⁴⁶⁶ Strategic Deterrence Joint Operating Concept. February 2004. URL: https://www.bits.de/NRANEU/docs/sd_joc_v1.doc (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁶⁷ Ibid. P.32

⁴⁶⁸ Joint Publication 3-12. Doctrine for Joint Nuclear Operations. Final coordination 2. March 15, 2005. URL: http://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/jp3_12fc2.pdf (дата обращения: 22.03.2019).

⁴⁶⁹ «Ядерное оружие и средства обеспечения могут быть развернуты на ТВД, но командующие группировками не имеют права использовать их, пока президент США не предоставит им соответствующие полномочия». См. Joint Publication 3-12. Doctrine for Joint Nuclear Operations. Final coordination 2. March 15, 2005 P. XIII. URL: http://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/dod/jp3_12fc2.pdf (дата обращения: 22.03.2019).

Это означало, что после получения санкции командующие могли принимать дальнейшие решения самостоятельно.

При этом возникала вероятность выхода конфликтной ситуации из-под контроля. В ходе «глобальной войны с террором», планируя нанесение превентивных ударов по противнику, США могли не опасаться эскалации конфликта. Несмотря на то, что в роли главного противника выступали уже не сами террористы, а государства, предоставляющие им «убежище», тогда еще можно было не опасаться ответных действий, тем более в таком противостоянии не было ограничения в виде ситуации ВГУ. Но документ носил не специальный «контртеррористический характер», а универсальный и распространялся на все типы конфликтов с участием США. Более того, его отдельные положения, например, требование к живучести ядерных сил США, прямо указывали на его применимость к столкновениям с более серьезными противниками. В связи с негативным резонансом документ Joint Publication 3-12 был удален с сайта Пентагона, что не означало отказа от подобной концепции проведения ядерных операций. Последующие события показали справедливость опасения критиков, указывавших на высокий эскалационный потенциал подобного подхода к планированию применения ядерных сил.

Несмотря на «глобальную войну с террором» в числе потенциальных противников рассматривался Китай – ядерная держава, постепенно наращивающая свой потенциал. При администрации Клинтона превращение КНР в ведущую военную державу Азии и одного из глобальных равных соперников США (*peer competitor*) считалось возможным в отдаленной перспективе – в период «после 2015 г.»⁴⁷⁰. В середине первого десятилетия XXI в. оценки военных возможностей КНР стали более тревожными. Летом 2005 г. директор Агентства по ПРО генерал-лейтенант Г. Оберинг и министр обороны Д. Рамсфелд отмечали, что хотя основную озабоченность составляет рост группировки ракет средней дальности НОАК, угрожающей позициям США в

⁴⁷⁰ Department of Defense. Report of the Quadrennial Defense Review. May 1997. - P.5. URL: <http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR1997.pdf?ver=2014-06-25-110930-527> (дата обращения: 22.03.2019)

регионе, необходимо быть готовыми реагировать и на угрозу со стороны китайских ракет большой дальности⁴⁷¹. В ежегодном докладе Конгрессу за 2006 г. министерство обороны США, отмечало рост в КНР потенциала ядерного и неядерного сдерживания⁴⁷².

После 11 сентября приоритет был отдан «вовлечению» Китая, но, начиная с 2005 г., вновь все больший вес приобретало его «сдерживание». Вероятность прямого столкновения с США повысилась после принятия в КНР в 2005 г. «Закона о противодействии расколу государства», согласно которому Пекин оставлял за собой право применить силу в отношении Тайваня.

Ответные действия США были многомерными. Администрация Буша-мл. не просто продолжала линию предшественника, но сформировала свою стратегию, которая сочетала концепцию «вовлечения» Клинтона мероприятиями, направленными на «сдерживание» Китая. Одной ее частью было контрсдерживание – совершенно недвусмысленная географическая ориентация создававшейся системы ПРО с приоритетом восточноазиатского направления, другой – совершенствование планов применения СЯС в направлении эскалационного доминирования, третьей – политика окружения КНР. Особую роль должно было сыграть включение в эту систему Индии – уникального для США неформального союзника одновременно и против исламистов и против Китая. Принципиально важным шагом со стороны администрации Буша-мл. было заключение т.н. «ядерной сделки» с Индией⁴⁷³.

О роли КНР в ядерной политике администрации Буша-мл. свидетельствуют положения «Обзора ядерной политики», где вероятность

⁴⁷¹ U.S. Missile Defense Being Expanded, General Says // Washington Post. - July 22, 2005. - P. A10. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2005/07/21/AR2005072102356.html> (дата обращения: 22.03.2019); Rumsfeld issues a sharp rebuke to China on arms // The New York Times. - June 4, 2005. URL: http://www.nytimes.com/2005/06/04/world/asia/rumsfeld-issues-a-sharp-rebuke-to-china-on-arms.html?_r=0 (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁷² Annual Report to Congress. Military Power of the People's Republic of China // US Department of Defense. 2006. - P.27. URL: <https://fas.org/nuke/guide/china/dod-2006.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁷³ Joint Statement Between President George W. Bush and Prime Minister Manmohan Singh. July 18, 2005. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/07/20050718-6.html> (дата обращения: 22.03.2019). История выработки и заключения соглашения о сотрудничестве, а также ее роль в стратегии США в АТР подробно рассмотрены в работах Оборотов С. А. Ядерный фактор в американо-индийских отношениях: 1991-2008. – М. : Либроком, 2009. – 318 с.; Гаврилова В.А. Развитие американо-индийских отношений в 1993 - 2012 гг. : роль ядерного фактора: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03 – Томск, 2014. – 211 с.

эскалации конфликта вокруг Тайваня в ядерный кризис оценивалась как более высокая, чем прямого столкновения Россией⁴⁷⁴. Следствием этого был, в том числе, начавшийся после выхода «Обзора ядерной политики» перевод дополнительных ПЛАРБ типа «Огайо» из Атлантического океана на Тихий, что позволяло увеличить масштабы нацеливания на объекты КНР. В 2002 г. было переведено две ПЛ, в 2004 г. – еще одна, в 2005 г. – еще две⁴⁷⁵. В результате с 2007 г. более половины морских СЯС США базируются на Тихом океане (8 ПЛ из 14).

Таким образом, в начале второго срока президента Дж. Буша-мл. возникла необходимость адаптировать ядерную политику к условиям нового «стратегического ландшафта». В течение 2006 г. были опубликованы три концептуальных документа, отражавшие внесенные изменения: «Стратегия национальной безопасности», «Четырехлетний обзор в сфере обороны» и «Единая оперативная концепция «Операции сдерживания».

«Стратегия национальной безопасности» была утверждена президентом Бушем-мл. 16 марта 2006 г.⁴⁷⁶ В документе отмечалось, что новый «стратегический ландшафт» требует новых подходов к сдерживанию, которое должно «включать как оборонительные так и наступательные действия против государственных и негосударственных акторов, включая нанесение сокрушительных ударов». Для решения этих задач предназначалась «новая триада», но при этом критически важную роль играли ядерные силы. Также подтверждалась готовность США к упреждающим действиям, применению силы до того, как противник совершит нападение⁴⁷⁷.

«Четырехлетний обзор», утвержденный министром обороны Д. Рамсфелдом 6 февраля 2006 г., также вводил новое требование к

⁴⁷⁴ Nuclear Posture Review. December 2001. URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/3109636/2001-Nuclear-Posture-Review.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁷⁵ Kristensen H.M., Norris R.S., McKinzie M.G. Chinese Nuclear Forces and U.S. Nuclear War Planning // Federation of American Scientist Report. November 30, 2006. - P.169. URL: <https://fas.org/nuke/guide/china/Book2006.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁷⁶ The National Security Strategy of the United States of America. March 2006. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁷⁷ Ibid. P. 22.

сдерживанию, которое должно быть «подогнанным» (tailored) под каждый тип противника США: террористические сети, «государства-изгои» и «примерно равные соперники» (near-peer competitors)⁴⁷⁸. Такая модель приходила на смену существовавшей со времен «холодной войны» универсальной (принцип «one size fits all»), исходившей из предположения, что победа США в «центральном» конфликте, решит все остальные проблемы. Отличием от «Четырехлетнего обзора» 2001 г. стало появление в перечне объектов сдерживания «примерно равного соперника», в качестве которого рассматривался Китай, поскольку он «обладает наибольшим потенциалом для военного соперничества с США и развивает новые технологии и асимметричные формы вооруженного противоборства, подрывающие существующее соотношение сил и способные обесценить преимущества США»⁴⁷⁹. Упоминание террористических сетей в данном контексте было скорее данью политической необходимостью, поскольку борьба с ними, начиная с 2002 г., превратилась в операции против «государств-спонсоров терроризма», в ходе которой решались политические задачи управления региональными балансами.

«Единая оперативная концепция «Операции сдерживания», утвержденная министром обороны Д. Рамсфелдом в декабре 2006 г., была рассчитана на период до 2025 г. и детализировала новые приоритеты; определяла, какие способы применения силы могут оказывать такое воздействие на процессы принятия решений на стороне противников, чтобы отвлечь их от намерений совершать враждебные действия в отношении США»⁴⁸⁰. Для этого мероприятия сдерживания должны были интегрировать дипломатические, информационные, военные и экономические инструменты.

Если в документе 2004 г. ядерные операции выделялись как самостоятельная форма применения, то в декабре 2006 г. они стали составной

⁴⁷⁸ Quadrennial Defense Review Report. February 6, 2006. - P. 4. URL: <http://archive.defense.gov/pubs/pdfs/ODR20060203.pdf> (дата обращения: 22.03.2019).

⁴⁷⁹ Ibid. P. 29.

⁴⁸⁰ Deterrence Operations Joint Operating Concept Version 2.0. December 2006. P.3. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Doctrine/concepts/joc_deterrence.pdf?ver=2017-12-28-162015-337 (дата обращения: 22.03.2019)

частью «глобального удара», наряду с высокоточными обычными вооружениями и некинетическими возможностями (радиоэлектронная борьба и др.). Таким образом создавался качественно новый потенциал, решающий одновременно задачи сдерживания, контрсдерживания и контраспространения. Предполагалось, что возможности США наносить в любой момент по собственному выбору удары по любой точке Земного шара, в том числе ядерными боеприпасами, должны привести всех, кто стремится к приобретению ОМУ, к мысли о том, что его потеря неизбежна; использовать это оружие для того, чтобы препятствовать Соединенным Штатам, не удастся; ресурсы, выделенные для создания этого оружия, будут потрачены зря.

Таким образом, «подогнанное сдерживание» сводилось к двум моделям применения ЯО, в которых администрация Дж. Буша-мл., синтезировала подходы своих предшественников. В отношении «государств-спонсоров терроризма» (Иран и КНДР) воспроизводились подходы к сдерживанию СССР, применявшиеся администрациями Кеннеди и Джонсона в первой половине 1960-х гг. – «контрсила» и «ограничение ущерба», нанесение упреждающих обезоруживающих и обезглавливающих ударов. При этом ЯО рассматривается не в качестве средства сдерживания, а как реально применимый военно-силовой инструмент политики, используемый для нанесения противнику поражения с целью последующей смены режима⁴⁸¹.

Политика сдерживания в отношении «примерно равных соперников» (России и КНР) сложнее и также имеет глубокие корни. Ее истоки можно обнаружить в т.н. «доктрине Шлесинджера»⁴⁸². Новацией Буша-мл. стало распространение ее на КНР. Имеющаяся информация о принятой

⁴⁸¹ Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2018. - Т. 10. - № 3. - С. 3-47.

⁴⁸² См.: National Security Decision Memorandum 242. Policy for Planning the Employment of Nuclear Weapons. January 17, 1974. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-24b.pdf> (дата обращения: 22.03.2019); Policy Guidance for the Employment of Nuclear Weapons. April 3, 1974. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-25.pdf> (дата обращения: 22.03.2019); Report of Secretary of Defense James R. Schlesinger to the Congress on the FY 1976 and transition budgets, FY 1977 authorization request and FY 1976–1980 defense programs. February 5, 1975. URL: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/annual_reports/1975_DoD_AR.pdf?ver=2014-06-24-150705-323 (дата обращения: 22.03.2019)

администрацией Буша-мл. концепции применения СЯС США (директива № 14 и сопутствующие документы) позволяет предположить, что в ней сохранились такие базовые постулаты «доктрины Шлесинджера», как дозированное применение СЯС, управление эскалацией в целях скорейшего завершения конфликта на условиях США и т.д.⁴⁸³

Эскалационное доминирование США в отношении всех перечисленных противников должны были обеспечивать такие приоритеты администрации Буша-мл. как создание ядерных боеприпасов малой мощности, развитие в приоритетном порядке системы ПРО. Для того, чтобы такая угроза со стороны США была убедительной, администрации Буша-мл. требовалось соответствующее материальное наполнение.

2.3. Вызовы распространения и политика республиканской администрации

Два элемента матрицы ядерного фактора, образующие первый ее столбец, решают одну задачу – обеспечение превосходства США. Распространение – наращиванием собственных возможностей Соединенных Штатов, контрраспространение – уменьшением возможностей их противников договорно-правовыми или насильственными средствами. Если сдерживание при администрации Буше-мл. стало «подогнанным», то в области контрраспространения в начале XXI в. также был выработан дифференцированный подход.

В отношении потенциального «примерно равного соперника» - России - были избраны договорные ограничения, сконструированные таким образом, чтобы при необходимости создать количественное превосходство США. Одновременно администрация уделяла внимание и качественным факторам обеспечения превосходства, прежде всего наращиванию контрсилового

⁴⁸³ Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2018. - Т. 10. - № 3. - С. 3-47.

потенциала. При Буше-мл. начинается не только формирование «новой» триады, но и долгосрочных программ модернизации «старой». Такая политика по сути воспроизводила подходы администраций Никсона, Форда и Картера к обеспечению превосходства США над СССР в условиях договорных ограничений. Для «государств-изгоев», «спонсоров терроризма» предусматривалось силовое разоружение, что по сути воспроизводило подходы администрации Трумэна в отношении СССР конца 1940-х гг. и Кеннеди в отношении Китая в начале 1960-х гг.

Подход администрации Буша-мл. к контрраспространению начинал формироваться под влиянием неоконсервативных «мозговых трестов», прежде всего разработок Национального института публичной политики⁴⁸⁴. Авторский коллектив, который возглавлял К. Пейн⁴⁸⁵, рекомендовал, не указывая конкретных цифр, количественное сокращение СЯС США, отвергая при этом «минимальное сдерживание» в духе предложений ВМС 1957 г., а также радикальные идеи ядерного разоружения. При этом авторы доклада предлагали отказаться от модели контроля над вооружениями периода «холодной войны», на которой были построены договоры СНВ-1 и СНВ-2 с их жесткими нормами и сложной системой верификации. По мнению неоконсервативных кругов, США должны при сокращениях СЯС сохранять свободу рук, не связывая себя строгими рамками взаимных обязательств с Россией.

Именно такую позицию занял новый президент, о чем он публично объявил, выступая в Университете национальной обороны 1 мая 2001 г. Буш-мл. отметил, что ядерное оружие продолжает играть жизненно важную роль в обеспечении безопасности США и их союзников. При этом Соединенные Штаты «могут и будут сокращать размер, состав и характер своих ядерных сил

⁴⁸⁴ Rationale and Requirements for U.S. Nuclear Forces and Arms Control. Vol. 1, Executive Report. / National Institute for Public Policy. January 2001. URL: <http://www.bits.de/NRANEU/docs/nipp0101.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁸⁵ К. Пейн в качестве эксперта участвовал в разработке доктринальных документов администрации Дж. Буша в 1990-1992 гг. В администрации Дж. Буша-мл. занимал должность заместителя помощника министра обороны, один из основных авторов «Обзора ядерной политики» 2001 года. В 2017-начале 2018 гг. – один из ключевых разработчиков «Обзора ядерной политики» администрации Д. Трампа. Другие авторы доклада также получили назначения в администрации: С. Хэдли стал сначала заместителем помощника президента по национальной безопасности, а затем (после назначения К.Райс государственным секретарем) и помощником.

в направлении отражающем реалии периода после окончания «холодной войны»⁴⁸⁶. Целью этих сокращений должно быть обеспечение убедительного ядерного сдерживания на уровне, минимально необходимом для обеспечения безопасности США и выполнения обязательств перед союзниками. Президент отметил, что стремится к скорейшему сокращению ЯО, чтобы США стали примером для остальных ядерных держав, включая Россию, с которой США связывают общие угрозы безопасности. Одновременно президент заявил о необходимости заменить Договор по ПРО «чем-то новым» – очень расплывчатая формулировка.

Такая уверенная готовность к сокращениям СЯС, даже в одностороннем порядке, была обусловлена разработкой нового подхода к сдерживанию на основе «новой триады», в которой неядерные ударные средства возьмут на себя часть задач СЯС. Отражением такого подхода был перевод части носителей ЯО из состава «старой триады» в новую категорию «неядерных обычных ударных сил». Хотя внешне это выглядело как реализация концепции «новой триады», в действительности речь шла о выполнении решений, принятых еще администрацией Клинтона в рамках «Обзора ядерной политики» 1994 г.

Планами администрации Клинтона предполагалось вывести первые четыре ПЛ типа «Огайо» из состава СЯС с тем, чтобы уложиться в договорные ограничения СНВ-2, но переоборудовать их в носители КРМБ и специального оборудования для доставки боевых пловцов. Также в соответствии с решениями администрации Клинтона из состава СЯС были выведены все В-1В и часть бомбардировщиков В-52Н и В-2А с переоснащением их обычными средствами поражения. Еще одним положением «Обзора ядерной политики» 1994 г., реализацию которого осуществляла администрация Буша-мл., было снятие с вооружения МБР «Пискипер».

Направив публично руководству России «послание» о возможных сокращениях СЯС, Буш-мл. вместе с тем не выразил готовности вступить в

⁴⁸⁶ Remarks by the President to Students and Faculty at National Defense University. Fort McNair. May 1, 2001 // Weekly Compilation of Presidential Documents. - 2001 - Vol.37. – No.18. - P. 685-688.

формальные переговоры, считая их пережитком «холодной войны». Более того, администрация не проявляла заинтересованности во вступлении в силу выгодного для США Договора СНВ-2, чего так добивались ее предшественники. Вступление Договора в силу было невозможно без повторного рассмотрения этого вопроса Сенатом США, давшего «совет и согласие» 26 января 1996 г., т.е. до заключения пакета дополнительных соглашений 1997 г. Но ни Клинтон в последний год пребывания у власти, ни Буш-мл. не поднимали этот вопрос. Окончательно судьбу договора СНВ-2 решил выход США из договора по ПРО. Согласно заявлению МИД России: «Российская Федерация отмечает отсутствие каких либо предпосылок для вступления в силу Договора СНВ-2 и не считает себя более связанной предусмотренным международным правом обязательством воздерживаться от действий, которые могли бы лишить этот Договор объекта и цели».⁴⁸⁷

Вместо этого на основе нового подхода администрации Буша-мл. был выработан Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП), подписанный в Москве 24 мая 2002 г.⁴⁸⁸ в качестве символа новых партнерских отношений США и России в рамках «глобальной войны с террором». Договор полностью соответствовал приведенным выше рекомендациям неоконсервативных теоретиков и расчетам американских стратегов, вычисливших, что уровня в 1700-2200 зарядов будет достаточно, чтобы при необходимости одержать победу над Россией. Хотя прямое столкновение между двумя странами считалось тогда маловероятным, учитывалось, что Россия имеет примерно равные с США возможности в сфере СЯС.

При этом договор оставлял для США практически полную свободу рук. В тексте статьи I Договора СНП речь идет о сокращении «стратегических ядерных боезарядов» без уточнения их типа, но с отсылкой к заявлению Буша-

⁴⁸⁷ В МИД РФ отмечают «отсутствие каких-либо предпосылок» для вступления в силу Договора СНВ-2 // РИА Новости. - 14 июня 2002. URL: <http://ria.ru/politics/20020614/174212.html> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁸⁸ Договор между Российской Федерацией и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Подписан в Москве 24 мая 2002 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sort.htm> (дата обращения: 22.03.2019).

мл. на совместной пресс-конференции 13 ноября 2001 г. Тогда президент назвал заряды «оперативно развернутыми» (operationally deployed)⁴⁸⁹, но ни на пресс-конференции, ни в тексте Договора СНП, ни в каком другом совместном российском документе содержание этого понятия никак не раскрывалось. Участники Договора также согласились, что «каждая из Сторон сама определяет состав и структуру своих стратегических наступательных вооружений, исходя из установленного суммарного предела для количества таких боезарядов»⁴⁹⁰. Никаких правил подсчета и механизмов проверки выполнения Договор не устанавливал.

Договором СНП не прекращалось действие соглашения СНВ-1, в результате чего в течение семи лет для СЯС сторон действовали разные правила и процедуры, установленные двумя договорами⁴⁹¹. США приобрели право на «возвратный потенциал» за счет сохранения на складах около 3000 боезарядов, снимаемых с носителей при реализации Договора, что позволяло, при необходимости, легально иметь почти двойное превосходство над Россией, вынужденной свои носители ликвидировать не столько в силу договорных ограничений, сколько в силу естественных причин. Наличие такого «резерва» (Responsive Force) ядерных боеприпасов и «разгруженных» носителей администрация Буша-мл. объясняла возможностью возникновения «непредвиденных обстоятельств»⁴⁹². При этом основную его часть составляли боеприпасы, не требующие длительного времени для возвращения в готовность к применению.

Администрацией Дж. Буша-мл. были заложены основы современных программ модернизации «ядерной триады», которые будут определять облик

⁴⁸⁹ The President's News Conference with President Vladimir Putin of Russia. November 13, 2001 // Weekly Compilation of Presidential Documents. - 2001. – Vol. 37. – No. 46. - P. 1652.

⁴⁹⁰ Договор между Российской Федерацией и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Статья I. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sort.htm> (дата обращения: 22.03.2019).

⁴⁹¹ Так, выводимые из состава СЯС США четыре ПЛ типа «Огайо», переоборудуемые в носители КРМБ, 50 МБР «Пискипер» и все бомбардировщики В-1В подлежали засчету по Договору СНВ-1, но их оснащение не учитывалось по Договору СНП. Носители сокращаемых зарядов по Договору СНВ-1 подлежали уничтожению, по ДСНП – нет.

⁴⁹² Nuclear Posture Review. December 2001. URL: <https://assets.documentcloud.org/documents/3109636/2001-Nuclear-Posture-Review.pdf> (дата обращения: 22.03.2019).

СЯС США на протяжении большей части XXI в. Исследования по определению облика новой МБР, которая должна заменить «Минитмен III», начались в 2002 г. Первый этап аналитического исследования возможных альтернатив проекта «Системы оружия наземного базирования для стратегического сдерживания» (Land Based Strategic Deterrent, позднее переименована в Ground Based Strategic Deterrent) был завершен в сентябре 2005 г.⁴⁹³, однако после уточнения планов строительства СЯС в 2006 г. исследования были продолжены, и в итоге ВВС выдали первый запрос на предложения от промышленности только в июле 2016 г., т.е. в последний год полномочий Б. Обамы.

Меньше сомнений было в отношении морского компонента СЯС. К 2027 г. должен был закончиться плановый срок службы у первой из оставшихся в составе СЯС ПЛ типа «Огайо» («Генри Джексон»), в 2040 г. – у последней («Луизиана»). На смену классу «Огайо» должны прийти ПЛ нового поколения, работы по формированию облика которых начались в 2007 г. Этому предшествовал обмен мнениями между президентом Бушем и премьер-министром Великобритании Т. Блэром о сотрудничестве в сфере МСЯС, обусловленный решением лейбористского правительства при формировании облика ядерных сил Великобритании сохранить существующую с 1960-х гг. схему: «английские ПЛ – американские БР – английские боеголовки».

В феврале 2007 г. министерством обороны были начаты первые исследования по программе «Система оружия морского базирования для стратегического сдерживания» (Sea-Based Strategic Deterrent, SBSD) с участием ОСК и ВМС. Первоначально рассматривались три варианта создания перспективной ПЛ: на базе находящейся в серийном производстве многоцелевой атомной подводной лодки типа «Вирджиния», проект специализированной ПЛ новой конструкции, дальнейшее совершенствование

⁴⁹³ Ground Based Strategic Deterrent. URL: <http://sts-llc.com/innovative/systems-engineering/nuclear-deterrence-icbm-competencies/ground-launched-nuclear-missile-history/ground-based-strategic-deterrent-gbsd-history/> (дата обращения: 22.03.2019)

«Огайо»⁴⁹⁴. Параллельно начал разрабатываться проект новой БР для вооружения перспективных ПЛ, в основу которого была положена ракета «Трайдент II». В начале 20008 г. были выработаны первые концептуальные документы, а летом того же года ВМС сформировали программный офис PMS-397 для руководства новым проектом, осуществление которого стало делом уже новой администрации.

Сложнее происходило формирование облика авиационного компонента СЯС. Сомнения и колебания были связаны не столько с требованиями замены остающихся в составе СЯС самолетов В-52Н и В-2А (средний срок эксплуатации первых достигал 55 лет), сколько с выдвижением радикальных предложений в русле «революции в военном деле», предусматривающих отказ от пилотируемых бомбардировщиков и возложение их функций на беспилотные летательные аппараты. Аргументами в пользу таких предложений были опыт локальных войн 1990-х гг., высокая стоимость пилотируемых самолетов и политические риски, связанные с их применением.

В «Четырехлетнем обзоре в области обороны», вышедшем в феврале 2006 г., указывалось, что модернизация авиационных средств должна повысить их ударную мощь на 50%, а способность нанесения ударов в глубине территории противника увеличится в пять раз к 2025 г.⁴⁹⁵ При этом более половины задач должна решать пилотируемая авиация, а на долю беспилотных средств будет приходиться до 45% их объема. Если позиция ВВС в то время предусматривала сохранение существующих самолетов в строю до 2037 г., рассчитывая, что к тому время «дозреют» такие новые технологии как гиперзвуковые крылатые ракеты, то министерство обороны в «Четырехлетнем обзоре» установило гораздо более сжатый срок – «бомбардировщик следующего поколения» (Next Generation Bomber, NGB), способный действовать в глубине территории противника должен был появиться уже к

⁴⁹⁴ Coté O. R. The future of the Trident force: enabling access in access-constrained environments/ MIT Security Studies Program. May 2002. URL: <https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a454536.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

⁴⁹⁵ Quadrennial Defense Review Report. February 6, 2006. - P. 46. URL: <http://archive.defense.gov/pubs/pdfs/QDR20060203.pdf> (дата обращения: 22.03.2019).

2018 г.⁴⁹⁶ Предлагалось также сократить парк самолетов В-52 до 56 машин и использовать высвободившиеся средства для модернизации.

Столь жесткие сроки создания – всего 10 лет – предполагали, что новый самолет не станет революционным прорывом, а будет использовать уже существующие технологии. В 2007-2008 гг. сформировались две кооперации, готовые вступить в борьбу за заказ – в одной объединились «Нортроп» (разработчик В-2) и «Грумман», в другой – «Боинг» (создатель В-52 и преемник разработчика В-1) и «Локхид». Однако министерство обороны отложило принятие решения на 2010 г., т.е. вопрос был передан на рассмотрение новой администрации.

Помимо модернизации средств доставки в рамках указанных выше программ, к числу приоритетов администрации Буша-мл. относилось и совершенствование самих ядерных боеприпасов, поскольку существующие их типы, созданные в период «холодной войны», не в полной мере соответствовали задачам «подогнанного сдерживания». Прежде всего это относилось боеприпасам, применяемым в операциях по силовому контрраспространению – разоружению противников США, что рассматривалось как одна из ключевых задач создаваемой «новой триады».

Логично выглядевшая в концептуальных документах 2002-2003 гг. идея «подогнанного сдерживания», решающего одновременно и задачи контрраспространения, еще не имела материального наполнения, а без соответствующего технического обеспечения она рисковала остаться на бумаге. Создание качественно новых ядерных боеприпасов, сочетающих высокую точность наведения и проникающую способность, должно было создать потенциал для нанесения контрсиловых и обезглавливающих ударов по подземным объектам (пусковым установкам ракет и командным пунктам) любых противников – от террористов до великих держав. При этом за счет развития средств для нижних ступеней «лестницы» эскалации - маломощного ЯО и дальнобойного ВТО – «гибкое реагирование» становилось все более

⁴⁹⁶ Ibid.

гибким. Технические возможности для этого начали создаваться в 1970-е гг. в рамках «стратегии компенсации», и до настоящего времени они продолжают развиваться и дополняться новыми решениями.

В первые годы XXI в. в распоряжении администрации Буша-мл. было всего два средства, способных решать задачи БГУ, т.е. поражать цели в течение 60 мин после отдания приказа. Это были имевшиеся в составе СЯС МБР и БРПЛ, которым требовалось от 30 до 40 мин для доставки боеприпаса в заданную точку. Однако вид этих боеприпасов – мощные термоядерные заряды, созданные на завершающем этапе «холодной войны» для нанесения контрсиловых ударов по объектам СССР⁴⁹⁷, – не отвечал требованию минимизировать «побочный ущерб» в ходе конфликта, целью которого была смена режима, а не уничтожение государства-противника.

Для приведения ядерного арсенала США в соответствие с политическими условиями применения, изложенными в «Обзоре» 2001 г., требовалось пополнить его новыми типами ЯО - малой мощности и повышенной точности наведения, в т.ч. «проникающими» для поражения высокозащищенных заглубленных объектов. Создание таких боеприпасов должно было сделать ядерное оружие США реально применимым средством для решения политических задач. ЯО нового типа предполагалось применять для нанесения превентивных ядерных ударов по защищенным хранилища ОМУ и «бункерам террористов», воздействие по которым неядерным средствами малоэффективно⁴⁹⁸.

В рамках начатых в тот период исследований речь шла не только о модернизации существующих конструкций ЯО, но и о принципиально новом оружии следующего поколения, так называемом «чистом термоядерном»

⁴⁹⁷ В то время в наземном и морском компонентах СЯС США использовались ядерные заряды четырех типов: W78 мощностью 335 кт на МБР «Минитмен III»; W87 мощностью 300 кт на МБР «Пискипер»; W76 мощностью 100 кт на БРПЛ «Трайидент I»; W88 мощностью 475 кт на БРПЛ «Трайидент II». См.: Gibson J. Nuclear Weapons of the United States: An Illustrated History. Atglen : Schiffer Publishing, 1996. P. 29-32, 38-42.

⁴⁹⁸ Report to Congress on the Defeat of Hard and Deeply Buried Targets. Submitted by the Secretary of Defense in Conjunction with the Secretary of Energy in Response to Section 1044 of the Floyd D. Spence National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2001, PL 106-398. July, 2001. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB372/docs/Underground-DeeplyBuried.pdf> (дата обращения: 22.03.2019)

оружии, применение которого не должно иметь негативных экологических и иных последствий. Отсюда, в том числе, происходило неприятие республиканской администрацией и большинством Конгресса подписанного Клинтоном ДВЗЯИ. Более того, при принятии закона о расходах на оборону на 2004 фин. г. в его текст была включена норма о сокращении сроков подготовки инфраструктуры к возможному возобновлению ядерных испытаний.

Несмотря на поддержку администрации и Конгресса программа создания «проникающих» ядерных боеприпасов для разрушения подземных объектов (Robust Nuclear Earth Penetrator, RNEP), столкнулась с препятствиями как технического, так и политического порядка. Техническая несостоятельность проекта создания боеприпаса, который должен был проникать на глубину до 300 м и не вызывать при этом радиоактивного заражения местности, выяснилась достаточно скоро, что привело к закрытию проекта. Вместо него в 2005 г. была начата программа разработки новых, более надежных ядерных боеприпасов для замены существующих (Reliable Replacement Warhead, RRW).

Программа RRW предполагала разработку для существующих боеприпасов новых компонентов, которые позволят без проведения натуральных ядерных испытаний повысить надежность и увеличить гарантийные сроки эксплуатации ЯО. В ее рамках рассматривалась также возможность снижения мощности существующих ядерных боеприпасов как альтернативы созданию «мини-ньюков». При рассмотрении проекта бюджета на 2006 фин. г. Конгресс увеличил финансирование более чем вдвое по сравнению с запросом администрации. Однако победа Демократической партии на выборах в Конгресс в ноябре 2006 г. перечеркнула первоначальные успехи сторонников программы RRW.

В этих условиях сторонники проекта предприняли политическое наступление. В июле 2007 г. министр обороны Р. Гейтс, министр энергетики С. Бодмэн и государственный секретарь К. Райс направили в Конгресс совместное заявление в поддержку проекта RRW, в котором отмечали его значение для обеспечения эффективного ядерного сдерживания и выполнения

обязательств перед союзниками США⁴⁹⁹. Демарш был повторен в следующем году с уменьшенным составом участников (без государственного секретаря), но с более развернутой аргументацией⁵⁰⁰. Успеха это наступление не принесло - финансирование программы RRW было исключено из бюджетов 2007 и 2008 фин. г.

Для Демократической партии вопрос стал принципиальным. Уже в ходе избирательной кампании ее кандидат Б. Обама определенно высказывался против создания новых образцов ЯО, а после его победы на выборах судьба проекта RRW была решена окончательно. Разработка «мини-нюклов» и каких-либо вариантов создания нового ЯО на замену существующему служили препятствием для ратификации ДВЗЯИ, включенной в перечень предвыборных обещаний Б. Обамы.

Для решения задач БГУ, помимо МБР и БРПЛ в распоряжении администрации Буша-мл. имелось еще два инструмента - стратегическая авиация и крылатые ракеты морского базирования. Они были лишены недостатка БР, т.к. могли иметь неядерное боевое оснащение, но имели два собственных – недостаточное время реагирования и уязвимость от средств ПВО противника. Бомбардировщики всех трех типов (B-52, B-1 и B-2), благодаря возможности дозаправки в воздухе, имеют глобальную дальность действия, но время их полета при старте с аэродромов на континентальной части США значительно превышает заданные 60 минут. Их заблаговременное развертывание на передовых ТВД или дежурство в воздухе не может остаться незамеченным, что дает противнику время на принятие ответных мер (маскировка, перебазирование и т.п.) и отражение нападения. Указанные недостатки в полной мере относились и к дозвуковым крылатым ракетам

⁴⁹⁹ National Security and Nuclear Weapons: Maintaining Deterrence in the 21st Century. A Statement by the Secretary of Energy, Secretary of Defense and Secretary of State. July 2007. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=477011> (дата обращения: 22.03.2019).

⁵⁰⁰ National Security and Nuclear Weapons in the 21st Century. A Statement by the Secretary of Energy and Secretary of Defense. September 2008. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/nuclearweaponspolicy.pdf> (дата обращения: 22.03.2019).

морского базирования «Томагавк», которые имели к тому же ограниченную дальность – до 3000 км.

В этих условиях единственным выходом в краткосрочном плане выглядело создание высокоточных обычных боевых частей для оснащения существующих МБР и БРПЛ, а на дальнейшую перспективу – разработка гиперзвуковых средств поражения⁵⁰¹. В этой связи ВМС США были начаты исследования по созданию нового боевого оснащения БРПЛ «Трайдент II», а ВВС – созданию аналогичного средства на базе МБР «Пискипер».

Работы по созданию сразу нескольких вариантов неядерного боевого оснащения для БРПЛ начались в 2002 г., а четыре года спустя они были консолидированы в рамках программы СТМ (Conventional Trident Modification). Первоначальными планами предусматривалось переоснащение двух ракет на каждой находящейся в строю ПЛ⁵⁰². При этом приходилось решать сразу несколько проблем.

Во-первых, выявились пространственные ограничения. Пришлось пересматривать районы боевой службы ПЛ с тем, чтобы лодки могли решать одновременно задачи и в интересах БГУ, и в соответствии с планами применения ядерных сил. Выяснилось, что такое совмещение возможно только для четырех ПЛ, поэтому максимально возможный залп в БГУ при использовании концепции СТМ не превышал 32 боеприпаса (восемь БРПЛ по четыре боеприпаса на каждой), что могло оказаться недостаточным. Во-вторых, создание обычных боеприпасов для БРПЛ столкнулось с серьезным сопротивлением Конгресса. При рассмотрении проектов военного бюджета на 2003 и 2004 фин. г. Конгресс отказывался выделять средства на новое боевое оснащение. На 2005 и 2006 фин. г. ВМС финансирования не запрашивали, в 2007 и 2008 фин. г. запросы вновь получили отказ, и тема была закрыта.

Главным недостатком программы, однако, были не ее военно-технические аспекты, а высокий дестабилизирующий потенциал. Очевидно, что

⁵⁰¹ Department of Defense. Report of the Defense Science Board Task Force on Future Strategic Strike Forces. February 2004. URL: <https://apps.dtic.mil/docs/citations/ADA421606f> (дата обращения: 22.03.2019)

⁵⁰² Из 14 ПЛ списочного состава две постоянно находятся на плановом ремонте и техническом обслуживании.

без заблаговременного уведомления России запуск даже одной или нескольких БРПЛ мог быть интерпретирован в Москве как нанесение ядерного удара, что в условиях международного кризиса могло привести к катастрофическим последствиям. В свою очередь уведомление лишало операцию внезапности.

Названные недостатки проекта СТМ в полной мере относились и к планам ВВС по созданию средства БГУ на базе снимаемых с вооружения МБР «Пискипер», которые предполагалось дополнить четвертой ступенью с гиперзвуковым маневрирующим боевым блоком (проект «Минотавр IV»). Существенные внешние отличия, а также предложения по разворачиванию ракет для БГУ вдали от позиционных районов МБР должны были смягчить угрозу неверной интерпретации, но с точки зрения стратегической стабильности возникала другая, не менее опасная проблема – при старте ракет с континентальной части США по целям в Иране и КНДР их траектории должны были проходить над территорией России и КНР соответственно, что также могло спровоцировать ядерный удар по США.

В результате создание средств БГУ на базе существующих МБР и БРПЛ было прекращено. Работы по созданию самих неядерных средств поражения продолжались, а решение проблемы средств доставки отложили на более поздние сроки. При этом выдвигались дополнительные требования - боевые части должны обладать не только гиперзвуковыми скоростями, но большой дальностью автономного полета, а также возможностью маневрирования на всей траектории, что должно не только увеличить точность наведения на цель, но и исключить необходимость пролета над территорией третьих стран.

Наибольшего успеха удалось добиться в рамках программы Сухопутных войск ANW (Advanced Hypersonic Weapon), предусматривающей создание гиперзвукового боевого блока для ракеты передового базирования на ТВД, т.е. фактически нарушающей Договор РСМД⁵⁰³. В силу этого первоначально данный проект рассматривался министерством обороны как подстраховочный,

⁵⁰³ Свидетельством тому служит использование при испытательных пусках в качестве носителя снятых с вооружения БРПЛ «Поларис» с дальностью 2700 км, при наземном размещении подпадающих под установленный Договором запрет.

но неудачи альтернативных проектов на фоне успешных пусков АНВ привели к пересмотру приоритетности программ БГУ, однако эти изменения произошли уже при администрации Б. Обамы.

Еще одной частью «наследства» в рамках БГУ, оставленного администрацией Дж. Буша-мл. преемникам, стали работы по гиперзвуковым прямоточным двигателям в интересах создания летательных аппаратов ударного назначения. Хотя работы по такому типу двигательных установок ведутся совместными усилиями промышленности, ВВС, ДАРПА и НАСА уже десятки лет, технологические трудности пока непреодолимы. При администрации Дж. Буша-мл. в 2005 г. была начат проект создания экспериментального летательного аппарата X-51 «WaveRider», головным разработчиком которого стала компания «Боинг», но первое летное испытание было проведено лишь в мае 2010 г., причем было расценено лишь как «частично успешное»⁵⁰⁴.

Таким образом, до конца своих полномочий администрация Буша-мл. так и не получила адекватных средств для БГУ. В этих условиях в решении задач контрраспространения администрация была вынуждена полагаться либо на применение существующих ядерных сил, что было неприемлемо, либо на использование политико-дипломатических инструментов в сочетании с экономическими санкциями.

Проблема горизонтального распространения в первые месяцы пребывания у власти администрации Буша-мл. отошла в тень. После 11 сентября 2001 г. приоритеты изменились. При этом проблема распространения ОМУ и средств его доставки стала рассматриваться не как самостоятельный фактор, а лишь в контексте террористической угрозы национальной безопасности США. Именно такую трактовку дал президент Буш-мл., выступая 1 июня 2002 г. в Вест-Пойнте, отметив, что «величайшая опасность лежит на пересечении радикализма и технологии. В результате

⁵⁰⁴ Seal Leak Slowed X-51 // Aviation Week and Space Technology. - July 26, 2010. URL: <https://aviationweek.com/awin/seal-leak-slowed-x-51> (дата обращения: 22.03.2019)

приобретения ОМУ и технологий баллистических ракет даже слабые государства и небольшие группы людей могут приобрести катастрофическую мощь для нанесения ударов по великим державам. Наши враги открыто декларируют такое стремление... и мы должны противостоять этому всей нашей мощью»⁵⁰⁵.

Следует отметить, что в документах 2002 г. упоминается распространение не ЯО, а ОМУ в целом, поскольку для администрации Буша-мл. важно было обосновать ближайшую цель – силовое разоружение Ирака, а предъявить какие-либо доказательства в стремлении С. Хусейна к обладанию ЯО в 2002 г. было невозможно. Гораздо легче было манипулировать обвинениями в наличии тайных программ создания химического и биологического оружия, о чем свидетельствует демонстрация К. Пауэллом пробирки с белым порошком в ООН накануне начала второй войны в Персидском заливе.

Методы упомянутого президентом в Вест-Пойнте «противостояния» данной угрозе были в общем виде обозначены в «Стратегии национальной безопасности» утвержденной в сентябре 2002 г. Во-первых, это проведение «активных мероприятий по контрраспространению» (proactive counterproliferation efforts) до того, как появится угроза. Составной частью этих мероприятий должны быть контрсиловые действия (counterforce capabilities), которые в совокупности с активной (ПРО) и пассивной обороной позволят США одержать верх в любом конфликте с противниками, обладающими ОМУ. Во-вторых, усиление мероприятий по «нераспространению» (nonproliferation efforts), включая дипломатические усилия в сфере контроля над вооружениями, повышение эффективности экспортного контроля в многосторонних форматах⁵⁰⁶. Отмечалось также необходимость координации усилий по контрраспространению с союзниками и партнерами США, в том числе в формате «восьмерки».

⁵⁰⁵ Commencement Address at the United States Military Academy in West Point, New York. June 1, 2002 // Weekly Compilation of Presidential Documents. - 2002. - Vol. 38. - No. 23. - P. 946.

⁵⁰⁶ The National Security Strategy of the United States of America. September 2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nssall.html> (дата обращения: 22.03.2019).

Как и в случае со сдерживанием, общее направление действий в сфере контрраспространения уточнялось в закрытых документах. Судя по просочившимся в СМИ сведениям, в сентябре 2002 г. президент Буш-мл. утвердил директиву № 17 «Национальная стратегия борьбы с оружием массового уничтожения» (NSPD-17)⁵⁰⁷. Открытый вариант стратегии под тем же названием был опубликован в декабре 2002 г.⁵⁰⁸ Но и в открытом варианте, где, судя по всему, были смягчены формулировки, речь шла о применении в превентивном порядке «всех иных средств» в случае угрозы применения ОМУ противниками США. «Все иные» средства, очевидно, включали и ЯО.

Принципиальным отличием политики контрраспространения администрации Дж. Буша-мл. от всех предшествующих было изменение объекта воздействия. До этого в документах администраций (включая Клинтона) речь шла о борьбе с самим оружием и средствами его доставки. Буш-мл. в своей «Стратегии борьбы с ОМУ» объявил, что целью является не оружие, а те, кто стремится к его созданию, т.е. речь шла о смене режимов в назначенных государствах. Определив состав «оси зла» в послании президента Конгрессу в январе 2002 г.⁵⁰⁹, администрация Буша-мл. приступила к реализации сформулированной программы силового разоружения и смены режимов в трех странах, имеющих важное значение для балансов сил в ключевых для интересов США регионах.

Первым объектом стал Ирак как самый слабый в составе «оси», судьба которого должна была убедить остальных участников в необходимости сдаться без борьбы (в Вашингтоне отдавали отчет в том, что Иран и КНДР – гораздо более сложный противник, чем ослабленный режим С. Хусейна). Достаточно быстро сменив режим в Афганистане, США с середины 2002 г. начали

⁵⁰⁷ National Security Presidential Directive 17 (NSPD-17). The National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. September 14, 2002. Документ не опубликован. Номер, название и дата утверждения приведены по: National Security Presidential Directives [NSPD]. George W. Bush Administration. URL: <https://fas.org/irp/offdocs/nspd/index.html> (дата обращения: 22.03.2019).

⁵⁰⁸ The National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. December 10, 2002. URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-wmd.pdf> (дата обращения: 22.03.2019).

⁵⁰⁹ Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29 2002 // Weekly Compilation of Presidential Documents. - 2002. - Vol.38. - No. 5. – P. 133-139.

политическое наступление на Багдад, требуя согласия на возвращение в Ирак инспекторов ООН. Несмотря на то, что в ноябре 2002 г. С. Хусейн согласился с этим требованием, политическая кампания Вашингтона, обвинявшего Ирак в тайном создании арсенала ОМУ и поддержке терроризма только усилилась.

Очевидно, что за развитием этих событий внимательно следили и в Тегеране, и в Пхеньяне. При этом позиции государств сильно различались. КНДР, имевшая более продвинутую ракетно-ядерную программу, избрала стратегию контрнаступления; Иран, чьи успехи были скромнее, а политическая власть – менее однородной, был склонен к уступкам. Линия, избранная администрацией Буша-мл. в отношении КНДР, также была более жесткой чем в отношении Ирана, поскольку в 2002-2004 гг. Вашингтон нуждался в поддержке Тегерана для стабилизации обстановки в Афганистане, а затем также и в Ираке.

5 февраля 2003 г. государственный секретарь К. Пауэлл продемонстрировал в ООН пробирку с белым порошком, называя это доказательством существования в Ираке биологического оружия. 20 марта начались боевые действия. Через три недели режим С. Хусейна пал. Хотя последующие события показали, что это было не концом войны, а началом не планировавшегося процесса, в апреле-мае 2003 г. в Вашингтоне казалось, что политика Буша-мл. увенчалась успехом. Соответствующие выводы, видимо были сделаны и в Тегеране, по крайней мере частью иранского руководства.

Дело в том, что за месяц до начала войны в Ираке – 21 февраля 2003 г. – инспекторы МАГАТЭ обнаружили на иранском объекте в Натанзе оборудование для обогащения урана (частично смонтированное, частично – в разобранном состоянии) и незадекларированный ядерный материал⁵¹⁰. Это было более серьезным *casus belli*, чем пробирка с белым порошком или неосторожные заявления северокорейских дипломатов. В этих условиях появляется политическая инициатива, известная как «иранский проект большой сделки».

⁵¹⁰ Первую информацию о «подозрительных» об объектах представила США и МАГАТЭ иранская эмиграция.

Внешняя канва событий хорошо известна из публикаций СМИ, первые из которых появились уже несколько месяцев спустя. 4 мая 2003 г. на факсимильный аппарат государственного департамента пришел анонимный текст из Швейцарии в котором излагались условия «большой сделки», включающей политические условия возобновления экономического сотрудничества, включая снятие озабоченностей США и обеспечение транспарентности иранской ядерной программы. Текст, озаглавленный «Дорожная карта», сопровождало письмо посла Швейцарии в Иране Т. Гульдманна, в котором утверждалось, что прилагаемое имеет официальное происхождение и его содержание одобрено высшим иранским руководством.

Более 10 лет спустя, 24 ноября 2013 г., существование этого текста было впервые признано официальным представителем США - государственным секретарем Дж. Керри⁵¹¹. В интервью ABC Керри упрекнул администрацию Буша-мл. в игнорировании такой возможности для начала диалога⁵¹². Но в реальных условиях мая 2003 г. на волне кажущегося успеха в Ираке администрации Буша-мл. были нужны не уступки, а капитуляция противника. О том, что этого можно добиться, свидетельствовал пример М. Каддафи, сделавшего свои выводы из операции «Свобода для Ирака». 19 декабря 2003 г. ливийский лидер объявил, что прекращает тайную деятельность по созданию ОМУ и начинает широкое сотрудничество с МАГАТЭ.

Иллюзия быстрого успеха в Ираке к тому времени развеялась, а предъявить серьезные обвинения Ирану не удавалось. Подготовленный в ноябре 2003 г. доклад МАГАТЭ, не содержал прямых доказательств нарушения Ираном режима нераспространения ЯО, поскольку обнаруженное оборудование по обогащению урана не функционировало. Тегеран согласился к установленному сроку (31 октября) прекратить работы по обогащению урана и

⁵¹¹ Kerry's claim that Iran offered Bush a nuclear deal in 2003 // Washington Post. - December 9, 2013. URL: https://www.washingtonpost.com/news/fact-checker/wp/2013/12/09/kerrys-claim-that-iran-offered-bush-a-nuclear-deal-in-2003/?utm_term=.360aabb147c (дата обращения: 22.03.2019)

⁵¹² Интервью было дано во время работы над «ядерной сделкой» с Ираном, завершившейся в 2015 г. Керри было выгодно показать готовность демократической администрации решать проблему, с которой не справились предшественники. Кроме того, существовал и личный мотив – Керри проиграл Бушу-мл. президентские выборы 2004 года.

задекларировать весь ядерный материал. К тому же был далек от завершения кризис вокруг ядерной проблемы Корейского полуострова, а идти на эскалацию сразу двух конфликтов в год президентских выборов администрация не рискнула. США уступили инициативу многосторонним форматам.

На иранском направлении ведущую роль начала играть европейская «тройка» в составе Франции, Германии и Великобритании. Деятельность европейской «тройки» на иранском направлении привела к заключению т.н. «Парижского соглашения» от 14 ноября 2003 г., согласно которому Тегеран согласился прекратить всю деятельность, связанную с обогащением урана. С учетом этого Совет управляющих МАГАТЭ принял решение не передавать «иранское досье» в Совет Безопасности ООН.

Такое смягчение позиций, очевидно, было связано с приближением президентских выборов. Переизбрание Дж. Буша-мл., однако привело к тому, что стороны не только вернулись на исходные позиции, но и ужесточили свой подход. В инаугурационной речи 20 января 2005 г. Буш-мл. недвусмысленно назвал целью политики США смену режимов в государствах, находящихся под властью «тирании»⁵¹³. При этом, видимо, с учетом уроков 2003-2004 гг., президент угрожал режимам не интервенциями, а «цветными революциями». Обратившись к народам этих стран, он заявил, что США будут вместе с ними, когда они поднимутся на борьбу. Одновременно он обратился к «демократическим реформаторам», заявив, что Вашингтон видит в них будущих лидеров «свободных стран».

В ответ 8 августа 2005 г. на предприятии в Исфахане началось производство гексафторида урана – продукта, необходимого для обогащения урана газодиффузионным способом. В свою очередь европейская «тройка» заявила о прекращении переговоров с Тегераном, а МАГАТЭ обвинило Иран в нарушении соглашения о гарантиях. 4 февраля 2006 г. Совет управляющих МАГАТЭ на чрезвычайной сессии проголосовал за передачу «иранского досье» в

⁵¹³ Inaugural Address. January 20, 2005 // Weekly Compilation of Presidential Documents. - 2005. – Vol. 41, - No. 3 - P. 75.

Совет Безопасности ООН. В Вашингтоне это расценили как дипломатическую победу США и ЕС.

Применительно к этому времени можно говорить о смещении акцентов в политике контрраспространения США. Если в 2002 г. на первом месте в ряду средств противодействия распространению находилось силовое разоружение противников США, то в 2006 г. приоритет отдавался уже политико-правовым механизмам, в том числе с участием ЕС, России и Китая. Среди причин такого смещения акцентов можно указать уроки «разоружения Ирака» - принуждение к разоружению силой и в случае с Ираном, и с КНДР означало крупномасштабный конфликт, к которому США не были готовы. Играли роль и кадровые изменения в администрации во втором сроке полномочий Дж. Буша-мл.

Отражением такого смещения акцентов стал посвященный проблемам распространения раздел «Стратегии национальной безопасности», утвержденной президентом Бушем-мл. 16 марта 2006 г. По сравнению с аналогичным документом 2002 г. трактовка проблемы распространения была шире – это уже не часть проблемы терроризма, а самостоятельная угроза национальной безопасности США, связанная в том числе с перспективой радикального изменения региональных балансов сил⁵¹⁴.

В «Стратегии» 2006 г. отмечалось, что «Распространение ядерного оружия представляет величайшую угрозу нашей национальной безопасности. ЯО уникально по своим способностям мгновенно вызывать многочисленные жертвы. По этой причине ЯО привлекает особое внимание государств-изгоев и террористов. Лучший способ блокировать стремление пороговых государств и террористов к обладанию ЯО – лишить их доступа к необходимым материалам»⁵¹⁵.

При этом речь шла уже не о всех видах ОМУ, а конкретно о ядерном оружии. Такое смещение фокуса можно объяснить тем, что в отличие от

⁵¹⁴ The National Security Strategy of the United States of America. March 2006. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/> (дата обращения: 22.03.2019).

⁵¹⁵ Ibid. P. 19-20.

С. Хусейна в 2002 г., Иран и КНДР в середине первого десятилетия XXI в. обладали полноценными атомными проектами, которые при желании можно было трактовать как стремление к обладанию ЯО. При этом главный вызов, по мнению администрации Буша-мл., исходил от Ирана, который «в течение почти 20 лет скрывает основную часть своих усилий в ядерной сфере... отказывается от переговоров и нарушает свои международные обязательства, препятствуя доступу МАГАТЭ на ядерные объекты»⁵¹⁶. В качестве средства противодействия «Стратегия» называла объединение усилий США, ЕС и России с тем, чтобы путем дипломатического давления на Иран вынудить его вернуться к выполнению своих обязательств и гарантировать мирную направленность своей ядерной программы. Для того, чтобы дипломатические усилия принесли успех, необходимо было избежать конфронтации⁵¹⁷.

Такой подход позволил расширить переговорный формат по иранской проблеме. 6 июня 2006 г. была образована группа P5+1, состоявшая из постоянных членов Совета Безопасности ООН и Германии. В качестве первого шага группа предложила Ирану проект рамочного соглашения, предусматривающего бессрочный отказ от программы обогащения урана. В поддержку этой инициативы была принята резолюция Совета Безопасности ООН № 1696 от 31 июля 2006 г.⁵¹⁸ Хотя Иран отверг это предложение, Тегеран отметил, что инициатива содержит элементы, которые могут стать основой будущих переговоров.

Ситуация на Корейском полуострове в 2003-2006 гг. менялась в противоположном направлении. Пытаясь одновременно решить две крупные проблемы в сфере распространения, администрация Дж.Буша-мл. использовала два подхода, «кнут» и «пряник», чередуя их в противофазе – конфронтация на одном направлении сочеталась с мягкостью политики на другом, затем подходы

⁵¹⁶ Ibid. P. 20.

⁵¹⁷ Ibid.

⁵¹⁸ Резолюция 1696 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5500-м заседании 31 июля 2006 года. П.4. URL: https://www.iaea.org/sites/default/files/unsc_res1696-2006_rus.pdf (дата обращения: 22.03.2019)

менялись местами. Это чередование продолжили и преемники Буша-мл. – Обама и Трамп.

Позиция республиканцев в отношении ядерной программы КНДР определилась еще в 1990-е гг. в рамках критики политики администрации Клинтона по «вовлечению» КНДР. После прихода к власти Буша-мл. на смену «вовлечению» пришел курс на смену режима в Пхеньяне, а ракетно-ядерная программа страны стала поводом для усиления политического и экономического давления. Обнародованные в июне 2001 г. условия снятия экономических санкций включали сокращение вооруженных сил до уровня, не представляющего угрозу для Южной Кореи, «улучшение выполнения» Рамочного соглашения 1994 г., согласия на международный контроль в сфере экспорта ракетных технологий⁵¹⁹. В качестве дополнительного аргумента администрация перестала выполнять обязательства США по Рамочному соглашению, прекратив поставки мазута в КНДР.

Попытка дипломатического урегулирования на встрече делегаций двух стран в октябре 2002 г. привела к обратному результату. Воспользовавшись признанием представителей КНДР в существовании «программы по обогащению урана», США объявили себя свободными от обязательств по Рамочному соглашению, поскольку такое заявление Пхеньяна противоречило его условиям⁵²⁰. В ответ 10 января 2003 г. КНДР официально заявила о выходе из ДНЯО, приостановке сотрудничества с МАГАТЭ и прекращении действия Декларации о денуклеаризации Корейского полуострова 1992 г. Немедленной эскалации конфликта не произошло, т.к. США в тот момент вели приготовления к войне с Ираком.

Первая попытка решить ядерную проблему Корейского полуострова в многостороннем формате также оказалась неудачной. Предложенные Пекином в апреле 2003 г. переговоры с участием КНДР, Китая и США не принесли результатов. В этой связи было поддержано российское предложение о

⁵¹⁹ Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли Вл.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. - М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. - С. 429.

⁵²⁰ Там же.

переходе в шестисторонний формат с участием КНДР, Китая, России, США, Японии и Южной Кореи. С августа 2003 г. по июнь 2004 г. состоялось три раунда переговоров в шестистороннем формате, в ходе которых КНДР и США несколько сблизили свои позиции. Первые требования США предусматривали безусловную ликвидацию северокорейской ядерной программы. Лишь после того, как это будет подтверждено международными инспекторами могло начаться обсуждение вопросов экономического сотрудничества. КНДР отвергла такие условия, поскольку опасалась, что после ее ядерного разоружения Вашингтон начнет активно вмешиваться во внутренние дела КНДР вплоть до смены режима в стране. Как показали события в Ливии в 2011 г., подобные опасения были небезосновательны. К третьему раунду (23-26 июня 2004 г.) позиция США несколько смягчилась – КНДР должна была заморозить свою ядерную программу, после этого страна могла получить экономическую помощь и гарантии безопасности, а в перспективе – и нормализацию отношений.

После переизбрания Буша-мл. на второй срок и его жестких заявлений в отношении «пролиферантов», МИД КНДР 10 февраля 2005 г. официально заявило о наличии в стране ядерного оружия, одновременно подчеркнув, что ее политика носит сугубо оборонительный характер, а ЯО решают задачи сдерживания. После этого власти КНДР приняли решение выйти из шестисторонних переговоров. Усилиями дипломатии Китая, не заинтересованного в эскалации кризиса, удалось снова привлечь КНДР к переговорам в шестистороннем формате. В итоге 13-19 сентября 2005 г. прошел четвертый раунд переговоров, который завершился подписанием Совместного заявления, основными положениями которого стали: отказ КНДР от продолжения ядерной программы и намерение вернуться в ДНЯО и соглашение о гарантиях с МАГАТЭ; заявление США об отсутствии американского ЯО на территории Южной Кореи; подтверждение обещания КЕДО поставить в КНДР

легководный реактор; поэтапный принцип решения ядерной проблемы Корейского полуострова.⁵²¹

Летом 2006 г. в отношении КНДР использовался «кнут». 1 июня был окончательно закрыт проект KEDO, что означало отказ в поставке легководных реакторов, обещавшихся с 1994 г. С точки зрения КНДР это было явным нарушением Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. В ответ в Пхеньяне избрали путь конфронтации.

4 июля 2006 г. (в день национального праздника США) было проведено испытание ракеты «Тэпходон», оказавшееся, правда, неудачным. 15 июля 2006 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1695, в которой содержался призыв к Пхеньяну отказаться от проведения ракетных испытаний и вернуться к шестисторонним переговорам⁵²². В ответ 9 октября 2006 г. КНДР провела первое ядерное испытание, которое продемонстрировало провал политики контрраспространения администрации Буша-мл. Это вынудило Вашингтон изменить приоритетность инструментов на корейском направлении.

При поддержке дипломатии КНР, не заинтересованной в конфронтации, удалось возобновить шестисторонние переговоры. В результате подписанного 13 февраля 2007 г. соглашения Пхеньян согласился остановить реактор в Йонбене в обмен на возобновление поставок мазута. План дальнейших шагов по денуклеаризации КНДР был принят 3 октября 2007 г. В результате ядерная программа замораживалась в обмен на возобновление поставок топлива.

Но, видимо, с точки зрения Пхеньяна поставки мазута не могли быть достаточной платой за отказ от ядерного статуса, реально подтвержденного испытанием в октябре 2006 г. Власти КНДР, учитывая приближение выборов в США, вновь решили «поднять ставки». 26 августа 2008 г. были приостановлены работы по демонтажу ядерных объектов в Йонбене, а 8 октября инспекторам

⁵²¹ Joint Statement of the Fourth Round of the Six-Party Talks. 19 September 2005. URL: <http://www.state.gov/p/eap/regional/c15455.htm> (дата обращения: 22.03.2019).

⁵²² Резолюция 1695 (2006), принятая Советом Безопасности на его 5490-м заседании 15 июля 2006 года. URL: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/431/66/PDF/N0643166.pdf?OpenElement> (дата обращения: 22.03.2019).

МАГАТЭ было отказано в посещении объектов для контроля за выполнение решения о замораживании программы.

Подводя итог рассмотрению эволюции ядерной политики администрации Дж. Буша-мл., можно сделать следующие выводы.

После прихода к власти в январе 2001 г. администрации пришлось столкнуться в том числе с таким явлением как формирование «ядерной многополярности», признаками которой были ядерные испытания в Индии и Пакистане в 1998 г., создание БР большой дальности в КНДР и Иране. Данные события выглядели как вступление в «ядерный клуб» и приближение к его порогу государств с иной стратегической культурой, не прошедших через «школу кризисов» периода «холодной войны», что могло существенно повлиять на отношения в регионах и воздействовать на всю систему стратегической стабильности.

Становление «ядерной многополярности» было лишь одним из измерений в формировании нового стратегического ландшафта в XXI в. Новые тенденции развивались также в технологической сфере, что находило отражение в ядерной политике администрации Буша-мл. В 2002 г. в документах появилось понятие «новой триады» отражавшее размывание нескольких граней – между ядерным оружием и обычным, между наступательными средствами и обороной, между стратегическим и тактическим ЯО.

В рамках данной тенденции развивалась концепция БГУ, заняла свое место среди средств, обеспечивающих эскалационное доминирование США, в качестве связующего звена между ядерным и обычными силами. Потенциал БГУ снижает необходимость применения ЯО в региональных конфликтах, в случаях, когда обычные вооружения не могут справиться с поставленными задачами. Особую роль средства БГУ были призваны играть на начальной стадии конфликта, поражая ограниченное количество ключевых целей противника, что должно обеспечить необходимый временной интервал для развертывания и сосредоточения основных сил.

При реализации «Стратегии борьбы с ОМУ» администрация Буша-мл. столкнулась с противоречием между поставленными целями и имеющимися средствами. Возможности силового решения проблемы контрраспространения и принуждения КНДР и Ирана к отказу от ядерных программ были переоценены, а политико-дипломатические меры оказались неадекватными.

Результаты политики контрраспространения к концу второго президентского срока Дж. Буша-мл. состояли в формальной ликвидации двух несуществующих программ в Ираке и Ливии, провале на корейском направлении, выразившемся в открытом вступлении КНДР в «ядерный клуб» и тупике вокруг ядерной программы Ирана. Это существенным образом повлияло на расстановку приоритетов ядерной политики следующей администрации.

Глава 3. Ядерная политика администрации Б. Обамы: преемственность и различия

3.1. Попытка радикального реформирования ядерной политики: проект «Глобального ноля»

Б. Обама в ходе избирательной кампании и в первые месяцы пребывания у власти поставил на первое место в ядерной политике проблемы противодействия распространению ЯО. В ходе кампании 2008 г. кандидат в президенты Обама, умело используя неудачи предшественника, обещал избирателям «новую эру». Однако, получив президентские полномочия, Обама столкнулся с тем, что его возможности начинать «новую эру» ограничены. Прежде всего, это касалось сферы военной политики, где ему досталась в наследство две незавершенные крупные военные кампании. Просто свернуть «глобальную войну с террором» и уйти из Ирака и Афганистана было невозможно. Одним из символов ограниченности свободы действий нового президента было решение оставить на посту министра обороны Р. Гейтса, который должен был завершить начатое республиканской администрацией.

В то же время существовала область, где у президента было пространство для политического маневра, возможность отчетливо противопоставить себя предшественнику. Эта была сфера ядерной политики, где Обама сделал решительный шаг менее чем через три месяца после вступления в должность.

В этой сфере наследство Буша-мл. было противоречивым. С одной стороны, «подогнанное сдерживание» различных противников США как инструмент было вполне применимо и к задачам внешней политики новой администрации. Не случайно весь первый президентский срок Обама сохранял действие директивы Буша-мл. NSPD-14, которая была заменена только в июне 2013 г. В сфере контрсдерживания Обама внес коррективы в решения Буша-мл., но сохранил общий курс на создание системы ПРО с глобальными возможностями. Преемственностью и было и стремление к превосходству

США над противниками, но также в новой редакции. Обама в программной статье, опубликованной еще на пороге избирательной кампании, предложил собственное понимание превосходства США, выразив его термином «лидерство»⁵²³. Такой подход учитывал реалии нового, полицентричного мира и противопоставлялся одиозным «гегемонии» и «однополярности» миропорядка, о которых говорили идеологи неоконсерватизма.

Такая замена была не просто сменой «бренда», а отражала полемику о содержании самой стратегии как реакцию на внешнеполитические неудачи предшествующей администрации. В этой связи в литературе тогда оживилась дискуссия о «внешнем балансиере» как возможном варианте позиционирования США в новом миропорядке⁵²⁴. Сторонники этой модели, прототип которой – политика Великобритании в Европе XIX в. – аргументировали как успешным опытом прошлого (почти сто лет отсутствия общеевропейской войны в 1815-1914 гг.), так и угрозой «имперского перенапряжения» для США⁵²⁵.

Противники утверждали, что любое отступление США будет использовано их соперниками для усиления своих позиций. При этом они резонно замечали, что у США нет исторического опыта проведения политики «баланса сил». Кроме того, критики «балансирования» выражали сомнения в том, что возвышение Китая будет носить мирный характер и указывали на другую историческую аналогию – вызов *Rex Britannica* со стороны Германской империи в первой половине XX в.⁵²⁶. Последний аргумент – сомнение в способности уравновесить растущий потенциал Китая – был достаточно важен в связи с провозглашенным администрацией Б. Обамы переносом «центра

⁵²³ Obama B. Renewing American leadership // *Foreign Affairs*. - 2007. - Vol.86. - No 4. – P. 2-16.

⁵²⁴ Mearsheimer J.J. The tragedy of great power politics. Updated edition. - NY : W.W. Norton & Company, 2014. – 561 p.

⁵²⁵ Gholz E., Press D.G., Sapolsky H.M. Come home America: The strategy of restraint in the face of face of temptation // *International Security*. - 1997. - Vol. 21. - No. 4. - P. 5–48; Posen B.R. Pull back: the case for a less activist foreign policy // *Foreign Affairs*. – 2013. - Vol. 92. - No. 1. - P. 105–16; Posen B.R. Restraint: a new foundation for U.S. Grand Strategy. - Ithaca : Cornell University Press, 2014. - 234 p.; Mearsheimer J.J., Walt S. The case for offshore balancing: a superior U.S. Grand Strategy // *Foreign Affairs*.- 2016. -Vol. 95. - No. 4. -P. 70–83; US Grand Strategy in the 21st century : The case for restraint / Ed. A.T. Thrall, B.H. Friedman. – NY : Routledge, 2018.- 276 p.

⁵²⁶ Brooks S.G., Ikenberry G.J., Wohlforth W.C. Don't come home America: The case against retrenchment // *International Security*. - 2013. -Vol. 37. - No. 3. - P. 7–51; Brooks S.G., Ikenberry G.J., Wohlforth W.C. Lean forward: in defense of American engagement // *Foreign Affairs*. – 2013. -Vol. 92. - No. 1. - P. 116–130; Brands H. Fools rush out? The flawed logic of offshore balancing // *The Washington Quarterly*. – 2015. -Vol. 38. - No. 2. - P. 7–28.

тяжести» стратегии в Азию. В итоге вместо «балансирования» администрация выбрала курс на обеспечение превосходства США, изменив риторику, чтобы контрастировать с предшественником.

Приоритеты, вытекавшие из представлений Обамы о задачах по обеспечению «лидерства» США в мире, начали отражаться в документах администрации лишь с конца 2011 г. Почти три года руки администрации Обамы были связаны доставшейся в наследство «глобальной войной с террором». Только в ноябре 2011 г. президент Б. Обама и государственный секретарь Х. Клинтон провозгласив официально объявили о новом приоритете, сформулированном как «перенос центра тяжести в Азию» (*rebalance to Asia*)⁵²⁷. По сути, это решение было не собственной разработкой администрации Обамы, а возвращением к тому курсу, который намечался администрацией Дж. Буша-мл. до 11 сентября 2001 г.

Одновременно администрация Обамы пыталась использовать события «арабской весны» для выстраивания ближневосточного сегмента нового миропорядка. Если администрация Буша-мл. намеревалась использовать победу над режимом С. Хусейна в Ираке как средство воздействия на оставшихся членов «оси зла», то для администрации Обамы аналогичную роль должна была сыграть операция по смене режима в Ливии. Судьба М. Каддафи должна была убедить остающихся у власти «тиранов» в бесперспективности сопротивления новому «миропорядку» и желательности добровольного ухода. Однако силовые возможности Вашингтона по управлению развитием ситуации сразу в двух крупных регионах («Большой Ближний Восток» и Северо-Восточная Азия) были ограничены.

Доктринальные документы вооруженных сил США, действовавшие в 2009 г. требовали от них от способности одновременно вести крупномасштабную операцию (*large-scale operation*) в одном регионе и

⁵²⁷ Remarks by President Obama to the Australian Parliament. Canberra, Australia. November 17, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament> (дата обращения: 24.03.2019); Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. - 2011. - № 189. - P. 56–63.

обеспечивать силовое сдерживание в другом⁵²⁸. Данная модель «двух войн» существовала с начала 1990-х гг., хотя в принципе работала и на протяжении всей «холодной войны, только в другом масштабе». Во время «холодной войны» двумя фронтами были Европа и Дальний Восток, для каждого содержалась собственная группировка и резервы, которые были не взаимозаменяемы. После окончания «холодной войны» такими «двумя регионами» считались, прежде всего, «Большой Ближний Восток» и Северо-Восточная Азия. Можно предположить, что ведение Соединенными Штатами в XXI в. крупных военных операций одновременно в Афганистане и Ираке было возможным только потому, что серьезных задач в сфере безопасности на европейском направлении в период между 1999 и 2014 годами у США не было⁵²⁹.

Обеспечивать желаемое превосходство в условиях новых вызовов со стороны поднимающихся центров силы администрации Обамы было сложнее, чем в первые годы XXI в. Добиться превосходства за счет наращивания собственных возможностей США, совершив рывок подобно президентам Кеннеди или Рейгану было нельзя. Администрация Обамы пришла к власти в условиях рецессии - самого глубокого кризиса после «Великой депрессии» 1929-1933гг. Хотя экономический кризис 2008-2009 гг. затронул не только США, но и их соперников, обеспечение превосходства в условиях ресурсных ограничений было непростой задачей. Решения, найденные новой администрацией, лежали в плоскости двух компонентов ядерного политики – распространения (в вертикальном измерении) и контрраспространения. Администрация выбрала оба решения, которые вместе служили одной цели.

Первое решение - обеспечение качественного превосходства США над соперниками. Это курс, окончательно кристаллизовавшийся в 2013 г., получил название «третья стратегия компенсации». Второе решение – если невозможно

⁵²⁸ Quadrennial Defense Review Report. February 2006. URL: <https://archive.defense.gov/pubs/pdfs/QDR20060203.pdf> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵²⁹ Поэтому в «глобальной войне с террором» вооруженные силы США позволили себе израсходовать практически все материальные ресурсы, выделенные для европейского направления.

радикально нарастить собственные возможности США, надо уменьшить возможности всех остальных участников. В основе предложенного Б. Обамой нового, радикального, подхода к ядерной политике лежало представление о многомерности мощи США и одномерных возможностях их противников. Это представление существовало задолго до Обамы и радикальная инициатива нового президента имела целый ряд предшественников, также исходивших из того, что «обнуление» ядерных потенциалов изменит общее соотношение сил в пользу США.

В качестве первой попытки в этом ряду следует назвать план международного контроля над атомной энергией 1946 г., предложенный администрацией Г. Трумэна. В соответствии с резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 1(1)⁵³⁰ в США в марте 1946 г. был подготовлен план международного контроля, известный под названием «доклад Ачесона-Лилянталя». Важную роль в его разработке сыграл один из руководителей Манхэттенского проекта Р. Оппенгеймер⁵³¹, а также В. Буш и Дж. Конант, продвигавшие эту концепцию с 1944 г. План предусматривал, в том числе создание специального международного органа - Администрации по развитию атомной энергии ООН.⁵³² Проект не получил поддержки ни СССР, ни Великобритании⁵³³. Таким образом, в деятельности Комиссии ООН возник тупик, просуществовавший до конца атомной монополии США.

Переписка в госдепартаменте в декабре 1949 г. – январе 1950 г. (документы Дж. Кеннана, ее преемника на посту директора политического

⁵³⁰ A/RES/1 (I) Учреждение Комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии. 24 января 1946 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/1%281%29> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵³¹ Memorandum by Dr. J. Robert Oppenheimer [February 2, 1946.] // Foreign Relations of the United States. 1946. Vol. I. General; the United Nations / Gen. Ed. S. E. Gleason. – Washington, DC : GPO, 1972. - P. 750.

⁵³² Report on the International Control of Atomic Energy. Prepared for the Secretary of State's Committee on Atomic Energy. March 16, 1946. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=446606> (дата обращения: 24.03.2019). Дин Ачесон вскоре стал государственным секретарем, а Дэвид Лилянталь в августе 1946 г. возглавил Комиссию по атомной энергии (бывший «Манхэттенский проект»).

⁵³³ Почти одновременно – в июле 1946 г. в США был принят Закон об атомной энергии («Закон Макмагона»), направленный на сохранение американской атомной монополии и запрещавший любой «обмен информацией с другими государствами в отношении использования атомной энергии в промышленных целях», что фактически прекращало сотрудничество даже с Великобританией и Канадой. Atomic Energy Act of 1946. Public Law 585, 79th Congress. URL: <https://www.osti.gov/atomicenergyact.pdf> (дата обращения: 24.03.2019)

планирования П. Нитце и заместителя госсекретаря Д. Раска)⁵³⁴ свидетельствуют о том, что предложение о возвращении в новых условиях к диалогу с СССР по проблеме международного контроля имело политическую поддержку. Кеннан исходил из того, что многомерность мощи США и одномерность этого фактора у его противника, имеющего в основе только жесткую силу (военный потенциал и идеологический контроль) позволит Соединенным Штатам достичь победы в «холодной войне» даже при отказе от обладания ядерным оружием. Хотя эта идея тогда не получила поддержку и Кеннан вскоре покинул госдепартамент, она возродилась после ликвидации второй, водородной, монополии США.

6 сентября 1953 г. государственный секретарь Дж. Ф. Даллес подготовил меморандум для президента Д. Эйзенхауэра. Содержавшиеся в нем предложения предусматривали, в том числе, широкую программу ограничения вооружений и установление международного контроля над ЯО и ракетным оружием (последняя тема появилась впервые)⁵³⁵. Даллес рассматривал эти меры как один из инструментов обеспечения интересов США, направленный на достижение конечной цели – победы в «холодной войне». Поэтому мероприятия в области контрраспространения увязывались с такими условиями как вывод советских войск из Восточной Европы (что скорее всего привело бы к падению существовавших режимов), открытие рынка СССР для «свободной торговли», включение Германии в западноевропейскую систему безопасности под эгидой США. При этом международный контроль над ЯО и средствами его доставки был одним из средств предотвращения превращения Германии в самостоятельный центр силы – задача, остававшаяся в повестке дня до середины 1970-х гг. (пока ФРГ не ратифицировала ДНЯО в 1975 г.)

⁵³⁴ Memorandum by the Deputy Under Secretary of State (Rusk) to the Counselor (Kennan). January 6, 1950 // Foreign Relations of the United States. 1950. Vol. I. National Security Affairs; Foreign Economic Policy / Gen. Ed. S.E. Gleason, F. Aandahl. – Washington, DC: GPO, 1977. - P. 8-9; Memorandum by the Director of the Policy Planning Staff (Nitze) to the Secretary of State. January 17, 1950. // Ibid. P. 13-17; Memorandum by the Counselor (Kennan). International Control of Atomic Energy. January 20, 1950. // Ibid. P. 22-44.

⁵³⁵ Memorandum by the Secretary of State. September 6, 1953. // Foreign Relations of the United States, 1952–1954. Volume II. National Security Affairs. Part 1 / Gen. Ed W.Z. Slany. – Washington, DC : GPO, 1984. - P. 457-460.

Президент в целом согласился предложениями государственного секретаря⁵³⁶, но в итоге «сухим остатком» большой программы контрраспространения, работа над которой велась всю осень 1953 г., стала речь Эйзенхауэра в ООН «Атомы для мира», после которой начался диалог с СССР, приведший к созданию МАГАТЭ. Первоначальный же замысел сформулированной в сентябре 1953 г. программы разделил судьбу «плана Ачесон-Либиенталя» – рациональная в целом идея международного контроля была «нагружена» такими политическими условиями, что он оказался неприемлем для партнера по переговорам.

Идея международного контроля над ракетным оружием, упомянутая в меморандуме Дж. Ф. Даллеса, возродилась в связи с началом освоения космического пространства. 10 января 1957 г. в своем ежегодном послании «О положении страны» президент Д. Эйзенхауэр перечислил целый ряд мер, направленных на прекращении гонки вооружений, в том числе установление взаимного контроля за разработкой спутников и ракет⁵³⁷. Не дожидаясь ответа советской стороны, Соединенные Штаты через три дня (14 января 1957 г.) направили свою инициативу в ООН. Она состояла из пяти пунктов, два из которых касались ракет и космоса, и предусматривали ограничение деятельности в космосе исключительно мирными и научными целями⁵³⁸. Поскольку часть траектории ракет стратегического назначения (МБР и БРСД) проходит за пределами атмосферы, требование об осуществлении пусков в космос исключительно в мирных целях автоматически означало введение прямого запрета на испытания боевых ракет данных классов, и косвенного – на их создание. Обнародованный 18 марта 1957 г. советский ответ на американскую инициативу содержал готовность пойти на запрещение военного использования не только МБР и БРСД, но и вообще управляемых ракет⁵³⁹.

⁵³⁶ Memorandum by the President to the Secretary of State. Denver, September 8, 1953. // Ibid. P. 460-463.

⁵³⁷ Annual Message to the Congress on the State of the Union. January 10, 1957 // The Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. 1957. –Washington, DC : GPO, 1958. - P. 26.

⁵³⁸ Веселов В.А. Нераспространение ракетных технологий: Вклад России в укрепление международного режима // Международные процессы. - 2012. - Т.10. - № 2 (29). - С. 46-56.

⁵³⁹ «Одновременно с изъятием атомного и водородного оружия из вооружений государств устанавливается международный контроль над управляемыми ракетами, с тем, чтобы все типы таких ракет, пригодных для

Запрошенная Советским Союзом цена – одновременное запрещение ядерного оружия и ликвидации его запасов – была для администрации Эйзенхауэра неприемлемой.

Новый старт обсуждениям дал запуск в СССР первого искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г. В письме президента Д. Эйзенхауэра председателю Совета Министров СССР Н.А. Булганину от 12 января 1958 г. вновь ставился вопрос о запрете испытаний боевых ракет в космическом пространстве⁵⁴⁰. 15 марта 1958 г. было обнародовано ответное «Предложение Советского правительства». Условием своего отказа от МБР и БРСД Советский Союз назвал одновременную ликвидацию «иностранных военных баз на территории других государств и в первую очередь в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Северной Африке». Таким образом, СССР хотел разменять свои БР на основную часть (три четверти боевого состава) стратегической авиации США – американские средние бомбардировщики, лишив их системы базирования⁵⁴¹. Советская сторона запросила столь высокую цену (ликвидацию баз), рассчитывая, что такой обмен в целом был бы выгоден Соединенным Штатам. У них в случае реализации проекта оставался бы целый спектр стратегических вооружений, и общий баланс был бы в пользу США. Но на фоне политического наступления Демократической партии под лозунгом «ракетного отставания» (Missile Gap) предлагаемые СССР размены были политически неприемлемы для администрации Эйзенхауэра⁵⁴².

использования в качестве атомного и водородного оружия, применялись исключительно в мирных целях». Цит. по: Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения, 1945-1959: История международных переговоров. - М.: Наука, 1970. - С. 341.

⁵⁴⁰ Letter to Nikolai Bulganin, Chairman, Council of Ministers, U.S.S.R. January 12, 1958 // The Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. 1958. – Washington, DC: GPO, 1959. - P. 82.

⁵⁴¹ Кроме в случае такого обмена устранялась бы новая, более опасная угроза в лице американских БРСД, размещение которых в Европе предусматривалось решениями декабрьского 1957 г. саммита НАТО. О кризисе доверия в НАТО и планах развертывания ракет см.: Пилько А. В. «Кризис доверия» в НАТО и его влияние на политику альянса в Европе, 1956 – середина 60-х гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – М., 2003. – 236 с.; Кузнецов Е.Л. Политика Соединенных Штатов Америки в отношении ФРГ в связи с планами создания многосторонних ядерных сил НАТО : 1960-1966 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – Томск, 2005. – 154 с.; Nash Ph. The other missiles of October: Eisenhower, Kennedy, and the Jupiters, 1957–1963. - Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997. - 231 p.

⁵⁴² Веселов В. А. Космические технологии и стратегическая стабильность: новые вызовы и возможные ответы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2017. - Т. 9, - № 2. - С. 65-104.

Выдвижение подобных инициатив свидетельствует, что в случае с ракетным оружием, как и в ситуации с ЯО, распространение и контрраспространение постоянно подпитывали друг друга. Отказ от БР лишил бы материального наполнения разрабатывавшуюся на теоретическом уровне новую стратегию, получившую впоследствии название «гибкое реагирование». С помощью средств, оставшихся в случае реализации разменов (самолетов и крылатых ракет) можно было реализовать только «массированное возмездие», убедительность которого вызывала все больше сомнений. Результатом возникшего тупика могло стать возрождение идеи «ядерного ноля».

Возрождение идеи «ноля» произошло при новой администрации Дж. Кеннеди, но в ином контексте. В первый год пребывания Кеннеди у власти США и СССР совместно определили параметры возможного глобального договора о разоружении, изложенные в «соглашении Зорина-Макклоя» от 20 сентября 1961 г., выработанном, что характерно, на фоне Берлинского кризиса. Однако и в этом случае, как и в 1946 и в 1953 г., США «нагрузили» проект такими политическими условиями, что он разделил судьбу своих предшественников. В дальнейшем администрации Кеннеди и Джонсона, а затем Никсона и Форда отказались от обсуждения подобных «максималистских» подходов, видя путь к решению проблемы распространения в ограниченных мерах по контролю над вооружениями, что в итоге привело к заключению договора ОСВ-1 и Владивостокскому соглашению о параметрах ОСВ-2, доставшемуся в наследство Дж. Картеру.

Неожиданное, на первый взгляд, выдвижение Картером идеи «глобального ядерного ноля» в его инаугурационной речи объясняется стремлением сместить вектор противоборства в «холодной войне» из сферы, где возможности США были ограничены стратегическим паритетом и ситуацией ВГУ, в области, где Вашингтон обладал преимуществами – экономическое и технологическое соперничество. 20 января 1977 г. Дж. Картер сформулировал идею «ядерного ноля» не как благое намерение (подобное тому, что принесло Б. Обаме Нобелевскую премию мира), а политическую

программу, к реализации которой он намерен приступить в ближайшее время. Картер заявил «В этом году мы сделаем шаг к нашей конечной цели – устранению всего ядерного оружия с лица Земли».⁵⁴³ В качестве первого шага президент сразу после инаугурации поручил министерству обороны оценить возможные последствия радикального сокращения носителей СНВ до 200-250 единиц, а также изложил это предложение послу СССР А.Ф. Добрынину.

Но идея «глобального ноля» встретила непонимание со стороны руководства СССР (при всей приверженности идее разоружения советские руководители, видимо, к таким резким шагам не были готовы) и резкое сопротивление со стороны собственной администрации (не говоря о «ястребах» в Конгрессе). Уже через неделю – 28 января – президент в ответ на свое поручение получил меморандум министра обороны Г. Брауна, в котором от имени военного ведомства излагались возражения против реализации данной инициативы как противоречащей интересам безопасности США⁵⁴⁴.

В перечне предшественников подходов Обамы к «глобальному нолю» особое место принадлежит СОИ президента Р. Рейгана. Необходимо отметить, что целью Рейгана, как и его предшественников, а также Обамы, было не просто ликвидация одного из видов ОМУ, а обеспечение Соединенным Штатам свободы рук в мировой политике. С точки зрения Рейгана, препятствием к этому было не само ЯО, а ситуация ВГУ в отношениях с СССР.

С одной стороны, СОИ имела такую же логику как «стратегия компенсации» - обесценить преимущества СССР и нагрузить противника дополнительными расходами. Но при этом в отличие от всех «стратегий компенсаций» проект Рейгана не сталкивался с ресурсными ограничениями. С другой стороны, Рейган, вероятно, действительно верил в то, что СОИ сможет исключить ядерное сдерживание, и этом отношении можно увидеть сходство с «глобальным нолем». Это подтверждается его заявлениями о готовности

⁵⁴³ Inaugural Address of President Jimmy Carter. Following His Swearing In as the 39th President of the United States. January 20, 1977 // The Public Papers of the Presidents of the United States. Jimmy Carter: 1977. Book 1. – Washington, DC: GPO, 1977. - P. 3.

⁵⁴⁴ Secretary of Defense Harold Brown to the President. Implications of Major Reductions in Strategic Nuclear Forces. 28 January 1977. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb311/doc03.PDF> (дата обращения: 24.03.2019).

поделиться с СССР технологиями СОИ вплоть до создания совместной системы глобальной ПРО, а также саммит в Рейкьявике 11-12 октября 1986 г., когда Р. Рейган сам высказался за «глобальный ядерный ноль», но не согласился на условие М.С. Горбачева – отказ от СОИ⁵⁴⁵.

В течение 20 лет после окончания «холодной войны» тема безъядерного мира руководителями США не поднималась. В начале 2009 г. сфера контрраспространения имела еще одно преимущество для демонстрации обещанного Б. Обамой «нового начала» – очевидные неудачи Буша-мл. были хорошим фоном. Самым очевидным провалом политики республиканской администрации было вступление в «ядерный клуб» КНДР – государства не только с другой политической системой, но и иной стратегической культурой. Управлять поведением Пхеньяна с помощью инструментов сдерживания, отработанных во взаимодействии с СССР в период «холодной войны», даже с учетом их «подгонки» к новому противнику, оказалось проблематично.

Первой реакцией американского истеблишмента на это событие можно считать публичное выступление четырех отставных политиков – двух республиканцев (Г. Киссинджер и Дж. Шульц) и двух демократов (У. Перри и С. Нанн). 4 января 2007 г., т.е. вскоре после первого ядерного испытания в КНДР, они опубликовали совместную статью «Мир, свободный от ядерного оружия», ставшую стартом общественной инициативы «Глобальный ноль». В ней авторы мотивировали свою инициативу тем, что «если не будет предприняты срочные меры, то Соединенным Штатам в скором времени придется вступить в новую ядерную эру, которая будет более шаткой, неопределенной и разорительной, чем «холодная война»⁵⁴⁶.

В этой связи они предлагали целый набор шагов, в том числе: отказ от содержания ядерных сил в высоких степенях боевой готовности (для

⁵⁴⁵ Следует отметить, что, как объяснила прибывшая в Москву в феврале 1987 г. неофициальная делегация Совета по международным отношениям во главе с Г. Киссинджером, даже если бы такой прорыв в Рейкьявике состоялся, у такой договоренности не было шансов на реализацию, т.к. расстановка сил в Сенате не позволяла рассчитывать на ратификацию письменного соглашения.

⁵⁴⁶ Schultz G. P., Perry W.J., Kissinger H. A., Nunn S. A World Free of Nuclear Weapons // The Wall Street Journal. - January 4, 2007. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB116787515251566636> (дата обращения: 24.03.2019)

уменьшения вероятности несанкционированного или случайного запуска); глубокие сокращения ядерных арсеналов во всех государствах, ими обладающих; полная ликвидация ТЯО; вступление в силу ДВЗЯИ; повышение уровней безопасности на объектах хранения ЯО и ядерных материалов; укрепление системы гарантий МАГАТЭ; глобальное прекращение производства расщепляющихся материалов оружейного качества; урегулирование региональных конфликтов как предпосылка движения к безъядерному миру.

Через год, во второй статье от 15 января 2008 г. «Навстречу безъядерному миру» четверо авторов уделили особое внимание двустороннему сокращению СНВ Россией и США, а также ликвидации ТЯО. Авторы также коснулись проблемы взаимозависимости компонентов ядерной политики, отметив, что: «Снижение уровня напряженности по вопросу противоракетной обороны сделает более вероятным прогресс в более широкой сфере взаимоотношений в ядерной области, столь важной для нашей безопасности»⁵⁴⁷.

Можно говорить о существовании в тот период двухпартийного консенсуса в оценках значения угрозы ядерного распространения для национальной безопасности США. Б. Обама в ходе предвыборных дебатов в 2008 г. оценивал распространение как «самую важную внешнеполитическую проблему, с которой мы сталкиваемся».⁵⁴⁸ Его соперник на президентских выборах сенатор-республиканец Дж. Маккейн характеризовал процесс ядерного распространения как «самую большую угрозу, с которой сталкиваемся мы и весь мир»⁵⁴⁹.

В формировании этого консенсуса не последнюю роль сыграл тот факт, что в ядерный клуб вступило не просто очередное государство, а «назначенный враг» из состава «оси зла» президента Дж. Буша-мл. Второго оставшегося в

⁵⁴⁷ Schultz G. P., Perry W.J., Kissinger H. A., Nunn S. Toward a Nuclear-Free World // The Wall Street Journal. - January 15, 2008. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB120036422673589947> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵⁴⁸ The Democratic Debate in New Hampshire. Transcript // New York Times. - January 5, 2008. URL: <http://www.nytimes.com/2008/01/05/us/politics/05text-ddebate.html?pagewanted=all> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵⁴⁹ Remarks by John McCain on Nuclear Security. University of Denver, Colorado, May 27, 2008. URL: <http://www.carnegieendowment.org/publications/index.cfm?fa=view&id=20163&prog=zgp&proj=znpp> (дата обращения: 24.03.2019)

составе «оси» ее участника – Иран – также подозревали в проведении работ, имеющих целью создание ЯО. Таким образом, задача управления региональными балансами сил для Вашингтона сильно усложнялась.

Помимо поддержки со стороны авторитетных политиков прошлого, аргументом в пользу «глобального ноля» были обязательства США по ДНЯО, согласно статье VI которого: «Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»⁵⁵⁰.

О намерении добиваться безъядерного мира президент Б. Обама заявил уже через три месяца после инаугурации – 5 апреля 2009 г. в Праге⁵⁵¹. Он призвал незамедлительно начать процесс перехода к «глобальному нолю» и предложил ряд ближайших мер, в том числе заключение с Россией нового договора по СНВ и ратификация Соединенными Штатами ДВЗЯИ, которой Обама обещал добиваться «немедленно и активно»⁵⁵². Высказавшись за создание мира, свободного от ядерного оружия (что в октябре 2009 г. принесло ему Нобелевскую премию), Обама в то же время признал, что, скорее всего, это произойдет не при его жизни⁵⁵³. Он также добавил, что «пока ядерное оружие существует, США будут поддерживать надежный, безопасный и эффективный арсенал для сдерживания любого агрессора и обеспечения гарантий союзникам»⁵⁵⁴ (президент произносил речь в столице государства-члена НАТО).

Помимо размытой формулировки, содержащейся в пражской речи, президент Обама впоследствии еще несколько раз выражал намерение

⁵⁵⁰ Договор о нераспространении ядерного оружия. Статья VI. URL:

http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 24.03.2019)

⁵⁵¹ Remarks by President Barack Obama . Hradčany Square. Prague, Czech Republic. April 5, 2009. URL:

<https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵⁵² Ibid.

⁵⁵³ Ibid.

⁵⁵⁴ Ibid.

предпринимать конкретные шаги в сторону «глобального ноля». Положения пражской речи были воспроизведены в «Стратегии национальной безопасности» 2010 г.⁵⁵⁵ В дальнейшем наиболее важными были выступление в Берлине (июнь 2013 г.), приуроченное к 50-летию речи Дж. Кеннеди и 65-летию «воздушного моста» 1948 г., а также мероприятие в Хиросиме в мае 2016 г., посвященное памяти жертв атомной бомбардировки.

В Берлине президент выступил за достижение новой договоренности с Россией о сокращения СЯС двух стран на треть по сравнению с уровнем Пражского договора (т.е. уровня в примерно 1000 боезарядов)⁵⁵⁶. Это предложение, сделанное на пороге новой конфронтации с Россией, не получило поддержки со стороны Москвы. Инициатива Обамы в условиях, когда администрация предпринимала активные действия по созданию системы ПРО с глобальными возможностями, выглядела как попытка разорвать связь контрсдерживания и «глобального ноля». ПРО становилась препятствием (возможно, одним из главных) на пути глубоких сокращений ЯО, движение по этому пути может быть только пошаговым. Существует опасность, что на определенном этапе возникнет ситуация, когда даже ограниченная система ПРО в сочетании с противосиловыми средствами контрсдерживания сможет «обнулить» ядерные возможности одной из сторон (анalogией здесь могут быть советские опасения в отношении «плана Баруха»).

В Хиросиме, за пять месяцев до новых президентских выборов, Обама, в завуалированной форме признав неудачу своих попыток в продвижении к «глобальному нолю», призвал следующее поколение политиков выдвигать новые инициативы в интересах достижения безъядерного мира⁵⁵⁷.

⁵⁵⁵ National Security Strategy. May 2010. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵⁵⁶ Remarks by President Obama at the Brandenburg Gate, Pariser Platz - Berlin, Germany. June 19, 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/19/remarks-president-obama-brandenburg-gate-berlin-germany> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵⁵⁷ Remarks by President Obama and Prime Minister Abe of Japan at Hiroshima Peace Memorial. Hiroshima, Japan May 27, 2016. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/05/27/remarks-president-obama-and-prime-minister-abe-japan-hiroshima-peace> (дата обращения: 24.03.2019)

3.2. Вместо «ноля»: контрраспространение и распространение

Подтверждением первоначальной решимости идти по пути сокращений ЯО стало начало диалога с Россией по СНВ. Через три месяца после пражской речи, во время визита президента Б. Обамы в Москву в июле 2009 г. президентами двух стран было подписано «Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений»⁵⁵⁸. Скорость, с какой стороны двигались к новому соглашению, была обусловлена тем, что 4 декабря 2009 г. истекал срок действия Договора СНВ-1, и прекращались все предусмотренные им меры контроля. Договор СНП никаких мер верификации не предусматривал, но и его действие заканчивалось 31 декабря 2012 г.

Несмотря на зафиксированный в «Совместном понимании» общий подход к снижению количества СНВ (500-1100 носителей и 1500-1675 зарядов), разногласия между сторонами были достаточно велики. Россия, в частности, настаивала на включении в текст договора признания взаимосвязи наступательных и оборонительных вооружений и учет КРМБ. США возражали по обеим позициям. В итоге заключить новый договор до истечения срока действия договора СНВ-1 не удалось. Компромиссные решения удалось выработать только в феврале следующего года.

В итоге 8 апреля 2010 г. в Праге был подписан Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). Его подписание было приурочено к проходившим в апреле и мае 2010 г. Саммиту по ядерной безопасности и VIII Обзорной конференции по рассмотрению действия ДНЯО, а также годовщине пражской речи Обамы. Новый договор служил свидетельством приверженности двух стран обязательствам по Статье VI ДНЯО.

⁵⁵⁸ Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений. Подписано в Москве 6 июля 2009 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/36> (дата обращения: 24.03.2019)

Количество боезарядов у каждой стороны сокращалось на треть по сравнению с Договором СНП 2002 г. – до 1550, а носителей – более чем в два раза по сравнению с СНВ-1 – 800 развернутых и неразвернутых (ДСНП носители не ограничивал)⁵⁵⁹. Последняя величина была включена в договор по инициативе России, чтобы установить лимит для неразвернутых носителей и таким образом ограничить «возвратный потенциал» США. Договор устанавливал контроль за переоборудованными в носители обычных вооружений подводными лодками и бомбардировщиками, с тем, чтобы не допустить их возвращения в носители ЯО. Учитывая появление в США концепции БГУ, неядерные боезаряды МБР и БРПЛ были включены в предельные уровни, а сами носители – в общие лимиты на средства доставки. Срок действия ДСНВ был рассчитан на 10 лет с возможностью продления по решению Сторон еще на пять лет. С его вступлением в силу прекращалось действие Договора СНП 2002 г.

В преамбуле нового договора была отмечена его связь с идеей движения в направлении «глобального поля» как стремления сторон «сохранить преемственность поэтапного процесса сокращения и ограничения ядерных вооружений и придать ему новый импульс в условиях поддержания сохранности и безопасности своих ядерных арсеналов, а также с целью расширения этого процесса в будущем, включая придание ему многостороннего характера»⁵⁶⁰.

По проблеме ПРО был зафиксирован компромисс. С одной стороны, отмечалось «наличие взаимосвязи между стратегическими наступательными вооружениями и стратегическими оборонительными вооружениями... важность этой взаимосвязи в процессе сокращения стратегических ядерных вооружений»⁵⁶¹. Но в то же время текст отражал позицию США согласно которой «нынешние стратегические оборонительные вооружения не подрывают

⁵⁵⁹ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). Подписан в Праге 8 апреля 2010 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/512> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵⁶⁰ Там же.

⁵⁶¹ Там же.

жизнеспособность и эффективность стратегических наступательных вооружений Сторон»⁵⁶². Большого российской стороне добиться не удалось, но даже такая формулировка была воспринята консерваторами в США как угроза, что сказала при его рассмотрении в Сенате.

Администрация Обамы, опираясь на результаты рассмотрения в Сенате Договора СНП в марте 2003 г. (95 «за», 0 «против»⁵⁶³), надеялась на быструю и «гладкую» ратификацию нового договора и рассчитывала на волне этого успеха вернуться к ратификации ДВЗЯИ. Обама внес ДСНВ в Сенат уже 13 мая 2010 г., но быстрого успеха не получилось. Рассмотрение договора растянулось более чем на полгода.

Противники соглашения, в расчете на предстоящие в ноябре 2010 г. выборы, избрали тактику затягивания рассмотрения. Состоялось 22 слушания, и лишь в сентябре комитет по международным отношениям проголосовал за ратификацию (старший представитель оппозиции в комитете сенатор Р. Лугар был в числе сторонников договора). Голосование Сената состоялось 22 декабря 2010 г. и принесло внешне благополучный результат (71 «за», 26 «против»)⁵⁶⁴, который администрация могла рассматривать как неудачу. Лишь 13 сенаторов республиканцев проголосовали за ратификацию, согласившись с доводами администрации о том, что договор соответствует национальным интересам США. В то же время 18 сенаторов из числа противников ратификации в 2003 г. поддерживали Договор СНП. Эти цифры подтверждают, что при оценке международных договоров для сенаторов главный критерий – как соглашение влияет на свободу рук США. Очевидно, что к Договору СНП, в силу указанных выше причин, претензий не было, а новый ДСНВ вызвал сопротивление,

⁵⁶² Там же.

⁵⁶³ On the Resolution of Ratification (Treaty Document 107-8 Resolution of Ratification). March 6, 2003. Vote Summary. URL:

https://www.senate.gov/legislative/LIS/roll_call_lists/roll_call_vote_cfm.cfm?congress=108&session=1&vote=00043
(дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁶⁴ On the Resolution of Ratification (Resolution of Advice and Consent to Ratification As Amended (Treaty Doc. 111-5). December 22, 2010. Vote Summary. URL:

https://www.senate.gov/legislative/LIS/roll_call_lists/roll_call_vote_cfm.cfm?congress=111&session=2&vote=00298
(дата обращения: 24.03.2019).

несмотря на то, что и он содержал скрытые преимущества для США⁵⁶⁵. Таким образом, расчеты администрации Обамы не оправдались – необходимый минимум (67) был превышен и всего на 4 голоса, и возвращение к ратификации ДВЗЯИ при такой расстановке сил грозило политическим поражением. Администрация решила не рисковать своей репутацией.

Решение судьбы ДВЗЯИ было важно прежде всего потому, что этот документ связывает два измерения ядерного распространения – вертикальное и горизонтальное. С одной стороны – испытания необходимы для проверки новых конструкций ЯО и без них невозможно качественное совершенствование ядерных арсеналов. С другой стороны – только через испытание лежит путь в «ядерный клуб» для новых его членов⁵⁶⁶. При этом простого изготовления ядерного взрывного устройства недостаточно для осуществления политики сдерживания. Для создания транспортабельных боеприпасов требуется проведение дополнительных испытаний. На последнее обстоятельство, в частности обращалось внимание в докладе, вышедшем в марте 2012 г. под эгидой Национальной академии наук⁵⁶⁷. Его авторы – военные и гражданские эксперты – доказывали, что время работает на противников США. Для существующего американского арсенала новые испытания были не нужны, а «пороговым» государствам и новым членам «ядерного клуба» они необходимы для создания новых конструкций компактных зарядов, которые можно будет устанавливать на ракеты. Из этого следовало, что скорейший глобальный запрет ядерных испытаний отвечал интересам национальной безопасности США.

В администрации Б. Обамы доклад получил высокую оценку и использовался для работы в Конгрессе, но соотношение сил в Сенате не

⁵⁶⁵ Согласно принятому в договоре правилу засчета за каждым тяжелым бомбардировщиком числился один боезаряд, в то время как в реальности они могли нести до 20. Это означало, что США могли иметь почти 1900 при установленном договором лимите в 1550. Запись в преамбуле Договора о связи СНВ и ПРО трактовалась в Сенате как политическая декларация, а не юридическое обязательство

⁵⁶⁶ Особый случай представляют Израиль и ЮАР, но его рассмотрение выходит за рамки настоящей работы.

⁵⁶⁷ The Comprehensive Nuclear Test Ban Treaty: Technical Issues for the United States. Washington, DC: The National Academies Press 2012. URL: <https://www.nap.edu/catalog/12849/the-comprehensive-nuclear-test-ban-treaty-technical-issues-for-the> (дата обращения: 24.03.2019)

позволяло рассчитывать на успех. На выборах 2014 г. республиканцы после восьмилетнего перерыва вернули себе контроль над Сенатом и шансов выполнить одно из пражских обещаний у президента Обамы не осталось.

В пражской речи Обама помимо ДВЗЯИ назвал еще два приоритетных направления в продвижении к конечной цели «глобального ноля»: заключение Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов и укрепление режима ДНЯО. На первом из них, так же как в деле ратификации ДВЗЯИ, усилия администрации закончились провалом – все попытки вывести из тупика переговоры в рамках Конференции ООН были безуспешными⁵⁶⁸. Второе предусматривало, прежде всего, нейтрализацию ядерных амбиций Ирана и КНДР и укрепление системы гарантий МАГАТЭ. В отношении КНДР Обама в Праге упомянул необходимость жестких мер, в отношении Ирана – мягкий подход, «вовлечение в диалог на основе взаимных интересов и взаимного уважения»⁵⁶⁹. Таким образом, как и при Буше-мл., предполагалось использование разных инструментов воздействия в противофазе. Здесь результаты политики Обамы были не так однозначны, как у Буша-мл.

На корейском направлении к началу 2009 г. исчерпал себя шестисторонний формат. КНДР не была заинтересована в новых уступках, поскольку они не приносили экономических дивидендов, а США были не готовы повысить «плату» за ликвидацию ядерной программы. Чтобы подтолкнуть нового президента Обаму к уступкам, Пхеньян решил вновь пойти на обострение. В день выступления американского президента в Праге в КНДР была предпринята неудачная попытка запустить ракету со спутником. Обама упомянул этот факт в своей речи как доказательство агрессивных намерений режима и необходимости жестких мер реагирования⁵⁷⁰. В ответ власти КНДР анонсировали второе ядерное испытание, которое было произведено 25 мая

⁵⁶⁸ См.: Сурчина С.И. Проблема контроля над оборотом расщепляющихся материалов в мировой политике : диссертация ... кандидата политических наук : 23.00.04. – М., 2014. - 178 с.

⁵⁶⁹ Remarks by President Barack Obama . Hradčany Square. Prague, Czech Republic. April 5, 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵⁷⁰ Ibid.

2009 г. Принятая в ответ на это резолюция Совета Безопасности ООН № 1874 от 12 июня предусматривала введение новых санкций против КНДР⁵⁷¹. Пхеньян, в свою очередь, заявил об окончательном выходе из шестисторонних переговоров и продолжил ракетные испытания.

Администрация Обамы в течение следующих двух лет сочетала санкционное давление с попытками дипломатическим путем вернуть КНДР за стол переговоров, правда, скорее символическими, не выдвигая серьезных политических инициатив. Гораздо более важным фактором в развитии ситуации вокруг ядерной программы КНДР стали события в другом регионе – смена режима в Ливии и убийство М. Каддафи, за семь лет до этого добровольно, без каких-либо условий, сделавшего именно то, чего США добивались от Тегерана и Пхеньяна – отказа от создания ОМУ и средств его доставки.

Немедленного и прямого воздействия на ситуацию на Корейском полуострове ливийские события не оказали. До конца 2011 г. КНДР больше не предпринимала резких действий – видимо это было связано с состоянием лидера страны. 17 декабря 2011 г. Ким Чен Ир умер. После этого не только США, но и весь внешний мир присматривались к новому лидеру Ким Чен Ына, пытаясь спрогнозировать дальнейшее развитие событий. Предполагалось, что молодой лидер может не справиться с внутренними проблемами, и режим падет. Другим возможным вариантом был переход к либеральным реформам в духе политики Дэн Сяопина в КНР. Не произошло ни того, ни другого. Ким Чен Ын взял курс на дальнейшее укрепление военного, в том числе ракетно-ядерного потенциала страны. Видимо так новый лидер решил доказывать легитимность своей власти.

Но, демонстрируя «сильную руку» внутри страны, Ким Чен Ын одновременно попытался ослабить напряженность с внешним миром за счет установления прямого диалога с США. В начале 2012 г. начались двусторонние

⁵⁷¹ Резолюция 1874 (2009), принятая Советом Безопасности на его 6141-м заседании 12 июня 2009 года. URL: http://www.cbr.ru/today/anti_legalisation/un/1847.pdf (дата обращения: 24.03.2019)

консультации США и КНДР, которые привели к подписанию 29 февраля 2012 г. в Пекине т.н. високосной договоренности, предполагающей в обмен на продовольственную помощь со стороны США замораживание ядерной программы КНДР; обеспечение доступа на ее объекты инспекторов МАГАТЭ; мораторий на ядерные и ракетные испытания. Хотя соглашение было конфиденциальным (при этом сам факт переговоров не скрывался), информация о его содержании буквально на следующий день попала в прессу⁵⁷². Просуществовало соглашение очень недолго.

В КНДР решили отметить 100-летие Ким Ир Сена запуском спутника (предшествующие попытки были неудачными). Хотя состоявшийся 6 апреля 2012 г. запуск также оказался неудачным, он стал поводом для срыва «високосной договоренности». Хотя Пхеньян утверждал, что запуск произведен в целях мирного освоения космоса в соответствии с международным правом, США обвинили КНДР в нарушении моратория на ракетные испытания и отказались выполнять свои обязательства по соглашению. После это администрация Обамы не предпринимала новых попыток достичь двусторонней договоренности с КНДР, а также отвергла предложение о возобновлении переговоров в шестистороннем формате (май 2013 г.). Северная Корея в свою очередь продолжала шаг за шагом развивать свою ракетную и ядерную программы.

Результатом политики контрраспространения администрации Б. Обамы на северокорейском направлении стали: четыре ядерных испытания КНДР (25 мая 2009 г., 12 февраля 2013 г., 6 января и 9 сентября 2016 г.); создание целого семейства БР, способность которых достигать территории США доказана испытательными пусками по «сжатой» траектории; успешный запуск первого спутника 12 декабря 2012 г., а также выход Пхеньяна из соглашения о перемирии 1953 г., объявленный 11 марта 2013 г. Ответом на каждый шаг были резолюции Совета Безопасности ООН, которые, однако не препятствовали

⁵⁷² North Koreans Agree to Freeze Nuclear Work; U.S. to Give Aid // The New York Times. March 1, 2012. URL: <https://www.nytimes.com/2012/03/01/world/asia/us-says-north-korea-agrees-to-curb-nuclear-work.html> (дата обращения: 24.03.2019).

дальнейшему следованию Пхеньяна намеченным курсом. Реакцией Вашингтона было решение о развертывании в Южной Корее противоракетного комплекса ТНААД в качестве передового сегмента системы ПРО США, что свидетельствует о том, что высокий уровень конфронтации на полуострове скорее отвечал интересам администрации Обамы, чем противоречил им⁵⁷³.

Иных результатов демократической администрации удалось добиться на иранском направлении, где администрация использовала противоположный инструментарий – политику «вовлечения в диалог», начатую обращением Обамы к иранскому народу в связи с праздником Новруз 20 марта 2009 г.⁵⁷⁴ Смена режима в Тегеране более не обсуждалась публично, в то же время Обама признал право Ирана на использование атомной энергии в мирных целях⁵⁷⁵.

После неудачной попытки «цветной революции» в Иране летом 2009 г. «вовлечение» было дополнено дипломатическим и экономическим давлением, причем последнее превалировало. В течение 2010-2012 гг. против Ирана были введены новые экономические санкции США, ЕС и ООН (резолюция Совета Безопасности 1929⁵⁷⁶), а ситуация вокруг ядерной программы оставалась замороженной.

Предпринятые в 2011-2012 г. несколько попыток найти компромисс в формате P5+1 оказались неудачной, а прямой диалог с президентом Ахмадинежадом администрация Обамы считала неприемлемым. Однако, как стало известно после заключения «сделки» 2015 г., стороны избрали путь тайной дипломатии (в Тегеране решение, очевидно было принято заинтересованным в компромиссе высшим духовным руководством страны). Еще до истечения срока полномочий Ахмадинежада, в начале 2013 г. в Омане

⁵⁷³ Размещение комплекса ТНААД имело и очевидную антикитайскую направленность, о чем свидетельствует резкая реакция Пекина.

⁵⁷⁴ Obama B. Videotaped Remarks on the Observance of Nowruz. March 20, 2009. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-200900174/pdf/DCPD-200900174.pdf> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵⁷⁵ Obama B. Remarks in Cairo, Egypt. June 4, 2009. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-200900436/pdf/DCPD-200900436.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁷⁶ Резолюция 1929 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6335-м заседании 9 июня 2010 г. URL: http://www.pircenter.org/kosdata/page_doc/p2167_1.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

начались тайные двусторонние переговоры⁵⁷⁷. Параллельно в Алма-Ате возобновились открытые переговоры с группой P5+1.

После победы на президентских выборах в июне 2013 г. «умеренного консерватора» Х. Рухани переговоры значительно ускорились. Администрация Обамы сразу сменила тон. Выступая в ООН в сентябре 2013 г. президент заявил о стремлении к скорейшему решению проблемы мирным путем, при этом США «не планируют смену режима» в Тегеране⁵⁷⁸. 27 сентября состоялся телефонный разговор Обамы и Рухани – первый прямой контакт лидеров двух стран с 1979 г.

В этих условиях компромисс был найден достаточно быстро и 24 ноября 2013 г. в Женеве был принят Совместный план действий (Joint Plan of Action, JPA) группы P5+1 и Ирана⁵⁷⁹.

План представлял собой базу для будущего, уже всеобъемлющего, соглашения, до принятия которого Иран соглашался заморозить свою ядерную программу. Всеобъемлющее соглашение предполагалось выработать достаточно быстро – уже к июню 2014 г., но за первым успехом последовали серьезные трудности.

Обеим администрациям – Обамы и Рухани – пришлось вести борьбу одновременно на двух фронтах, внешнем и внутреннем, причем минимальный успех на одном сразу оборачивался серьезными проблемами на другом. В США сложилась сплоченная коалиция против сделки с Ираном, имевшая сильные позиции в Конгрессе. Извне сильное давление на Вашингтон исходило от Израиля⁵⁸⁰ и арабских государств Персидского залива, прежде всего Саудовской Аравии.

⁵⁷⁷ Rozen L. Inside the secret US-Iran diplomacy that sealed nuke deal // Al-Monitor: The Pulse of the Middle East August 11, 2015. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/08/iran-us-nuclear-khamenei-salehi-jcpoa-diplomacy.htm> (дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁷⁸ Remarks to the United Nations General Assembly in New York City. September 24, 2013. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201300655/pdf/DCPD-201300655.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁷⁹ Joint Plan of Action. 24 November 2013. URL: https://www.globalsecurity.org/wmd/library/policy/int/iran-5-1-geneva-agreement_2013.htm (дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁸⁰ В рамках этой кампании 3 марта 2015 г. премьер-министр Израиля Б. Нетаньяху выступил на совместном заседании палат Конгресса с жесткой критикой сделки.

Лишь 2 апреля 2015 г. в Лозанне были утверждены рамочные параметры нового плана действий, которые предусматривали фактически капитуляцию Тегерана – демонтаж иранской ядерной программы в обмен на обещание приостановить (но не снять) наиболее чувствительные санкции. Все ключевые рамочные параметры в последующем вошли в текст Совместного всеобъемлющего плана действий (Joint Comprehensive Plan of Action, JCPOA) принятого 14 июля 2015 г. в Вене представителями Ирана и группы P5+1 при участии Высокого представителя ЕС Ф. Могерини⁵⁸¹. Сразу вслед за этим Совет Безопасности ООН 20 июля 2015 г. единогласно принял резолюцию № 2231 с одобрением плана и мерами по его реализации, а также порядком отмены санкций против Ирана⁵⁸².

План накладывал на ядерную программу Ирана такие ограничения, прежде всего, в области обогащения урана, что в случае выхода из соглашения стране потребуется не менее одного года для того, чтобы наработать минимально необходимое для одного ядерного взрывного устройства количество расщепляющихся материалов. Тегеран также на 15-летний срок отказывался от развития мощностей по переработке отработавшего ядерного топлива, которые позволяют получать плутоний оружейного качества. Несмотря на это, сам факт заключения «сделки» вызвал жесткую реакцию Израиля и консерваторов в США.

Формат «Совместного всеобъемлющего плана действий» не предполагал его ратификацию парламентами стран-участниц, но в Конгрессе США нашли способ оказать влияние на его реализацию. В мае при почти полной поддержке обеих палат был принят «Закон о рассмотрении ядерного соглашения с Ираном 2015 г.»⁵⁸³, существенно ограничивающий свободу действий администрации. Конституционность такого вторжения в полномочия президента вызывала

⁵⁸¹ Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД), Вена, 14 июля 2015 года. Приложение А к Резолюции 2231 (2015) от 20 июля 2015 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2231\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2231(2015)) (дата обращения: 24.03.2019). В тексте партнеры Ирана по переговорам именуется группой E3/ЕС+3.

⁵⁸² Резолюция 2231 (2015), принятая Советом Безопасности на его 7488-м заседании 20 июля 2015 г. URL: [https://undocs.org/ru/S/RES/2231\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2231(2015)) (дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁸³ Iran Nuclear Agreement Review Act of 2015. Public Law 114–17. May 22, 2015. URL: <https://www.congress.gov/114/plaws/publ17/PLAW-114publ17.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

сомнения, и Обама угрожал применить право вето. Но уровень поддержки в палатах заставил его отказаться от намерения. В Палате представителей законопроект получил 400 голосов «за» и 25 «против»⁵⁸⁴, в сенате – 98 «за» и 1 «против»⁵⁸⁵.

Закон требовал от президента в течение пяти дней после заключения соглашения направить в Конгресс его текст вместе с дополнительными материалами, содержащими подтверждение того, что соглашение соответствует целям политики нераспространения, не подрывает оборону и безопасность США и союзников, а также способности обеспечить верификация выполнения его условий Ираном. Президент не имел права отменять санкции против Ирана в течение 60-дневного срока рассмотрения соглашения Конгрессом. При этом санкции, введенные против Ирана в связи с поддержкой терроризма, нарушением прав человека и разработкой БР, вообще не могут быть отменены⁵⁸⁶. Закон также обязывал президента учитывать как «существенные» такие не имеющие отношения к содержанию соглашения вопросы как компенсации американским гражданам, взятым в заложники в 1979 г., нарушение прав человека в Иране, поддержка Тегераном террористической деятельности. Таким образом, устанавливался перечень удобных поводов для выхода США из соглашения даже при его полном соблюдении иранской стороной. Президент был обязан каждые 90 дней определять, соблюдает ли Иран соглашение и продолжает ли оно соответствовать интересам США.

Соглашение с Ираном ненадолго пережило администрацию Б. Обамы. 8 мая 2018 г. президент Д. Трамп заявил о выходе США из Соглашения⁵⁸⁷.

⁵⁸⁴ H.R. 1191: Iran Nuclear Agreement Review Act of 2015. May 14, 2015.

URL: <https://www.govtrack.us/congress/votes/114-2015/h226> (дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁸⁵ H.R. 1191 (Iran Nuclear Agreement Review Act of 2015). Vote Summary. URL:

https://www.senate.gov/legislative/LIS/roll_call_lists/roll_call_vote_cfm.cfm?congress=114&session=1&vote=00174 (дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁸⁶ Iran Nuclear Agreement Review Act of 2015. Public Law 114–17. May 22, 2015. URL:

<https://www.congress.gov/114/plaws/pub17/PLAW-114pub17.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁸⁷ Remarks by President Trump on the Joint Comprehensive Plan of Action. May 8, 2018. URL:

<https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-joint-comprehensive-plan-action/> (дата обращения: 24.03.2019). National Security Presidential Memorandum on Ceasing United States Participation in the Joint Comprehensive Plan of Action and Taking Additional Action to Counter Iran's Malign Influence and Deny Iran All Paths to a Nuclear Weapon (NSPM–11). May 8, 2018. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201800311/pdf/DCPD-201800311.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

Обоснованием этого шага служило наличие неких «доказательств» тайного продолжения Тегераном разработок в области ядерного оружия. Вместе с тем, никаких фактов, подтверждающих такие шаги Ирана, предоставлено не было. Ровно год спустя – 8 мая 2019 г. – президент Ирана Х. Рухани официально уведомил пять стран, оставшихся членами соглашения (Великобританию, Францию, Германию, Китай и Россию), о приостановке выполнения Тегераном части своих обязательств по Соглашению и дал европейским странам 60 дней на переговоры⁵⁸⁸. Таким образом, без участия США соглашение потеряло смысл, но сам факт его выработки и следует рассматривать как политический успех президента Обамы, особенно на фоне результатов политики контрраспространения на северокорейском направлении, а также достижений его предшественника Дж. Буша-мл.

В целом Б. Обаме не удалось достичь целей, поставленных в 2009 г. Провал на Корейском полуострове и непрочный успех на иранском направлении не приблизили, а отдалили заявленный им идеал достижения безъядерного мира. Более того, другие компоненты ядерной политики администрации Обамы не столько препятствовали, сколько способствовали ускорению процессов горизонтального распространения ЯО и средств его доставки. Можно говорить о своеобразном зеркальном отображении ситуации 1950-х гг. – совершенствование обычных вооруженных сил США побуждают государства, входящие в число их противников, наращивать усилия по приобретению собственного ракетно-ядерного потенциала.

К таким последствиям вела, в частности, принятая администрацией Обамы «третья стратегия компенсации» (ТСК). Название отражало преемственность с подходами двух далеких предшественников Обамы, также вынужденных действовать в условиях ресурсных ограничений, и при этом стремившихся обесценить преимущества противника США⁵⁸⁹. Подход

⁵⁸⁸ Iran rolls back pledges under nuclear pact abandoned by Washington // Reuters. - 8 May 2019. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-iran-rouhani-idUSKCN1SE015> (дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁸⁹ Термин «стратегия компенсации» ввел в обращение У. Перри в 1991 г. в работе, посвященной анализу уроков войны в Персидском заливе, в ходе которой прошли апробацию многие возникшие в 1970-е гг.

президента Эйзенхауэра «задним числом» был назван «первой стратегией компенсации» и предусматривал наращивание возможностей за счет расширения номенклатуры ядерных зарядов – от мощных водородных бомб до тактического ЯО, – и диверсификации средств их доставки. «Вторую стратегию компенсации», осуществляла администрация президента Картера, хотя ее истоки находятся в экспертных проработках 1973-1974 гг. Основное ее содержание – качественное совершенствование обычного и ядерного оружия за счет внедрения информационных технологий, обеспечивающих в том числе повышение контрсилловых способностей.

ТСК позволяла разрешить противоречие между политическим обещанием Обамы не создавать нового ЯО и задачами обеспечения качественного превосходства США. Рассматривая провозглашенное в Праге в апреле 2009 г. «обнуление» ядерного арсенала как отдаленную цель, администрация Обамы взяла курс на обеспечение превосходства за счет качественных параметров. При этом рост контрсилловых возможностей ядерных сил обеспечивался главным образом за счет информационных технологий – новых возможностей по сбору данных об объектах противника и росту точности доставки боеприпасов к целям. Новые технологии давали возможность наращивать качественные показатели конструкций ЯО и способов их применения за счет неядерных компонентов. При этом не было необходимости создавать новые конструкции ядерных узлов, что потребовало бы проведение натурных испытаний и нарушения ДВЗЯИ.

Пути повышения контрсилловых возможностей обсуждались в США и в открытой печати. Американские исследователи, начиная с 2006 г. выступали с работами, в которых доказывали возможность нанесения «обезоруживающего» первого удара по СЯС не только КНР, но и России. Так, например, К. Либер и Д. Пресс аргументировали свои выводы повышением возможностей сбора информации от различных источников, увеличивающих вероятность

определения точного местоположения мобильных пусковых установок и подводных лодок в подводном положении, а также указывали на возможности обработки больших массивов информации в реальном масштабе времени⁵⁹⁰. В аналогичном духе выступали О. Лонг и Б. Грин⁵⁹¹.

В результате такой модернизации существующих боеголовок резко возрос контрсиловой потенциал морской составляющей американских СЯС США, получившей возможность с большей уверенностью поражать малоразмерные, сильно укрепленные объекты (шахтные пусковые установки МБР, командные пункты и др.)⁵⁹². Установка модуля управления на ядерные авиабомбы свободного падения В61-12 вкупе с приданием «проникающей способности» (возможности поражать заглубленные цели) обеспечивает необходимую гибкость применения в интересах сдерживания и контрраспространения⁵⁹³. В результате США получают первый высокоточный ядерный боеприпас, причем универсальный по носителям: он войдет в боекомплект самолетов как стратегической (В-2А и В-21), так и тактической авиации. Это служит еще одним свидетельством размывание грани между «стратегическим» и «нестратегическим» ЯО и создаст дополнительные возможности для обхода соглашений по СНВ.

С принятием В61-12 на вооружение возрастет роль авиационного компонента ядерных сил США. Он увеличивает свои контрсиловые способности, которые будут сочетаться с главным преимуществом пилотируемой авиации – способностью поиска и атаки «незапланированных»

⁵⁹⁰ Lieber K.A., Press D.G. The rise of us nuclear primacy. // Foreign Affairs. - 2006. - Vol. 85. - No. 2. - P. 42–54; Lieber K.A., Press D.A. The nukes we need: preserving the American deterrent // Foreign Affairs. - 2009. - Vol. 88. - No. 6. - P. 39–51; Lieber K.A., Press D.G. The new era of counterforce: technological change and the future of nuclear deterrence // International Security. – 2017. - Vol. 41. - No. 4. – P. 9-49.

⁵⁹¹ Long A., Green B. Stalking the secure second strike: intelligence, counterforce, and nuclear strategy // The Journal of Strategic Studies. - 2015. - Vol. 38. - Nos. 1–2. - P. 38–73.

⁵⁹² Kristensen H.M., McKinzey M., Postol Th.A. How US nuclear force modernization is undermining strategic stability. The burst height compensation super-fuze // The Bulletin of Atomic Scientists. - 1 March, 2017. URL: <https://thebulletin.org/how-us-nuclear-force-modernization-undermining-strategic-stability-burst-height-compensating-super10578> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵⁹³ Kristensen H.M. Capabilities of B61-12 nuclear bomb increase further // FAS Strategic Security Blog. - October 30, 2013. URL: <https://fas.org/blogs/security/2013/10/b61-12hearing/> (дата обращения: 24.03.2019). Испытания бомбы В61-12 в инертном снаряжении (без взрывчатого вещества) начались в 2015 г.

целей, что должно предоставить США дополнительные преимущества в эскалационном доминировании.

С другой стороны, ТСК позволяла реализовать еще одно политическое обещание Обамы – снизить роль ЯО в обеспечении безопасности США. Но это было результатом не стремления к безъядерному миру, а отражением объективной тенденции к росту возможностей неядерных средств поражения, обеспечиваемых новыми технологиями, прежде всего за счет достижений в ИКТ, благодаря которым неядерные средства в еще большей степени могут брать на часть задач СЯС.

Следует также отметить, что разработка ТСК администрацией Обамы носила отчасти вынужденный характер. С одной стороны, это успехи потенциальных противников США, прежде всего Китая. С другой – бюджетные ограничения. После принятия в 2011 г. закона «О контроле над бюджетом»⁵⁹⁴ ресурсные ограничения стали мощным стимулом для поиска путей обеспечения технологического превосходства США в военной сфере.

По мнению администрации Обамы, даже в условиях экономии средств Соединенные Штаты должны иметь максимально возможные относительные преимущества над любым другим субъектом мировой политики. Из этого следовало, что одной из главных задач США становится обесценивание (нейтрализация) тех преимуществ, которыми могут располагать соперники⁵⁹⁵. Именно необходимостью решения этой задачи можно объяснить выбор термина «offset» в названии стратегии – обесценить преимущества оппонентов США с помощью новых технологических возможностей.

«Инкубатором» новых идей стал Центр новой американской безопасности (Center for New American Security, CNAS)⁵⁹⁶, председатель Совета

⁵⁹⁴ Budget Control Act of 2011. Public Law 112–25. August 2, 2011. URL:

<https://www.congress.gov/112/plaws/publ25/PLAW-112publ25.pdf> (дата обращения: 24.03.2019)

⁵⁹⁵ Кокошин А.А., Бартенов В.И., Веселов В.А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США // США - Канада: экономика, политика, культура. – 2015. - № 11 (551). - С. 3-22.

⁵⁹⁶ Brimley S., Fitzgerald B., Saylor K. Game changers. disruptive technology and U.S. defense strategy // Center for a New American Security. September 2013. URL :

http://www.cnas.org/files/documents/publications/CNAS_Gamechangers_BrimleyFitzGeraldSaylor_0.pdf (дата обращения: 24.03.2019)

директоров которого Р. Уорк в феврале 2014 г. был назначен первым заместителем министра обороны США, после чего ТСК приобрела характер официальной концепции военного ведомства.

Разъясняя в публичных выступлениях новую стратегию, Уорк отмечал, что, вследствие горизонтального распространения технологий «вооруженные силы США на театре боевых действий столкнутся с противником, обладающим арсеналом передовых технологий, способных нивелировать американское технологическое превосходство, и Соединенные Штаты лишатся свободного доступа на ТВД или возможности оперативного маневра»⁵⁹⁷.

Предотвратить возникновения подобного сценария и была призвана ТСК с помощью продвижения передовых технологий которые будут обеспечивать США, их партнерам и союзникам военное превосходство при проведении операций против «равного и почти равного соперника» (peer and near-peer competitor)⁵⁹⁸. Последнее уточнение показывает, что к середине второго президентского срока Обамы круг потенциальных противников США уже существенного отличался от того, что было получено «в наследство» от Буша-мл.

Идеи ТСК не были чисто ведомственными, а находили отражение в документах на высшем политическом уровне. Так, «Стратегия национальной безопасности» в феврале 2015 г. декларировала: «Мы будем развивать нашу научную и технологическую базы для обеспечения превосходства в возможностях, необходимых для достижения победы над любым противником»⁵⁹⁹. Идеи сохранения американского лидерства и обеспечения отрыва США от соперников находили также поддержку в Сенате, несмотря на

⁵⁹⁷ National Defense University Convocation. As Prepared for Delivery by Deputy Secretary of Defense Bob Work. National Defense University, Washington, DC. August 5, 2014. URL: <https://dod.defense.gov/News/Speeches/Speech-View/Article/605598/> (дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁹⁸ Long Range Research and Development Plan (LRRDP) Request for Information. December 2014. URL: <http://online.wsj.com/public/resources/documents/offsetrfi1203.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

⁵⁹⁹ National Security Strategy. February 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

то, что он контролировался тогда оппозицией (примечательно, что руководство CNAS составляли бывшие сотрудники его аппарата сенатора Дж. Маккейна).

ТСК пришла на смену «новой триаде» Буша-мл. в обеспечении эскалационного доминирования, в том числе в части материального наполнения концепции БГУ. На это были нацелены такие рассматривавшиеся в рамках ТСК такие прорывные технологии как освоение гиперзвуковых скоростей полета, новые материалы, искусственный интеллект.

К концу срока президентских полномочий Буша-мл. варианты реализации концепции БГУ свелись к двум группам технологий: планирующие боевые блоки, выводимые носителями на основе боевых БР, и летательные аппараты с гиперзвуковыми прямоточными двигателями. Обе группы стояли на пороге летных испытаний, которые начались при администрации Б. Обамы. Следует также отметить, что за соперничеством этих вариантов стояли интересы крупных корпораций-разработчиков: «Локхид» (планирующие боевые блоки) и «Боинг» (аппараты с гиперзвуковыми двигателями). При этом на стороне «Боинга» были статистика пусков на фоне провалов у «Локхид». В 2008 г. статус программы создания средств БГУ существенно изменился. Эта программа все больше трансформировалась в исследовательский проект в области гиперзвуковых летательных аппаратов большой дальности, поскольку уровень сложности данной задачи не давал оснований ожидать достижения быстрых практических результатов.

Одновременно в США была начата разработка нового поколения КР морского базирования сверхзвукового, а в перспективе и гиперзвукового класса, но имеющих более скромную дальность (до 1000 км). Такая величина считается уже приемлемой в связи с пересмотром администрацией Обамы задач БГУ – переводом с глобального на региональный уровень, в пределы одного ТВД (см. ниже).

Администрация Обамы унаследовала от Буша-мл. не только новую триаду, но и программы модернизации всех компонентов «старой», а также нестратегических ядерных сил, системы управления и связи, также всего

ядерно-оружейного комплекса с его исследовательским, производственным и испытательным компонентами. В это число входит разработка новой ПЛ типа «Колумбия», вооруженной БРПЛ D5LE (дальнейшее развитие «Трайидент»), новая МБР для замены «Минитмен III», бомбардировщики В-21, новые крылатые ракеты.⁶⁰⁰ Ориентировочная стоимость всей программы модернизации СЯС США составляет 1,2 трлн долл. на ближайшие 30 лет. Такой размер заказов не мог не привести к столкновениям при распределении приоритетов. Первыми примерами такой борьбы стали жесткое столкновение самолетостроительных корпораций вокруг заказа на В-21 и споры о целесообразности создания новой МБР.

Новая МБР под условным обозначением GBSD (Ground Based Strategic Deterrent) по первоначальному плану должна была поступить на вооружение в 2018 г, но сомнения и споры в отношении облика нового наземного ракетного комплекса продолжались до конца срока полномочий Буша-мл. Лишь в июне 2014 г. был выпущен итоговый отчет с анализом альтернатив, однако в итоге ВВС выдали первый запрос на предложения от промышленности только в июле 2016 г. а сроки начала развертывания были перенесены на январь 2029 г.⁶⁰¹ Предполагается, что будет сохранена определенная преемственность с существующей МБР «Минитмен III»⁶⁰² (шахтная пусковая установка), но ступени и система наведения будут новыми.

В морском компоненте СЯС разрабатываются одновременно и новая ПЛ и новая БРПЛ. Контракт на разработку и строительство новых ПЛ под условным обозначением SSBN(X) был заключен ВМС США с судостроительной корпорацией «Дженерал дайнемикс». Лодка будет нести на треть меньше БРПЛ, чем «Огайо» (16 вместо 24). Название головной лодке было присвоено в июле 2016 г. в честь федерального округа Колумбия, ее

⁶⁰⁰ Statement by President Barack Obama on the Release of Nuclear Posture Review. April 6, 2010. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/statement-president-barack-obama-release-nuclear-posture-review> (дата обращения: 24.03.2019)

⁶⁰¹ Ground Based Strategic Deterrent. URL: <http://sts-llc.com/innovative/systems-engineering/nuclear-deterrence-icbm-competencies/ground-launched-nuclear-missile-history/ground-based-strategic-deterrent-gbsd-history/> (дата обращения: 24.03.2019)

⁶⁰² Некоторое время для новой МБР использовалось обозначение «Минитмен IV».

закладка запланирована на 2021 г., а вступление в строй - на 2031 г. Первоначально они будут нести модификацию ракет «Трайидент II» (D5LE), а затем будет разработана новая БРПЛ в тех же габаритах.

Администрация Буша-мл. не приняла окончательного решения по проекту нового бомбардировщика, который заменит В-52Н и В-2А. После прихода к власти Б. Обамы министр обороны Р. Гейтс на пресс-конференции 6 апреля 2009 г. объявил, что принято решение отложить начало реализации программы NGB (Next Generation Bomber) до принятия базовых документов новой администрации – «Обзора ядерной политики, и «Четырехлетнего обзора в области обороны», также результатов переговоров с Россией по новому Договору СНВ.

Бурное развитие беспилотной авиации, в том числе в рамках концепции «роя» могло привести к закрытию проекта нового бомбардировщика. Но после реструктурирования программа самолета под новым обозначением Long-Range Strike Bomber (LRS-B) была запущена в 2014 г. По итогам конкурса предпочтение в октябре 2015 г. было отдано проекту альянса «Нортроп»-«Грумман». Проигравшие «Боинг» и «Локхид» сначала пытались оспорить это решение, но потом отказались от борьбы. В начале 2016 г. проекту самолета было присвоено обозначение В-21 и название «Райдер». Поступление в строевые части запланировано на 2025 г. при этом В-21 будет постепенно заменять все три бомбардировщика – В-52Н, В-1В и В-2А.

В 2013 г. была начата разработка новой крылатой ракеты воздушного базирования большой дальности под обозначением LRSO (Long Range Stand Off). Носителями ракеты должны стать перспективный бомбардировщик В-21, а также В-52 в оставшийся срок службы. Всего предполагается изготовить от 1000 до 1100 ракет, при этом стоимость реализации программы может составить от 15 до 20 млрд. долл. Высокая стоимость и неочевидные преимущества неоднократно становились поводом для критики проекта. Хотя принципиальное решение о создании новой КР для замены ALCM было принято еще администрацией Буша-мл. в 2007 г., до конца полномочий Обамы

оставались сомнения в целесообразности создания LRSO. В «Обзоре ядерной политики» 2010 г. была поставлена задача оценить целесообразность такой замены ALCM по сравнению с другими решениями⁶⁰³. В марте 2014 г. министерство обороны приняло решение отложить подписание контракта на три года, т.е. передать это на усмотрение новой администрации. В октябре 2015 г. к президенту Обаме публично обратились бывший министр обороны У. Перри и бывший заместитель министра по вопросам ядерной политики Э. Вебер с призывом вообще закрыть программу⁶⁰⁴. Президент, однако, такого решения не принял, передав его на усмотрение своего преемника.

3.3. Сдерживание и контрсдерживание в политике администрации Б. Обамы

Президент Б. Обама не случайно сделал в пражской речи оговорку, что «пока ядерное оружие существует, США будут поддерживать надежный, безопасный и эффективный арсенал для сдерживания»⁶⁰⁵. Вместе с набором программ по модернизации ядерных сил, он получил в наследство от Буша-мл. и планы их применения. Судя по имеющимся в открытом доступе информации, в число противников США, по территории которых могли согласно плану наноситься ядерные удары, входили: два «примерно равных соперника» – Россия и Китай, два оставшихся участника «оси зла» – Иран и КНДР, а также Сирия и еще один не идентифицированный противник, связанный с террористической угрозой⁶⁰⁶. Таким образом, пражской речи предшествовал

⁶⁰³ Nuclear Posture Review Report. Washington, DC: Department of Defense, April 2010. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

⁶⁰⁴ Perry W.J., Weber A. Mr. President, kill the new cruise missile // Washington Post. - October 15, 2015. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/mr-president-kill-the-new-cruise-missile/2015/10/15/e3e2807c-6ecd-11e5-9bfe-e59f5e244f92_story.html?utm_term=.1567e1b9831a (дата обращения: 24.03.2019)

⁶⁰⁵ Remarks by President Barack Obama . Hradčany Square. Prague, Czech Republic. April 5, 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered> (дата обращения: 24.03.2019)

⁶⁰⁶ Ibid.

документ, отражавший официальные взгляды администрации на применение ЯО в интересах достижения политических целей США.

Подобная связка повторилась через год – за три дня до подписания в Праге ДСНВ был опубликован «Обзор ядерной политики»⁶⁰⁷, содержательная часть которого базировалась не на идеале продвижения к безъядерному миру, а на положениях выпущенного спустя месяц после пражской речи президента (6 мая 2009 г.) доклада назначенной Конгрессом комиссии во главе У. Перри и Дж. Шлесинджером⁶⁰⁸.

Доклад в целом рекомендовал проведение консервативной ядерной политики как альтернативы «глобальному ноллю». Комиссия рекомендовала сохранить СЯС в виде «триады»; поддерживать ядерную инфраструктуру; заключить новый договор с Россией с «умеренным понижением» количественных параметров СНВ; и, что особенно важно в условиях ядерной многополярности, – в дальнейшем подключить к переговорам по ядерным вооружениям союзников США и Китай. Последняя рекомендация до конца срока полномочий Обамы так и не была реализована.

Администрация Б. Обамы в «Обзоре ядерной политики» 2010 г. подтвердила приверженность сделанному США в 1978 г. заявлению о неприменении ядерного оружия против добросовестных участников ДНЯО⁶⁰⁹. Но вместе с тем, Соединенные Штаты оставляли за собой право применить ЯО первыми. Кроме того, в документе была подчеркнута фундаментальная роль ЯО в качестве инструмента сдерживания противников Соединенных Штатов от

⁶⁰⁷ Department of Defense. Nuclear Posture Review Report. April 2010. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

⁶⁰⁸ Perry W.J., Schlesinger J.R. et al. America's Strategic Posture: The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States. – Washington D.C.: United States Institute of Peace Press, 2009. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA501604> (дата обращения: 24.03.2019). Состав этой комиссии чрезвычайно примечателен – ее участники играли ключевую роль в разработке ядерных стратегий семи предшествующих администраций, в том числе: Кеннеди и Джонсона (М. Гальперин), Никсона и Форда (Дж. Фостер и Дж. Шлесинджер), Картера (У. Перри), Рейгана (Ф. Икле), Клинтона (У. Перри) и Дж. Буша-мл. (К. Пейн). Ф. Икле был также одним из руководителей доклада «Избирательное сдерживание», а У. Перри – участник четверки отставных политиков, выступившей в 2007 г. за «глобальный ноль»

⁶⁰⁹ Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2018. - Т. 10. - № 3. - С. 3-47.

применения ОМУ против самих США и их союзников⁶¹⁰. Указание в документе в качестве приоритета № 1 противодействия распространению ЯО и угрозе ядерного терроризма отражало не только преемственность с политикой Буша-мл. и инерцию в стратегическом планировании, но и связанность рук администрации Обамы в связи с еще не завершенной «глобальной войной с террором».

Объявив 2011 г. о «переносе центра тяжести» в Азию, администрация Обамы очень скоро выяснила, что в приоритетном для нее регионе она лишена свободы рук, к которой США привыкли за два десятилетия после окончания «холодной войны» благодаря своему неоспоримому господству в воздушном и морском пространстве. В течение первого десятилетия XXI в., пока США вели «глобальную войну с террором», их потенциальные противники, прежде всего КНР, развивали технологии, обесценивающие превосходство США на море и в воздухе. В свою очередь это послужило одним из мотивов для разработки в США «третьей стратегии компенсации».

Для обозначения новых возможностей противников США, меняющих региональный баланс сил, американские специалисты начали использовать формулу «противодействие доступу / воспреещение маневра» («anti-access/area denial»). В 2010 г. термин был включен в «Четырехлетний обзор»⁶¹¹ и с тех пор постоянно присутствует в документах министерства обороны США. В «Четырехлетнем обзоре» перед вооруженными силами США поставлена задача обладать способностью осуществлять сдерживание и вести вооруженную борьбу, в том числе, в условиях такого противодействия со стороны противника⁶¹².

⁶¹⁰ Department of Defense. Nuclear Posture Review Report. April 2010. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

⁶¹¹ Department of Defense. Quadrennial Defense Review Report. February 2010. P. 31. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

⁶¹² Department of Defense. Quadrennial Defense Review Report. February 2010. P. 31. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

Согласно американским официальным взглядам, «противодействие доступу» призвано помешать развертыванию сил противника на ТВД либо вынудить его действовать с больших расстояний, т.е. на невыгодных условиях⁶¹³. Если данная задача не решена, то вступает действие второй компонент формулы, ограничивающий свободы маневр противника в пространстве (area denial)⁶¹⁴. Признаки реализации формулы «противодействие доступу / воспреещение маневра» американские специалисты обнаружили в отдельных направлениях военного строительства КНР в первом десятилетии XXI в. Вероятно, стильным стимулом при этом служил предпринятый в Китае анализ опыта применения вооруженных сил США после окончания «холодной войны».

Как отмечает российский специалист по военной политике Китая В.Б. Кашин: «эффектный разгром силами возглавляемой США международной коалиции иракской армии, построенной по советскому образцу и относительно хорошо оснащенной (в этом отношении ВС Ирака в 1991 г. явно превосходили НОАК), произвел глубочайшее впечатление на китайское военное руководство... Все последующее строительство китайских вооруженных сил проходило под знаком скрупулезного изучения западных военных концепций и опыта реальных военных операций, постепенного выборочного переноса западных решений на китайскую почву и попыток выработки асимметричных мер противодействия там, где простое воспроизведение этих готовых решений не работает»⁶¹⁵.

В том числе китайские военные специалисты обратили внимание на то, что одним из условий успеха военных операций США 1990-х - начала 2000-х гг. была неспособность противников (Ирак, бывшая Югославия, Афганистан,

⁶¹³ Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2018. - Т. 10. - № 3. - С. 3-47.

⁶¹⁴ Air-Sea Battle. Service Collaboration to Address Anti-Access & Area Denial Challenges. An unclassified summary of the classified Air-Sea Battle Concept, Version 9.0. May 12, 2013. - P. 2. URL: <http://archive.defense.gov/pubs/ASB-ConceptImplementation-Summary-May-2013.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

⁶¹⁵ Кашин В.Б. На пути к глобальной военной державе: эволюция военной политики КНР в 1949-2014 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. - 2013. - №4. - С. 111-112.

Ливия) помешать сосредоточению на ТВД сил многонациональных коалиций. По оценкам американских специалистов, создав потенциал поражения объектов инфраструктуры в западной части Тихого океана (портов и авиабаз, а также «плавающих аэродромов» – авианосцев), Китай к середине 2010-х гг. приобрел реальную возможность лишить США доступа на ТВД на такой интервал времени, в течение которого стремительное развитие конфликта (например, вокруг Тайваня) может подойти к своему завершению⁶¹⁶. Китайская противовианосная система на основе БРСД «Дунфэн-21» и «Дунфэн-26» построена как разведывательно-ударный комплекс, а идеология ее применения в определенной мере воспроизводит американскую концепцию 1980-х гг. «удара по вторым эшелонам» (FOFA), разработанную в рамках «второй стратегии компенсации». Это свидетельствует о том, что в КНР внимательно изучали соответствующие американские концепции.

Военно-политические аспекты «переноса центра тяжести в Азию» были определены в «Стратегических указаниях по обороне», опубликованных в январе 2012 г.⁶¹⁷, а также в очередном «Четырехлетнем обзоре в области обороны» от 4 марта 2014 г.⁶¹⁸ Необходимость нового курса была обусловлена двумя причинами: началом ухода США из Ирака и Афганистана и секвестром бюджета. В документах подводилась черта под десятилетней «глобальной войной с террором» и ставились задачи на новый десятилетний период. При этом следует отметить, что не только ядерная политика, но и в целом военно-политическая стратегия администрации Б. Обамы сохраняла высокую степень преемственности по отношению к курсу администрации Дж. Буша-мл., отличаясь только расстановкой акцентов. В «Стратегические указаниях» 2012 г. содержались элементы стратегического курса, сформулированного в Вашингтоне еще на рубеже веков, с которого США были вынуждены свернуть

⁶¹⁶ Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2018. - Т. 10. - № 3. - С. 3-47.

⁶¹⁷ Defense Strategic Guidance. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. January 3, 2012. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

⁶¹⁸ Quadrennial Defense Review, March 2014. URL: http://archive.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

после 11 сентября 2001 г., но с одним принципиальным отличием – в ресурсном обеспечении.

«Стратегические указания» определяли приоритеты военной политики и стратегии США на период до 2020 г. в условиях сокращения военных расходов (на 487 млрд. долл. в течение десяти лет в соответствии с Законом о бюджетном контроле 2011 г.). Приоритеты включали: противодействие угрозе приобретения экстремистами высоких технологий (тенденция, отмеченная еще в документах Дж. Буша-мл.); необходимость укрепления системы союзов США в АТР, в том числе долгосрочного стратегического партнерства с Индией; обеспечение для США «баланса возможностей и присутствия» в АТР, в т.ч. возможность быстрого наращивания присутствия в кризисных ситуациях, обеспечение свободы действий в АТР в условиях «противодействия доступу» со стороны Китая; противодействие усилиям Ирана по созданию ракетно-ядерного потенциала; обеспечение господства США в глобальных коммуникационных пространствах (море, воздух, космос, киберпространство); противодействие процессу распространению ОМУ, который ведет к усилению потенциала потенциальных региональных противников США⁶¹⁹.

Акценты на распространение ОМУ и средств его доставки и борьбу за господство в коммуникационных пространствах вытекали из главной задачи США, сформулированной на рубеже 1980-1990-х гг. и сохранившей свое значение и во втором десятилетии XXI в. – предотвратить превращение региональных соперников в глобальные, удержать их даже от стремления бросать вызовы США. Если в условиях ресурсных ограничений обеспечение однополярного мироустройства окажется не под силу США, то основной задачей в сфере мировой политики должна были стать организация такой многополярности, при которой они имели бы наибольшие относительные преимущества, чтобы новый мировой порядок был бы для них не менее

⁶¹⁹ Defense Strategic Guidance. Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. January 3, 2012. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

комфортным, чем однополярный. Такие задачи США уже решали на протяжении «холодной войны» и после ее завершения.

Именно с такой точки зрения рассматривался вызов со стороны Китая. При этом для военного ведомства США главной задачей было обесценивание имеющегося у КНР потенциала ядерного сдерживания и средств «воспрещения доступа на ТВД». Решением этой проблемы стала концепция «воздушно-морской операции» («Air-Sea Battle»), само название которой отсылало к концепции «AirLand Battle», разработанной в начале 1980-х гг. в рамках «второй стратегии компенсации» как средство обесценивания преимуществ СССР обычных вооружениях.

Разработанная еще в 2009 г., концепция была впервые упомянута в «Четырехлетнем обзоре» 2010 г. В официальной публикации Пентагона 2012 г. прямо указывается, что документ был разработан в соответствии с задачами, поставленными президентом в «Стратегических указаниях»⁶²⁰. Концепция «воздушно-морской операции» включала три основных элемента: разрушение системы управления и связи противника; уничтожение носителей средств поражения противника (самолетов, кораблей, пусковых установок ракет), перехват запущенных средств поражения (БР и КР) силами ПРО и ПВО соответственно. Таким образом, концепция представляла собой одну из форм контрсдерживания, первый и второй элементы относятся к контрсиле (нанесение обезглавливающих и обезоруживающих удары), третий – собственно ПРО. Обесценивание имеющегося у противника потенциала ядерного сдерживания предполагалось осуществлять за счет эскалационного доминирования США (включая ПРО и БГУ). Первоначально эта задача была сформулирована применительно к Китаю, но с 2014 г. стала относиться и к России, хотя ни «Стратегические указания» 2012 г., ни вышедший в марте

⁶²⁰ Air-Sea Battle. Service Collaboration to Address Anti-Access & Area Denial Challenges. Unclassified summary of the classified Air-Sea Battle Concept, version 9.0, dated May 2012 and the Air-Sea Battle Master Implementation Plan (FY13), dated September 2012. - P. 1. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/ASB-ConceptImplementation-Summary-May-2013.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

2014 г. «Четырехлетний обзор» не прогнозировали событий в Крыму, на Украине и в Сирии⁶²¹.

События 2014-2015 гг. по двум причинам ставят под сомнение способность решать задачу противодействия «воспрещению доступа на ТВД». Первое – фактор пространства. Второе – фактор времени, значение которого в постбиполярный период впервые продемонстрировала «пятидневная война» в августе 2008 г. Условием успеха в США считали способность действовать на опережение и быстро наращивать присутствие на ТВД. Это требовало поддержания сети военного присутствия по всему миру и наличия потенциала стратегической мобильности. С учетом существующих возможностей «Стратегические указания» 2012 г. требовали от вооруженных сил США в «заморских операциях» обеспечивать контроль ограниченной территории в течение ограниченного времени наличными силами, а при необходимости – нарастить их за счет подкрепления. Именно по этой причине китайский потенциал «противодействия доступу» вызывал такую озабоченность в США. В условиях скоротечных конфликтов фактор времени становился решающим.

Из этого также следовало повышение роли потенциала БГУ. Если в начале века в соответствии с «доктриной Буша» США сами могли выбирать время и место для нанесения ударов, то во втором десятилетии XXI в. инициатива могла принадлежать противнику. Унаследованная от Дж. Буша-мл. концепция БГУ была существенно скорректирована администрацией Б.Обамы с учетом «переноса центра тяжести» в Азию, прежде всего в части ее «глобальности». Уже в «Обзоре ядерной политики» 2010 г. потенциал БГУ характеризовался как «важный элемент эффективной региональной архитектуры безопасности, позволяющего усилить американский потенциал регионального сдерживания и гарантии безопасности союзникам при снижении роли ядерного оружия в стратегии США»⁶²². В «Четырехлетнем обзоре» 2010 г.

⁶²¹ Quadrennial Defense Review, March 2014. URL: http://archive.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (дата обращения: 24.03.2019)

⁶²² Nuclear Posture Review Report. April 2010. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (дата обращения: 24.03.2019)

БГУ выступал как одно из средств обеспечивающих «сдерживание и отражение агрессии в условиях применения средств, препятствующих доступу в зону боевых действий»⁶²³. Начиная с лета 2013 г. и до конца полномочий Б. Обамы, официальные представители Пентагона в различных форматах, в том числе выступая в Конгрессе, отмечали, что в связи с «переносом центра тяжести» в АТР, центральной задачей средств БГУ становится прорыв, благодаря гиперзвуковым скоростям, современных интегрированных систем ПВО⁶²⁴.

Концепция БГУ, призванная решать более ограниченный, чем при Буше-мл. круг задач, заняла свое место среди средств, обеспечивающих эскалационное доминирование США, в качестве связующего звена между ядерными и обычными силами. Потенциал БГУ снижает необходимость применения ЯО в региональных конфликтах, в случаях, когда обычные вооружения не могли справиться с постепенными задачами. Таким образом, демонстрировалось выполнение политической задачи сформулированной в выступлениях Обамы и «Обзоре ядерной политики» – снижение роли ЯО в обеспечении национальной безопасности США. Особую роль средства БГУ были призваны играть на начальной стадии конфликта, поражая ограниченное количество ключевых целей противника, что должно обеспечить необходимый временной интервал для развертывания и сосредоточения основных сил.

Перенос акцента концепции БГУ на региональный уровень вкупе с техническими трудностями в создании гиперзвуковых систем стал сильным стимулом для создания более традиционных средств поражения, запрещенных для США по условиям ДРСМД. Не случайно, начиная с 2013 г., США стали обвинять Россию в нарушении Договора⁶²⁵. Это позволяет предположить, что

⁶²³ Quadrennial Defense Review Report. February 2010. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (дата обращения: 24.03.2019)

⁶²⁴ DARPA refocuses hypersonics research on tactical missions // Aviation Week & Space Technology. - 8 July 2013. URL: <http://aviationweek.com/awin/darpa-refocuses-hypersonics-research-tactical-missions> (дата обращения: 24.03.2019); Statement of Admiral C. D. Haney Commander United States Strategic Command, before the House Committee on Armed Services Subcommittee on Strategic Forces. 24 February 2016. - P. 21. URL: <http://docs.house.gov/meetings/AS/AS29/20160224/104588/HHRG-114-AS29-Wstate-HaneyC-20160224.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

⁶²⁵ U.S. Department of State. Adherence to and Compliance with Arms Control, Nonproliferation, and Disarmament Agreements and Commitments. July 2014. - P. 8-10. URL: <http://www.state.gov/t/avc/rls/rpt/2014/230047.htm> (дата

уже в тот период в Вашингтоне было принято принципиальное решение о выходе из ДРСМД.

В документах Конгресса упоминается датированный сентябрем 2013 г. доклад председателя КНШ «О возможностях неядерного быстрого глобального удара в случае освобождения от ограничений ДРСМД»⁶²⁶, который, судя по всему, готовился параллельно с директивой PPD-24 (см. ниже). Хотя документ, видимо, был закрытым (его текст не удалось найти на доступных информационных ресурсах), сам факт его существования не скрывался. Таким образом, открыто признается, что проработка «новых возможностей» велась как минимум за пять лет до заявления Д. Трампа о выходе из Договора⁶²⁷.

Произведенный администрацией Б. Обамы пересмотр взглядов на задачи БГУ, в результате чего, несмотря на сохранение в названии термина «глобальный», акцент был перенесен на «региональные» действия, в конечном счете и привел к отказу США от ДРСМД (но реализовал этот курс уже новый президент). Характерно, что уже в 2014 г. конгрессмены поручили Пентагону проработку дополнительных «военных возможностей», помимо содержащихся в названном докладе, в том числе оценить возможности существенного наращивания средств ПРО и возможность размещения ТЯО в Восточной Европе⁶²⁸.

Параллельно с формулированием новых военных задач, вытекающих из «переноса центра тяжести в Азию» велась разработка новой директивы по применению ядерных сил, которая должна была заменить документ NSPD-14

обращения: 24.03.2019); Gordon M. U.S. says Russia tested missile, despite treaty // New York Times. - January 30, 2014. URL: <https://www.nytimes.com/2014/01/30/world/europe/us-says-russia-tested-missile-despite-treaty.html> (дата обращения: 24.03.2019)

⁶²⁶ Chairman of the Joint Chiefs of Staff. Report on Conventional Prompt Global Strike Options if Exempt from the Restrictions of the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics. September 2013. Документ упоминается, например, в: National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2018. Public Law 115–91. December 12, 2017. Sec. 1242 (7). URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-115publ91/pdf/PLAW-115publ91.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

⁶²⁷ Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2018. - Т. 10. №- 3. С. 3-47.

⁶²⁸ H.R. 4435 – FY15 National Defense Authorization Bill. Subcommittee on Strategic Forces. Directive Report Language. Pp. 101–102. URL: <https://docs.house.gov/meetings/AS/AS29/20140430/102126/BILLS-113HR4435ih-U1.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

Дж. Буша-мл.⁶²⁹. В рамках этой работы 12 июня 2013 г. новый министр обороны Ч. Хейгел представил Конгрессу доклад «Стратегия применения ядерного оружия США»⁶³⁰. В докладе министерства обороны отмечалось, что риск ядерного нападения на США возрастает по мере развития процессов распространения в горизонтальном измерении. Хотя угроза широкомасштабной ядерной войны считается маловероятной, для США сохраняется угроза со стороны России, обладающей практически равным ядерным потенциалом. Несмотря на декларируемое уменьшение роли ЯО в обеспечении безопасности США, отмечается, что пока не созданы условия, при которых единственной ролью ядерных сил США станет сдерживание нападения с применением ЯО⁶³¹.

После одобрения Конгресса президент Б. Обама в июне 2013 г. подписал разработанную на основе названного доклада президентскую политическую директиву № 24, определяющую стратегию применения ЯО⁶³². Фактологическая справка с изложением некоторых положений директивы была размещена на сайте Белого дома⁶³³.

Таким образом, фактически стратегия Обамы предусматривала снижение ядерного порога, поскольку расширялся набор сценариев, когда мог быть поставлен вопрос об использовании ЯО в ответ на неядерное нападение. В отношении планирования применения ядерных сил США приоритет был отдан развитию их контрсилового потенциала, что означало сохранение линии Буша-мл. на упреждение действия (контрсилловые удары в ответных действиях не

⁶²⁹ Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преемственность и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл., Б. Обамы и Д. Трампа // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. - 2018. - Т. 10. - № 3. - С. 3-47.

⁶³⁰ Department of Defense. Report on Nuclear Employment Strategy of the United States. Specified in Section 491 of 10 USC. June 2013. URL:

http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/ReporttoCongressonUSNuclearEmploymentStrategy_Section491.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

⁶³¹ Department of Defense. Report on Nuclear Employment Strategy of the United States. Specified in Section 491 of 10 USC. June 2013. URL:

http://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/ReporttoCongressonUSNuclearEmploymentStrategy_Section491.pdf (дата обращения: 24.03.2019).

⁶³² Документ не опубликован. Номер и дата утверждения приведены по: Kristensen H.M. The U.S. Nuclear Posture after the 2010 Nuclear Posture Review and 2013 Nuclear Employment Strategy. September 25, 2013. - P. 9. URL: https://fas.org/programs/ssp/nukes/publications1/Brief2013_Georgetown.pdf (дата обращения: 24.03.2019)

⁶³³ Nuclear Weapons Employment Strategy of the United States. Fact Sheet // The White House. Office of the Press Secretary. June 19, 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/19/fact-sheet-nuclear-weapons-employment-strategy-united-states> (дата обращения: 24.03.2019).

имеют смысла). Таким образом, приоритет в применении ядерных сил США администрация Обамы отдавал не сдерживанию, а контрсдерживанию.

Второй компонент контрсдерживания – создание системы ПРО с глобальными возможностями, которая должна в том числе обесценить усилия России по поддержанию ядерного паритета с Соединенными Штатами, стало одним из важнейших направлений военного строительства в США. Целью администрации Б. Обамы было ускорение создания многокомпонентной глобальной системы, включающей ПРО территории США с ракетами-перехватчиками GBI, размещенными на Аляске и в Калифорнии, и сегменты в Европе и АТР. При корректировке проектов ПРО в 2010 г. был введен «поэтапный адаптивный подход для Европы», а позднее были определены планы размещения компонентов ПРО в Восточной Азии. Одновременно повышалась роль морского компонента, имеющего высокую гибкость – свойство привлекательное в обстановке неопределенности с конфигурацией угроз ракетного нападения. В то же время администрацией Обамы был отменен ряд программ, полученных в наследство от Буша-мл. (MKV, KEI, ABL, NCADE), эффективность которых вызывала сомнения.

Решение о пересмотре архитектуры европейского сегмента Обама объявил 17 сентября 2009 г.⁶³⁴ Президент отметил, что произведена новая оценка угрозы со стороны Ирана. Если планы Буша предусматривали строительство РЛС в Чехии и позиции антиракет GBI в Польше для перехвата гипотетических МБР, то администрация Обамы сочла, что более реалистичной является угроза со стороны иранских БРСД. Очевидно, что эти ракеты могли угрожать только странам Европы, но не США, зато в более близкой перспективе. В этой связи план Буша-мл., всего годом ранее закрепленный соглашениями с правительствами двух стран, был отменен. Вместо GBI в Польше было принято решение строить систему в Европе на основе поэтапного адаптивного подхода (Phased Adaptive Approach), вскоре переименованного в

⁶³⁴ Remarks on Missile Defense Systems in Europe. September 17, 2009. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-200900720/pdf/DCPD-200900720.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

Европейский поэтапный адаптивный подход (ЕПАП, European Phased Adaptive Approach)⁶³⁵: Основой архитектуры системы ПРО, реализуемой в рамках нового подхода должен был стать наземный вариант морской системы - AEGIS Ashore.

Уточненная политика администрации Обамы в сфере ПРО была изложена в «Обзоре противоракетной обороны» – первом документе такого рода в США, вышедшем 1 февраля 2010 г.⁶³⁶ В «Обзоре ПРО» давались оценки угроз ракетного нападения по направлениям. Отмечалось, что наибольшие из них исходят от России и Китая, но вероятность военных конфликтами с этими соперниками достаточно низка. При этом признавалось, что возможности создаваемой системы ПРО не позволят отразить широкомасштабный удар ни со стороны России, ни со стороны КНР. В этой связи главным требованием к системе осталась ее способность отразить ограниченный удар со стороны региональных держав, обладающих ОМУ и средствами его доставки.⁶³⁷ В «Обзоре» специально были рассмотрены вопросы связи программы создания системы ПРО в США и контроля над вооружениями (документ вышел на завершающем этапе выработки проекта ДСНВ). Авторы документа настаивали на том, что система ПРО США не подрывает стратегическую стабильность, не влияет на баланс сил с Россией, поэтому в будущем ДСНВ не должны содержаться какие-либо правовые ограничения на создаваемую систему⁶³⁸.

«Обзор» подтвердил адаптивный подход к архитектуре ПРО в Европе и других регионах и определил его как «подогнанный» (tailored) по аналогии со сдерживанием⁶³⁹. В Европе на первом этапе (2010-2011 гг.) была создана инфраструктура управления, в том числе командный пункт на авиабазе Рамштайн (Германия) и новая РЛС на территории Турции в качестве средства дальнего обнаружения и контроля воздушного пространства Ирана (введена в

⁶³⁵ White House, Office of the Press Secretary. U.S. Missile Defense Policy : a Phased, Adaptive Approach for Missile Defense in Europe. Fact Sheet. September 17, 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/fact-sheet-us-missile-defense-policy-a-phased-adaptive-approach-missile-defense-eur> (дата обращения: 24.03.2019)

⁶³⁶ Department of Defense. Ballistic Missile Defense Review Report. February 2010. URL: http://archive.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf (дата обращения: 24.03.2019)

⁶³⁷ Ibid. P. 12

⁶³⁸ Ibid. P. 34

⁶³⁹ Ibid. P. 24

строй в январе 2012 г.). Роль ударных средств на этом этапе выполняли корабли ВМС с системой AEGIS и ракетами SM-3 Block IA.

Главным элементом второго этапа ЕПАП (2012-2015 гг.) стало создание на территории Румынии (сухопутная база ВМС США Девеселу) комплекса ПРО AEGIS Ashore с 24 перехватчиками. Соглашение с правительством Румынии было подписано 13 сентября 2011 г.⁶⁴⁰, база вступила в строй 12 мая 2016 г. Кроме того на постоянной основе на военно-морской базе Рота в Испании были размещены четыре эсминец ВМС США с системой AEGIS.⁶⁴¹ В ходе осуществления этапа была модернизирована система AEGIS, что позволило применять более совершенные перехватчики SM-3 Block IB с улучшенной системой управления.

На третьем этапе ЕПАП (2016-2018 гг.) был запланирован ввод второй базы ПРО, оснащенной комплексом AEGIS Ashore, в Польше (на месте, выделенном ранее для GBI). В этой связи 3 июля 2010 г. в Кракове был подписан Протокол к действовавшему Соглашению 2008 г. по размещению противоракет GBI⁶⁴² (администрацией Трампа срок ввода в строй базы ПРО в Польше был перенесен на 2020 г.). На третьем этапе в состав системы ПРО должны были войти разрабатываемые совместно с Японией новые противоракеты SM-3 Block IIА с повышенной энергетикой, но их испытания затянулись до конца 2018 г.

Первоначально планировалось реализовать в 2019-2020 гг. четвертый этап ЕПАП, в рамках предполагалось принять на вооружение новый перехватчик SM-3 Block IIB, разрабатывавшийся также совместно с Японией. Принципиальным отличием данного варианта от предыдущих была

⁶⁴⁰ Agreement between the United States of America and Romania on the Deployment of the United States Ballistic Missile Defense System in Romania. URL: <https://ro.usembassy.gov/agreement-between-the-united-states-of-america-and-romania-on-the-deployment-of-the-united-states-ballistic-missile-defense-system-in-romania/> (дата обращения: 24.03.2019).

⁶⁴¹ Announcement on missile defence cooperation by NATO Secretary General Anders Fogh Rasmussen, the Prime Minister of Spain, Jose Luis Rodriguez Zapatero and US Defense Secretary Leon Panetta. 5 October 2011. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/opinions_78838.htm (дата обращения: 24.03.2019)

⁶⁴² Protocol Amending the Agreement Between the Government of the United States Of America and the Government of the Republic of Poland Concerning the Deployment of Ground-Based Ballistic Missile Defense Interceptors in the Territory of the Republic of Poland, Done at Warsaw on August 20, 2008. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/180543.pdf> (дата обращения: 24.03.2019)

повышенная до 5,5 км/сек скорость, что позволяло перехватывать МБР на среднем участке полета⁶⁴³. Содержание четвертого этапа раскрывало истинный смысл политики администрации Обамы. Внешне первые три этапа ЕПАП выглядели как возвращение к подходу администрации Клинтона к построению ПРО – приоритет отдавался защите не территории США, а регионов, в данном случае Европы. Четвертый этап свидетельствовал о том, что администрация Обамы пошагово строила в Европе передовой рубеж обороны США, но с использованием более дешевого (сказывались бюджетные ограничения) перехватчика.

«Адаптивность» подхода администрации Обамы состояла в возможности вносить в будущем коррективы при появлении новых угроз⁶⁴⁴. Именно это и произошло 15 марта 2013 г. министр обороны Ч. Хейгел объявил о внесении изменений в планы строительства ПРО. Четвертый ЕПАП и проект разработки перехватчика SM-3 Block IV были отменены⁶⁴⁵. Вместо это было принято решение реструктурировать расходы и потратить 1 млрд. долл. на развертывание 14 дополнительных перехватчиков GBI на Аляске к концу 2016 г. (в дополнение к уже имеющимся там 26), а также установить в Японии вторую РЛС обнаружения.

Внешне это выглядело как реакция на третье ядерное испытание в КНДР и признание более серьезных, чем предполагалось, технических трудностей при создании нового перехватчика. Но, очевидно, учитывалось и начало тайного диалога с Тегераном в интересах выработки будущей «ядерной сделки». Строительство столь явно направленной против Ирана архитектуры ПРО могло бы усилить позиции иранских консерваторов, настроенных против компромисса с США, и сорвать достижение соглашения. Кроме того, угроза со стороны северокорейских ракет была более убедительной, чем гипотетическая

⁶⁴³ Department of Defense. Ballistic Missile Defense Review Report. February 2010. URL: http://archive.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf (дата обращения: 24.03.2019)

⁶⁴⁴ Remarks on Missile Defense Systems in Europe. September 17, 2009. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-200900720/pdf/DCPD-200900720.pdf> (дата обращения: 24.03.2019)

⁶⁴⁵ Missile Defense Announcement. As Delivered by Secretary of Defense Chuck Hagel. The Pentagon, March 15, 2013. URL: <https://archive.defense.gov/Speeches/Speech.aspx?SpeechID=1759> (дата обращения: 24.03.2019)

иранская МБР, а новая направленность архитектуры ПРО (по сути, возвращение к конфигурации, заданной при Буше-мл.) больше отвечала логике «переноса центра тяжести в Азию».

Планы администрации Обамы по развитию группировки противоракет на Аляске не ограничивались решением довести число перехватчиков GBI до 40. Речь шла о возрождении планов администрации Клинтона о развертывании на Аляске 100 перехватчиков (тогда еще учитывались лимиты Договора 1972 г.), и именно такая емкость была заложена в проект инфраструктуры этого позиционного района ПРО (пять объектов по 20 пусковых установок)⁶⁴⁶.

По инициативе министерства обороны в текст закона о расходах на оборону на 2014 г. фин. г., было включено поручение представить Конгрессу доклад о возможных вариантах развития наземного сегмента системы ПРО, в том числе проработать такие варианты как: увеличение группировки на Аляске до 60 ракет; создание третьего позиционного района GBI на восточном побережье США; создание третьего района «где-либо еще помимо восточного побережья»; включение в состав наземного сегмента перехватчиков SM-3 Block PA; разработка средств перехвата БР, запущенных с морских носителей, а также с южного направления⁶⁴⁷. Ни одно из перечисленных решений не было принято администрацией Обамы, но некоторые из них вошли в текст «Обзора ПРО» администрации Трампа, выпущенного в январе 2019 г.⁶⁴⁸.

Администрация Обамы последовательно наращивала возможности системы ПРО на восточноазиатском направлении, хотя и не структурировала их в программу, подобную ЕПАП. В декабре 2014 г. была введена в строй вторая РЛС передового базирования в Японии. На авиабазу Андерсен на о. Гуам была переведена батарея комплекса THAAD из Техаса (первое развертывание за пределами национальной территории США). В рамках «переноса центра

⁶⁴⁶ Steff R. Strategic thinking, deterrence and the US ballistic missile defense project: from Truman to Obama. - Routledge, 2016. - 226 p.

⁶⁴⁷ National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2014. Public Law 113–66. December 26, 2013. Sec.237. URL: <https://www.congress.gov/113/plaws/publ66/PLAW-113publ66.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

⁶⁴⁸ См.: Department of Defense. 2019 Missile Defense Review. January 17, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF> (дата обращения: 24.03.2019).

тяжести в Азию» более 60% корабельного состава ВМС США были сосредоточена на Тихом океане. Соответственно на восточноазиатском направлении развернуто более половины всех кораблей, оснащенной системой AEGIS в противоракетной конфигурации (28 эсминцев и крейсеров на конец 2016 г.). Одновременно была проработана возможность преобразования полигонного образца комплекса AEGIS Ashore на Гавайских островах в боевой. Администрацией Обамы, начиная с 2013 г. рассматривались предложения о развертывании комплекса THAAD в Южной Корее, но осуществление этого решения состоялось только в середине 2017 г. Таким образом, администрация Д. Трампа получила в наследство практически сформированную эшелонированную систему ПРО на восточноазиатском направлении, что усилило его возможности по ведению с позиции силы диалога с КНДР и с КНР.

Подводя итог рассмотрению эволюции ядерной политики администрации Б. Обамы, можно сделать следующие выводы.

В основе изложенного в пражской речи президента (2009 г.) нового, радикального, подхода к ядерной политике лежало представление о многомерности мощи США и одномерных возможностях их противников. Это представление существовало задолго до Обамы и радикальная инициатива нового президента имела целый ряд предшественников, также исходивших из того, что «обнуление» ядерных потенциалов изменит общее соотношение сил в пользу США.

Подтверждением первоначальной решимости администрации идти по пути сокращений ЯО стало начало нового диалога с Россией по СНВ, завершившегося подписанием 8 апреля 2010 г. нового Договора СНВ. В области противодействия горизонтальному распространению результаты политики Обамы были не так однозначны, как у Буша-мл. На корейском направлении администрация сочетала санкционное давление с в целом неудачными попытками дипломатическим путем вернуть КНДР за стол переговоров. Иных результатов демократической администрации удалось добиться на иранском направлении, но лишь в результате усилий

многосторонней дипломатии. Итогом стало принятие 14 июля 2015 г. в Вене представителями Ирана и группы P5+1 Совместного всеобъемлющего плана действий, предусматривающего установление жестких ограничений на ядерную программу Тегерана. В целом Б. Обама не удалось достичь поставленных в 2009 г. целей. Провал на Корейском полуострове и непрочный успех на иранском направлении не приблизили, а отдалили заявленный им идеал достижения безъядерного мира.

Принятая администрацией Обамы «третья стратегия компенсации» усилила наметившиеся при Буше-мл. тенденции к размыванию грани между ядерными и обычными средствами. В результате происходит столь глубокая интеграция ЯО с иными факторами силы (ПРО, ВТО, космические средства, кибероружие) что делает крайне низкой вероятность достижения «ядерного ноля» в обозримой перспективе.

Разработанная администрацией Буша-мл. концепция БГУ сохранилась при его преемнике, но стала решать более ограниченный круг задач, одновременно демонстрируя выполнение политической задачи сформулированной в выступлениях Обамы и «Обзоре ядерной политики» - снижения роли ЯО в обеспечении национальной безопасности США.

«Глобальность» системы ПРО, создававшейся администрацией Б.Обамы, была основана на возможностях ее подсистемы информационного обеспечения. Возможности ударной подсистемы, состоящей из нескольких типов перехватчиков, пока существенно ограничены существующими технологическими возможностями и «глобальными» не являются. Несмотря на то, что обеспечение глобальных возможностей системы ПРО остается в числе приоритетов, начиная с 2002 г., когда США вышли из Договора 1972 г., на пути к достижению этой цели остаются серьезные препятствия.

Заключение

На протяжении семи с половиной десятилетий ядерная политика США решает задачу обеспечения для Вашингтона свободы рук в международных отношениях. Начав свое развитие в максимально комфортных условиях атомной монополии, ядерная политика США постепенно сложилась в четырехкомпонентную матрицу, каждый элемент которой вносит свой вклад в решение названной задачи. При этом очень скоро политика Вашингтона начала сталкиваться с серьезными препятствиями, порожденными процессами горизонтального и вертикального распространения. Первыми препятствиями стала относительно быстрая ликвидация Советским Союзом сначала атомной, а затем и водородной монополии США. Попытки администраций Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди и Л. Джонсона добиться стратегических преимуществ перед СССР и вернуть свободу рук в мировой политике с помощью вертикального распространения потерпели неудачу. К концу 1960-х гг. Советский Союз добился стратегического паритета с США.

Выбор, который был сделан Р. Никсоном и Г. Киссинджером, можно трактовать как адаптацию США к новым реалиям, переход к сотрудничеству держав вместо соперничества (что послужило базой для политики разрядки), но этот выбор был вынужденным. Признание паритета в ядерной сфере и шире – равновесия военных возможностей – означало частичный отказ от представлений об исключительности Соединенных Штатов, а идеалом для США является однополярный мир. Паритет не был возвращением к политике баланса сил в полицентричной системе международных отношений (знатоком которой был Г. Киссинджер, сделавший имя на исследовании венского порядка), в силу особенностей ядерного оружия и отсутствия в этой конструкции внешнего балансира. Если рассматривать ядерную политику США на протяжении всей ее истории, то паритет выглядит как вынужденная аномалия, причем рассмотренные в первой главе факты свидетельствуют, что одновременно с признанием паритета администрация Никсона начала

предпринимать усилия по его обесцениванию за счет качественного превосходства США. От Никсона до Трампа прослеживается непрерывная линия на качественное превосходство в условиях количественных ограничений. Материальным обеспечением этого превосходства, начиная с решений 1972 г., принятых при ратификации Договора ОСВ-1, является, прежде всего, наращивание контрсиловых возможностей СЯС.

Основное направление эволюции концепций применения ядерных сил США с начала 1960-х гг. и до настоящего времени – повышение гибкости с целью сделать ЯО реально используемым инструментом политики. Для этого Вашингтон стремится вынести за скобки ситуацию ВГУ, которая продолжает существовать и в XXI в. при имеющихся размерах ядерных сил США и России, несмотря на то, в риторике она отвергается как анахронизм «холодной войны».

По окончании «холодной войны», так же, как и в самом ее начале, ядерный фактор не позволил мировой политике стать полностью однополярной. В 1990-е гг. Россия заставляла считаться с собой уже в силу наличия потенциала ядерного сдерживания, сопоставимого с американским, а Китай – экономической мощи. Не случайно одним из главных направлений борьбы за однополярный мир стало с середины 1990-х гг. стало контрраспространение, включающее в вертикальном измерении существенное ослабление возможностей России, в горизонтальном – предотвращение роста региональных центров силы, а в отношении Китая – также его «вовлечение», имеющее целью лишить самостоятельности при выработке и принятии решений.

После окончания «холодной войны» снижение роли ЯО в обеспечении национальной безопасности США отражало только количественную сторону проблемы, обусловленную реализацией договоров СНВ-1 и СНВ-2. С качественной точки зрения роль ЯО не только не уменьшилась, но, наоборот, возросла, т.к. на него дополнительно было возложено решение задач контрраспространения. В рамках этого подхода уже в 1990-е гг. проявилась тенденция к стиранию грани между стратегическим и нестратегическим ЯО, получившая развитие при администрации Дж. Буша-мл. Предпринятая США в

первом десятилетии XXI в. попытка вернуться к проекту однополярного мира вновь оказалась неудачной.

Такие события, как ядерные испытания в Индии и Пакистане в 1998 г., создание в конце 1990-х гг. ракет большой дальности в КНДР и Иране позволили ряду авторов заявить о наступлении «второго ядерного века». Хотя правомерность использования данного термина вызывает сомнения, следует признать, что вступление в «ядерный клуб» и приближение к его порогу государств с иной стратегической культурой, не прошедших через «школу кризисов» периода «холодной войны», может существенно повлиять на военно-политические отношения в регионах и воздействовать на всю систему стратегической стабильности.

Становление «ядерной многополярности» было лишь одним из измерений в формировании нового стратегического ландшафта в XXI в. Новые тенденции развивались также в технологической сфере, что находило отражение в ядерной политике администраций Буша-мл. и Обамы. В 2002 г. в документах появилось понятие «новой триады» отражавшее размывание нескольких граней – между ЯО и обычным оружием, между наступательными средствами и обороной, между стратегическим и тактическим ЯО. Принятая администрацией Обамы «третья стратегия компенсации» усилила названные тенденции. В результате происходит столь глубокая интеграция ЯО с иными факторами силы (ПРО, ВТО, космические средства, кибероружие) что делает крайне низкой вероятность достижения «ядерного ноля» в обозримой перспективе.

В рамках данной тенденции развивалась концепция БГУ, заняла свое место среди средств, обеспечивающих эскалационное доминирование США, в качестве связующего звена между ядерным и обычными силами. Потенциал БГУ снижает необходимость применения ЯО в региональных конфликтах, в случаях, когда обычные вооружения не могут справиться с поставленными задачами. Разработанная администрацией Буша-мл., она сохранилась при его преемнике, но стала решать более ограниченный круг задач. Одновременно демонстрировалось выполнение политической задачи сформулированной в

выступлениях Обамы и «Обзоре ядерной политики» - снижения роли ЯО в обеспечении национальной безопасности США. Особую роль средства БГУ были призваны играть на начальной стадии конфликта, поражая ограниченное количество ключевых целей противника, что должно обеспечить необходимый временной интервал для развертывания и сосредоточения основных сил. Произведенный администрацией Б. Обамы пересмотр взглядов на задачи БГУ, в результате чего, несмотря на сохранение в названии термина «глобальный», акцент был перенесен на «региональные» действия, в конечном счете и привел к отказу США от ДРСМД (но реализовал этот курс уже новый президент).

В сфере сдерживания администрации Дж. Буша-мл. сформулировала т.н. подогнанный (tailored) подход, сохранивший свое значение и в период нахождения у власти президента Б. Обамы. При этом в отношении одной пары противников (Иран и КНДР) развивалась линия на нанесение упреждающих ударов. При этом ЯО рассматривалось как реально применимый инструмент политики, используемый для нанесения противнику поражения с целью последующей смены режима. Материальным обеспечением данного курса служат, прежде всего, ядерные заряды малой мощности – один из приоритетов «Обзора ядерной политики» 2018 г. (серийное производство одного из них – заряда W76-2 для БРПЛ «Трайдент II» уже началось).

Политика в отношении России и КНР была сложнее. В ее основе лежала модель ядерного сдерживания последних полутора десятилетий «холодной войны». Основные его контуры были изложены в «доктрине Шлесинджера», которая предполагала нанесение ограниченными силами в первом, «дозированном», ударе такого ущерба, который был бы чувствительным для противника настолько, чтобы принудить его к политическому компромиссу, но не настолько, чтобы побудить его к эскалации, но при этом обеспечивалось бы эскалационное доминирование США в целях скорейшего завершения конфликта на условиях Вашингтона. С учетом того, что пока нет информации о замене действующей с июня 2013 г. директивы Б. Обамы по применению

ядерных сил США, можно предположить, что базовые постулаты «доктрины Шлесинджера» сохраняют свое значение при администрации Д.Трампа.

Вклад ПРО в эскалационное доминирование не столь очевиден, но способность отразить ответные действия противника, заранее ослабленные контрсиловым первым ударом – одно из условий возвращения «свободы рук» в мировой политике. Выход США из Договора по ПРО в 2002 г. стал решительным шагом в этом направлении. В течение следующего десятилетия в Вашингтоне сохранялся определенный оптимизм в отношении ПРО, основанный не столько на достижениях в создании технологий, сколько на ограниченных возможностях потенциальных противников США.

Принципиальным отличием политики контрраспространения администрации Дж. Буша-мл. от всех предшествующих было изменение объекта воздействия. До этого в документах администраций (до У. Клинтона включительно) речь шла о борьбе с самим оружием и средствами его доставки. Дж. Буш-мл. в своей «Стратегии борьбы с ОМУ» объявил, что целью является не оружие, а те, кто стремится к его созданию, т.е. речь шла о смене режимов в назначенных государствах. Определив состав «оси зла» в послании президента Конгрессу в январе 2002 г., администрация Буша-мл. приступила к реализации сформулированной программы силового разоружения и смены режимов в трех странах, имеющих важное значение для балансов сил в ключевых для интересов США регионах. Администрация Обамы продолжила данную линию, начав с попытки смены режима в Иране в 2009 г. После неудачи акценты были смягчены, и тема смены режимов как условия решения проблем контрраспространения была исключена из открытых документов и публичных выступлений официальных лиц.

Пытаясь одновременно решить две крупные проблемы в сфере распространения, администрация Дж. Буша-мл. использовала два подхода, «кнут» и «пряник», чередуя их в противофазе – конфронтация на одном направлении сочеталась с мягкостью политики на другом, затем подходы

менялись местами. Это чередование продолжили и преемники Буша-мл. – Обама и Трамп.

При реализации «Стратегии борьбы с ОМУ» администрация Буша-мл. столкнулась с противоречием между поставленными целями и имеющимися средствами. Возможности силового решения проблемы контрраспространения и принуждения КНДР и Ирана к отказу от ядерных программ были переоценены, а политико-дипломатические меры оказались неадекватными. Результаты политики контрраспространения к концу второго президентского срока Дж. Буша-мл. состояли в формальной ликвидации двух несуществующих программ в Ираке и Ливии, провале на корейском направлении, выразившемся в открытом вступлении КНДР в «ядерный клуб» и тупике вокруг ядерной программы Ирана. Это существенным образом повлияло на расстановку приоритетов ядерной политики следующей администрации.

Неудача политики контрраспространения администрации Буша-мл. стимулировала попытку Б. Обамы исключить ядерный фактор из мировой политики с помощью «глобального ноля», результатом которого должно было стать усиление тенденции к однополярности в мировой политике. Попытка оказалась неудачной. Вероятность успеха в достижении «глобального ноля» остается низкой не только по политическим причинам, но и потому, что структура ядерный фактор достаточно сложна, а его грани – достаточно размыты. Роль неядерных факторов – ударных средств в неядерном оснащении (БГУ) и ПРО в современных условиях слишком велика, чтобы волевым решением исключить ядерный фактор из мировой политики XXI в.

Если «глобальный ноль» недостижим, то выбор делается в пользу превосходства США, иллюстрацией чему служат решения президентов Г. Трумэна, Д. Эйзенхауэра, Дж. Кеннеди, Дж. Картера и Б. Обамы. В последнем случае после неудачи с идеей «ноля» администрация Обамы приняла решения о «переносе центра тяжести» в Азию и наращивании военных возможностей США. Этот сдвиг произошел не сразу, а лишь после официального завершения «глобальной войны с террором» Лишь в конце

2011 г. о «переносе центра тяжести» было объявлено публично, а в документах начали отражаться новые приоритеты. По сути, это решение было не оригинальной разработкой администрации Обамы, а возвращением на тот путь, по которому администрация Дж. Буша-мл. начинала идти до 11 сентября 2001 г., истоки которого находятся в наработках 1990-1992 г. администрации Дж. Буша, а отголоски можно найти и в политике Д. Трампа. Одним из последствий «переноса центра тяжести» было принципиальное решение о выходе из ДРСМД, принятое, судя по косвенным признакам, в 2013-2014 гг., но реализацию которого Обама оставил своему преемнику.

В целом ядерная политика США в 2001-2017 гг. характеризуется высокой степенью преемственности в концептуальном плане и материальном наполнении, несмотря на различие в риторике президентов. Общая цель всех модификаций ядерной политики – обеспечение для США свободы рук в системе международных отношений. В политике Буша-мл. и Обамы были опробованы оба подхода к достижению названной цели – обеспечение превосходства ядерных сил США над противниками и «обнуление» ядерных потенциалов.

Ситуация стала меняться с возвращением на авансцену мировой политики «соперничества великих держав», располагающих иными материальными возможностями по сравнению с «государствами-изгоями». Возвращение во втором десятилетии XXI в. соперничества держав в мировую политику не сопровождается возрождением идей паритета и попытками выработать неформальный кодекс поведения ядерных государств в новом веке. На первый взгляд, США находятся в ситуации, по ряду параметров очень похожей на начало 1970-х гг. – необходимость формировать новый подход к позиционированию США в мире в условиях утраты былых преимуществ вовне, а с приходом Д. Трампа – еще и глубокого расколом внутри страны.

«Наследие» администраций Дж. Буша-мл. и Б. Обамы составило основу ядерной политики Д. Трампа, что нашло отражение в концептуальных документах принятых в 2017-2019 гг. и в содержании военно-технических

программ. Трамп в своей ядерной политике синтезировал подходы предшественников с учетом поправок на новый «стратегический ландшафт» – возвращение соперничества великих держав как системообразующей характеристики современных международных отношений.

Администрация Трампа рассматривает ядерную политику как один из инструментов формирования нового мирового порядка, отвечающего интересам США. Однако обеспечивать желаемое превосходство в условиях новых вызовов со стороны растущих центров силы становится сложнее, чем в первом десятилетии XXI в.

Добиться превосходства за счет наращивания собственных возможностей США, совершив рывок подобно президентам Кеннеди или Рейгану, не позволят ресурсные ограничения. В этой связи администрация Трампа задействует все четыре компонента ядерной политики, используя весь фундамент, созданный его предшественниками – реализует планы модернизации СЯС; совершенствует ударные виды обычных вооружений (в том числе гиперзвуковые); проводит политику «подогнанного сдерживания» с опорой на эскалационное доминирование США; в сфере контрраспространения сохраняет дифференцированный двух предыдущих президентов; продвигает программу создания системы ПРО с глобальными возможностями.

Первым из документов стратегического планирования новой администрации стала «Стратегия национальной безопасности» (декабрь 2017 г.)⁶⁴⁹, за которой последовали открытая часть «Национальной оборонной стратегии» (январь 2018 г.)⁶⁵⁰ и «Обзор ядерной политики» 2 февраля 2018 г.⁶⁵¹ Разработка «Обзора ПРО» сильно затянулась. Главным отличием

⁶⁴⁹ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 25.03.2019)

⁶⁵⁰ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America : Sharpening the American Military's Competitive Edge. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 25.03.2019)

⁶⁵¹ Nuclear Posture Review. February 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 25.03.2019); Statement on the Release of the Nuclear Posture Review // Compilation of Presidential Documents. Statements by the President. February 2, 2018. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201800073/pdf/DCPD-201800073.pdf> (дата обращения: 25.03.2019)

вышеперечисленных документов от их аналогов, изданных администрациями Дж. Буша-мл. и Б. Обамы, является констатация новой политической реальности, прямо зафиксированной в «Национальной оборонной стратегии»: «В настоящее время главным элементом национальной стратегии США в области безопасности является не борьба с терроризмом, а межгосударственное стратегическое соперничество. Безусловным приоритетом является долгосрочное стратегическое соперничество с Россией и Китаем»⁶⁵². И если во всех предыдущих документах стратегического планирования после окончания «холодной войны» Россия и Китай определялись как державы, представляющие для США угрозу регионального масштаба, то новая администрация характеризует их как соперников с глобальными амбициями.

Последствия этого вывода можно обнаружить во всех компонентах ядерной политики США, но сильнее это проявилось в контрраспространении. При Трампе происходит широкомасштабная ликвидация международных обязательств США, ограничивающих свободу рук Вашингтона, начатая в 2002 г. Дж. Бушем-мл. выходом из Договора по ПРО. В сфере ядерной политики это, прежде всего, выход из «ядерной сделки» с Ираном (Совместного всеобъемлющего плана действий, принятого 14 июля 2015 г.)⁶⁵³ и из ДРСМД⁶⁵⁴.

В сфере сдерживания «Обзор ядерной политики» 2018 г. исходит из двух принципиальных установок. Во-первых, в условиях соперничества держав роль ядерного оружия в политике США возрастает (до Трампа декларировалась ее снижение). Во-вторых, в условиях неопределенной стратегической ситуации Россия и, в меньшей степени, Китай представляют реальную военную угрозу для США. Кроме России и Китая, определенные риски для безопасности

⁶⁵² Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 25.03.2019).

⁶⁵³ Remarks by President Trump on the Joint Comprehensive Plan of Action. May 8, 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-joint-comprehensive-plan-action/> (дата обращения: 15.04.2019); National Security Presidential Memorandum on Ceasing United States Participation in the Joint Comprehensive Plan of Action and Taking Additional Action to Counter Iran's Malign Influence and Deny Iran All Paths to a Nuclear Weapon (NSPM-11) May 8, 2018. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/DCPD-201800311/pdf/DCPD-201800311.pdf> (дата обращения: 15.04.2019)

⁶⁵⁴ Statement from the President Regarding the Intermediate-Range Nuclear Forces (INF) Treaty. February 1, 2019. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/statement-president-regarding-intermediate-range-nuclear-forces-inf-treaty/> (дата обращения: 25.03.2019)

Соединенных Штатов представляют КНДР и Иран, т.е. остаток «оси зла» Бушамл. Определив в качестве противников США две пары государств: Иран и КНДР, КНР и Россию, администрация Д. Трампа в своей ядерной стратегии синтезировала подходы своих предшественников.

Возможность создания системы ПРО с глобальными возможностями, которая обесценит возможности России по поддержанию ядерного паритета с Соединенными Штатами и усилия КНР по качественному совершенствованию своих СЯС, вызывает сомнения. Видимо, этим объясняется годичная задержка в выпуске «Обзора ПРО»⁶⁵⁵, разработка которого была задана в январе 2017 г. одновременно с «Обзором ядерной политики».

В определенной степени в сфере ПРО сейчас воспроизводится ситуация, в которой оказалась администрация Л. Джонсона к 1967 г. Но повторить маневр полувековой давности – изменить идеологию построения системы с «плотной», направленной против СССР, на «легкую» против Китая – сейчас едва ли удастся. Поэтому администрация Трампа будет продолжать поиск новых возможностей для создания системы ПРО как ключевого элемента контрсдерживания.

Складывается впечатление, что разработчики «Обзора ПРО» 2019 г. были поставлены перед политической необходимостью выпустить документ до того, как будет объявлено о выходе из ДРСМД, а решение целого ряда проблем, требующих дополнительной проработки, пришлось отложить. Такая увязка совершенно не случайна и отражает отмеченное выше значение ПРО и средств средней дальности для обеспечения эскалационного доминирования США. Развитие ПРО должно убедить противников США – прежде всего Россию и Китай – в бесперспективности, соответственно, создания и наращивания группировок наземных средств средней дальности после того, как ДРСМД утратит силу. Перечисленные президентом Трампом при представлении «Обзора ПРО» приоритеты имеют очевидную антироссийскую и

⁶⁵⁵ Department of Defense. 2019 Missile Defense Review. January 17, 2019. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF> (дата обращения: 25.03.2019)

антикитайскую направленность⁶⁵⁶. Характерно, что в данном «Обзоре» впервые со времен закрытия СОИ в 1993 г. Россия упоминается в контексте ПРО.

В этой связи особое внимание специалистов и СМИ после обнародования «Обзора» привлекли его положения о развитии космического эшелона ПРО и оружия направленной передачи энергии, поскольку это закономерно вызывает ассоциации с СОИ президента Рейгана⁶⁵⁷. Это впечатление усилилось в марте 2019 г. когда в Конгресс была внесен проект закона о расходах на оборону на 2020 фин. г., в котором впервые после закрытия СОИ запрашиваются средства на работу по пучковому оружию, испытания которого на орбите планируется провести уже в 2023 г.⁶⁵⁸

В части материального наполнения ядерной политики главной задачей администрации Д. Трампа является проведение широкомасштабной модернизации всех компонентов триады стратегических наступательных сил. Контуры программ модернизации были намечены еще в «Обзоре ядерной политики» Дж. Буша-мл., затем они были окончательно сформированы администрацией Б. Обамы, а реализацией их будет заниматься не только Д. Трамп, но и его преемники. Ориентировочная совокупная стоимость всех проектов составляет 1,2 трлн. долл. на ближайшие 30 лет⁶⁵⁹. При этом вполне возможна корректировка ранее принятых решений по отдельным программам,

⁶⁵⁶ Remarks by President Trump and Vice President Pence Announcing the Missile Defense Review. The Pentagon. January 17, 2019. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/remarks-president-trump-vice-president-pence-announcing-missile-defense-review/> (дата обращения: 25.03.2019). О значении, которое придается новому «Обзору ПРО», свидетельствует формат его представления – ради этого в Пентагон прибыли лично президент Д. Трамп и вице-президент М. Пенс. Для сравнения - «Обзор ядерной политики» в 2018 г. представляли три чиновника в ранге заместителя министра.

⁶⁵⁷ В документе лазерные средства поражения и космический эшелон системы упоминаются пока по отдельности. Приоритетом в космосе является развитие средств обнаружения пусков и слежения за целями (при этом происходит фактическое слияние космического эшелона СПРН и информационного компонента ПРО). Создание перехватчиков космического базирования упоминается в документе пока только как задача для проведения дополнительных исследований, под «исследованиями» в документе подразумевается и проведение опытов в космическом пространстве. См.: 2019 Missile Defense Review. January 17, 2019. P. XI, XVI, 37, 58. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jan/17/2002080666/-1/-1/1/2019-MISSILE-DEFENSE-REVIEW.PDF> (дата обращения: 25.03.2019)

⁶⁵⁸ Department of Defense Press Briefing on the President's Fiscal Year 2020 Defense Budget for the Missile Defense Agency. March 14, 2019. URL: <https://dod.defense.gov/News/Transcripts/Transcript-View/Article/1784150/departement-of-defense-press-briefing-on-the-presidents-fiscal-year-2020-defense/> (дата обращения: 25.03.2019)

⁶⁵⁹ Approaches for Managing the Costs of U.S. Nuclear Forces, 2017 to 2046 // Congress of the United States. Congressional Budget Office. October 2017. URL: <https://www.cbo.gov/system/files/115th-congress-2017-2018/reports/53211-nuclearforces.pdf> (дата обращения: 25.03.2019)

особенно с учетом того, что на выборах 2016 г. контроль за Палатой представителей получила Демократическая партия.

Радикальные изменения в облике ядерных сил также возможны в связи с выдвижением Д. Трампом 26 апреля 2019 г. инициативы о выработке «сделки» трех ядерных держав – США, России и Китая – о перспективах реализации которой говорить пока рано⁶⁶⁰. Складывается впечатление, что администрация Трампа таким способом пытается изменить повестку дня – с помощью «сырой» инициативы уйти от обсуждения насущного вопроса о продлении Договора СНВ, срок действия которого истекает 5 февраля 2021 г. Желание уйти от проблемы, скорее всего, связано с тем, что решение о дальнейшей судьбе Договора придется принимать в условиях, когда в США развернется избирательная кампания. В публичной полемике администрации трудно будет найти аргументы для сохранения соглашения, фиксирующего приблизительное равновесие в ядерной сфере между США и Россией в то время, как существует третья сторона в лице Китая, рост возможностей которого постоянно подчеркивается в Вашингтоне.

Несмотря на определенные различия в подходах администраций Дж. Буша и Б. Обамы к оценке системы международных отношений, они строили свою ядерную политику, исходя из предположения, что никто в мире не представляет экзистенциальной угрозы Соединенным Штатам, и поэтому роль ЯО в обеспечении национальной безопасности может постепенно снижаться. Россия обладала примерно равным США потенциалом, но в качестве противника не рассматривалась, поскольку вероятность конфликта между двумя странами считалась весьма низкой в силу отсутствия непримиримых политических противоречий. В документах администрации Трампа впервые Россия названа «источником экзистенциальной угрозы» для США⁶⁶¹.

⁶⁶⁰ Trump admin aiming for major nuclear deal with Russia and China. // CNN April 26, 2019. URL: <https://edition.cnn.com/2019/04/25/politics/trump-nuclear-deal-russia-china/index.html> (дата обращения: 29.04.2019)

⁶⁶¹ Nuclear Posture Review. February 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872886/-1/-1/1/2018-NUCLEAR-POSTURE-REVIEW-FINAL-REPORT.PDF> (дата обращения: 25.03.2019)

Заметный «дуализм» ядерной политики, обусловленный определением двух пар противников – Россия и Китай, Иран и КНДР, – сформировался в 2015-2017 гг. и нашел отражение в документах, принятых в 2018-2019 гг. В политике Трампа, таким образом, развивается «подогнанный» (tailored) подход к сдерживанию и дифференциация политики контрраспространения, выработанные администрацией Буша-мл. и сохраненные Б. Обамой.

Список сокращений

БГУ – быстрый глобальный удар

БР – баллистическая ракета

БРПЛ – баллистическая ракета для подводной лодки

БРСД – баллистическая ракета средней дальности

ВГУ – взаимное гарантированное уничтожение

ВС – вооруженные силы

ВТО – высокоточное оружие

ДВЗЯИ – Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний

ДНЯО – Договор о нераспространении ядерного оружия

ДРСМД – Договор о ликвидации ракет средней дальности и меньшей дальности

ДСНВ – Договор о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений

ЕПАП – Европейский поэтапный адаптивный подход

ИКТ – информационно-коммуникационные технологии

КНШ – Комитет начальников штабов

КР – крылатая ракета

МАГАТЭ – Международное агентство по атомной энергии

МБР – межконтинентальная баллистическая ракета

ОМУ – оружие массового уничтожения

ОСК – Объединенное стратегическое командование

ОТР – оперативно-тактическая ракета

ПЛ – подводная лодка

РГЧ ИН – разделяющиеся головные части с индивидуальным наведением на цели

СНБ – Совет национальной безопасности

СОИ – Стратегическая оборонная инициатива

СЯС – стратегические ядерные силы

ТБ – тяжелый бомбардировщик

ТВД – театр военных действий

ТСК – третья стратегия компенсации

ТЯО – тактическое ядерное оружие

ЯО – ядерное оружие

FRUS – Foreign Relations of the United States

GPALS – Global Protection Against Limited Strikes

NIE – National Intelligence Estimate

Библиография

Источники

Международные договоры

1. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).
Одобен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г. Открыт для подписания 1 июля 1968 г. URL:
http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 19.03.2019).
2. Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (ОСВ-1).
Подписано в Москве 26 мая 1972 г. URL:
<http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-1.txt> (дата обращения: 19.03.2019).
3. Договор об ограничении систем противоракетной обороны (Договор по ПРО).
Подписан в Москве 26 мая 1972 г. URL:
<https://base.garant.ru/2541127/> (дата обращения: 19.03.2019).
4. Основы взаимоотношений между СССР и США (подписаны в Москве 29 мая 1972 г.). URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1945-1990/osnovy-vzaimootnosheniy-mejdu-sssr-i-swa.php> (дата обращения: 19.03.2019).
5. Соглашение между СССР и США о предотвращении ядерной войны (заключено в Вашингтоне 22 июня 1973 г.). URL:
<https://www.lawmix.ru/abro/300> (дата обращения: 19.03.2019).
6. Основные принципы переговоров между СССР и США о дальнейшем ограничении стратегических наступательных вооружений (приняты в Вашингтоне 21 июня 1973 г.). URL: <https://www.lawmix.ru/abro/301> (дата обращения: 19.03.2019).

7. Совместное советско-американское заявление. Принято во Владивостоке 24 ноября 1974 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/vl-agr.txt> (дата обращения: 19.03.2019).
8. Договор между СССР и США об ограничении стратегических наступательных вооружений (ОСВ-2). Подписан в Вене 19 июня 1979 г. (в силу не вступил). URL: <http://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/osv-2.txt> (дата обращения: 19.03.2019).
9. Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней дальности и меньшей дальности. Подписан в Вашингтоне 8 декабря 1987. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/treaty.pdf (дата обращения: 19.03.2019).
10. Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1). Подписан в Москве 31 июля 1991 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/start-11a.htm> (дата обращения: 19.03.2019).
11. Договор между Российской Федерацией и США о дальнейшем сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-2). Подписан в Москве 3 января 1993 г. (в силу не вступил). URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/dogovor.htm> (дата обращения: 19.03.2019).
12. Agreed Framework between the United States of America and the Democratic People's Republic of Korea, 21 October 1994. URL: <http://www.iaea.org/Publications/Documents/Infcircs/Others/infcirc457.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
13. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ). Открыт для подписания 24 сентября 1996 г. (в силу не вступил). URL: https://www.ctbto.org/fileadmin/user_upload/legal/treaty_text_Russian.pdf (дата обращения: 19.03.2019).

14. Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений (СНВ-3). Принято в Хельсинки 21 марта 1997 г. URL: <https://www.lawmix.ru/abrolaw/10262> (дата обращения: 19.03.2019).
15. Совместное заявление президентов Российской Федерации и США в отношении Договора по противоракетной обороне. Принято в Хельсинки 21 марта 1997 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/hel-js.htm> (дата обращения: 19.03.2019).
16. Совместное заявление США и Российской Федерации, касающееся стратегических наступательных и оборонительных вооружений и дальнейшего укрепления стратегической стабильности. Принято в Кельне 20 июня 1999 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/0620cologne.htm> (дата обращения: 19.03.2019)
17. Договор между Российской Федерацией и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов (СНП). Подписан в Москве 24 мая 2002 г. URL: <https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/sort.htm> (дата обращения: 22.03.2019).
18. Joint Statement Between President George W. Bush and Prime Minister Manmohan Singh. July 18, 2005. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2005/07/20050718-6.html> (дата обращения: 22.03.2019).
19. Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений. Подписано в Москве 6 июля 2009 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/36> (дата обращения: 24.03.2019).
20. Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ). Подписан в Праге 8 апреля 2010 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/512> (дата обращения: 24.03.2019).

21. Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД). Принят в Вене 14 июля 2015 г. Приложение А к Резолюции 2231 (2015) от 20 июля 2015 г. [https://undocs.org/ru/S/RES/2231\(2015\)](https://undocs.org/ru/S/RES/2231(2015)) (дата обращения: 24.03.2019).

Сборники документов

22. Советско-американские отношения. Годы разрядки. Сборник документов. Том I. 1969 – май 1972. Кн. 1. 1969–1971. / Министерство иностранных дел Российской Федерации, Государственный департамент США. - М.: Международные отношения, 2007. – 725 с.
23. Советско-американские отношения. Годы разрядки 1969–1976. Сборник документов. Том I. 1969 – май 1972. Книга 2. Январь-май 1972. / Министерство иностранных дел Российской Федерации; Государственный департамент США. – М.: Международные отношения, 2007. – 622 с.
24. America's Plans for War against the Soviet Union, 1945-1950. 15 Vols. / Ed. S.T. Ross and D.A. Rosenberg. - NY: Garland, 1989-1990.
25. Foreign Relations of the United States. Conference at Quebec, 1944. / Ed. R. Dougall et al. – Washington, DC: U.S. G.P.O., 1972. – 527 p.
26. Foreign Relations of the United States. 1946. Volume I. General; the United Nations. / Gen. Ed. S. E. Gleason. – Washington, DC: U.S. G.P.O., 1972. – 1544 p.
27. Foreign Relations of the United States. 1950. Volume I. National Security Affairs; Foreign Economic Policy. / Gen. Ed. S. E. Gleason, F. Aandahl. – Washington, DC: U.S. G.P.O., 1977. – 947 p.
28. Foreign Relations of the United States, 1952–1954, Volume II, Part 1. National Security Affairs/ Gen. Ed. W.Z. Slany. – Washington, DC: U.S. G.P.O., 1984. – 844 p.

29. Foreign Relations of the United States, 1955–1957, Volume XIX. National Security Policy/ Gen. Ed. J. P. Glennon. – Washington, DC: U.S. G.P.O., 1990. – 741 p.
30. Foreign Relations of the United States. 1961–1963. Vol. VIII. National Security Policy / Gen. Ed. D.S. Patterson. – Washington, DC : GPO, 1996. – 875 p.
31. National Security Archive Electronic Briefing Book No. 130. The creation of SIOP-62: More evidence on the origins of overkill. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/nsaebb/nsaebb130index.htm> (дата обращения: 19.03.2019).
32. National Security Archive Electronic Briefing Book No 275. "How Much is Enough?" : The U.S. Navy and "Finite Deterrence". URL: <http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nukevault/ebb275/> (дата обращения: 19.03.2019).
33. National Security Archive Briefing Book No 638 U.S. Nuclear War Plan Option Sought Destruction of China and Soviet Union as “Viable” Societies. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2018-08-15/us-nuclear-war-plan-option-sought-destruction-china-soviet-union-viable-societies> (дата обращения: 19.03.2019).
34. U.S. Naval Strategy in the 1980s: Selected Documents / Ed. J.B. Hattendorf, P. Swartz. - Newport: Naval War College Press, 2008. URL: <https://fas.org/irp/doddir/navy/strategy1980s.pdf> (дата обращения: 18.03.2019).

Официальные документы

35. Niels Bohr's Memorandum to President Roosevelt. July, 1944. / Atomic Archive: Enhanced Edition. URL: <http://www.atomicarchive.com/Docs/ManhattanProject/Bohrmemo.shtml> (дата обращения: 19.03.2019).

36. Memorandum for Major General L. R. Groves. Subject: Atomic Bomb Production. 15 September 1945. URL: <http://blog.nuclearsecrecy.com/wp-content/uploads/2012/05/1945-Atomic-Bomb-Production.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
37. A/RES/1 (I) Учреждение Комиссии для рассмотрения проблем, возникших в связи с открытием атомной энергии. 24 января 1946 г. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/1%28I%29> (дата обращения: 19.03.2019).
38. Report on the International Control of Atomic Energy. Prepared for the Secretary of State's Committee on Atomic Energy. March 16, 1946. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=446606> (дата обращения: 18.03.2019).
39. Statement by President. September 23, 1949 // Department of State Bulletin. – 1949. – Vol. XXI. – No. 535. – P. 487.
40. Atomic Energy Act of 1946. Public Law 585, 79th Congress. <https://www.osti.gov/atomicenergyact.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
41. Statement by the President on the Hydrogen Bomb. January 31, 1950 // The Public Papers of the Presidents of the United States. Harry S. Truman: 1950. – Washington, DC: U.S. G.P.O., 1965. – P. 138.
42. A Report to the National Security Council - NSC 68. April 14, 1950. URL: https://www.trumanlibrary.org/whistlestop/study_collections/coldwar/documents/pdf/10-1.pdf/ (дата обращения: 19.03.2019).
43. The Evolution of Foreign Policy. Address by Secretary Dulles // Department of State Bulletin. - 1954. - Vol. XXX. - No. 761. - P. 107-110.
44. Annual Message to the Congress on the State of the Union. January 10, 1957. // The Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. 1957. – Washington, DC: U.S. G.P.O., 1958. – P. 17-26
45. Letter to Nikolai Bulganin, Chairman, Council of Ministers, U.S.S.R. January 12, 1958 // The Public Papers of the Presidents of the United States. Dwight D. Eisenhower. 1958. - Washington, DC: U.S. G.P.O., 1959. - P. 75-82.
46. ABM Research and Development at Bell Laboratories, Project History. October 1975. URL:

http://www.alternatewars.com/WW3/WW3_Documents/ABM_Bell/ABM_Bell.pdf (дата обращения: 19.03.2019).

47. Annual Message to the Congress on the State of the Union, 30 January 1961 // The Public Papers of the Presidents of the United States. John F. Kennedy. 1961. - Washington, DC: U.S. G.P.O., 1962. – P. 10-22.
48. Institute for Defense Analyses. Research and Engineering Support Division. Report R-122. STRAT-X. Volume 1. August 1967. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/IMG/strat-Xreport.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
49. A Report to the President by the Committee on Nuclear Proliferation, January 21, 1965. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB1/docs/doc07.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
50. McNamara R. S. Defense Arrangements of the North Atlantic Community. Address at commencement exercises at the University of Michigan. Ann Arbor, June 16 1962. // The Department of State Bulletin. – 1962. - Vol. XLVII. - No. 1202. – P. 64-69.
51. Remarks by Secretary of Defense Robert S. McNamara before the United Press International Editors and Publishers. San Francisco, September 18, 1967 // Congressional Record – House. September 18, 1967. P. H 12063-H12066. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/docs/CIA-RDP70B00338R000300100105-8.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
52. SIOP Briefing for Nixon Administration. 27 January 1969. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-1.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
53. National Security Decision Memorandum 242. Policy for Planning the Employment of Nuclear Weapons. January 17, 1974. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-24b.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

54. Policy Guidance for the Employment of Nuclear Weapons (NUWEP) 3 April 1974. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB173/SIOP-25.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
55. Report of Secretary of Defense James R. Schlesinger to the Congress on the FY 1976 and transition budgets, FY 1977 Authorization Request and FY 1976-1980 Defense Programs. February 5, 1975. URL: http://history.defense.gov/resources/1976-77_DoD_AR.pdf (дата обращения: 19.03.2019).
56. Buchonnet D. MIRV: A Brief History of Minuteman and Multiple Reentry Vehicles. - Lawrence Livermore Laboratory, February 1976. URL: http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nsa/NC/mirv/mirv1_1.html (дата обращения: 19.03.2019).
57. Intelligence Community Experiment in Competitive Analysis. Soviet Strategic Objectives – an Alternative View. Report of Team ‘B’. December 1976. URL: <http://nsarchive.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB139/nitze10.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
58. International Security Assistance and Arms Export Control Act of 1976. Public Law 94-329, Sec. 305. June 30, 1976. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/STATUTE-90/pdf/STATUTE-90-Pg729.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
59. Inaugural Address of President Jimmy Carter. Following His Swearing In as the 39th President of the United States. January 20, 1977 // The Public Papers of the Presidents of the United States. Jimmy Carter. 1977. Book 1. - Washington, DC: U.S. G.P.O., 1977. – P. 1-4.
60. Presidential Directive / NSC-18 (PD-18). U.S. National Strategy. August 24, 1977. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb390/docs/8-30-77%20PD%2018.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
61. The State of the Union. Address Delivered Before a Joint Session of the Congress. January 19, 1978 // The Public Papers of the Presidents of the United

- States. Jimmy Carter. 1978. Book 1. -Washington, DC: U.S. G.P.O., 1979. – P. 90-95.
62. Nuclear Targeting Policy Review, Phase I Report, Executive Summary, November 1978. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb390/docs/11-1-78%20policy%20review%20summary.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
63. Presidential Directive / NSC-59 (PD-59). Nuclear Weapons Employment Policy. July 25, 1980. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb390/docs/7-25-80%20PD%2059.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
64. Policy Guidance for the Employment of Nuclear Weapons (NUWEP). 24 October 1980. URL: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb390/docs/10-24-80%20nuclear%20weapons%20employment%20policy.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
65. National Security Decision Directive 13. Nuclear Weapons Employment Policy. URL: <https://reaganlibrary.archives.gov/archives/reference/Scanned%20NSDDS/NSDD13.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
66. National Security Decision Directive 32. U.S. National Security Strategy. May 20, 1982. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/sites/default/files/archives/reference/scanned-nsdds/nsdd32.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
67. National Security Decision Directive 75. U.S. Relations with the USSR. January 17, 1983. URL: <https://www.reaganlibrary.gov/sites/default/files/archives/reference/scanned-nsdds/nsdd75.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
68. Address to the Nation on National Security and Defense. March 23, 1983 // The Public Papers of the Presidents of the United States. Ronald Reagan. 1983. Book 1. - Washington, DC: U.S. G.P.O., 1984. – P. 442-446.
69. National Security Decision Directive 119. Strategic Defense Initiative. January 6, 1984. URL:

<https://www.reaganlibrary.gov/sites/default/files/archives/reference/scanned-nsdds/nsdd119.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).

70. Discriminate Deterrence. Report of the Commission on Integrated Long-Term Strategy. January 1988. URL:
<https://apps.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a277478.pdf> (дата обращения: 18.03.2019).
71. Address Before a Joint Session of the Congress on the State of the Union. January 29, 1991 // The Public Papers of the Presidents of the United States. George Bush. 1991. Book 1. - Washington, DC: G.P.O., 1992. - P. 78-92.
72. Address to the Nation on United States Nuclear Weapons Reductions. September 27, 1991. / The Public Papers of the Presidents of the United States. George Bush. 1991. Book 2. - Washington, DC: U.S. G.P.O., 1992. - P. 1220-1224.
73. First Draft of DPG 3 Sept. 1991. URL:
www.gwu.edu/nsarchiv/nukevault/ebb245/index.htm#doc24 (дата обращения: 19.03.2019).
74. FY 94–98 Defense Planning Guidance. February 18, 1992. URL:
https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245/doc03_full.pdf (дата обращения: 19.03.2019).
75. Comments Received on Draft DPG – Potential Issues, 17 Mar. 1992. URL:
www.gwu.edu/nsarchiv/nukevault/ebb245/index.htm#doc54 (дата обращения: 19.03.2019).
76. Secretary of Defense Dick Cheney. Defense Strategy for the 1990s: The Regional Defense Strategy. January 1993. URL:
<https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb245/doc15.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
77. Joint Chiefs of Staff 'Doctrine for Joint Nuclear Operations', JOINT PUB 3-12, 29 April 1993. URL: https://fas.org/nuke/guide/usa/doctrine/dod/jp3_12.htm (дата обращения: 19.03.2019).

78. Report on the Bottom-Up Review (Oct. 1993). Excerpts. URL: www.fas.org/man/docs/bur/index.html (дата обращения: 19.03.2019).
79. DOD Review Recommends Reduction in Nuclear Force. September 22, 1994. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/DOD-Review-Recommends-Reduction-in-Nuclear-Force.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
80. Briefing on the Results of the Nuclear Posture Review. Hearing Before the Committee on Armed Services United States Senate. September 22, 1994. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Briefing-on-the-Results-of-the-Nuclear-Posture-Review.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
81. US Strategic Command. Overview of Nuclear Posture Review (NPR) Results. September 22, 1994. URL: <https://fas.org/wp-content/uploads/media/Overview-of-Nuclear-Posture-Review-Results.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
82. Joint Chiefs of Staff. Doctrine for Joint Nuclear Operations. Joint Pub. 3-12. 15 December 1995. URL: https://www.nukestrat.com/us/jcs/JCS_JP3-12_95.pdf (дата обращения: 19.03.2019).
83. Report of the Quadrennial Defense Review. May 1997. URL: <http://history.defense.gov/Portals/70/Documents/quadrennial/QDR1997.pdf?ver=2014-06-25-110930-527> (дата обращения: 19.03.2019).
84. Executive Summary of the Report of the Commission to Assess the Ballistic Missile Threat to the United States. July 15, 1998. URL: <https://www.fas.org/irp/threat/bm-threat.htm> (дата обращения: 19.03.2019).
85. Address of the President to the Joint Session of Congress on Administration Goals February 27, 2001. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2001/02/20010228.html> (дата обращения: 22.03.2019).
86. Remarks by the President to Students and Faculty at National Defense University Washington, D.C. Fort McNair. May 1, 2001 // Weekly

Compilation of Presidential Documents. – 2001. – Vol. 37. – No. 18. – P. 685-688.

87. Quadrennial Defense Review 2001. URL:

<https://archive.defense.gov/pubs/qdr2001.pdf> (дата обращения: 22.03.2019).

88. Address Before a Joint Session of the Congress on the United States Response to the Terrorist Attacks of September 11. September 20, 2001 // Weekly Compilation of Presidential Documents. – 2001. – Vol. 37. – No. 38. – P. 1347-1351.

89. Remarks Announcing the United States Withdrawal From the Anti-Ballistic Missile Treaty // Weekly Compilation of Presidential Documents. – 2001. – Vol. 37. – No. 50. – P. 1783-1784.

90. Nuclear Posture Review, December 2001. URL:

<https://assets.documentcloud.org/documents/3109636/2001-Nuclear-Posture-Review.pdf> (дата обращения: 22.03.2019).

91. Strategic Deterrence Joint Operating Concept. Version 1.0 February 2004.

URL: www.dtic.mil/futurejointwarfare/concepts/sd_joc_v1.doc (дата обращения: 22.03.2019).

92. Deterrence Operations Joint Operating Concept. Version 2.0 December 2006.

URL: www.dtic.mil/futurejointwarfare/concepts/approved_ccjov3.pdf (дата обращения: 22.03.2019).

93. The National Security Strategy of the United States of America. September

2002. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nssall.html> (дата обращения: 22.03.2019).

94. National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction. December 10,

2002. URL: <http://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-wmd.pdf> (дата обращения: 22.03.2019).

95. National Security Presidential Directive 23. National Policy on Ballistic Missile Defense. December 16, 2002. URL:

<https://fas.org/irp/offdocs/nspd/nspd-23.htm> (дата обращения: 22.03.2019).

96. The National Security Strategy of the United States of America. March 2006. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nss/2006/> (дата обращения: 22.03.2019).
97. Schultz G. P., Perry W.J., Kissinger H. A., Nunn S. A World Free of Nuclear Weapons // The Wall Street Journal, January 4, 2007. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB116787515251566636> (дата обращения: 24.03.2019).
98. Schultz G. P., Perry W.J., Kissinger H. A., Nunn S. Toward a Nuclear-Free World // The Wall Street Journal. January 15, 2008. URL: <https://www.wsj.com/articles/SB120036422673589947> (дата обращения: 24.03.2019)
99. Remarks by President Barack Obama . Hradčany Square. Prague, Czech Republic. April 5, 2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-prague-delivered> (дата обращения: 24.03.2019)
100. Perry, William J., James R. Schlesinger et al. America's Strategic Posture: The Final Report of the Congressional Commission on the Strategic Posture of the United States. – Washington D.C.: United States Institute of Peace Press, 2009. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA501604> (дата обращения: 24.03.2019).
101. Nuclear Posture Review Report, April 2010. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/NPR/2010_Nuclear_Posture_Review_Report.pdf (дата обращения: 24.03.2019).
102. Statement by President Barack Obama on the Release of Nuclear Posture Review April 6, 2010. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/statement-president-barack-obama-release-nuclear-posture-review> (дата обращения: 24.03.2019).
103. National Security Strategy. May 2010. URL: <http://nssarchive.us/NSSR/2010.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

104. Quadrennial Defense Review Report. February 2010. URL: https://dod.defense.gov/Portals/1/features/defenseReviews/QDR/QDR_as_of_29JAN10_1600.pdf (дата обращения: 24.03.2019).
105. Ballistic Missile Defense Review Report. February 2010. URL: http://archive.defense.gov/bmdr/docs/BMDR%20as%20of%2026JAN10%200630_for%20web.pdf (дата обращения: 24.03.2019).
106. Remarks by President Obama to the Australian Parliament. Canberra, Australia, November 17, 2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2011/11/17/remarks-president-obama-australian-parliament> (дата обращения: 24.03.2019)
107. Clinton H. America's Pacific Century // Foreign Policy. – 2011. - № 189. – P. 56-63.
108. Defense Strategic Guidance : Sustaining U.S. Global Leadership: Priorities for 21st Century Defense. January 3, 2012. URL: http://archive.defense.gov/news/Defense_Strategic_Guidance.pdf (дата обращения: 24.03.2019).
109. Report on Nuclear Employment Strategy of the United States. Specified in Section 491 of 10 USC. June 2013. URL: http://www.defense.gov/pubs/ReporttoCongressonUSNuclearEmploymentStrategy_Section491.pdf (дата обращения: 24.03.2019).
110. Remarks by President Obama at the Brandenburg Gate, Pariser Platz - Berlin, Germany. June 19, 2013. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2013/06/19/remarks-president-obama-brandenburg-gate-berlin-germany> (дата обращения: 24.03.2019).
111. Joint Chiefs of Staff Joint Integrated Air and Missile Defense: Vision 2020. 5 December 2013. URL: <https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/JointIAMDVision2020.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

112. Quadrennial Defense Review 2014. URL: http://archive.defense.gov/pubs/2014_Quadrennial_Defense_Review.pdf (дата обращения: 24.03.2019).
113. National Security Strategy. February 2015. URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 24.03.2019).
114. Iran Nuclear Agreement Review Act of 2015. Public Law 114–17. May 22, 2015. URL: <https://www.congress.gov/114/plaws/publ17/PLAW-114publ17.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).
115. Remarks by President Obama and Prime Minister Abe of Japan at Hiroshima Peace Memorial Hiroshima, Japan May 27, 2016. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2016/05/27/remarks-president-obama-and-prime-minister-abe-japan-hiroshima-peace> (дата обращения: 24.03.2019).
116. National Defense Authorization Act for Fiscal Year 2017 Public Law 114–328. Dec. 23, 2016. URL: <https://www.congress.gov/114/plaws/publ328/PLAW-114publ328.pdf> (дата обращения: 24.03.2019).

Литература

Литература на русском языке

117. Антонов, А.И. Контроль над вооружениями: история, состояние, перспективы / А.И. Антонов. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); ПИР-Центр, 2012. – 409 с.
118. Арбатов, А.Г. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона / А.Г. Арбатов. – М. : Политиздат, 1980. – 288 с.

119. Арбатов, А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США / А.Г. Арбатов. – М. : Политиздат, 1984. – 318 с.
120. Арбатов, А.Г. Ядерное сдерживание и распространение: диалектика «оружия судного дня» // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – №1. – С. 3-15.
121. Ахромеев С.Ф., Корниенко Г. М. Глазами маршала и дипломата : Критический взгляд на внешнюю политику СССР до и после 1985 г. / С. Ф. Ахромеев, Г. М. Корниенко. – М. : Международные отношения, 1992. – 322 с.
122. Барсенков А.С., Веселов В.А., Есин В.И., Шеремет И.А. Вопросы обеспечения стратегической стабильности в советско-американских и российско-американских отношениях: теоретические и прикладные аспекты. – М.: Издательство Московского университета, 2019. – 144 с.
123. Бартенев В.И., Веселов В.А. «К новым горизонтам»: американский опыт долгосрочного технологического прогнозирования в интересах национальной безопасности, 1944–1946 гг. // Клио. – 2015. – № 12 (108). – С. 135-146.
124. Батюк В.И. Национальная оборонная стратегия США после неоконсервативной революции // США, Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – №7. – С. 21-38.
125. Батюк, В.И. Трудное партнерство. Двусторонние режимы и институты в российско-американских отношениях после окончания «холодной войны» / В.И. Батюк. – М. : Прометей, 2008. – 212 с.
126. Батюк В. И., Володин Д. А., Дьякова Н. А. Американская военная политика в XXI веке: региональные аспекты. – М.: ИСКРАН, 2012. – 147 с.
127. Батюк, В. И. Холодная война между США и СССР (1945-1991 гг.): очерки истории / В. И. Батюк. – Москва : Весь Мир, 2018. – 332 с.

128. Белоусов В.П., Волошин Н.П. Ядерная политика государства: структура, основные аспекты // Ядерная политика России: проблемы и перспективы. Научные записки ПИР-Центра. – 2000. – № 14. – С. 8-16.
129. Бочаров И.Ф. Ядерная политика администрации Дж. У. Буша // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2003. – № 10. – С. 16-30.
130. Бочаров И.Ф. Ядерное оружие в условиях трансформации вооруженных сил США // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 7. – С. 40-54.
131. Бочаров И.Ф. Реальна ли реформа ядерной политики США? // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2008. – № 10. – С. 43-57.
132. Бочаров И.Ф. Современные подходы США к ядерному сдерживанию // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2008. – № 4. – С. 19-31.
133. Бочаров И.Ф. Современные аспекты ядерной политики США // Россия и Америка в XXI веке. – 2009. – № 2. URL <http://www.rasus.ru/print.php?id=143> (дата обращения: 18.03.2019).
134. Бочаров И.Ф. Практические аспекты ядерного сдерживания // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2009. – № 12. – С. 17-32.
135. Бочаров, И.Ф. Глобальная ПРО в контексте ядерной политики Вашингтона // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2010. – № 10. – С. 39-54.
136. Броди, Б. Стратегия в век ракетного оружия / Перевод с англ. В.В. Борисова; Под ред. и с предисл. В. В. Мочалова. – М. : Воениздат, 1961. – 432 с.
137. Внешняя политика администрации Б. Обамы (2009-2012 гг.) / Братерский М.В. и др. Отв. ред. В. А. Кременюк. – М. : ИСКРАН, 2012. – 273 с.
138. Бужинский Е. П., Веселов В. А. Ядерная политика США в XXI веке: преимущество и различия в подходах администраций Дж. Буша-мл.,

- Б. Обамы и Д. Трамп // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – Т. 10. – № 3. – С. 3-47.
139. Бужинский Е. П., Веселов В. А. Трансформация сдерживания и контроль над вооружениями: к вопросу о концепции неприемлемого ущерба в современных условиях // Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. А.А. Кокошина. — Издательство Московского университета Москва, 2017. – С. 205–225.
140. Веселов В.А. Евстафьев Д.Г., Скорospelов П.П. Геополитический контекст войны в Персидском заливе // Военная мысль. – 1993. – № 3. – С. 20-29.
141. Веселов В.А. Ядерный фактор в мировой политике // Международные процессы. – 2006. – Т. 4. – № 1(10). – С. 154-159.
142. Веселов В.А. Ядерный фактор в мировой политике: структура и содержание // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2010. – № 1. – С. 68-90.
143. Веселов В.А. Нераспространение ракетных технологий: Вклад России в укрепление международного режима // Международные процессы. – 2012. – Т. 10. – № 2 (29). – С. 46-56.
144. Веселов В.А. Нераспространение ракетных технологий: Вклад России в укрепление международного режима // Международные процессы. – 2012. – Т. 10. – № 3 (30-31). – С. 42-57.
145. Веселов В.А. Трансформация стратегической стабильности: роль технологического фактора // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2015. – № 3. – С. 23-56.
146. Веселов В. А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность: уроки истории // Вестник Московского университета.

- Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2016. – Т. 8. – № 4. – С.51-84.
147. Веселов В. А., Фененко А. В. Воздушная мощь в мировой политике // Международные процессы. – 2016. – Т. 14. – № 3. – С. 6–27.
148. Веселов В. А. Космические технологии и стратегическая стабильность: новые вызовы и возможные ответы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2017. – Т. 9. – № 2. – С. 65–104.
149. Веселов В.А. Смена «ядерных веков»: стратегическая стабильность и контуры нового мирового порядка // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. – 2018. – Т. 10. – № 1. – С. 102–141.
150. Веселов В. А. Противоспутниковое оружие и стратегическая стабильность. – М.: Ленанд, 2018. – 104 с.
151. Веселов В. А. Вооруженная борьба в космическом пространстве: новые технологии и их влияние на стратегическую стабильность // Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. А.А. Кокошина. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – С. 160–204.
152. Веселов В. А. Потенциальное противоспутниковое оружие как дестабилизирующий фактор // Обеспечение стратегической стабильности в условиях новых вызовов и угроз: Сборник материалов научного семинара под руководством академика А.А. Кокошина. – Москва, Ленанд, 2015. – С. 41–51.
153. Веселов В. А. Роль концепции «роя» в формировании новых представлений о характере вооруженной борьбы в XXI веке // Новая революция в военном деле: теория и практика. Сб. материалов научного семинара под руководством академика А.А. Кокошина. – М.: Ленанд, 2016. – С. 56–63.

154. Веселов В. А. Современные тенденции в развитии противоракетной обороны // Ядерные и ракетные технологии в современной мировой политике. Сб. материалов научного семинара под руководством академика А.А. Кокошина. – М. : Ленанд, 2016. – С. 24–30.
155. Военная политика президента Б. Обамы (2009-2012 гг.) / Т.Б. Аничкина и др. Отв. ред.: В. И. Батюк. – М. : ИСКРАН, 2013. – 250 с.
156. Второй срок администрации Буша: старые проблемы и новые подходы / Отв. ред. Т.А. Шаклеина. – М. : ИСКРАН, 2006. – 113 с.
157. Гарбузов, В.Н. Революция Рональда Рейгана. / В.Н. Гарбузов. – М. : Наука, 2008. – 564 с.
158. Герасев М.И. Эволюция взглядов на военную роль ядерного оружия. // США: экономика, политика, идеология. – 1998. – № 2. – С. 19-31.
159. Давыдов, В.Ф. Нераспространение ядерного оружия и политика США / В.Ф. Давыдов. – М.: Наука, 1980. - 279 с.
160. Добрынин, А. Ф. Сугубо доверительно : Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962-1986 гг.) / Анатолий Добрынин. – М. : ИПО «Автор», 1996. – 687 с.
161. Есин В. И. Политика США в области противоракетной обороны и ее влияние на стратегическую стабильность // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. — 2015. — № 3. — С. 85–114.
162. Есин В.И. Ядерная политика США и их ядерные силы // Россия и Америка в XXI веке. – 2016. – №3. URL : <http://www.rusus.ru/?act=read&id=517> (дата обращения: 18.03.2019)
163. Есин В.И. Ядерная стратегия США и перспективы развития их ядерных сил // Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России / Под ред. С.М. Рогова. – М.: Весь Мир, 2017. – С. 182-210.

164. Каширина, Т. В. Проблема ограничения и сокращения стратегических вооружений в американо-советских/российских отношениях в 1969-2010 гг. / Т. В. Каширина. – Воронеж : Научная книга, 2013. – 590 с.
165. Киссингер, Г. А. Ядерное оружие и внешняя политика : Сокр. пер. с англ. / Под ред. и с вступ. статьей С. Н. Красильникова. – М. : Изд-во иностр. лит., 1959. – 508 с.
166. Козин, В.П. Эволюция противоракетной обороны США и позиция России (1945-2013) / В. П. Козин. – М.: РИСИ, 2013. – 383 с.
167. Козин, В. П. Ядерная стратегия Барака Обамы / В. П. Козин. Аналитические обзоры РИСИ. Вып. 4. – Москва: Изд-во Российского института стратегических исследований (РИСИ), 2014. – 33с.
168. Кокошин А. А. Ядерное сдерживание и национальная безопасность России // Вестник Российской академии наук. – 1999. – Т. 69. – № 10. – С. 893-899.
169. Кокошин А. А. Ядерные конфликты в XXI веке. – М.: Медиа-Пресс, 2003. – 123 с.
170. Кокошин А. А., Веселов В. А., Лисс А. В. Сдерживание во втором ядерном веке. – М.: Институт проблем международной безопасности РАН, 2001. - 69 с.
171. Кокошин А. А., Веселов В. А., Лисс А. В., Фисенко И. С. Современные войны и военное искусство: некоторые социологические и политологические аспекты. – М.: Ленанд, 2015. – 169 с.
172. Кокошин А.А., Бартенев В.И., Веселов В.А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений: новые инициативы Министерства обороны США // США - Канада: экономика, политика, культура. – 2015. – № 11 (551). – С. 3-22.
173. Кокошин А. А., Бартенев В. И., Веселов В. А. О новых приоритетах военно-технической политики США. – М.: Издательство УРСС, 2016. – 160 с.

174. Кокошин А. А., Бартенев В. И., Веселов В. А. США и контуры новой революции в военном деле // Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. А.А. Кокошина. – М.: Издательство Московского университета, 2017. – С. 265-301.
175. Кокошин А. А., Веселов В. А., Потапов В. Я. Технологические, политические и военно-стратегические факторы обеспечения стратегической стабильности // Влияние технологических факторов на параметры угроз национальной и международной безопасности, военных конфликтов и стратегической стабильности / Под ред. А.А. Кокошина. — М.: Издательство Московского университета, 2017. – С. 83–136.
176. Конышев, В. Н. Военная стратегия США после окончания холодной войны / В.Н. Конышев. – М. : Наука, 2009. – 176 с.
177. Конышев В. Н., Сергунин А. А. Стратегия национальной безопасности Барака Обамы: старое вино в новых мехах? // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2011. – № 1. – С. 23-36.
178. Корниенко, Г. М. «Холодная война» : Свидетельство ее участника / Георгий Корниенко. – М. : ОЛМА-Пресс, 2001. – 413 с.
179. Корсаков Г. Б. Трансформация политики США в области ядерного сдерживания (1991-2001 гг.) // США и Канада. экономика, политика, культура. – 2002. – № 3. – С. 29-54.
180. Корсаков Г. Б. Эволюция ядерной политики США (2001-2005 гг.) // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2006. – № 6. – С. 13-36.
181. Корсаков Г. Б. Модификации военной политики США и горизонты ядерного разоружения // Пути к миру и безопасности. – 2013. – № 2 (45). – С. 27-56.
182. Картунов С. В. Ядерный гамбит Барака Обамы // Индекс безопасности. – 2011. – Т. 17. – № 3. – С. 39-56.

183. Кулагин В.М. Качественные изменения ядерного пространства // Международные процессы. – 2010. – Т. 8. – № 2 (23). – С. 65-73.
184. Любецкий В.В. Ядерная политика США в 1989 - 2000 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. – М., 2001 – 224 с.
185. Мальков, В. Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века / В. Л. Мальков. – М. : Наука, 2004. – 603 с.
186. Мальков, В. Л. Россия и США в XX веке : очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте / В. Л. Мальков. – М. : Наука, 2009. – 495 с.
187. Мальков, В.Л. Вхождение в ядерную эру. Атомная дипломатия: от начала к паритету / В.Л. Мальков. – М. : Международные отношения, 2018. – 647 с.
188. Матвеев, О.В. Противоракетная оборона в ракетно-ядерном сдерживании: история и политика / О.В. Матвеев. – М. : Военный университет, 2014. – 236 с.
189. Николайчук И. А. Ядерная политика США // США в новом мире: пределы могущества / Под общ. ред. В.И. Кривохижи. – М. : РИСИ, 1997. – С. 217-256.
190. Оборотов, С.А. Ядерный фактор в американо-индийских отношениях: 1991-2008. – М. : Либроком, 2009. – 318 с.
191. Основы общей теории международных отношений / Под ред. А.С. Манькина. – М.: Изд-во МГУ, 2009. – 589 с.
192. Петрова И.А. Оценка современного состояния системы ПРО США и перспектив ее развития // Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России / Под ред. С.М. Рогова. – М.: Весь Мир, 2017. – С. 211-242.
193. Печатнов В. О., Манькин А. С. История внешней политики США / В.О. Печатнов, А. С. Манькин. – М. : Международные отношения, 2012. – 669 с.

194. Печатнов, В. О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг. Документальные очерки / В.О. Печатнов. – М.: Терра-Книжный клуб, 2006. – 749 с.
195. Подлесный П. Т. Формирование внешнеполитического курса администрации Б. Обамы в отношении России: первые итоги, трудности, перспективы. – М. : ИСКРАН, 2010. – 103 с.
196. Политика США в меняющемся мире / В.И. Батюк и др. Отв. ред. П.Т. Подлесный. – М. : Наука, 2004. – 332 с.
197. Проблемы лидерства во внешнеполитической деятельности США. Итоги первого срока администрации Буша / Ред. Т.А. Шаклеина. – М. : ИСКРАН, 2005. – 141 с.
198. Российско-американское сотрудничество и противоборство. Значение для национальной безопасности России / Под ред. С.М. Рогова. – М.: Весь Мир, 2017. – 426 с.
199. Савельев, А.Г. Политические и военно-стратегические аспекты договоров СНВ-1 и СНВ-2 / А.Г. Савельев. – М. : Институт мировой экономики и международных отношений, 2000. – 156 с.
200. Семейко, Л.С. Трансформация военно-политического курса США (Новые глобальные аспекты) / Л.С. Семейко. – М.: ИСКРАН, 2005. – 117 с.
201. Семейко Л.С. Американская концепция «контроля над эскалацией ядерной войны» // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2007. – № 10. – С.85-104.
202. Сетов, Р.А. Современный миропорядок и государственные интересы России : термины, теории, прогнозы / Р.А. Сетов. – М. : Три квадрата, 2010. – 366 с.
203. Старкин С. В., Рыжов И. В. Стратегический «разворот» США в Азии: эволюция подходов // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 10. – С. 49-56.

204. США и Россия: актуальные проблемы двусторонних отношений (2001-2008 гг.) / Под ред. В. А. Кременюка и Т. А. Шаклеиной. – М. : ИСКРАН, 2009. – 201 с.
205. Тимербаев, Р. М. Россия и ядерное нераспространение, 1945-1968 / Р. М. Тимербаев. – М.: Наука, 1999. – 382 с.
206. Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли В. Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. – 541 с.
207. Трофименко, Г. А. США: политика, война, идеология / Г.А. Трофименко. – М. : Мысль, 1976. – 358 с.
208. Фененко, А.В. Современная международная безопасность. Ядерный фактор / А. В. Фененко. – М. : Аспект Пресс, 2013. – 571 с.
209. Хайцман, В. М. СССР и проблема разоружения, 1945-1959: История международных переговоров / В. М. Хайцман. – М.: Наука, 1970. – 479 с.
210. Холодная война 1945-1963 гг. Историческая ретроспектива. / Отв. ред. Н.И. Егорова, А.О. Чубарьян. – М. : ОЛМА-Пресс, 2003. – 638 с.
211. Ядерный фактор в современном мире / Под общ. ред. В.И. Кривохижи. – М.: РИСИ, 1996. – 488 с.

Литература на иностранных языках

212. Arquilla, J. The Reagan imprint : ideas in American foreign policy from the collapse of communism to the war on terror / John Arquilla. – Chicago : Dee , 2006. – 272 p.
213. Bacevich, A. J. The limits of power : the end of American exceptionalism / Andrew Bacevich. – NY : Henry Holt and Company, 2009. – 213 p.
214. Bacevich, A. J. Washington rules: America's path to permanent war / Andrew Bacevich. – NY : Metropolitan Books, 2010. – 286 p.

215. Baratta J. P. Was the Baruch Plan a proposal of world government? // *The International History Review*. – 1985. Vol. 7. – No.4. – P. 592-621.
216. Bartel F. Surviving the years of grace: the atomic bomb and the specter of world government, 1945-1950 // *Diplomatic History*. – 2015. – Vol. 39. – No.2. – P. 275-302.
217. Baucom, D. R. The origins of SDI, 1944-1983 / Donald R. Baucom. – Lawrence, KS : University Press of Kansas, 1992. – 276 p.
218. Bernstein B. J. The quest for security: American foreign policy and the international control of atomic energy, 1942–1946 // *Journal of American History*. –1974. – Vol.60. – No. 4. – P. 1003-1044.
219. Bernstein B. J. Roosevelt, Truman and the atomic bomb, 1941–1945: a reinterpretation // *Political Science Quarterly*. – 1975. – Vol.90. – № 1. – P. 23–69.
220. Bernstein B. J. The uneasy alliance: Roosevelt, Churchill, and the atomic bomb, 1940–1945 // *Western Political Science Quarterly*. – 1976. – Vol. 29. – № 2. – P. 202–230.
221. Biswas, Sh. Nuclear desire : power and the postcolonial nuclear order / Shampa Biswas. – Minneapolis : University of Minnesota Press, 2014. – 280 p.
222. Bobbitt, Ph. Democracy and deterrence : the history and future of nuclear strategy / Philip Bobbitt. – NY : St. Martin's Press, 1988. – 350 p.
223. Bracken, P. J. Fire in the East : the rise of Asian military power and the second nuclear age / Paul Bracken. – NY : HarperCollins, 1999. – 186 p.
224. Bracken, P J. The second nuclear age : strategy, danger, and the new power politics / Paul Bracken. – NY : Henry Holt and Co., 2012. – 306 p.
225. Brands H. Progress unseen: US arms control policy and the origins of détente, 1963–1968 // *Diplomatic History*. – 2006. – Vol. 30. – No. 2. – P. 253-285.
226. Brands H. Rethinking nonproliferation: LBJ, the Gilpatric Committee, and U.S. national security policy // *Journal of Cold War Studies*. – 2006. – Vol. 8. – No. 2. – P. 83-113.

227. Brands, H. From Berlin to Baghdad: America's search for purpose in the Post-Cold War world / Hal Brands. – Lexington: The University Press of Kentucky, 2008. – 416 p.
228. Brands, H. What good is Grand Strategy? : Power and purpose in American statecraft from Harry S. Truman to George W. Bush / Hal Brands. – Ithaca : Cornell University Press, 2014. – 273 p.
229. Brands, H. Making the unipolar moment : U.S. foreign policy and the rise of the Post-Cold War order / Hal Brands. – Ithaca : Cornell University Press, 2016. – 469 p.
230. Brown, C. Operation Big : the race to stop Hitler's A-bomb / Colin Brown. - Stroud, Gloucestershire : Amberley Publishing, 2016. – 287 p.
231. Brown, S. Faces of power : constancy and change in United States foreign policy from Truman to Obama / Seyom Brown. – 3rd ed. – NY : Columbia university press, 2015. – 844 p.
232. Brune, L. H. The quest for missile defenses, 1944-2003 / Lester H. Brune, Richard Dean Burns. – Claremont, CA : Regina Books, 2003. – 279 p.
233. Burns, R. D. The missile defense systems of George W. Bush : A critical assessment / Richard Dean Burns. – NY: Praeger, 2010. – 198 p.
234. Burr W., Richelson J.T. Whether to “strangle the baby in the cradle”: the United States and the Chinese nuclear program, 1960–64 // International Security. – 2001. – Vol.25. – No.3. – P. 54-99.
235. Burr W. The Nixon administration, the “Horror Strategy,” and the search for limited nuclear options, 1969–1972 // Journal of Cold War Studies. – 2005. – Vol. 7. – No.3. – P. 34-78.
236. Burr W., Kimball J. P. Nixon's nuclear specter: the secret alert of 1969, madman diplomacy, and the Vietnam War / William Burr, Jeffrey P. Kimball. – Lawrence: University Press of Kansas, 2015. – 455 p.
237. Buszynski, L. Negotiating with North Korea : the Six Party talks and the nuclear issue / Leszek Buszynski. – NY : Routledge, 2013. – 208 p.

238. Cameron, F. US foreign policy after the Cold War : global hegemon or reluctant sheriff? / Fraser Cameron. – London : Routledge, 2005. – 233 p.
239. Cameron J., Rabinowitz O. Eight lost years? Nixon, Ford, Kissinger and the non-proliferation regime, 1969–1977 // Journal of Strategic Studies. – 2017. –Vol. 40. – No. 6. – P. 839-866
240. Cameron, J. The double game : the demise of America's first missile defense system and the rise of strategic arms limitation / James Cameron. – NY : Oxford university press, 2018. – 234 p.
241. Cimbala, S. J. Nuclear weapons and strategy : U.S. nuclear policy for the twenty-first century / Stephen J. Cimbala. – NY : Routledge, 2006. – 124 p.
242. Cimbala, S. J. Nuclear weapons and cooperative security in the 21st century: the new disorder / Stephen J. Cimbala. – NY : Routledge, 2010. – 188 p.
243. Cimbala, S. J. The new nuclear disorder : challenges to deterrence and strategy / Stephen J. Cimbala. – Burlington, VT : Ashgate, 2015. – 254 p.
244. Clearwater, J. M. Johnson, McNamara, and the birth of SALT and the ABM Treaty, 1963-1969 / John Clearwater. - Rutherford, NJ: Academic Research Group, 1999. – 264 p.
245. Cohen, A. The Worst-Kept Secret: Israel's Bargain with the Bomb / Avner Cohen. – NY: Columbia University Press, 2010. – 370 p.
246. Colodny, L.V., Shachtman T. The forty years war : The rise and fall of the neocons, from Nixon to Obama. - 2nd ed. / Len Colodny, Tom Shachtman. – Walterville : Trine Day, 2016. – 485 p.
247. Craig, C. The atomic bomb and the origins of the Cold War / Campbell Craig, Sergey Radchenko. – New Haven : Yale University Press, 2008. – 201 p.
248. Craig, C. America's Cold War : the politics of insecurity / Campbell Craig and Fredrik Logevall. – Cambridge, MA : Belknap Press of Harvard University Press, 2009. – 439 p.

249. Curatola J. M. *Bigger bombs for a brighter tomorrow : the Strategic Air Command and American war plans at the dawn of the atomic age, 1945-1950* / John M. Curatola. – Jefferson, NC : McFarland & Company, 2016. – 228 p.
250. Daalder I. H., Lindsay J. M. *America unbound: The Bush revolution in foreign policy* / Ivo H. Daalder, James M. Lindsay. – Washington, DC: Brookings Institution, 2003. – 259 p.
251. Dueck, C. *Reluctant crusaders : power, culture, and change in American grand strategy* / Colin Dueck. – Princeton : Princeton University Press, 2006. – 224 p.
252. Dueck, C. *The Obama doctrine : American Grand Strategy today* / Colin Dueck. – NY: Oxford university press, 2015. – 323 p.
253. Farmelo, G. *Churchill's bomb: how the United States overtook Britain in the first nuclear arms race* / Graham Farmelo. – NY: Basic Books, 2013. – 554 p.
254. Feith, D. J. *War and decision : inside the Pentagon at the dawn of the War on terrorism* / Douglas J. Feith. – NY : Harper, 2008. – 674 p.
255. FitzGerald, F. *Way out there in the blue : Reagan, Star Wars, and the end of the Cold War* / Frances FitzGerald. – NY : Simon & Schuster, 2000. – 592 p.
256. Freedman, L. *The evolution of nuclear strategy* / Lawrence Freedman. – 3rd ed. – NY : Palgrave Macmillan, 2003. – 566 p.
257. Freedman, L. *US intelligence and the Soviet strategic threat* / Lawrence Freedman. – NY: Macmillan, 1977. – 235 p.
258. Futter, A. *Ballistic missile defence and US national security policy : normalization and acceptance after the Cold War* / Andrew Futter. – NY : Routledge, 2013. – 226 p.
259. Gaddis, J. L. *The long peace : inquiries into the history of the Cold War* / John Lewis Gaddis. – NY : Oxford University Press, 1987. – 332 p.

260. Gaddis, J. L. Strategies of containment: a critical appraisal of American national security policy during the Cold War / John Lewis Gaddis. – Revised and expanded edition. – NY: Oxford University Press, 2005. - 484 p.
261. Gavin, F. J. Nuclear statecraft: History and strategy in America's atomic age / Francis J. Gavin. – Ithaca: Cornell University Press. 2012. – 218 p.
262. Gavin F. J. Strategies of inhibition: US grand strategy, the nuclear revolution, and nonproliferation // International Security. – 2015. – Vol. 40. – No. 1. – P. 9-46.
263. Gerber, L.G. The Baruch Plan and the origins of the Cold War // Diplomatic History. – 1982. – Vol. 6. – No. 1. – P. 69-96.
264. Gibson, J. N. Nuclear weapons of the United States / James N. Gibson. – Atglen: Schiffer Publishing Ltd, 1996. – 240 p.
265. Gray, C. S. The second nuclear age / Colin S. Gray. – Boulder : Lynne Rienner Publishers, 1999. – 193 p.
266. Green, M. J. By more than Providence: Grand Strategy and American power in the Asia Pacific since 1783 / Michael J. Green. – NY: Columbia University Press, 2017. – 725 p.
267. Hegemony or Empire? The Redefinition of US Power under George W. Bush / Ed. Ch. David, D. Grondin. – Burlington: Ashgate Publishing Company, 2006. – 237 p.
268. Heginbotham E. et al. The U.S.-China Military Scorecard: Forces, Geography, and the Evolving Balance of Power, 1996-2017. – Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2015. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR392.html (дата обращения: 24.03.2019)
269. Hemmer C. American pendulum : recurring debates in U.S. grand strategy / Christopher Hemmer. – Ithaca : Cornell University Press, 2015. – 224 p.
270. Henriksen, T. Cycles in US foreign policy since the Cold War / Thomas Henriksen. – NY, Berlin: Springer, 2017. - 332 p.

271. Hitting first : preventive force in U.S. security strategy. / Ed. W.W. Keller, G.R. Mitchell. – Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 2006. – 360 p.
272. Jervis, R. The meaning of the nuclear revolution : statecraft and the prospect of Armageddon / Robert Jervis. – Ithaca : Cornell University Press, 1989. – 266 p.
273. Johnson, J. The US-China military and defense relationship during the Obama presidency / James Johnson. – NY, Berlin : Springer, 2018. – 198 p.
274. Kahn, H. On thermonuclear war / Herman Kahn. – Princeton: Princeton University Press. 1960. – 651 p.
275. Kaplan, E. To kill nations: American strategy in the air-atomic age and the rise of mutually assured destruction / Edward Kaplan. – Ithaca: Cornell University Press, 2015. – 260 p.
276. Kearn D. W. The Baruch Plan and the quest for atomic disarmament // Diplomacy & Statecraft. – 2010. – Vol. 21. – No. 1. – P. 41—67.
277. Kent G. A., Ochmanek D., Spirtas M., Pirnie B. R. Thinking about America's defense: an analytical memoir. - Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2008. URL:
https://www.rand.org/pubs/occasional_papers/OP223.html (дата обращения: 19.03.2019)
278. Kieninger S. “Diverting the arms race into the permitted channels” : the Nixon administration, the MIRV-mistake, and the SALT negotiations. - Washington, DC : The Wilson Center, 2016. – 31 p. URL :
https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/wp9_-_diverting_the_arms_race_-_kieninger.pdf (дата обращения: 26.03.2019).
279. Knopf, J. W. Wrestling with deterrence: Bush administration strategy after 9/11 // Contemporary Security Policy. – 2008. – Vol. 29. – No. 2. – P. 229-265.
280. Koblentz G. D. Strategic stability in the second nuclear age / Gregory D. Koblentz. – NY : Council on Foreign Relations, 2014. – 56 p.

281. Krepinevich A. F., Watts B. D, Work R. O. Meeting the Anti-Access and Area Denial Challenge. – Washington, DC: Center for Strategic and Budgetary Assessments, 2003. URL:
<https://csbaonline.org/uploads/documents/2003.05.20-Anti-Access-Area-Denial-A2-AD.pdf> (дата обращения: 22.03.2019).
282. Kristensen H. M. The Matrix of Deterrence: US Strategic Command Force Structure Studies Nautilus Institute. May 2001. URL:
<http://www.nautilus.org/wp-content/uploads/2015/06/Matrix-of-Deterrence-KP.pdf> (дата обращения: 19.03.2019).
283. Kristensen H. M. U.S. Strategic War Planning After 9/11 // Nonproliferation Review. – 2007. – Vol. 14. – No. 2. – P. 373-390.
284. Kristensen H. Norris R. Global Nuclear Weapons Inventories, 1945–2013 // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2013. – Vol. 69. – No.5. – P. 75-81.
285. Kristensen H.M., Korda M. United States nuclear forces, 2019 // Bulletin of the Atomic Scientists. – 2019. – Vol. 75. – No. 3. – P. 122-134.
286. Kroenig, M. The logic of American nuclear strategy: why strategic superiority matters / Matthew Kroenig. – NY : Oxford University Press, 2018. – 280 p.
287. Layne, C. The peace of illusions: American grand strategy from 1940 to the present / Christopher Layne. – Ithaca : Cornell University Press, 2006. – 290 p.
288. Leffler, M. P. A preponderance of power : national security, the Truman administration, and the Cold War. – Stanford : Stanford university press, 1992. – 689 p.
289. Lettow, P. Ronald Reagan and his quest to abolish nuclear weapons / Paul Lettow. – NY : Random House, 2005. – 327 p.
290. Levy J. S. Preventive war and the Bush doctrine: theoretical logic and historical roots // Understanding the Bush doctrine : psychology and strategy in an age of terrorism / Ed. S.A. Renshon, P. Suedfeld. – NY. : Routledge, 2007. - P. 187-212.

291. Lieber K.A., Press D.G. The rise of US nuclear primacy // Foreign Affairs. – 2006. – Vol. 85. – No. 2. – P. 42–54.
292. Lieber K.A., Press D.A. The nukes we need: preserving the American deterrent // Foreign Affairs. – 2009. – Vol. 88. – No. 6. – P. 39–51.
293. Lieber K.A., Press D.G. The new era of counterforce: technological change and the future of nuclear deterrence // International Security. – 2017. – Vol. 41. – No. 4. – P. 9-49.
294. Long A., Green B. Stalking the secure second strike: intelligence, counterforce, and nuclear strategy // The Journal of Strategic Studies. – 2015. – Vol. 38. – Nos. 1-2. – P. 38-73.
295. Maddock, Sh. J. Nuclear apartheid : the quest for American atomic supremacy from World War II to the present / Shane J. Maddock. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 2010. – 392 p.
296. Martel, W.C. Grand strategy in theory and practice : the need for an effective American foreign policy / William C. Martel. – NY : Cambridge University Press, 2015. – 535 p.
297. Martinez J. The Carter administration and the evolution of American nuclear nonproliferation policy, 1977–1981 // Journal of Policy History. – 2002. – Vol. 14. – No. 3. – P. 261-292.
298. Mastny V. The 1963 Nuclear Test Ban Treaty: a missed opportunity for detente? // Journal of Cold War Studies. – 2008. – Vol.10. – No. 1. – P. 3-25.
299. Mayer M. Strategic uncertainty and missile defence: Revisiting the 1999 National Intelligence Estimate // Contemporary Security Policy. – 2015. – Vol. 36. – No.3 – P. 432-452.
300. Military policy and national security/ Ed. W. Kaufmann. – Princeton: Princeton University Press, 1956. – 274 p.
301. Mitrovich, G. Undermining the Kremlin : America's strategy to subvert the Soviet Bloc, 1947-1956 / Gregory Mitrovich. – Ithaca : Cornell University Press, 2000. – 235 p.

302. Narang, V. Nuclear strategy in the modern era : regional powers and international conflict / Vipin Narang. – Princeton : Princeton University Press, 2014. – 341 p.
303. Nash, Ph. The other missiles of October: Eisenhower, Kennedy, and the Jupiters, 1957–1963 / Philip Nash. – Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1997. – 231 p.
304. Negotiating the Nuclear Non-proliferation Treaty : origins of the nuclear order / Ed. R. Popp, L. Horowitz, A. Wenger. – NY : Routledge, 2017. – 249 p.
305. Njølstad, O. In search of superiority: US nuclear policy in the Cold War. / Olav Njølstad. – Oslo : Institutt for Forsvarsstudier, 1994. – 137 p.
306. Nuclear transformation : the new U.S. nuclear doctrine / Ed. J. J. Wirtz, J. A. Larsen. – NY : Palgrave Macmillan, 2005. – 288 p.
307. O'Neil, A. Asia, the US and extended nuclear deterrence : atomic umbrellas in the Twenty-first century / Andrew O'Neil. – NY : Routledge, 2013. – 176 p.
308. Osgood, R. Limited war: the challenge to American strategy / Robert Osgood. – Chicago: University of Chicago Press. 1957. – 315 p.
309. Pant, H. V. The US-India nuclear pact : policy, process, and great power politics / Harsh V. Pant. – NY : Oxford University Press, 2011. – 150 p.
310. Payne, K. B. Deterrence in the second nuclear age / Keith B. Payne. – Lexington : University Press of Kentucky, 1996. – 168 p.
311. Payne, K. B. The great American gamble : deterrence theory and practice from the Cold War to the Twenty-first century / Keith B. Payne. – Fairfax, VA: National Institute Press, 2008. – 471 p.
312. Peleg, I. The legacy of George W. Bush's foreign policy: moving beyond neoconservatism / Ilan Peleg. – Boulder: Westview Press, 2009. – 202 p.
313. Polmar, N. U.S. nuclear arsenal: A history of weapons and delivery systems since 1945 / Norman Polmar, Robert S. Norris. – Annapolis: Naval Institute Press, 2009. – 274 p.

314. Ponturo J. Analytical support for the Joint Chiefs of Staff: The WSEG experience, 1948-1976. – Arlington: Institute for Defense Analysis, 1979. URL: <http://www.dtic.mil/dtic/tr/fulltext/u2/a090946.pdf> (дата обращения: 18.03.2019).
315. Posen B. R. Command of the commons: the military foundation of US hegemony // *International Security*. – 2003. – Vol. 28. – No. 1. – P. 5–46.
316. Powaski, R. E. March to Armageddon: The United States and the nuclear arms race, 1939 to the present / Ronald E. Powaski. – NY : Oxford University Press, 1989. – 300 p.
317. Powaski, R. E. Return to Armageddon: The United States and the nuclear arms race, 1981–1999 / Ronald E. Powaski. – NY : Oxford University Press, 2000. – 294 p.
318. Quester, G.H. Nuclear monopoly / George H. Quester. – New Brunswick: Transaction Publishers. 2000. – 234 p.
319. Rabinowitz, O. Bargaining on nuclear tests : Washington and its Cold War deals / Or Rabinowitz. – Oxford : Oxford University Press, 2014. – 230 p.
320. Renshon, S. A. National security in the Obama administration: reassessing the Bush doctrine / Stanley A. Renshon. – London : Routledge, 2009. – 291 p.
321. Ritchie, N. US nuclear weapons policy after the Cold War : Russians, 'rogues' and domestic division / Nick Ritchie. – NY : Routledge, 2009. – 227 p.
322. Ross, S. T. American war plans, 1945-1950 / Steven T. Ross. - London : Frank Cass, 1996. – 189 p.
323. Sagan, S.D. Moving targets: nuclear strategy and American security / Scott D. Sagan. – Princeton: Princeton University Press, 1989. – 216 p.
324. Sapolsky H. M. The U.S. Navy's fleet ballistic missile program and finite deterrence // *Getting MAD: nuclear mutual assured destruction, its origins and practice* / Ed. H. D. Sokolski. – Carlisle : Strategic Studies Institute. – 2004. – P. 123-135.

325. Sargent D. A superpower transformed : the remaking of American foreign relations in the 1970s / Daniel J. Sargent. – Oxford : Oxford University Press, 2015. – 432 p.
326. Sauer, T. Nuclear inertia : US weapons policy after the Cold War / Tom Sauer. – NY : Palgrave Macmillan, 2005. – 232 p.
327. Sauer, T. Eliminating nuclear weapons : the role of missile defence / Tom Sauer. – NY : Columbia University Press, 2011. – 155 p.
328. Schelling, T. The Strategy of Conflict / Thomas Schelling. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960. – 328 p.
329. Schrafstetter S., Twigge S.R. Avoiding Armageddon: Europe, the United States, and the struggle for nuclear nonproliferation, 1945-1970 / Susanna Schrafstetter, Stephen Twigge. – Westport, CT : Praeger, 2004. – 243 p.
330. Sherwin, M. J. A world destroyed : the atomic bomb and the Grand Alliance / Martin Sherwin. – NY : Knopf, 1975. – 327 p.
331. Shively, J. Hope, change, pragmatism: analyzing Obama's Grand Strategy / Jacob Shively. – NY, Berlin: Springer, 2016. – 122 p.
332. Silove N. The pivot before the pivot: US strategy to preserve the power balance in Asia // International Security. – 2016. – Vol. 40. – No. 4. – P. 45-88.
333. Skidmore, D. The unilateralist temptation in American foreign policy / David Skidmore. – London : Routledge, 2010. – 155 p.
334. Smith, M. A. The foreign policies of Bill Clinton and George W. Bush : a comparative perspective / Martin A. Smith. – NY : Routledge, 2018. – 208 p.
335. Steff, R. Strategic thinking, deterrence and the US ballistic missile defense project: from Truman to Obama / Reuben Steff. – NY : Routledge, 2016. – 226 p.
336. Stoddart, K. Facing down the Soviet Union: Britain, the USA, NATO and nuclear weapons, 1976–1983 / Kristan Stoddart. – London : Palgrave Macmillan, 2014. – 323 p.

337. Strategy in the second nuclear age : power, ambition, and the ultimate weapon / Ed. T. Yoshihara, J. R. Holmes. – Washington, DC : Georgetown University Press, 2012. – 250 p.
338. Tal, D. The American nuclear disarmament dilemma, 1945–1963 / David Tal. – Syracuse, NY : Syracuse University Press, 2008. – 328 p.
339. Terriff, T. The Nixon administration and the making of U.S. nuclear strategy / Terry Terriff. – Ithaca : Cornell University Press, 1995. – 252 p.
340. The absolute weapon: atomic power and world order / Ed. B. Brodie. – NY: Harcourt, Brace and Company, 1946. – 214 p.
341. The end of strategic stability? : Nuclear weapons and the challenge of regional rivalries / Ed. L. Rubin, A. N. Stulberg. – Washington, DC : Georgetown University Press, 2018. – 314 p.
342. The Obama doctrine: a legacy of continuity in US foreign policy? / Ed. M. Bentley, J. Holland. – NY : Routledge, 2017. – 239 p.
343. To lead the world: American strategy after the Bush doctrine / Ed. M.P. Leffler, J.W. Legro. – NY : Oxford University Press, 2008. – 303 p.
344. Trubowitz, P. Politics and strategy : partisan ambition and American statecraft / Peter Trubowitz. – Princeton : Princeton University Press, 2011. – 185 p.
345. Walker, W. A perpetual menace : nuclear weapons and international order / William Walker. – NY : Routledge, 2012. – 239 p.
346. Walsh, D. The military balance in the Cold War : US perceptions and policy, 1976-85 / David M. Walsh. – NY : Routledge, 2008. – 281 p.
347. Walton, C. D. Grand strategy and the presidency : foreign policy, war and the American role in the world / C. Dale Walton. – NY : Routledge, 2012. – 206 p.
348. Warren, A. Prevention, pre-emption and the nuclear option : from Bush to Obama / Aiden Warren. – NY : Routledge, 2012. – 254 p.
349. Warren, A. The Obama administration's nuclear weapon strategy : the promises of Prague / Aiden Warren. – NY : Routledge, 2014. – 322 p.

350. Williamson, S. R. The origins of U.S. nuclear strategy, 1945-1953 / Samuel R. Williamson, Jr., Steven L. Rearden. – NY : St. Martin's Press, 1993. – 224 p.
351. Wirtz J. J. Counter proliferation, conventional counterforce and nuclear war // The Journal of Strategic Studies. – 2000. – Vol. 23. – No. 1. – P. 5-24.
352. Wohlstetter A. The delicate balance of terror // Foreign Affairs. – 1959. – Vol. 37. – No. 2. – P. 211–234.
353. Wohlstetter A. et al., Vulnerability of U.S. strategic air power to a surprise enemy attack in 1956. Special Memorandum SM-15. - Santa Monica: RAND Corporation, 15 April 1953. URL: http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/special_memoranda/2007/SM15.pdf (дата обращения: 18.03.2019)
354. Wohlstetter A. et al. Selection and the use of strategic air bases. Report R-266. - Santa Monica: RAND Corporation, 2 April 1954. URL: <http://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/reports/2006/R266.pdf> (дата обращения: 18.03.2019)
355. Wohlstetter A. et al. Protecting U.S. power to strike back in the 1950s and 1960s. Staff Report R-290. – Santa Monica: RAND Corporation, 1 September 1956. URL: <http://www.albertwohlstetter.com/writings/19560901-AW-EtAl-R290.pdf> (дата обращения: 18.03.2019)
356. Yanarella E. The missile defense controversy: technology in search of a mission / Ernest J. Yanarella. – Lexington : University Press of Kentucky, 2002. – 276 p.